

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL
AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

4 (26)

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА—МАГНИТОГОРСК—НОВОСИБИРСК

2009

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х.А. Амирханов*, член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков*,
академик РАН *А.П. Деревянко*, член-корр. РАН *С.П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г.А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С.Д. Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н.А. Макаров*,
д.и.н. *Л.П. Маринович*, д.и.н. *Ю.М. Могаричев*,
академик РАН *В.И. Молодин*, д.и.н. *Э.Д. Фролов*

Редакционная коллегия

М.Г. Абрамзон (главный редактор)

В.А. Гаилов, *О.В. Гнзевек*, *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
С.В. Мокроусов (зам. главного редактора),
И.В. Октябрьская (зам. главного редактора),
И.Е. Суриков, *З.М. Уметбаев*, *С.Г. Шулежкова*,
Л.И. Киреева (ответственный секретарь)

Editorial Board:

M.G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V.A. Gaibov, *O.V. Gnevek*, *V.D. Kuznetsov*, *S.V. Mokrousov*, *I.V. Oktyabrskaya*,
S.G. Shulezhkova, *I.E. Surikov*, *Z.M. Umetbayev*.

Head, Editorial Office L.I. Kireyeva

ИСТОРИЯ

АРХЕОЛОГИЯ

© 2009

А.А. Хохлов (Самара)

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ФИНАЛА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ*

В антропологической литературе имеются весьма скудные сведения о физическом типе носителей культур финальной поры позднебронзового века степей и лесостепей Восточной Европы, Зауралья, Западного Казахстана. Данная публикация посвящена таким материалам, в частности с территорий лесостепного Волго-Уралья, относящимся к сусканской и ивановской культурам. Выделяются краниологические комплексы, которым удастся обнаружить отчетливые аналогии и, в определенной мере, связать их с теми или иными археологическими культурами. В статье предложена гипотеза, что начало формирования сусканских традиций могло быть связано с зауральскими срубно-алакульскими группами, хорошо знакомыми с андроновскими культурами. Эти группы могли воспринять культурные новации и затем распространить их в родственную среду, на территории Волго-Уралья и западнее.

Ключевые слова: антропология, физический тип, археологическая культура, краниологический комплекс, культурные новации.

В заключительный период позднебронзового века в Волго-Уралья на смену традициям срубной культуры приходят иные: сусканская, ивановская, атабаевская и другие. Долгое время не были известны погребальные традиции этих культур, соответственно, отсутствовал и палеоантропологический материал. К настоящему времени в лесостепном Поволжье удалось обнаружить и исследовать несколько таких захоронений. В основном они представляют сусканскую культуру, локализовавшуюся в лесостепной части Волго-Уралья, датируемую XIV–XII веками до н.э.¹. Два грунтовых погребения у с. Утевка дали артефакты, близкие ивановской культуре, в целом синхронной сусканской, но распространенной преимущественно в степном ареале восточно-европейской равнины. Если происхождение ивановских традиций некоторым образом связывают с предшествующей срубной культурой, то для сусканских древностей определенно называют другие направления связей. В данном случае, как будто, велико влияние восточных культур андроновского круга². Параллельно указывается на примерное совпадение ареалов сусканской культуры и распростране-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 08-06-00136а, гранта РГНФ 08-01-00359а.

ния металлических артефактов так называемого дербеденевского типа, в близкой ретроспективе волго-камского происхождения³.

Антропологическая серия сусканской культуры лесостепного Поволжья сформирована из пяти довольно хороших для расового анализа черепов и четырех посткраниальных скелетов (табл. 1, 2). Все они представляют крепко сложенное население, весьма рослое — при средних вариациях 177,2–181,5 см. Исключение составляет лишь один случай (Шигоны III, п.2, ск.4), при реконструкции параметра роста дающий в среднем цифру 164,3 см. Однако этот показатель весьма приблизительный, так как получен только на основании длины плечевой кости.

Таблица 1

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ЧЕРЕПОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ СУСКАНСКОЙ
И ИВАНОВСКОЙ КУЛЬТУР ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА. МУЖСКИЕ

признак	1 к.1, п.2	2 п.1	3 п.2, ск.1	4 п.2, ск.2	5 п.2, ск.3	6 х	7 п.222	8 п.261	9 п.1
1.	201,0	195,0	190,0	194,5	189,0	192,1(4)	180,0	166,0	—
8.	135,0	147,0	142,0	143,0	139,0	142,8(4)	135,0	139,0	—
17.	155,0	144,0	137,5	—	140,0	140,5(3)	141,0	126,0	—
20.	129,0	126,0	114,0	—	117,0	119(3)	—	—	—
5.	119,0	108,0	106,0	—	108,0	107,3(3)	107,0	98,0	—
9.	99,0	103,0	93,0	105,0	95,0	99(4)	94,0	89,0	—
11.	123,0	132,0?	124,0	—	125,0	126,8?(3)	111,0	119,0	—
12.	112,0	118,5	118,0	—	113,0	116,5(3)	101,0	118,0	—
40.	118,0	98,0	104,0	—	102,0	101,3(3)	107,0	98,0	—
43.	110,0	113,0	109,0	114,0	112,0	112,0(4)	107,0	103,0	—
45.	136,0	—	135,0	143,0	142,0	140,0(3)	132,0	127,0	—
46.	98,0	—	94,0	101,0	98,0	97,7(3)	99,0	—	92,0
48.	70,0	72,3	75,0	75,0	71,2	73,4(4)	69,0	68,0	70,0
51.	44,3	41,8	42,4	44,5	44,3	43,4(4)	40,0	40,0	46,8п?
52.	31,1	30,0	28,8	33,5	32,9	31,3(4)	29,0	30,0	31,0п.
54.	28,5	26,5	22,8	22,2	26,8	24,6(4)	23,0	21,0	21,7
55.	48,3	52,0	51,5	50,3	50,0	50,9(4)	50,0	46,0	50,2
60.	60,0	58,0	57,0	57,5	53,3	56,5(4)	60,0	—	—
61.	62,0	62,5	63,5	63,0	65,0	63,5(4)	65,0	62,0	—
ss.	5,6	5,9	4,7	5,0	3,6	4,8(4)	6,5	3,5	7,0
sc.	8,7	10,9	7,3	10,4	7,2	8,9(4)	13,0	6,5	13,1
FC.	5,2	7,8	6,0	5,5	6,8	6,5(4)	6,0	3,0	6,5
8/1.	67,2	75,4	74,7	73,5	73,5	74,3(4)	75,0	83,7	—
17/1.	77,1	73,8	72,4	—	74,1	73,4(3)	78,3	75,9	—
17/8.	114,8	97,9	96,8	—	100,7	98,5(3)	104,4	90,6	—
9/8.	73,3	70,1	65,5	73,4	68,3	69,3(4)	69,3	64,0	—
9/43.	90,0	91,1	85,3	92,1	84,8	88,3(4)	87,8	86,4	—
40/5.	99,2	90,7	98,1	—	94,4	94,4(3)	100,0	100,0	—

Окончание табл. 1

признак	1 к.1, п.2	2 п.1	3 п.2, ск.1	4 п.2, ск.2	5 п.2, ск.3	6 х	7 п.222	8 п.261	9 п.1
48/45.	51,5	—	55,6	52,4	50,1	52,7(3)	52,3	53,5	—
52/51.	70,2	71,8	67,9	75,3	74,3	72,3(4)	72,5	75,0	—
54/55.	59,0	50,9	44,3	44,1	53,6	48,2(4)	46,0	45,6	43,2
61/60.	103,3	107,8	111,4	109,6	121,9	112,7(4)	108,3	—	—
ss/sc.	64,4	54,1	64,4	48,1	50,0	54,2(4)	50,0	53,8	53,4
32.	84,0?	81,0?	78,0?	—	80,0?	79,7?(3)	81,0?	—	—
72.	81,0?	95,0?	84,0?	—	87,0?	88,7?(3)	78,0?	—	—
74.	72,0?	81,0?	80,0?	—	77,0?	79,3?(4)	62,0?	—	—
75(1).	48,0??	40,0?	43,0?	35,0?	39,0?	39,3?(4)	15,0?	—	38,0
77.	130,0?	133,5?	144,5?	134,0?	143,0?	138,8?(4)	136,0?	147,0?	—
zm.	119,0?	—	123,0?	116,0?	128,0?	122,3?(3)	123,0?	—	127,0??
Надпер.	4,0	5,5	5,0	5,0	5,0	5,1(3)	4,0	2,0	—
Нар.зат.буг.	5,0	2,0	1,0	1,0	3,0	1,75(4)	2,0	3,0	—
Сосц.отр.	2,0	3,0	2,5	3,0	2,0	2,63(4)	2,0	2,0	2,5
Пер.нос.к.	5,0	4,0	5,0	4,0	5,0	4,5(4)	5,0	4,0	—
65.	—	—	121,0	128,5	—	124,8(2)	115,0	118,0	—
66.	—	—	111,0	104,5	—	107,8(2)	97,0	103,0	—
67.	—	—	—	—	—	—	—	—	—
69.	—	36,0	41,0	37,3	36,5	37,7(4)	35,0	32,0	31,0
69(1).	—	36,0	39,0	35,0	34,0	36(4)	30,0	31,0	30,5
С.	66,0?	68,0?	65,0?	64,0?	60,0?	64,3?(4)	61,0?	—	59,0?

Примечание: 1–8 — сусканская к-ра (1 — Студенцы, 2–6 — Шигоны III, 7,8 — Такталачук); 9 — ивановская к-ра (у с.Утевка); п — измерение правой стороны орбиты.

Таблица 2

**ДАННЫЕ ИЗМЕРЕНИЙ МУЖСКИХ ПОСТКРАНИАЛЬНЫХ СКЕЛЕТОВ
ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ**

признак	1 к.1,п.2	2 погр.1	3 п.2, ск.1	4 п.2, ск.2	5 п.2, ск.3	6 п.2, ск.4
Плечевая кость						
1.Наиб.длина	357//357	350//347	371//—	356//—	360//—	314//—
2.Полная длина	354//356	346//343	367//—	354//—	358//—	310//—
4.Нижн.эпифиз.ш.	64,0//64,0	65,0//65,5	71,0//—	70,0//—	68,0//—	64,0//—
7.Наим.окр.	68,0//66,0	72,0//69,0	71,0//—	71,0//70,0	73,0//—	66,0//—
7а.Окр.сер.	72,0//70,0	78,0//74,0	76,0//—	73,0//—	75,5//—	69,0//—
Лучевая кость						
1.Наиб.длина	275//275	274//274	—	273//272	271//—	—
3.Наим.окр.	48,0//47,0	47,0//47,0	—	48,0//49,0	48,0//—	—
Локтевая кость						
1.Наиб.длина	295//293	293//—	—	299//296?	—	—

Окончание табл. 2

признак	1	2	3	4	5	6
	к.1, п.2	погр.1	п.2, ск.1	п.2, ск.2	п.2, ск.3	п.2, ск.4
3.Наим.окр.	41,5//41,0	41,0//—	—	41,5//41,0	—	—
Бедренная кость						
1.Наиб.длина	488//—	—	—	—	522//—	—
2.Длина физиол.	486//—	—	—	—	518//—	—
21.Мышцелк.шир.	83,0//86,0	—	—	—	89,0//—	—
8.Окр.сер.	97,0//—	—	98,0//—	—	97,0//—	—
6/7.Ук.пилястрии	95,3//—	—	110//—	—	113,6//—	—
10/9.Ук.платимерии	70,5//68,8	—	76,3//—	—		86,4//—
Большеберцовая кость						
1.Полная длина	407//398	—	—	—	415//—	—
10в.Наим.окр.	78,0//77,0	—	82,0//—	—	—	—
9а/8а.Ук.платикнемии	—	—	—	—	63,4//69,7	—
Ключица						
1.Длина	156//167	171//167	—	—	—//189	—//160?
6.Окр.	35,5//36,5	39,0//36,5	—	—	—//40,0	—//44,0
Таз						
1.Высота таза	—//242	—	—	—	—	—
2.Шир.таза	—//174	—	—	166//—	—	—
12.Шир.подвзд.кости	286	—	—	—	—	—
Указатели пропорций						
Интермембральный	70,8//—	—	—	—	67,5//—	—
Берцово-бедренный	83,7//—	—	—	—	—	—
Луче-плечевой	77,0//77,0	78,3//78,9	—	76,7//—	75,3//—	—
Плече-бедренный	73,5//—	—	—	—	69,2//—	—
Луче-берцовый	67,6//69,1	—	—	—	65,3//—	—
Рост/ в см						
По Пирсону, 1899	174,1	174,8	178,0	175,7	178,5	161,5
по Троттер и Глезер, 1952	180,3	180,8	185,0	181,5	183,0	167,0
Средняя	177,2	177,8	181,5	178,6	180,8	164,3

Примечание: // — разграничитель правой стороны от левой; 1 — Студенцы, 2–6 — Шигоны III.

Череп в основном крупные, и это можно рассматривать как особенность серии. Вместе с тем они не обнаруживают морфологического единства (рис. 1). Заметно выделяется череп из подкурганного погребения (Студенцы I, 1/2). Он характеризуется гипердолохокранией, гипервысоким сводом, мезоморфным, очень резко профилированным лицевым отделом, низкими орбитами, очень широким и максимально резко выступающим в профиль носом, прогнатией альвеолярной части. Типологически он сближается с одним из вариантов южноевропеоидного типа.

Череп из шигонских погребений, как будто, более или менее однородны. Однако и здесь можно отметить некоторый физический полиморфизм. Среди

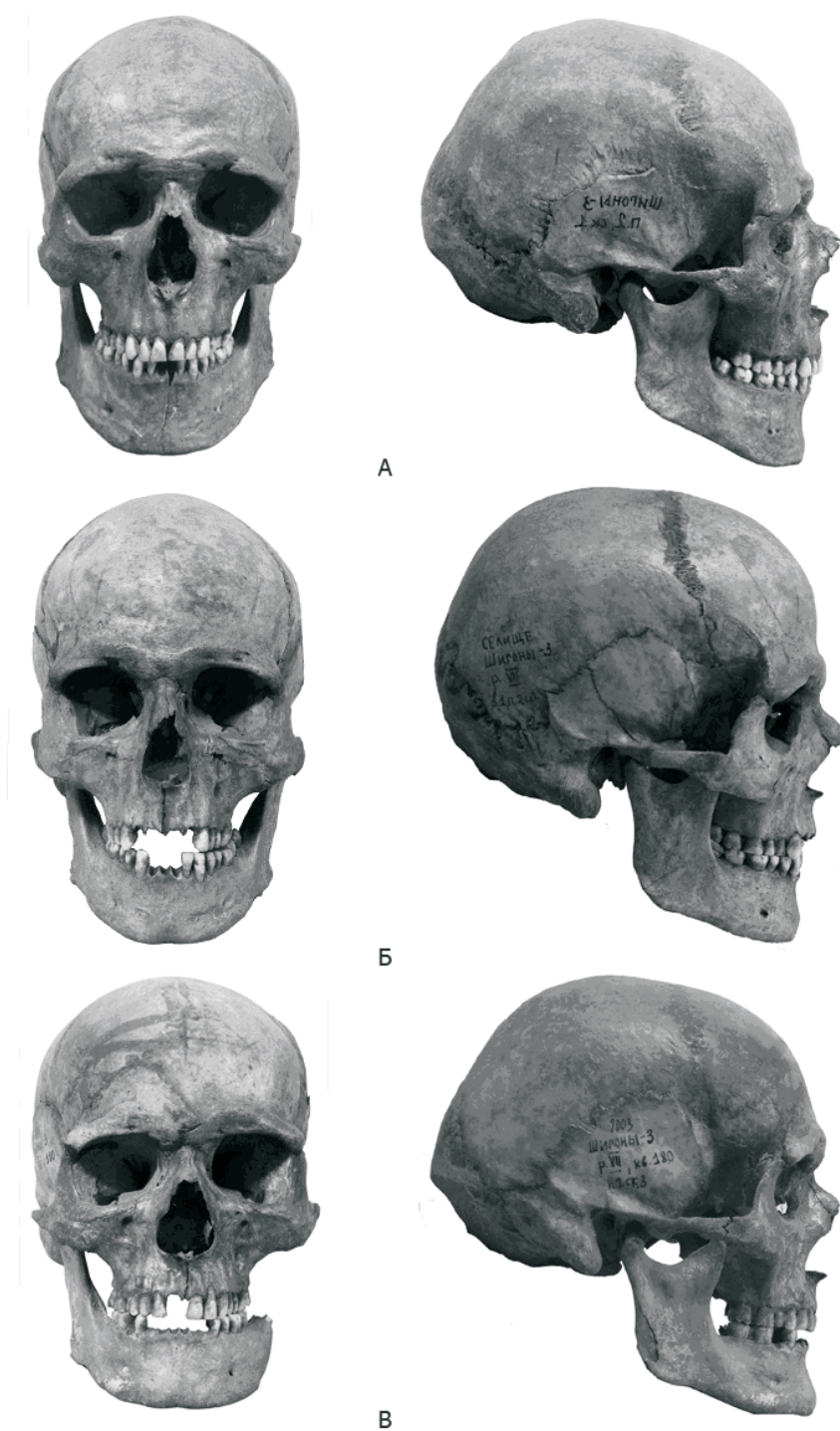

Рис. 1. Черепа сусканской и ивановской культур: А — Шигоны III, п.2, ск.1;
Б — Шигоны III, п.2, ск.2; В — Шигоны III, п.2, ск.3.

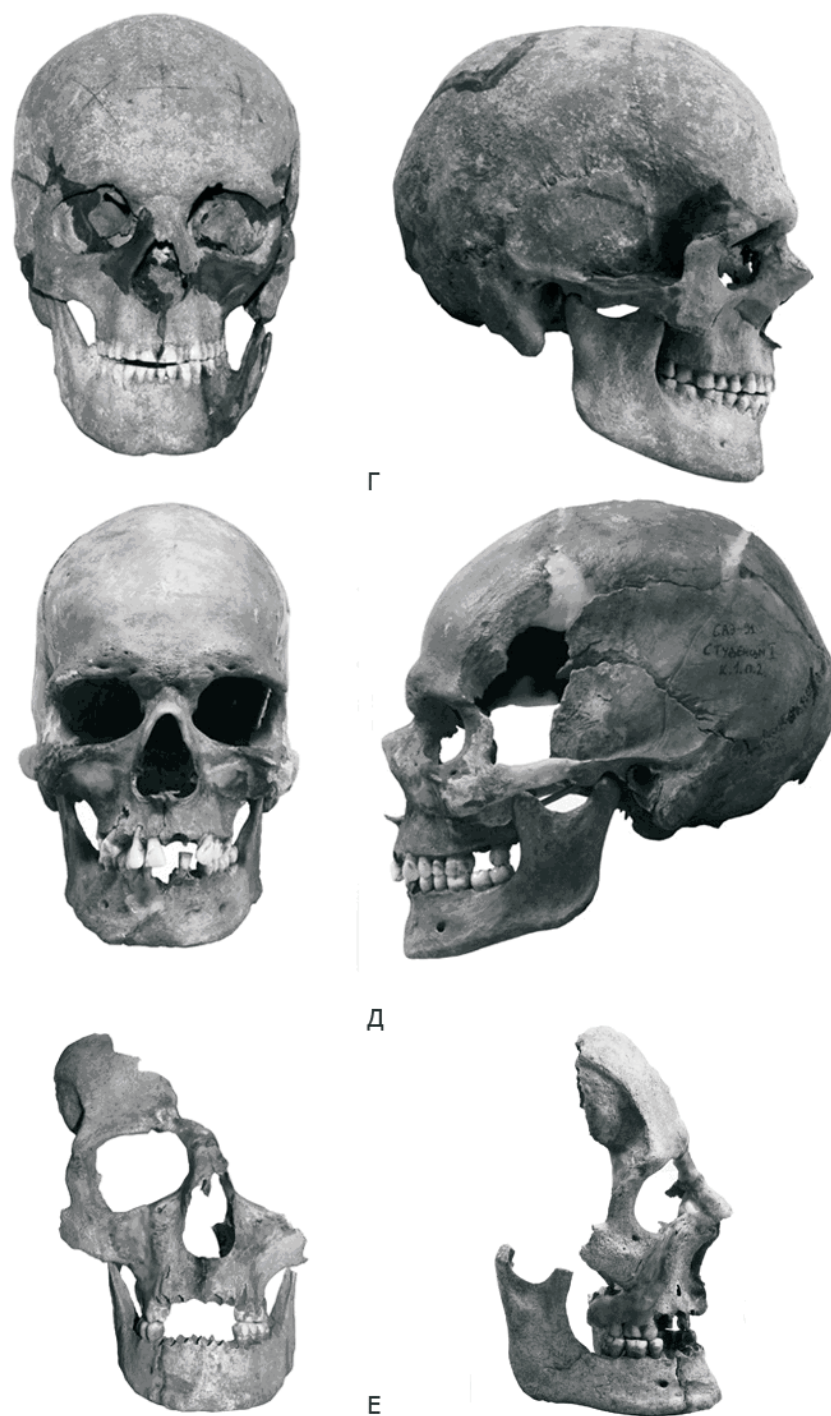

Рис. 1 (продолжение). Черепа сусканской и ивановской культур: Г— Шигоны III, п.1; Д — Студенцы, к.1, п.2; Е — п.1 у с.Утевка.

людей, захороненных в коллективном погребении, один (п.2, ск.4), судя по размерам костей посткраниального скелета, при жизни отличался малым ростом. От черепа этого скелета сохранилась неполная нижняя челюсть, правая скуловая кость и некоторые фрагменты мозговой коробки. Нижняя челюсть по величине уступает таковым других шигонских черепов, хотя по форме, особенностям строения подбородочного выступа, наличию двух питательных отверстий на левой половине тела сближается с некоторыми из них.

Другие три черепа, в большей степени визуально, чем по размерным сочетаниям признаков, близки друг другу. Потенциально они могли представлять родственников. Среди них морфологически наиболее похожи черепа № 1 и № 3, выделяющиеся относительно узким лбом, меньшими симметрическими величинами, уплощенным на верхнеглазничном уровне лицевым отделом, несколько утонченными лобными отростками скуловых костей, большим альвеолярным указателем. Такие черты часто рассматривают как свойственные древним северным европеоидам, в целом лесного происхождения. В какой-то мере, их краниологический комплекс напоминает древнеуральский. Череп скелета № 2 из данного коллективного погребения отличается более выраженной горизонтальной профилировкой и морфологически сближается с черепом из погребения № 1, который со своей стороны является классическим образцом ярко выраженных, резко профилированных европеоидных форм в целом степного происхождения.

За пределами Самарского Поволжья к культуре, близкой сусканской, по общему мнению Ю.И. Колева, могут быть отнесены некоторые погребения грунтового могильника Такталачук, происходящего из восточных районов Татарстана, в частности из погребений № 4, 222, 261. Антропологические материалы этого могильника были ранее опубликованы Н.М. Рудь⁴ как относящиеся к черкаскульской культуре. Н.М. Рудь отметила неоднородность краниологической серии Такталачук как относительно мужской, так и женской ее части. По мнению этого автора в серии представлены узколикий долихо-мезокраниальный европеоидный вариант и широколикий, уплощенный по горизонтали, брахикраниальный, в целом монголоидный тип. При индивидуальном описании черепов Н.М. Рудь охарактеризовала мужской череп из погребения № 222 как европеоидный узколикий с восточной примесью, а женский из погребения № 261 как недифференцированный расовый тип. Оба черепа специфичны, различаются между собой, и каждый довольно существенно отличается от шигонских. Можно видеть, в некоторой степени, сходство по метрическим характеристикам лицевого отдела между черепами № 222 такталачукского могильника и S могильника Студенцы I. Резким различием здесь является только степень выступа носовых костей, умеренная в первом случае. На уровне индивидуальных сравнений краниологическому сочетанию признаков шигонских черепов находится более или менее близкая аналогия, правда на достаточно отдаленной географической территории: череп 5/2 могильника Шатрово-1 (Челябинская обл., Еткульский р-н)*. Погребения финальной бронзы этого могильника отне-

* Автор выражает глубокую благодарность Е.П. Китову, предоставившему для сравнения измерения черепов могильника Шатрово-1.

сены авторами исследования к особому белоключевскому типу и, в отличие от шигонских, являются подкурганными⁵. Возможно, отмеченное сходство между черепами указанных могильников носит лишь конвергентный характер.

Череп из погребения № 2 с керамикой ивановского типа у с. Утевка плохой сохранности. Удалось реставрировать только лицевой скелет. Он характеризуется средними параметрами высоты и нижней ширины этого отдела, низкой орбитой, узкой альвеолярной дугой, глубокой клыковой ямкой, достаточно выраженным горизонтальным профилем на среднем уровне. Специфична по строению носовая область: низкая и очень узкая, носовые косточки весьма крупные, выступают в профиль резко, нижний край антропинный. Нижняя челюсть по размерам невелика, подбородок выступает резко. По своей структуре этот череп более или менее сближается с таковым из погребения № 1 поселения Шигоны III, однако, очевидно уступает шигонскому по размерам нижней челюсти.

Следует провести межгрупповые сравнения на основе археологического критерия. Для выполнения такой задачи пригодна лишь шигонская серия. Другие черепа, как было изложено выше, единичны, географически разрозненны, краниологически сильно отличаются, суммировать их, соответственно, нельзя.

Суммарно шигонская серия характеризуется массивным сложением черепа, долихокранией, высоким сводом, крупным, резко профилированным по горизонтали лицевым отделом, сильно выступающим носом, крупной нижней челюстью с высоким симфизом и телом. На уровне межгрупповых сравнений такая характеристика является альтернативной комплексам андроновского круга культур. Серии данных культур характеризуются при достаточно крупном сложении отчетливой брахикранией, широким и относительно низким лицевым отделом. Среди них серии лесного и лесостепного ареала чаще с пониженной мозговой коробкой и умеренно профилированным по горизонтали лицом (черкаскульская, еловская)⁶. И также серии степной зоны, напротив, с высоким мозговым отделом и резкой профилировкой лица (федоровские)⁷. Данные представлены в табл. № 3. Совокупностью своих характеристик, в первую очередь долихокранией при высоком своде, резким профилем лицевого отдела, сильно выступающим носом, шигонская серия близка к сериям срубной культуры Восточной Европы и отчасти алакульско-андроновскими Казахстана, особенно с теми, где резче выражен умеренно массивный, широколицый компонент. Такое направление сходства определяется за счет конкретных черепов шигонского могильника (п. 1; п. 2, ск. 2)⁸. Следует здесь отметить, что единичному черепу из могильника Студенцы I также обнаруживаются аналогии, иногда точечные, в краниологических сериях срубной культуры Волго-Уралья (Лузановка, Новоселки, Качкиново Санзяпово, Ново-Баскаково), именно с тем их компонентом, который определяется как вариант южной ветви европеоидов⁹.

Таким образом, на основании результатов нашего анализа можно изложить некоторые общие наблюдения и выводы:

Население сусканской культуры демонстрирует физический полиморфизм на внутригрупповом уровне и политипию на межгрупповом. Несмотря на малочисленность совокупной серии, можно определенно сказать, что она складывалась при участии различных антропологических компонентов. На существующих материалах больше проявляются европеоидные варианты, которые в пред-

шествующее время были достаточно распространены среди населения срубной культуры, отчасти алакульской, но не федоровской и не, тем более, лесостепных андроновских. По данным материалам можно предполагать, что распространение на заключительном этапе поздней бронзы в поволжской лесостепи чужеродных андроновидных традиций сопровождалось включением в процесс формирования сусканской культуры постсрубного населения. Здесь, правда, вырисовывается проблема — по археологическим данным сусканские поселения хронологически накладываются на срубные, их основатели, как будто, не имеют между собой генетической преемственности. В этом случае, тем не менее, нельзя отрицать существование культурных и биологических контактов между сложившимся сусканским населением, с одной стороны, и постсрубным, видимо, ивановским, с другой.

Можно также предположить, что зарождение начальных сусканских традиций происходило за пределами поволжской лесостепи путем заимствования зауральскими срубными группами культурных, в частности керамических достижений восточных соседей — андроновского населения, внедрением новаций в собственной среде и затем их распространением на запад, в лесостепной ареал волго-уральского региона. Здесь следует подчеркнуть наличие в лесостепном Зауралье ряда погребальных памятников сикретичного срубно-алакульского характера¹⁰, то, что погребенные в них люди краниологически соответствуют представлению о физическом типе носителей срубной культуры и отчасти сусканской Поволжья (табл. 3).

Таблица 3

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ПО КРАНИОЛОГИЧЕСКИМ СЕРИЯМ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ И ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ ПРИУРАЛЬЯ И ЗАУРАЛЬЯ

признак		1	2	3	4	5	6
1.	Продольный диаметр	189,9/63	188,3	192,0/6	183,6/7	184,6/9	184,3/16
8.	Поперечный д.	138,8/62	139,8	139,5/6	144,3/7	148,8/5	145,9/16
17.	Высотный д.	139,3/53	138,4	139,7/3	141,8/4	136,3/6	133,4/11
9.	Наим. ширина лба	97,7/64	98,1	98,7/6	101,8/6	98,2/8	98,2/13
45.	Скуловой д.	135,5/59	136,6	135,7/5	138,5/4	139,7/3	139,2/12
48.	Верхнелицевой	71,2/59	70,3	71,6/6	68,2/5	70,2/8	73,6/11
51.	Ширина орбиты	42,9/59	44,1	44,3/6	43,9/4	43,8/8	42,6/12
52.	Высота орбиты	32,2/60	32,5	32,9/6	32,8/4	32,8/9	33,6/12
54.	Ширина носа	24,9/58	24,8	25,5/5	26,7/3	25,2/7	24,7/13
55.	Высота носа	51,9/61	52,8	52,8/6	51,5/4	49,8/8	52,8/12
8/1.	Черепной указатель	73,0/62	74,2	72,5/5	78,3/7	80,8/5	79,2/16
48/45.	Лицевой ук.	52,6/58	51,5	54,1/5	49,2/4	50,3	52,9
52/51.	Орбитный ук.	75,2/59	73,7	73,6/5	74,7	74,9	78,9
54/55.	Носовой ук.	48,5/59	46,9	47,3/5	51,8	50,6	46,8
ss/sc.	Симотический ук.	59,6/61	—	54,0/6	38,4	58,4	56,2
32.	Угол наклона лба	81,5?/57	80,1?	79,0?/4	87,0?/3	79,5?/2	82,3?/10
72.	Общелицевой у.	84,7?/52	86,0?	84,5?/4	87,0?/3	86,0?/3	85,9?/10
75(1).	У. выступания носа	34,0?/53	35,1?	27,8?/6	31,0?/3	30,0?/5	26,5?/10
77.	Назональный у.	135,3?/62	136,7?	135,8?/6	138,7?/5	140,9?/7	142,8?/12

Окончание табл. 3

признак		1	2	3	4	5	6
zm.	Зигомаксилярный у.	124,1?/54	126,0?	122,8?/6	130,3?/4	132,5?/5	132,3?/11
Примечание: 1 — срубная к-ра развитого этапа (Хохлов, 1998) ⁸ ; 2 — срубная к-ра Южного Урала (Юсупов, 1989) ⁹ ; 3 — черепа Зауралья из погребений срубно-алакульского типа (Китов, 2008) ¹⁰ ; 4 — федоровская к-ра Казахстана (Дремов, 1997) ⁷ ; 5 — еловская к-ра (Багашев, 2000) ⁶ ; 6 — черкаскульская к-ра (Багашев, 2000) ⁶ .							

Вместе с тем, похоже, что среди сусканского населения был еще один антропологический компонент в целом северного, лесного происхождения. Связать его с какими-то конкретными краниологическими материалами конкретных археологических культур пока не удастся.

Единственный череп из погребения с ивановскими культурными традициями по строению сохранившегося лицевого отдела в целом мезоморфный, профилированный, видимо, генетически восходит к европеоидным группам степного или лесостепного происхождения.

Изложенное в работе затрагивает только часть общей проблемы расогенеза и культурогенеза населения целой эпохи — финальной бронзы. Результаты, следующие выводы и идеи, основанные на рассмотрении единичных материалов, носят предварительный характер и могут расцениваться как базисные для дальнейшего исследования в этой области.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 242–301.
2. Колев Ю.И., Седова М.С. Погребальный комплекс заключительного этапа эпохи бронзы с территории поселения Шигоны III // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2004. Вып. 2. С. 212–222.
3. Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф. Новые погребальные памятники позднего бронзового века в Поволжье // Самарский край в истории России: материалы юбилейной научной конференции. Самара, 2001. С. 161–179.
4. Рудь Н.М. Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника Так-талачук // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С. 71–93.
5. Костюков В.П., Епимахов А.В. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Актюбинск, 2005. Вып. 2. С. 73–80.
6. Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск. 2000. С. 135–136.
7. Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск, 1997. С. 79–80.
8. Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы: автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1998.
9. Хохлов А.А. Краниологические материалы срубной культуры юга Среднего Поволжья // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. II. М., 2000. С. 217–242; он же. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый

- век. Самара, 2000. С. 309–332; Юсупов Р.М. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989. С. 127–138.
10. Китов Е.П. Антропологические материалы срубно-алакульского времени Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. № 5 (106). Челябинск, 2008. С. 96–105.

PALEOANTHROPOLOGICAL DATA OF LATE BRONZE AGE FINAL PERIOD FROM FOREST-STEPPE POVOLZHYE

A.A. Khokhlov (Samara)

Anthropological literature contains rather scarce data on the physique of representatives of Late Bronze Age final period cultures in the steppes and forest-steppes of Eastern Europe, Zauralye, and Western Kazakhstan. The article deals with the material obtained in Volgo-Uralye forest-steppe area, which belongs to Suskanskaya and Ivanovskaya cultures. Craniological complexes are singled out to make it possible to determine distinct analogies and within certain limits to refer them to one or other archaeological culture. The hypothesis is that Suskansk traditions origin could be connected with Zauralye Alakul timberwork groups who were familiar with Andronovskaya cultures. These groups might perceive cultural novelties and then introduce them into native environment of Volgo-Uralye and western areas.

Key words: anthropology, physique type, archeological culture, craniological complex, cultural novelties.

© 2009

И.А. Сорокина

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

В статье сделан вывод, что основным вкладом Императорской Археологической комиссии в процесс становления полевой археологии в России было — осознание необходимости централизованной регламентации, последовательная борьба за её учреждение, активное её внедрение с 1889 года. Необходимость и жизнеспособность такого порядка подтверждены тем, что он не только не был уничтожен с приходом советской власти, но постоянно совершенствовался и укреплялся. Результатом этого стала система выдачи Открытых листов, что во многом способствовало сохранению археологического наследия России.

Ключевые слова: археология, Археологическая Комиссия, полевая археология, открытый лист, археологическое наследие.

Можно выделить три направления деятельности Императорской Археологической комиссии в области полевой археологии.

1. Личное участие ее членов в полевых исследованиях. Это работы И.Е. Забелина, В.Г. Тизенгаузена, Н.И. Веселовского, А.А. Бобринского и других, давшие замечательные результаты и обеспечившие ввод в научный оборот ряда известных памятников. Но не менее интересные результаты получали и другие исследователи того времени. Если же говорить о применяемой ими полевой методике и информативности отчетов, то качество их соответствует общему уровню того времени, не отличаясь в лучшую сторону.

2. Разработка методики полевых исследований. Здесь исключительная роль принадлежит сотруднику ИАК А.А. Спицыну, с 1895 по 1910 гг. издавшему четыре пособия по раскопкам, разведкам и обработке археологических коллекций¹. Эти работы имели огромное значение, так как они учили осмысленно вести работы на разных памятниках, наблюдать историческую ситуацию, сохранять археологические находки как в поле, так и при дальнейшем музейном хранении. Последняя его брошюра по этой тематике вышла в 1927 г.² и предназначалась краеведам, что хоть как-то восполнило лакуну в методической литературе до сер. 30-х гг. 20 века и при недостатке профессиональных археологов способствовало сохранению археологических памятников. Однако на рубеже XIX и XX вв. в области полевой методики имелись и другие весьма добротные разработки, сделанные Д.Я. Самоквасовым³ и, особенно, В.А. Городцовым⁴. Так что и в этом направлении роль ИАК не доминирующая.

3. Регламентация полевых исследований в России, то есть государственная функция ИАК. И вот это направление, на наш взгляд, является наиболее существенным. После преобразования ИАК с 1917 г. и до настоящего времени оно продолжало развиваться и составило существенную часть деятельности ряда археологических учреждений, сменивших ИАК: РАК (1917 г.), РГАК (1918 г.), РАИМК (1919 г.), ГАИМК (1926 г.), ИИМК АН СССР (1937 г.), ИА АН СССР (1957 г.), в настоящее время ИА РАН⁵.

Что такое регламентация полевой археологии? В основе любого археологического исследования лежит информация о памятнике. Состав и качество этой информации прямо связаны с соблюдением методики в поле и с требованиями к научным отчетам. Как бы хорошо не был раскопан памятник, он потерян для науки и общества, если отчет не содержит необходимой информации. Существует стандарт, определяющий принятый в данное время подход к получению информации о памятнике во время полевых исследований в поле и ее представлению в научном отчете и публикации. Для достижения этого стандарта необходим регламент действий археолога, тесно связанный с государственными правовыми актами. Он создается с помощью документов, разрешающих производство археологических раскопок и разведок с учетом их целесообразности и степени подготовленности к ним исследователя, а также определяющих действия с полученным материалом и коллекциями.

Имеются учреждения, на которые государство возлагает контроль за соблюдением установленных норм и за допуском к полевым работам, то есть регламентацию их. В России этот порядок возникает со второй половины XIX в. и действует до сих пор, благодаря чему удается сохранить значительную часть ар-

хеологического наследия и обеспечить поступление информации о памятниках археологии и полевых исследованиях в единый центр (хотя местоположение и ведомственная принадлежность его со временем менялись). Таким образом, Россия стала первой в мире страной, наладившей учет археологических исследований в государственном масштабе уже с конца XIX в. У истоков регламентации стояла ИАК, осуществлявшая ее с 1889 по 1917 г.

Изначально и до сих пор регламентация в России осуществляется на основе анализа заявок на полевые работы для определения их необходимости в каждом конкретном случае. Огромную роль, особенно с 40-х гг. XX в., играет научная экспертиза отчетов о полевых работах, дающая возможность определить квалификацию исследователя, качество примененной методики, полноту полученной информации. Данные обо всех работах накапливались в архиве ИАК и в сменивших ее при советской власти учреждениях. Они продолжают накапливаться и сейчас в Отделе полевых исследований и научно-отраслевом архиве ИА РАН. Централизованная регламентация позволяет получать данные о качестве и объеме полевых исследований и таким образом контролировать состояние памятников. Путь к ней был не прост. Рассмотрим его основные вехи.

Интерес к российским древностям развился под влиянием классического направления, связанного с ценными во всех отношениях находками в античных и скифских памятниках на Юге России (в Новороссии)⁶. Именно в этой области российской полевой археологии были сделаны первые шаги по регламентации раскопок. В связи с распространением кладоискательства и порчей памятников под видом научных раскопок стала очевидной необходимость мер как по охране археологических памятников и упорядочиванию организации полевых работ, так и разработки полевых методик.

Важнейшим явилось то обстоятельство, что полевая археологическая деятельность находилась под контролем властей. С 1-й пол. XIX в. археологическими памятниками ведало Министерство внутренних дел, поскольку их учет вели Статистические комитеты в рамках этого ведомства⁷. Методические «Правила, которые надлежит соблюдать при разрытии курганов и вскрытии в них древностей» и «Наставление, как надлежит поступать при открытии древностей»⁸ были разработаны в 1843 и 1851 гг. Одесским обществом истории и древностей по поручению наместника Кавказа, генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии графа М.С. Воронцова. С 1852 г. Общество было обязано согласовывать свои действия с правительственным органом — Комиссией для исследования древностей, созданной Министром внутренних дел, позже Министром уделов графом Л.А. Перовским. Разработанный им методический документ «Дополнительные правила для производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях»⁹ был утвержден императором Николаем I и стал основой для полевых работ на юге России. Восприятие полевых работ как дела не только научного, но и государственного значения сыграло основную роль в становлении централизованной системы их регламентации в России.

После смерти графа Л.А. Перовского руководство археологическими раскопками на Юге продолжила Комиссия под руководством графа С.Г. Строганова (Строгановская комиссия) в системе Министерства Императорского двора. Ею разработаны «Правила производства археологических изысканий в Керчи»,

направленные, однако, не на развитие методики, а на принятие мер по спасению находок от разграбления в процессе раскопок¹⁰. В 1859 г. Строгановская комиссия была преобразована в ИАК в том же ведомстве. Дальнейшие шаги по оформлению регламентации связаны с деятельностью ИАК как части государственной системы управления, ответственной за археологическое (в то время и архитектурное) наследие.

Требовались незамедлительные меры по охране археологического наследия. После реформы 1861 г. часть земли перешла к крестьянам. Памятники, особенно курганы, интенсивно разрушались и уничтожались распашкой и грабежом. Раскопки стали массовым явлением, однако часто производились неподготовленными лицами, и материал оказывался для науки потерян. И властью, и археологическим сообществом осознавалась необходимость как запретительных мер, так и создания методической инструкции по полевым изысканиям, общей и обязательной для всех, ими занимающихся.

Согласно Положению об ИАК¹¹, в ее задачи входил контроль за «всеми делаящимися в государстве открытиями предметов древности», а также организация квалифицированных археологических раскопок и контроль за их качеством, хранение отчетов, представление наиболее выдающихся находок на высочайшее рассмотрение для определения их в музеи. Для организации полевых работ ИАК с 1859 г. выдавала Открытый лист (далее — ОЛ). Изначально это было своего рода командировочное удостоверение, дающее право передвигаться в пределах империи по служебной надобности и часто сопровождавшееся «подорожной» на получение лошадей и иной помощи от местной власти. К нему прилагалась письменная инструкция за подписью председателя Комиссии графа С.Г. Строганова с указанием задач и способов производства полевых работ, перечнем данных, подлежащих обязательной фиксации и иных методических аспектов¹². В основе ее определенно были уже упомянутые «Дополнительные правила» Л.А. Перовского, по назначению узко ведомственные, но, безусловно, пригодные для более широкого применения. До 1889 г. ОЛ не было у лиц, подчиненных ИАК, — сотрудников Керченского музея. Членам и сотрудникам ИАК ОЛ заменялся «подорожной».

Для осуществления своих функций ИАК плодотворно сотрудничала с другими государственными ведомствами. В 1860–1880 гг. были предприняты следующие шаги.

1. 1862 г. Обращение ИАК в Главное Управление Путей Сообщения и Публичных Зданий (впоследствии Министерство путей сообщения) с просьбой сообщать о предстоящем строительстве железных и других дорог для своевременной организации археологических работ на месте строительства. Последовал Приказ по Министерству об обязательности археологического надзора, осуществляемого ИАК, производстве раскопок в случае обнаружения находок и включении в договоры на строительство пунктов об охране археологических древностей. Это начало охранной полевой археологии. В дальнейшем на работы в зоне железнодорожного строительства Открытые листы выдавались неоднократно¹³.

2. 1862 г. Обращение ИАК в Центральный статистический комитет при МВД о привлечении губернских и областных статистических комитетов к соби-

ранию материалов по памятникам археологии к картографированию их. По сути, речь идет о всероссийской программе учета объектов археологического наследия. Задача ставится та же, что и в принятом в 2002 г. Законе Российской Федерации №73 «Об объектах культурного наследия», — создание единого государственного реестра (ст. 15-17). ИАК разработала «Программу археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических Комитетов». В 1863 г. Центральный статистический комитет издал соответствующий циркуляр для начальников губерний с приложением вышеуказанной «Программы». Начинается взаимодействие статистических комитетов и ИАК¹⁴.

3. 1866 г. Обращение ИАК к Министерству внутренних дел о запрещении раскопок без разрешения Комиссии. В ответном циркуляре Министерства губернаторам предписывалось оказывать содействие ИАК и пресекать незаконные раскопки. Подобные распоряжения отдавались также в 1882, 1884 и 1886 годах. Таким образом, к охране памятников широко привлекается, как мы бы сейчас сказали, региональная администрация¹⁵.

4. 1874 г. На III археологическом съезде принята «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов», составленная специально избранной комиссией (Д.Я. Самоквасов, В.Б. Антонович, Л.К. Ивановский) с привлечением видных ученых¹⁶. Но это мало изменило ситуацию. Большинство лиц, ведущих археологические раскопки, не признавало ее обязательной для себя. Все это делало очень актуальной работу по регламентации полевых исследований в целом, чем как раз и занималась ИАК.

5. 1882 г. Письмо ИАК в Синод о прекращении кладоискательства на церковных землях. Сотрудничество возникло не сразу. Лишь в 1884 г. Синод дал циркулярное распоряжение духовным властям о производстве раскопок на церковных землях только с разрешения ИАК, вновь подтвержденное в 1886 г.¹⁷

6. 1883 г. После обращений ИАК последовало распоряжение Министерства государственных имуществ о предоставлении информации о древностях в ИАК. Министерство выработало «Правила о сохранении древностей, находящихся на землях бывших государственных крестьян»¹⁸.

Итак, с начала 60-х по первую половину 80-х гг. XIX в. ИАК активно предпринимает шаги, ориентированные на привлечение внимания к проблемам сохранения археологического наследия различных государственных ведомств. Эти действия объективно направлены на создание единой системы государственного контроля и учета в области полевой археологии. На следующем этапе (вторая половина 1880-х гг.) происходит становление этой системы.

7. 1886 г. Постановление Государственного Совета «Об утверждении Устава и штата Исторического музея». Признан приоритет ИАК как правительственного учреждения с довольно значительными правами и средствами, а также научный приоритет как столичного учреждения с поддержкой Императорской Академии наук¹⁹.

8. 1887 г. В обращении ИАК к Президенту Академии художеств для представления императору Александру III ставится вопрос о необходимости выдачи разрешений на археологические раскопки под контролем ИАК как центрального государственного археологического учреждения²⁰.

9. 11 марта 1889 г. Указ императора Александра II о предоставлении ИАК

исключительных полномочий в вопросе регламентации полевых исследований на казенных, ведомственных и общественных землях и выдачи для этой цели Открытых листов. Извещены Министерство юстиции, Сенат и другие государственные ведомства, губернаторы и общественные археологические организации. Ограниченность системы состояла в невозможности контроля над частными землями (хотя этот вопрос и ставился впоследствии)²¹.

10. Апрель 1889 г. Совещание ИАК с представителями российских археологических Обществ и иных учреждений. Установлены правила подачи заявок на полевые работы и порядок их проведения, а также ответственность Общества за деятельность лица, на которое оно запросило ОЛ. Установлена обязанность исследователей сдавать в ИАК отчеты. Утверждена форма специального государственного документа, дающего право на производство археологических исследований — существующего и ныне ОЛ, действительного один год и возвращаемого в ИАК²². Из переписки ИАК с Министерством народного просвещения и археологическими Обществами видно, что возникло большое сопротивление централизации. Региональные Общества, в том числе Русское (Санкт-Петербург) и Московское археологические общества, восприняли это как ущемление своих прав.

С начала регулярной выдачи ОЛ, с 1889 г. и до настоящего времени, следует выделить два типа документов, к ним относящихся, хотя называться они могли по-разному. Первый тип — «положения», правоустанавливающие документы, определяющие правила допуска к полевым работам, определение прав и обязанностей проводящих их лиц. Второй тип — «инструкции», методические документы, разъясняющие методы полевых работ, требования к полевой документации, приемы обращения с находками и т. д.

«Инструкции» появились гораздо раньше «положений» — и даже до введения ОЛ с целью хоть как-то перевести неграмотные массовые раскопки древностей в научное русло. Во время борьбы за введение централизованной системы регламентации требовались прежде всего «положения». Решения совещания 1889 г., зафиксированные в «Протоколах», не отражают методических вопросов, а выполняют функцию «положения», то есть правоустанавливающую в отношении специального документа — Открытого листа. Основой «Протоколов» явились разработки членов ИАК Н.И. Веселовского, В.Г. Дружинина, А.А. Спицына²³.

Уже в 1889 г. новые правила регламентации реализуются, начинается планомерная работа — регулярная выдача ОЛ. Наступило время методических «инструкций». В 1894 г. Член ИАК А.А. Спицын предложил создать методическое руководство, исходящее от Комиссии, центрального учреждения, имеющего право на выдачу ОЛ, и поэтому обязательное для всех²⁴. В 1895 г. издано пособие А.А. Спицына «Производство археологических раскопок»²⁵. На тот момент это было исчерпывающее методическое пособие, но оно не было как-либо официально утверждено или принято археологическим сообществом и даже ИАК как основополагающая инструкция по полевым работам. С современной точки зрения, конечно, можно упрекнуть автора в некоторой методической ограниченности, но много и ценного, прежде всего системный подход к археологическим исследованиям. Тем более жаль, что эта и последующие его методи-

ческие работы никак не соприкасались с усилиями археологических съездов, направленными на решение тех же проблем. Основным фактором было соперничество двух основных археологических учреждений — ИАК и МАО. В результате с 1874 по 1911 гг. продолжала действовать весьма примитивная и давно устаревшая «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов», принятая на III археологическом съезде. Новый, общий, обязательный для всех лиц, занимающихся полевыми исследованиями, инструктивный документ, одобренный археологической общественностью и обязательный к применению, так и не появился. В этом есть значительная доля вины ИАК — идея А.А. Спицына об издании такого документа от ее имени развития не получила.

Делопроизводство ИАК было очень тщательным: с начала 90-х гг. выдача ОЛ фиксировалась в описи, где также отмечался факт поступления отчета²⁶. Надо сказать, что такая форма описи вполне современна. Подобные рукописные книги велись до установления в ОПИ компьютерной системы, то есть до конца XX в.

Руководили работой ИАК последовательно три председателя: граф С.Г. Строганов (1859–1882 гг.); князь А.А. Васильчиков (1882–1886 гг.); граф А.А. Бобринский (1886–1918 гг.). Именно при последнем председателе деятельность комиссии приобрела государственный размах. Это видно по соотношению общего количества дел комиссии и тех, которые связаны с выдачей разрешений на раскопки. Количество последних существенно возрастает с 1886 г. — времени вступления его в должность. Значительно увеличивают объем делопроизводства и отказы в выдаче ОЛ в ответ на многочисленные просьбы частных лиц, желавших заняться раскопками. Для таких случаев ИАК использовала стандартный бланк. В нем указывалось, что раскопки поручаются только опытным специалистам, зарекомендовавшим себя в этой области. Немалую долю делопроизводства составляли и обязательные уведомления губернаторам и иным «местным начальствам» о выдаче ОЛ на полевые работы на определенной территории. Количество ОЛ, выданных со времени вступления в должность третьего председателя ИАК графа А.А. Бобринского, резко увеличивается. К 1900 г. ежегодно выдавалось до 80 ОЛ. Конечно, не все работы производились, это также отмечалось в описи.

Интересно проследить, какие организации и в какой степени участвовали в полевых исследованиях после Указа 1889 г. Всего в 1889–1900 гг. было выдано 670 ОЛ. Выделяется шесть категорий организаций: ИАК, архивные комиссии, Ученые Общества (археологические и Русское географическое общество), Археологический институт (Санкт-Петербург), региональная администрация, Статистические комитеты. По 3 % ОЛ в описи указания на организацию нет. На совещании с Учеными Обществами в 1889 г., ввиду их сопротивления централизованной регламентации, была установлена двухступенчатая система подачи заявок, ликвидированная после 1917 г. В ИАК обращались либо напрямую сами исследователи, либо организации, бравшие бланки ОЛ и сами их распределявшие. Наибольшее количество ОЛ — 74 % — выдано от имени ИАК. Это работы членов ИАК, лица, которых ИАК специально привлекала для каких-либо полевых изысканий, а также исследователи, подававшие заявки в

ИАК от себя лично. Одинаково активны архивные комиссии и различные археологические общества — по 8 % ОЛ. Особенно следует отметить заявки Русского географического общества, проводившего описание археологических памятников в далеких сибирских и дальневосточных губерниях во время географических путешествий — 3 % ОЛ. Чуть меньше — 2 % — заявок от Археологического института. Указанная цель — полевая практика слушателей. Начинают запрашивать ОЛ губернаторы и иные администраторы — 1 %. Столько же приходится и на долю Статистических комитетов.

Подведем некоторые итоги. Представляется, что основной вклад Императорской Археологической комиссии в процесс становления полевой археологии в России — осознание необходимости централизованной регламентации, последовательная борьба за ее учреждение, активное ее внедрение с 1889 года. Необходимость и жизнеспособность такого порядка подтверждены тем, что он не только не был уничтожен с приходом советской власти подобно многим явлениям предыдущей эпохи, но постоянно совершенствовался и укреплялся. В результате система выдачи Открытых листов существует уже 120 лет и не имеет аналогов в других странах. Это во многом способствовало сохранению археологического наследия России, поскольку с самого начала помимо административного аспекта регламентация предполагала и научный: защиту памятников от неквалифицированных раскопок, максимально полное сохранение археологической информации в научных отчетах. Будем надеяться, что полезные традиции, заложенные Императорской Археологической комиссией, сохранятся.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Спицын А.А.* Производство археологических раскопок. СПб., 1895; *он же.* Разбор, обработка и издание археологического материала // ЗРАО. Т.Х. 1898; *он же.* Археологические разведки. СПб., 1908; *он же.* Археологические раскопки. СПб., 1910.
2. *Спицын А.А.* Разведки памятников материальной культуры. Л., 1927.
3. *Самоквасов Д.Я.* Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава, 1878; *он же.* Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908.
4. *Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала. Составлено С.И. Фляхом по лекциям В.А. Городцова. М., 1911; *он же.* Руководство для археологических раскопок. М., 1914.
5. В скобках указан год переименования.
6. *Жебелев С.А.* Введение в археологию. История археологического знания. Ч. I. Петроград, 1923. С. 32; *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии: 1700-1917 гг. СПб., 1992. С. 61, 62.
7. *Формозов А.А.* Археология на страницах журнала Министерства внутренних дел. 1830-1860 гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб., 1995. С. 28; РА ИИМК, 1862, ф. 1, д. 27, л. 3.
8. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — сер. XIX вв.). СПб., 2002. С. 634, 635, 678.
9. РА ИИМК, 1851, ф. 6, д. 179, лл. 16-19.
10. РА ИИМК, 1857-1859, ф. 14, д. 6.
11. РА ИИМК, 1859, ф. 1, д. 1., л. 50.

12. Одна из первых подобных инструкций была дана в 1859 г. К. Герцу по случаю исследований городища Фанагория и курганов на Тамани. РА ИИМК, 1859, ф.1, д. 11, лл. 4-6.
13. РА ИИМК, 1862, ф. 1, д. 26, лл. 1-5, 94.
14. РА ИИМК, 1862, ф. 1, д. 27, лл. 1, 2, 13, 14.
15. РА ИИМК, 1886, ф. 1, д. 50, лл. 1-3, 8; Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII — начало XX вв. М., 1978. С.114, 115.
16. Труды III Археологического съезда. Т. I. Киев, 1878. С. LXIX-LXXIII.
17. РА ИИМК, 1882, ф.1, д. 52, лл. 21-23; ф. 1, д. 50, лл. 10, 20-24.
18. РА ИИМК, 1885, ф. 1, д. 11
19. РА ИИМК, 1887, ф. 1, д. 69, лл. 3,4.
20. Там же. Л. 8.
21. Там же. Лл. 105, 107, 184, 185.
22. Там же. Лл.126-145.
23. РА ИИМК, 1893, ф. 1, д. 200.
24. РА ИИМК, 1894, ф. 1, д. 161, л.1.
25. *Спицын*. Производство археологических раскопок.
26. РА ИИМК, 1891, ф.1, д.200.

IMPERIAL ARCHEOLOGICAL COMMISSION AND HOME ARCHEOLOGICAL FIELDWORK

I.A. Sorokina

The author of the article draws the conclusion that the principal contribution of the Imperial Archeological Commission to the archeological fieldwork resides in the necessity to recognize centralized regulation, to consistently pursue and promote setting it up since 1889. Such an order proved necessary and viable, which is confirmed by the fact that it did not disappear with the Soviet power, but developed and strengthened. It resulted in a *carte blanche* system that helped to preserve archeological legacy of Russia.

Key words: archeology, Archeological Commission, archeological fieldwork, *carte blanche*, archeological legacy.

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

© 2009

А.М. Болгова

СОФИСТЫ И ЕПИСКОПЫ В РИТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ГАЗЫ*

В работе исследуется деятельность риторической школы в палестинской Газе конца V — 1-й пол. VI вв. по данным сохранившихся текстов газских христианских софистов — деятелей этой школы — Энея, Прокония и Хорикия. Показана общеисторическая ситуация соотношения языческого и христианского в городе, а также процесс взаимоотношений между софистами и епископами, между античной и христианской традициями, приведший в итоге к рождению ранневизантийской культуры.

Ключевые слова: Ранняя Византия, школа, ритор, софист, епископ, Газа.

В позднеантичное (ранневизантийское) время известно несколько важнейших центров специализированного образования.

Риторские школы были одними из наиболее универсальных, в которых сохранилась в наибольшей степени классическая традиция, так как в слово облеклась и словом выражалась сама суть античной культуры.

Школа риторов в Газе Палестинской, газская «академия»¹ была одной из самых ярких центров такого рода в V–VI вв.

Уже после Константина Великого именно в Палестине угасающее язычество сохраняло свои позиции сильнее, чем в других частях империи, и держалось оно в ней еще особенно упорно во многих местностях. За исключением Мажма, обратившегося в христианство, все прибрежные города региона — Газа, Таваф, Анфедон, Рафия, Вефилия, Аскалон и Иоппия — оставались преимущественно языческими. В них, в отличие от Антиохии эпохи Юлиана Отступника, продолжали функционировать храмы богов. Даже в окрестных малолюдных городах и селениях возведенные на искусственных холмах великолепные храмы, окруженные колоннадами и портиками, продолжали быть главными топографическими доминантами всей местности.

Во внутренней части района Газы, в Панаде, у подножья Ливанских гор, по прежнему существовала в качестве святилища пещера, посвященная Пану, с рядом надписей². Севастия в Самарии и подошвы Гаризима, Скифополь на

* Исследование подготовлено в рамках научно-исследовательских работ по Федеральному государственному контракту, проект НК-70П ГК(5) «Человек переходной эпохи: Поздняя античность — Ранняя Византия»

берегах Иордана и далее между Мертвым морем и границами Аравии, Ареополь, Пера, Фэно и посвященная Афродите Елуза, несмотря на императорские указы, оставались вполне языческими.

Твердыней язычества считались Газа со своими восьмью храмами в честь Гелиоса, Афродиты, Аполлона, Кору, Гекаты, Тихе и Героя (*Vita Porph.*, 64). Самым известным из них был храм Зевса-Марны³, возвышавшееся в виде огромной круглой башни, окруженной двойным рядом портиков, и в течение почти столетия сохранявшегося после императорских указов о его уничтожении. Вокруг Газы были расположены селения и небольшие города, для которых она служила сакральным и идеологическим центром и которые оказывали ей поддержку в ее сопротивлении христианизации⁴.

Город Газы, начиная с IV века, был важным христианским и монашеским центром в Палестине наряду с Египтом, Синаем, Иудейской пустыней и Иерусалимом⁵. Истоки местного монашества восходят к Илариону Газскому (ок. 291–370), современнику Антония Великого⁶. Место рождения Илариона — Тавата — находится рядом с Газой, а его могила, расположенная неподалеку, уже в VI веке становится объектом почитания и паломничеств. После Илариона надо назвать Силуана (ум. 412), который, придя с учениками из Скита, поселяется в Гераре близ Газы. Грузинский князь Набарнугий, позднее монах Петр Ивер (ок. 417–491) проходит из Иерусалима близ Газы, основывает там монастырь и в 458 г. становится епископом Маюмы. Около 431 г. в Беф-Далфе, принадлежащей региону Газы, поселяется Исаия Скитский.

При Юлиане Отступнике язычники Газы, Анфедона, Аскалона и Вефилии напали на христиан, жгли церкви, разорили монастырь Св. Илариона и его самого преследовали до Брухиумского монастыря близ Александрии. Более всех потерпел Маюм — город-порт Газы — оплот христианства в регионе; по просьбе газских жителей Юлиан отменил все данные ему Константинополем преимущества, подчинив его городскому управлению Газы, предместьем которого он и остался навсегда, хотя церковь не подчинилась решению Отступника, не лишила Маюм утвержденного за ним самостоятельно епископского престола, что и было подтверждено за ним Палестинским собором V века.

Ситуация в Газе на рубеже IV–V вв. описана в «Житии св. Порфирия Газского», созданном, как считается, около 600 года Марком Диаконом. Как следует из этого источника, на 30 тысяч жителей епископу Порфирию в 394 г. удалось собрать не более 300 верных христиан, а христианская церковь действует всего одна (*Vita Porph.*, 19). В 398 г. Порфирий закрывает все языческие храмы, а в 402 г. разрушается оплот язычества Марнейон.

Мозаическая карта из Мадабы (Медвы, совр. Иордания) середины VI в. представляет Газу как типичный ранневизантийский «мегаполис», устроенный по римскому образцу: улица с колоннами с севера на юг, амфитеатр и две христианские базилики. Сообщение паломника из Пьяченцы (ок. 570 г.) подтверждает это: «Газа — великолепный и восхитительный город, жители его очень почтенны и отличаются щедростью, они любят чужестранцев. В двух милях от Газы покоится святой отец Иларий».

Газа поддерживала отношения с Александрией, Константинополем и Антиохией. Благоприятное географическое положение у моря и на пересечении тор-

говых путей в Египет и в Петру сделало город важным экономическим и культурным центром.

Близость к Газе оказала сильное воздействие на характер монашества в регионе. Как показывают письма Варсонофия и Иоанна, монахи имели тесные контакты с учеными, жившими в городе (напр., Вопросы. 793.802-803.831-832). Дорофей Газский передает в монастырь принесенные с собой книги, «чтобы все могли их читать» (Вопросы. 326). В своих Поучениях он упоминает разговор со знатным мужем из Газы о смирении (Dost. 2, 34). В противоположность пустынным отцам, хотя он и близок им в целом по образу мыслей, он не настроен враждебно к образованию. Это подтверждает письмо, предпосланное Поучениям, которое восхваляет Дорофея за ученость и умеренное использование мудрости языческих философов (Ep. ad fratr. 6).

Христианизация города Газы окончательно побеждает ко 2-й половине V в. Парадоксальным образом именно с этого времени начинается общеимперская слава высшей риторической школы в Газе.

Дж. Дауни нарисовал яркую картину интеллектуальной жизни в ранневизантийской Палестине⁷. Его исследования в области истории образования в поздней античности уникальны. Однако, роль риторических школ в ранневизантийском синтезе классического и христианского в регионе⁸ еще предстоит уяснить.

На протяжении всего позднеантичного (ранневизантийского) периода Газа оставалась эллинистическим городом с преимущественно светским образом жизни и окружением⁹. Существование монастырей в округе города ставит вопрос об отношениях, существовавших между светским обществом Газы и церковной иерархией¹⁰.

В самом центре этих взаимоотношений оказались виднейшие представители риторской школы в Газе — Эней Газский, Прокопий Газский и Хорикий.

Эней Газский (ум. после 518 г.) — христианский философ; после него остались 25 писем и сочинение «Феофраст или о бессмертии души и воскресении». Эней принадлежал сначала к школе неоплатоников, а потом принял христианство. Время его жизни относят к концу V века. Сочинение Энея «Феофраст»¹¹ с богословской точки зрения имеет глубокий интерес, потому что в нем, вместе с основательным раскрытием христианских догматов бессмертия души человеческой и будущего воскресения, излагаются автором мнения по этим вопросам древних философов и основательно разбирается весьма распространенная в древнее время теория переселения душ.

Прокопий (ок. 475 — ок. 528 гг.) — грекоязычный экзегет и писатель. Родился и жил в Газе, где руководил школой риторики. Прокопий являет собой образец того нового формирующегося типа христианского ученого и учителя, который объединяет в своих сочинениях языческие и христианские темы. Этот «сплав» станет одной из наиболее характерных черт ранневизантийской культуры. Кроме светских произведений, ему принадлежат толкования почти на все книги Ветхого Завета. Эти толкования, дошедшие до наших дней не полностью, представляют собой катены из отцов Церкви и Филона Александрийского. Касался он и античных мифологических тем, внося вклад в адаптацию христианством античного культурного наследия¹². Библейские комментарии Про-

копия написаны вполне классическим языком со всем богатством классических выражений. В чисто классической манере Прокопий написал панегирик императору Анастасию, похвальное слово родному городу и монодию на землетрясение в Антиохии¹³.

Хорикий (ок. 500 — ок. 590 гг.)¹⁴, греческий оратор, был учеником Прокопия и наследником его кафедры риторики в Газе, христианином, автором нескольких сохранившихся похвальных речей в честь светских и церковных сановников (среди них две речи в честь епископа Маркиана (520–540 гг.), содержащие описание церквей в Газе и их росписей), погребальных (над могилой матери, на смерть Прокопия) и свадебных (для своих учеников) речей. Написал также 14 лекций — диалектик (*dialekseis*) и школьных декламаций — мелетий (*meletai*). Представляет интерес юношеская апология Хорикия «В защиту мимов» (*Hyper ton en Dionysu ton bion eikonizonton*), представляющая ценный источник для изучения античных драматических форм¹⁵. Аттіцист, он писал в риторическом стиле, старательно избегая несоответствий и используя акцентирующие паузы (клаузулы)¹⁶.

Как и другие софисты и риторы Газской школы, Хорикий смело использовал все богатство античного наследия, писал и на чисто античные сюжеты (например, одна из декламаций — о том, какие слова должна была произнести Афродита в поисках Адониса). В чисто христианские сюжеты (Энкомий Прокопия) вводились имена персонажей классической мифологии, примеры из жизни исторических деятелей античных времен¹⁷. По подсчетам Г.Л. Курбатова, Хорикий 274 раза упоминает Гомера, 356 раз Платона, 493 раза антиохийского ритора Либания¹⁸. Речь «В защиту мимов» защищала это осуждаемое церковью искусство, ссылаясь на «мимесис», характерный и для деятельности церкви. Христианство повлияло на особую эмоциональность стиля Хорикия, на элементы поэтического изложения, фигуративность и символизм.

Произведения Хорикия были вдохновлены его учителем Прокопием и матерью последнего — Марией. В речах ритор восхваляет добрые нравы указанных лиц и их благодеяния для городской жизни. Как можно понять из слов Хорикия, он благодарит Прокопия и Марию за приверженность христианству.

Читая Хорикия¹⁹, мы обнаруживаем его умеренное и деликатное отношение к христианству и церкви. С одной стороны, ритор хвалит своих героев за религиозное благочестие, а с другой — открыто говорит о том, что христианским священникам необходимо классическое образование²⁰.

Во II речи к Маркиану Хорикий говорит об образовании епископа. При этом он употребляет термин «поэтические врата» (*ποιητικάς θύρας*), заимствованный у Платона («Федр»). Это синоним грамматической школы. Главой риторической школы Газы в период обучения там Маркиана был знаменитый Прокопий Газский. Хорикий проводит аналогии со своим собственным опытом обучения в этой школе. Вывод, проистекающий из речи, вполне однозначен: епископ должен быть лицом с классическим образованием и добропорядочным гражданином города.

Хорикий пишет, что епископ Маркиан получил широкую известность не только в Газе именно благодаря своему классическому образованию, полученному в родном городе Газе.

В речи, посвященной Прокопию, Хрикий пишет о «палестре Гермеса» (Ἑρμοῦ παλαίστραν), т.е., опять же о школе риториков²¹.

По Хорикию, создается впечатление, что в христианской Газе, как и в других городах позднеантичного мира, граждане обучались в муниципальных школах. И место школ в жизни города Газы было выше, чем во многих других городах.

Хорикий дает очень мало информации о специальном христианском (богословском) образовании в школах Газы. Как представляется, христианское образование в школах Газы не включало подготовку священников.

Эней Газский, знаменитый софист и философ, был братом Марии, матери епископа Маркиана. Следовательно, между церковью и риторической школой существовали особые отношения. Христианское образование было частью образовательной программы Газской «академии». Хорикий отмечает, что глава школы Прокопий был очень искушен в Священном Писании (Or. fun. in Proc., 21). При этом Прокопий не был монахом и, как утверждает Хорикий, не был и священником.

Возможно, епископом был софист Эней Газский. Тот факт, что христианский епископ возглавлял короткое время риторическую школу, является исключительным. Он демонстрирует сотрудничество софистов и клириков в отдаленно взятом высшем учебном заведении.

Как известно, епископ в позднеантичном городе был одним из его руководителей, вел активную общественную, а нередко и хозяйственную деятельность²². Хорикий описывает епископа Маркиана как организатора общественных празднеств, раздачу хлеба нуждающимся и т. п.

В посвяtitельной речи Марии Хорикий провозглашает, что священство выше всех городских чиновников (собственно — «лучше» — τὸ καλλίστω). Епископ и его клир были частью среднего класса муниципалов своих городов в Поздней империи.

Агиография изображает епископов святыми, акцентируя внимание на чудесах и т. п. Хорикий в своих речах изображает преимущественно общественную деятельность епископа, активное его участие в гражданской администрации.

Из речей Хорикия мы можем заключить, что церковь в Газе была неотъемлемой частью городской муниципальной и общественной жизни, а классическая риторическая высшая школа Газы обеспечивала образовательные потребности не только города, но и клира, включая значительную часть всего Палестинского региона²³.

Особенностью всей ранневизантийской эпохи было то, что императорская власть и государство поддерживали существование городской риторики и, соответственно, риторических школ вплоть до упадка городов со 2-й половины VI в.

Впоследствии Газа была известна не только классической интеллектуальной традицией, но также и великими христианскими учителями 2-й пол. и конца VI в. — Авва Исая, Варсануфий и Иоанн, Дорофей Газский, Север Антиохийский, Захария Ритор.

Арабское завоевание 1-й пол. VII в. положило конец развитию христианства в регионе и ранневизантийскому периоду его истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Seitz K.* Die Schule von Gaza. Heidelberg, 1892.
2. *Di Segni L.* Dated Greek Inscriptions from Palestine from the Roman and Byzantine Periods. Jerusalem: The Hebrew University, 1997.
3. Марна — местное верховное божество Газы, которому Прокл посвятил один из гимнов (Марин. Прокл, 19); слился в синкретический образ Зевса-Марны; *Чехановец Я.М.* «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы // Мнемон. 5. СПб., 2006. С. 437–439.
4. *Курэ А.* Палестина под властью христианских императоров (326–636 гг.). СПб., 1894 // http://ricolor.org/arhiv/redkie_knigi/kure/
5. *Glucker C.A.M.* The City of Gaza in the Roman and Byzantine Periods. L., 1987.
6. Житие св. Илариона написано бл. Иеронимом.
7. *Downey G.* The Christian School of Palestine: A Chapter of Literary History // Harvard Library Buletin. 12. 1958. P. 297–319.
8. *Van Dam R.* From Paganism to Christianity in Late Antique Gaza // Viator. 16. 1985. P. 1–20; *Чехановец Я.М.* «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы // Мнемон. 5. СПб., 2006. С. 421–456.
9. *Ashkenazi Y.* Paganism in Gaza in the Fifth and Sixth Centuries // Cathedra. 60. 1991. P. 106–115.
10. *Ashkenazi Y.* Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. Bruria Bitton-Ashkelony, Arieht Kofsky. Brill, Leiden, 2004. P. 195.
11. *Введенский Д.* Эней Газский и его сочинение «Феофраст или о бессмертии души и воскресении» // Православный Собеседник. 1902. Апрель.
12. *Talgam R.* The «Ekphrasis Eikonos» of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia During the Fifth and Sixth Centuries // Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. Bruria Bitton-Ashkelony, Arieht Kofsky. Brill, Leiden, 2004. P. 209–234; *Hunger H.* On the Imitation (Mimesis) of Antiquity in Byzantine Literature // Greek Literature in the Byzantine Period / Ed. Gregory Nagy. Routledge, 2001. P. 80–102.
13. *Курбатов Г.Л.* Риторика // Культура Византии. IV — первая половина VII вв. М., 1984. С. 355.
14. *Abel F.M.* Gaza au VIe siecle d'apres le rheteur Chorikios // Revue Biblique. 40. 1931. P. 5–31.
15. *Litsas F.K.* Choricus of Gaza and His Description of Festivals at Gaza // Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik. 32–33. 1982. S. 427–436.
16. *Litsas F.K.* Choricus of Gaza: An Approach to His Work. Chicago, 1980; *Browning R.* The Language of Byzantine Literature // Greek Literature in the Byzantine Period / Ed. Gregory Nagy. Routledge, 2001. P. 118.
17. Несколько ранее в Египте в той же манере писал Исидор Пелусиот.
18. *Курбатов Г.Л.* Риторика // Культура Византии. IV — первая половина VII вв. М., 1984. С. 356.
19. Choricii Gazaei Orationes Declamationes Fragmenta / Ed. J.F. Boissonade. Lips., 1846; Choricii Gazaei Opera / Ed. R. Forster, E. Richsteig. Leipzig, 1929; Rhetorical Exercises from Late Antiquity: A Translation of Choricus of Gaza's Preliminary Talks and Declamations / Ed. Robert J. Penella. Cambridge: Univ. Press, 2009. 336 p.
20. *Ashkenazi Y.* Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor // Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. Bruria Bitton-Ashkelony, Arieht Kofsky. Brill, Leiden, 2004. P. 196.

21. Невероятно интересно употребление Исидором Пелусиотом несколько ранее термина «палестра монахов» — *παλαιστήριον μοναχικά* (I, 262), где прямо смешано античное и христианское.
22. *Brown P.* *Pwerty and Leadership in the Late Roman Empire*. Hanover, New Hapshire, 2002.
23. *Sivan H.* *Palestine in Late Antiquity*. Oxford, New York, 2008; *Gaza dans l'antiquite tardive*. Archeologie, rhetorique et histoire / Ed. C. Saliou. P., 2005.

SOPHISTS AND BISHOPS IN RHETORICAL SCHOOL OF EARLY BYZANTINE GAZA

A.M. Bolgova

The article investigates rhetorical school of Palestinian Gaza of the late 5th — the first half of the 6th century. It is based on the data of the survived texts by Gaza Christian sophists, namely Aeneas, Procopius, Chorikos. It also reveals common historical situation concerning the relationship between Christians and Heathens in the city, between sophists and bishops, and between ancient and Christian traditions, which in the long run brought forth early Byzantine culture.

Key words: Early Byzantium, school, rhetor, sophist, bishop, Gaza.

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2009

А.И. Чепель

ПРОБЛЕМА ПЕРЕБЕЖЧИКОВ В РУССКО-ШВЕДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ОТ СТОЛБОВСКОГО ДО КАРДИССКОГО МИРА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)

В статье рассматривается один из важнейших вопросов русско-шведских отношений в период от Столбовского до Кардисского мира — проблема перебежчиков. Опираясь на материалы архива Санкт-Петербургского института истории РАН, автор предпринимает попытку выяснить причины возникновения проблемы перебежчиков и пути разрешения этой проблемы в русско-шведском дипломатическом диалоге. Делается вывод, что решение проблемы незаконного перехода населения через границу зависело от совместных усилий как шведских, так и русских властей. При этом тесные контакты населения приграничья, в лояльности которого нуждались правительства обеих стран, препятствовали скорому разрешению проблемы перебежчиков.

Ключевые слова: русско-шведские отношения, проблема перебежчиков, дипломатический диалог, приграничье.

Проблема перебежчиков — один из острейших вопросов дипломатических отношений между Россией и Швецией в XVII веке. Многочисленные факты нелегального пересечения русско-шведской границы, образовавшейся по условиям Столбовского мирного договора 1617 г., потребовали дипломатических усилий, направленных на решение этой проблемы. В результате в 1649 г. между странами-соседями был заключён специальный договор о перебежчиках¹.

О существенной роли вопроса о перебежчиках в русско-шведском дипломатическом диалоге говорит давний интерес к этому сюжету со стороны исследователей. Одним из первых проблему осветил К. Якубов, опубликовавший отрывки из документов, касающихся дипломатического противостояния Швеции и России по вопросу ухода подданных в соседнее государство². Лишь через 60 лет увидело свет исследование А.С. Жербина³, остающееся, насколько нам известно, последним по времени специальным трудом о русско-шведском соперничестве за мигрантов. В рецензии на работу А.С. Жербина отмечалось, что автор не использовал материалы богатого сведениями о перебежчиках делопроизводства Посольского стола Новгородской приказной палаты — «Порубежных актов»⁴. Объективной причиной того факта, что А.С. Жербин не привлёк к исследованию этот источник, является следующее обстоятельство. Сплошная

реставрация всех документов, составляющих фонд 109 («Порубежные акты») архива Ленинградского отделения института истории СССР (сейчас — архив Санкт-Петербургского института истории РАН), была завершена только в 1961 г., хотя ещё в 1960 г. несколько документов фонда опубликовано⁵. Некоторые документы из фонда «Порубежные акты» использованы в изданной в 1952 г. работе по истории Карелии⁶. И.П. Шаскольский привлёк материалы фонда для изучения русско-шведских экономических отношений⁷. Фонд 109 привлекается к работе современными отечественными исследователями⁸. Нами просмотрено более 100 из 970 документов, составляющих в настоящее время «Порубежные акты», а также часть дела 28 из коллекции актовых книг (коллекция 2 архива СПб ИИ РАН), в котором сосредоточены материалы, органически связанные с фондом 109⁹. Цель настоящего исследования: на основе указанных архивных материалов, охватывающих период между Столбовским миром 1617 г. и Кардисским миром 1661 г., а также повествующих о нескольких годах, потраченных на проведение условий последнего мирного договора в жизнь, изучить причины появления проблемы перебежчиков в русско-шведском дипломатическом диалоге и рассмотреть конкретные действия, с помощью которых Россия и Швеция пытались разрешить эту проблему.

Следует отметить, что упомянутые выше К. Якубов и А.С. Жербин, касающиеся в своих работах проблемы перебежчиков, основное внимание уделяли уходу населения со шведской территории в русские земли. К. Якубов утверждал, что переходы русских подданных в шведские пределы «были, конечно, сравнительно очень редки»¹⁰. О подходе А.С. Жербина прямо говорит название его работы: «Переселение карел в Россию в XVII веке». Вероятно, сведение проблемы перебежчиков в основном к переходу населения из шведских в русские земли во многом связано с характером информации, которую удалось извлечь из имеющихся в распоряжении исследователей источников.

Между тем, уже в середине XX в. вопрос о причинах переходов через границу вызывал дискуссию. Поначалу и отечественные, и зарубежные историки искали причину переселений в религиозных расхождениях православных и лютеран. Придя к выводу о слабости этого тезиса, зарубежные исследователи стали объяснять переселение в русские земли как принудительное мероприятие, организованное русским правительством. Отступив от примата религиозных причин, отечественный исследователь С.С. Гадзяцкий показал, что переселение было добровольным, а причина переходов из Швеции в Россию — тяжёлое политическое и экономическое угнетение, которому подвергалось население на шведской территории. Отечественный же учёный Д.В. Бубрих рассмотрел одну из причин переходов — гонения на культуру, язык, обычаи¹¹. Современные отечественные исследователи не пришли к единому мнению о причинах ухода населения из Швеции в Россию, но в их работах проявилось более пристальное внимание и к причинам перехода населения с русской территории в шведские земли¹². Несмотря на единодушное мнение исследователей о массовости исхода населения именно со шведской на русскую территорию, вводятся в оборот новые материалы, которые заставляют обратить внимание на вероятные причины, препятствовавшие потенциальным мигрантам безоглядно уходить в русские земли¹³. Исследователи обратили внимание на противоречивость обстоя-

тельств, толкавших шведских подданных к уходу в Россию. Говоря о шведской Ингерманландии, И.П. Шаскольский отмечает, что существование рядом с российскими владениями с установившимся крепостным правом русской по составу населения области, где не было крепостного права, должно было привести к частому бегству русских крепостных крестьян в эти шведские земли. При этом исследователь вынужден согласиться с тем, что в действительности наблюдалось противоположное явление — в течение всего XVII века происходил уход русских крестьян из завоёванной Ижорской земли внутрь России. Перечисляя различные побудительные причины подобных направлений людских потоков — неурожай; тяжесть повинностей; «притеснения шведских церковников», усиленно распространявших лютеранство среди православных, — Шаскольский всё же экономические причины считает приоритетными, а «нежелание» русских крестьян «жить под чужеземной властью» — вторичным обстоятельством¹⁴. Учитывая отсутствие единства среди исследователей по вопросу о причинах перемещения населения через границу, представляется, что рассмотрение на основе слабо изученных архивных документов проблемы перебежчиков, а также выявление мероприятий, с помощью которых Россия и Швеция пытались разрешить эту проблему, является актуальным.

Согласно условиям Столбовского мирного договора, заключённого между Россией и Швецией 27 февраля 1617 г., к шведскому королевству отошли русские земли вместе с проживающим на них населением, которое, несмотря на неоднородный этнический состав, в значительной своей части исповедовало православие¹⁵. Новая русско-шведская граница, прошедшая по русским землям, разделила издавна живших в едином культурном пространстве людей на две правовые категории: одни остались царскими подданными, другие стали подданными шведской короны. Подписание мира, а затем и установление линии границы, сопряжённое с немалыми сложностями¹⁶, не означало прекращения соперничества. Именно с этих пор большую остроту приобрела проблема перебежчиков, во многом усложнявшаяся тем обстоятельством, что охрана новой границы с обеих сторон не была организована должным образом¹⁷. Решение вопроса об уходе подданных за границу стало одной из главных проблем в отношениях Швеции и России, по крайней мере, до заключения 21 июня 1661 г. Кардисского мирного договора, одним из условий которого было согласие шведской стороны не требовать возврата перебежчиков, перешедших со шведской на русскую сторону в период после Столбовского до Кардисского мира. Но о том, что вопрос и тогда не был окончательно решён, говорит согласие обеих договаривающихся сторон и впредь взаимно возвращать перебежчиков, дерзнувших уже после Кардисского мира нелегально пересечь границу¹⁸. Половина столетия, разделявшая два «вечных мира», наполнена особенно острой борьбой правительств России и Швеции за подданных. При этом противостоящим сторонам, взаимно заинтересованным в сохранении мирных отношений для налаживания торговых связей и сотрудничества на международной арене, предстояло находить верную тональность в общении друг с другом. Кроме того, близость слабо охраняемой границы в определённом смысле вынуждала как землевладельцев, так и государство выбирать лояльные формы отношений со своими земледельцами и подданными: угрозы разойтись — в том

числе и уйти за рубеж — были существенным оружием в руках пашенных крестьян по обе стороны границы¹⁹.

Шведское правительство отдавало себе отчёт в сложностях, с которыми предстоит столкнуться в связи с приобретением земель с проживающим на них православным населением, и ещё до Столбовского мира по распоряжению шведского короля Густава II Адольфа было создано сочинение, где православные признавались христианами, которые лишь по недопониманию оказались в некоторых вопросах веры введены в заблуждение: им нужно только помочь вернуться на правильный путь. Монополия лютеранского вероисповедания на всей территории государства была основополагающим принципом шведской политики в области религии, поэтому оправдывалось стремление обратить в лютеранство новых подданных шведской короны, но не силой, а убеждением. При этом король, как христианский государь, обязан всё же использовать свою власть и полномочия, чтобы истинное вероучение без помех преподавалось и проповедовалось среди его подданных²⁰.

Если шведский король и готовился обратить своих православных подданных в лютеранское вероучение, то декларирование подобных устремлений могло только направить их взоры в сторону православной России. Правящие круги Швеции были вынуждены в этих условиях защищать религиозные права своих православных подданных, не желая их ухода в русские земли, и шведские послы ещё во время переговоров, предшествовавших заключению мира, уверяли русских: оставшихся в шведских землях православных «от веры отводить не станем, а кто де от веры людей отводит неволею, а тому де Бог не терпит»²¹. При этом дальнейшее увеличение числа православных подданных не входило в планы шведской администрации: обращение в православную веру воспрещалось под угрозой смертной казни, и если обращённые в лютеранство шведские подданные, убежавшие в Россию и принявшие там «русскую веру», вновь оказывались во власти шведского правительства, то их вешали прямо на рубеже — так как они «отреклись от христианской веры»²².

Если обращение в лютеранство всего подвластного шведской короне населения являлось задачей шведского правительства на отдалённую перспективу, то в ближайшее после заключения мира время главной задачей в отношении ставших шведскими подданными православных было препятствование их уходу в Россию. Согласно условиям Столбовского мирного договора, монахам, дворянам, детям боярским и посадским людям, которые проживали на уступленных Швеции русских землях, предоставлялось право в течение 2-х недель с момента заключения договора перейти в русские пределы²³. В эти две недели обе стороны активно вели борьбу за людей. Именно с целью удержания подданных, ещё в ходе переговоров, предшествовавших заключению Столбовского мира, когда речь зашла об условиях перехода в Россию населения с территорий, которые царь уступал королю, шведы наотрез отказались отпускать с этих земель православных священников, опасаясь ухода вместе с ними и их прихожан²⁴. Действенность этой меры, направленной на удержание в Швеции православного населения, подтверждается в частности рассказом жителя Ивангорода, оказавшегося вскоре после заключения Столбовского мира в числе перебежчиков со шведской стороны. Он поведал задержавшим его русским властям о судьбе сво-

его отца, которого шведы не отпустили в русские пределы «для того, что отец его поп, и многие русские люди были у него дети духовные, и для того остались многие русские люди»²⁵. Царь также возлагал большую надежду на православное духовенство, которое должно «крепко и мужественно» сдерживать попытки населения переметнуться в две недели, выделенные для свободного выхода, к «иноверцам»: ведь оставшиеся на шведской стороне «душами своими от Бога во веки погибнут». В грамоте сквозит неуверенность в том, что православная вера способна крепко привязать исповедующих её людей именно к русской территории: слишком часто упоминается о «царской милости» и «царском милосердии» вперемешку с запугиванием относительно ненадёжности благ, обещанных шведами²⁶.

Уже после окончания срока выхода, тесную духовную связь прихожан со священниками пытался использовать для переманивания в русские земли шведских подданных, исповедовавших православие, новгородский митрополит, создававший невыносимый психологический климат для православных священников, приезжавших в Великий Новгород из Швеции за благословением. Владыка «их проклинает и называет отметчики и говорит: только бы они от туда поехали на царскую сторону — смотря на них и крестьяне бы перешли, а коли они там остались, и на них смотря, и крестьяне там же остались»²⁷. Позиция митрополита в корне противоречила условиям Столбовского мира, в котором стороны договорились относительно населения уступленных Швеции русских территорий о следующем: «русским уездным попам и пашенным людям <...> некоторыми обычаями оттоле не выходить, и с своими женами и с детьми, и с домочадцы остаться тут, и жить под Свейскою короною»²⁸.

Тесное и фактически бесконтрольное общение православных священнослужителей, оставшихся в Швеции, со своим духовным главой в России закономерно заставляло шведские власти не слишком доверять этим своим подданным, облечённым священническим саном. Об этом недоверии мы узнаём в частности из обращения царя к новгородскому митрополиту в августе 1619 г. Владыке велено послать грамоты в русские города, отошедшие под власть Швеции, — Корелу, Ям, Орешек, Копорье, Ивангород — и те грамоты православным священникам «отдати явно, чтоб на них от немец мненья не навести»²⁹. Из митрополичьего послания, отправленного во исполнение царской воли, можно заключить, что владыка был предупреждён о недопустимости призывать к действиям, противоречащим мирному постановлению: православные священники из шведских владений получили уверение, что по приезде за благословением в Великий Новгород им «от митрополита и от попов и от русских людей укоризненных слов» не будет³⁰. Русские власти стремились не обострять отношения со Швецией, пограничные проблемы с которой ещё находились в процессе разрешения³¹. Кроме того, на международной арене страны выступали как союзники, а налаживание торговых контактов было выгодно как России, так и Швеции³².

Совсем прервать контакты с соседней страной, где господствовало лютеранство, всё же было невозможно. Зарубежное православное духовенство нуждалось в общении с митрополитом — требовалось разрешение владыки на освящение храмов, необходимо было его благословение — и священники стекались

в Великий Новгород. Приграничные шведские власти, очевидно, не могли уследить за этим потоком, и в царском послании к новгородскому воеводе, ответственному за приграничные дела, в ноябре 1622 г. появляется вопрос: «с повеленья ль корельских и иных городов державцов русские люди из-за рубежа к митрополиту приходят и о церковном строении и антимирах бьют челом, или тайно?»³³. Прибывшим же с ведома шведских властей обещано, что «приезд и отъезд им будет вольный, и обид и задержанья и укоризненных слов ни от кого ни в чем им не будет, и сумнение б о том никому не имети»³⁴. Шведские власти, пользуясь правом выдавать «проезжие грамоты» за рубеж, стремились использовать это право для регулирования потока православных священнослужителей к русским святыням.

Русские власти, в свою очередь, находили основания высказывать претензии к шведским коллегам, позволявшим нарушать условия мирного договора в отношении православных, ставших подданными шведской короны. Несмотря на то обстоятельство, что учение Лютера предполагает отказ от насильственного обращения кого-либо в веру³⁵, царская грамота от июня 1624 г. повествует об ином положении дел в бывших русских землях: «чернецам и попам и мирским людям в православной вере утеснение, новых церквей ставить не вольно, многие церкви заперты и запустели; попам и чернецам к Новгородскому митрополиту ездить не велят и от веры русских людей отводят в свою веру»³⁶. Разумеется, подобная политика стимулировала бегство православных в Россию, а русское правительство изыскивало различные причины, чтобы не выдавать перебежавших в русские земли священников и монахов. Шведам сообщалось, что беглецов «пока в сыске не объявилось», а самим «попам и чернецам», которые уже перебежали и в России живут, и тем, которые впредь из Швеции перебегут, русские власти «в порубежных местах жити не велели» — чтобы шведы о них не прознали. С этой целью царь научал своего приграничного воеводу: «А ся б наша грамота была у вас тайно и опричь бы вас никто не ведал, чтоб о том в немцах ведома не было»³⁷.

В ответ на шведскую политику русские принимали свои меры. Учитывая то обстоятельство, что в представлениях людей православной традиции в то время понятия подданства и конфессии практически совпадали, и православие автоматически обозначало для них русское подданство³⁸, действенным способом удержать на русской территории оказавшихся здесь неправославных подданных шведского короля было их крещение в православную веру. Об этом повествует следующий документ. В 1628 г. русским приграничным властям объявились «четыре человека свейских порубежных немец, а сказали, что они братья родные, а вышли они из своей земли годы з два и жили в Кольском уезде на Топозере, у крестьян, а ныне хотят креститца». Царь повелел оштрафовать тех крестьян, которые укрывали шведских подданных. Самих же перебежчиков, вместо официальной выдачи шведским властям, решено было просто отпустить восвояси³⁹. Русское правительство, не заинтересованное в обострении отношений с союзной Швецией, старалось не афишировать подобные контакты в приграничье. С другой стороны, относительная мягкость наказания за укрывательство шведских подданных напрямую связана с поиском русским правительством путей перевода беглецов в разряд подданных царя. Об этом сообщает

другой документ. В декабре 1627 г., в ответ на жалобы шведских приграничных властей, которые «пишут безпрестанно, что бегают в царскую сторону с их стороны многие перебежчики», русское правительство велело беглецов сыскать, а затем их следовало «беречь тем людям, у кого их изъедут, не шумко, чтоб про то за рубежом не сведали»⁴⁰. Протянув время, можно было подготовить перебежчиков к принятию крещения по православному обряду.

О целях массового крещения перебежчиков со шведской стороны, организованного русским порубежным духовенством, были хорошо осведомлены шведы, заявившие на переговорах 1649 г.: «которые Финцы и иные шведские подданные одной их, свейские, веры перебегали в царскую сторону и в царской стороне архимандриты и игумены, хотя их укрепить за собою во крестьянах, перекрещивали их в рускую веру»; подобным же образом поступали и с беглыми солдатами «из Финской земли» — и отправляли новокрещенцев служить подалее от русско-шведской границы⁴¹. И в наказе русским послам, отправленным в 1658 г. на переговоры в Валиесари, царское правительство, предвидя претензии шведской стороны, велело говорить: «пашенным крестьянам на обе стороны размены учинити никоими меры невозможно», потому что они «развезены в дальние города и места... крестились... и поженились на русских жонках и девках, а иные дочерей своих за русских замуж повыдавали»⁴². Всё же следует отметить, что само по себе крещение в православную веру, женитьба на православных «девках» не гарантировали привязанности неофитов к русской земле. Интересный эпизод дают «Порубежные акты». В 1622 г. группа «новокрещенцев», отправленная хозяином на работы в лес, забыв про оставленных в поместье жёнах, устремилась в шведские пределы⁴³.

Несмотря на декларирование шведским правительством своих усилий по созданию в Швеции условий для отправления религиозных обрядов по православному обычаю, священников для этих целей не хватало. Сказывались последствия политики лютеранизации⁴⁴. Следующий документ подтверждает подобное положение вещей. В 1650 г. с русской пограничной заставы сообщали, что «...зарубежские с Свейские стороны крестьяне русские люди, которые живут поблиско рубежа, просятца на царскую сторону для отцов духовных...»⁴⁵. Это же обстоятельство нашло отражение в отписке воеводы, которого в июне 1656 г., во время русско-шведской войны, шведские подданные просили способствовать переходу их в православие. Но оказалось, что в шведских землях «крестить их некому и не по чему: один поп, и тот стар и увечен, и книг у него нет»⁴⁶. Недостаточное число православных священников на шведских землях во время русско-шведской войны 1656-1658 гг. послужило поводом для организации русским воеводой Челищевым, по выражению некоторых исследователей, чуть ли не личного «крестового похода» — с крещением шведских подданных и присягой их царю⁴⁷. При первом же удобном случае многие, насильственно зачисленные в разряд царских подданных, убегали в шведскую сторону⁴⁸.

Православное население, поставленное на шведской территории в условия нехватки приходских священников, находило выход из этого положения. Пользуясь тем, что граница охранялась не очень тщательно, призванные прихожанами из России священники совершали богослужения⁴⁹. На определённую регулярность подобных переходов указывают высказанные шведами во время пере-

говоров 1649 г. претензии: с русской стороны приезжают в шведскую сторону православные священники, шведских подданных «крестят в русскую веру тайно» и вывозят с собой в Россию. Возмущение шведской стороны достигло предела: пойманных священников грозятся повесить на рубеже⁵⁰. Но угроза не достигает цели. Об этом повествуют документы из коллекции актов книг архива СПб ИИ РАН. В 1661 г. шведские пограничные власти негодовали: «каким обычаем» русский поп и пономарь были «за рубежом у немецких людей» и проводили церковную службу на шведской территории? Священнослужители были отосланы обратно в русские земли с наказом: чтобы «таким обычаем опять не приехали». Но поп и пономарь «ныне опять внове своим церковным строем в ризах и во всей службе объявились» и у шведских подданных «дети крестили и людей венчали <...> и мертвых похоронили и обедню служили»⁵¹. Как отмечалось выше, появление у православных шведских подданных духовных отцов за границей, на русской территории, вызывало обоснованные опасения шведского правительства: возможный уход населения вслед за священником в Россию, безусловно, не входил в планы шведской администрации. Кроме того, дети, родившиеся у православных шведских подданных, были той категорией населения, которую значительно легче было обратить в лютеранскую веру, чем их родителей. В этой связи понятно пристальное внимание шведской администрации к устремлениям православного населения, живущего на шведской территории, находить возможности крестить новорожденных по православному обряду даже в условиях недостаточного количества православных священников в лютеранском королевстве. При этом давние связи оказавшихся по разные стороны границы людей и недостаточно строгая охрана рубежей играли важную роль в систематичности пользования шведских подданных услугами православных священников с русской территории.

Помимо религиозного воздействия, другим способом увеличить число собственных подданных для властей обеих стран было их переманивание в соседнюю страну и другими путями. Правящие круги обеих стран использовали все возможности для пополнения рядов подданных своих монархов, опираясь при этом на активное взаимодействие людей по обе стороны границы. Новая русско-шведская граница, установленная согласно условиям Столбовского мирного договора, разделила многие семьи; по разные стороны рубежа оказались люди, поддерживающие приятельские отношения, имевшие общее дело.

Уже в ходе переговоров в Столбово шведы высказали опасение, что русские станут переманивать на свою сторону население с тех территорий, которые царь уступит королю Швеции⁵², и в тексте мирного договора нашёл отражение запрет как русским, так и шведским подданным «подзывать и подговаривати» людей к переходу на свою сторону⁵³. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что этот же запрет был повторён в Валиесарском (1658 г.) и Кардисском (1661 г.) договорах⁵⁴. О том, что проблема переманивания подданных не потеряла своей остроты и после заключения Кардисского мира, повествуют в частности документы архива СПб ИИ РАН. В 1663 г. царю подали челобитную русские «многие люди». Они жаловались, что «...из шведской земли шведские подданные в царскую сторону часто приходят, людей подговаривают...», о чём русское правительство сообщило шведским приграничным властям⁵⁵.

Случалось, что с целью пополнить ряды собственных подданных представители власти применяли насилие к подданным соседнего государства, оказавшимся на их территории. В 1620 г. в поисках средств к существованию царский подданный некий Иван был «подозван» дьячком Иваном Борисовым, подданным шведского короля, в качестве учителя детей этого дьячка грамоте. Когда же в тех краях оказался комендант шведской крепости Орешек, дьячок Иван Борисов, вероятно, стремясь выслужиться перед «Ореховским державцем», попытался наставника своих детей «неволею привести к крестному целованию на королевское имя», а за отказ грозил убийством. Царскому подданному удалось сбежать и пробраться на русскую сторону: на этот раз шведская корона не получила нового подданного⁵⁶.

Большой ущерб от перехода населения, безусловно, несла малолюдная Швеция. В ходе Стокгольмских переговоров, завершившихся в 1649 г. подписанием договора, русские узнали, что шведские дворяне с приграничных земель «с большим шумом» жаловались королеве Христине: крестьяне их все выбежали в русскую сторону; королева лишь «прослезилась и сказала: что же делать, потерпите». Шведские представители, подчёркивая всю остроту ситуации, сравнили ущерб от исхода населения с тяготами военного времени: «хотя бы с царской стороны войною впали, ино б де столько шкоды и убытков не учинили»⁵⁷. Шведы, бессильные изменить ситуацию путём переговоров, периодически угрожали началом военных действий: «и шоб нам пятау на рускую землю поставить и нам помочников много будет»⁵⁸.

Очевидно, под давлением шведских властей, обеспокоенных слишком тесными связями приграничных жителей, русские власти препятствовали контактам выданных уже перебежчиков со своими «знакомцами и родимцами» на русской стороне, и даже к жёнам своим и детям, оставшимся по болезни в русской земле, выданных перебежчиков не пускали: «присылали б перебешики в царскую сторону по жен своих и по детей своих иных зарубежных людей не перебешиков»⁵⁹.

Подчас вслед за перебежчиками хозяин снаряжал погоню, и «погонщики» нередко нарушали границу. Царь, запрещая «насильством» вывозить людей, в то же время указывает, чтобы за перебежчиками «гоняли до рубежа, а за рубежом за беглецами не ходили»⁶⁰ — это самовольство приводило к дипломатическим осложнениям. Явно в ответ на претензии шведов русские власти, поймав на своей территории шведских перебежчиков, выпытывали: «собою ли вышли, или кто вас подговаривал или из зарубежа вас вывозили»⁶¹?

В диалоге по вопросу об уходе подданных в русские пределы шведы старались опираться на прагматические доводы: «перебежчик [отрицает] Богом и природой над собой [поставленную] верховную власть, чем не только нарушает долг и покорность, которыми он ей обязан, но и также расхищает тем самым [деньги], которые он обязан своей власти предоставлять и выплачивать, совершает достаточное злодейство и мошенничество»⁶². В «листе» шведского генерала к русскому воеводе по поводу выданного шведам перебежчика звучат нотки гордости за тех подданных, которые верны присяге шведской короне. Шведский подданный крестьянин Фёдор Андреев вскоре после Кардисского мира без проезжей грамоты пришёл на русскую территорию, был задержан как пере-

бежчик и выдан шведам. Оказалось, что крестьянин этот «хотел своих детей навестить»: во время минувшей войны он и вся его семья была вывезена со шведской территории. Как пришло мирное время, и по договору условились выдать пленников, и русским «мочно было их давно отдать. А коли то по се время не учинено, а он отец помянутой Федор попомнил свою присягу его королевскому величеству и короне свейской и в прошлом годе, как мир учинен и он один с женою своею на свое старое житье пришел»⁶³.

Следует признать, что с завершением вооружённого противостояния России и Швеции в 1617 г., наряду с налаживанием тесных торговых и политических связей, прерванных лишь непродолжительными военными действиями в 1656-1658 гг., между странами шла необъявленная война за население, за человеческий ресурс — с использованием всех доступных средств. Представляется, что заинтересованность обеих сторон в увеличении населения и являлась основной возникновения проблемы перебежчиков. Учитывая достаточную прозрачность границ и тесные контакты приграничных жителей, самостоятельно вступавших в отношения друг с другом⁶⁴, правительства обеих стран не имели возможности окончательно разрешить проблему противоречившего межгосударственным соглашениям перехода населения через границу — а подчас и не желали препятствовать таким передвижениям. В любом случае, фактически решение проблемы перебежчиков во многом зависело от позиции порубежных властей и жителей, так как центральные правительства соседних стран-соперников остро нуждались в лояльности населения приграничья. Порубежное население было заинтересовано в пополнении своих рядов за счёт подданных соседней державы, а местные власти зачастую способствовали укрыванию перебежчиков на территории своего государства⁶⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кан А.С.* Стокгольмский договор 1649 года // Скандинавский сборник. Таллин, 1956. Вып. 1. С. 101-117.
2. *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века: сб. материалов. М., 1897.
3. *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.
4. *Курсков Ю.В.* «А.С. Жербин. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956 г.» (Рецензия) // Скандинавский сборник. Таллин, 1957. Вып. 2. С. 272-278.
5. *Козинцева Р.И.* Источники по истории русско-скандинавских отношений в архиве Ленинградского отделения института истории СССР // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: сб. статей. Л., 1970. С. 342-355.
6. История Карелии с древнейших времён до середины XVIII века (на правах рукописи) /под ред. А.Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952.
7. *Шаскольский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1998. С. 18-19.
8. *Селин А.А.* Порубежное духовенство в 1-й половине XVII в. // Староладожский сборник: научное издание. Вып. 3. СПб.: Ст. Ладога, 2000. С. 29-36; *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
9. Путеводитель по архиву Ленинградского отделения института истории. М.; Л., 1958. С. 69.

10. Якубов. Ук. соч. С. V.
11. Курсков. Ук. соч. С. 273.
12. Некрасов Г.А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX—XVIII вв. М., 1993. С. 65, 83; Селин А.А. Порубежное духовенство в 1-й половине XVII в. // Староладожский сборник: научное издание. Вып. 3. СПб.: Ст. Ладога, 2000. С. 29-36.
13. Чернякова И.А. К вопросу о судьбах «корельских выходцев» в XVII веке (опыт анализа нового источника): препринт доклада на заседании учёного совета института языка, литературы и истории 24 мая 1989 г. Петрозаводск, 1989.
14. Шаскольский И.П. Крестьянство Ингерманландии (Ижорской земли) в XVII в. // История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб., 1994. С. 142-146.
15. Шаскольский. Крестьянство Ингерманландии (Ижорской земли) в XVII в. С. 143; Яловицина С.Э. Особенности народной психологии и быта приграничного населения (на примере «корельских приходов») // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: материалы 3-й междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2001. С. 58-59.
16. Жуков А.Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617-1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: сб. статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 31-36.
17. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование) (руковод. авт. коллектива Шапиро А.Л.). Л., 1989. С. 189; Селин А.А. Ладога при Московских царях. СПб.: Ст. Ладога, 2008. С. 93; Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 166; Архив СПб ИИ РАН Ф. 109 («Порубежные акты»). Оп. 1. Д. 319. Л. 1.
18. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т.1. СПб., 1830. № 301. С. 545.
19. Голицын Н.В. К истории русско-шведских отношений и населения пограничных с Швецией областей (1634-1648 гг.). М., 1903. С. 13; История Карелии с древнейших времён до середины XVIII века (на правах рукописи) (под ред. Брюсова А.Я.). Петрозаводск, 1952. С. 262.
20. Толстиков А.В. Русское православие в свете шведской лютеранской теологии (первая половина XVII в.) // Мозаика: Фрагменты истории шведской культуры. М., 2006. С. 209-227. С. 210-213.
21. Якубов. Ук. соч. С. 13.
22. Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 593.
23. Лыжин Н.П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие: С приложением актов. СПб., 1857. С. 152.
24. Якубов. Ук. соч. С. 8.
25. Дела Тайного приказа . Т. 4. Л., 1926 (РИБ. Т. 38). Стб. 479.
26. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1841. № 284. С. 450-451.
27. Якубов. Ук. соч. С. 82.
28. Лыжин Н.П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие: С приложением актов. СПб., 1857. С. 152-153.
29. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т.3. СПб., 1836. № 107. С. 147.
30. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографиче-

- ской экспедицией Императорской академии наук. Т.3. СПб., 1836. № 108. С. 147.
31. *Рабинович Я.Н.* Гдов в Смутное время (1610-1621) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы науч. конф. 15-17 нояб. 2005 г. Великий Новгород, 2006. С. 99.
32. *Шаскольский.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. С. 293.
33. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 3. СПб., 1836. № 127. С. 180.
34. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 3. СПб., 1836. № 128. С. 182.
35. *Толстиков А.В.* Русское православие в политике и политической риторике Швеции (первая половина XVII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 39.
36. *Якубов.* Ук. соч. С. 275.
37. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 3. СПб., 1836. № 155. С. 221.
38. *Страхова О.Б.* Несколько замечаний по поводу обращения в православие в XVII веке // *Palaeoslavica*. Т. 7. 1999. С. 343; Селин. Ук. соч. С. 34.
39. *Якубов.* Ук. соч. С. 282-283.
40. Дела Тайного приказа . Т. 4. Л., 1926 (РИБ. Т. 38). Стб. 336, 340.
41. *Якубов.* Ук. соч. С. 163.
42. Цит. по: *Курсков Ю.В.* Русско-шведские дипломатические контакты и развитие общественной мысли России в середине XVII в. // Десятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: тезисы докладов. М., 1986. Ч.1. С. 75.
43. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109 («Порубежные акты»). Оп. 1. Д. 801. Л. 1.
44. *Цветаев Д.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 590.
45. Дела Тайного приказа . Т. 4. Л., 1926 (РИБ. Т. 38). Стб. 432.
46. Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894. № 846. С. 515.
47. *Жуков А.Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 215, 222.
48. *Гадзяцкий С.С.* Карелия и Южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 269.
49. История Карелии с древнейших времён до середины XVIII века (ред. Брюсов А.Я.). Петрозаводск, 1952. С. 214-215.
50. *Якубов.* Ук. соч. С. 209.
51. Архив СПб ИИ РАН. Колл.2 (Актовые книги). Оп.1. Д. 28. Л. 5 об.
52. *Якубов.* Ук. соч. С. 7.
53. *Лыжин Н.П.* Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие: С приложением актов. СПб., 1857. С. 162-163.
54. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т.1. СПб., 1830. № 301. С. 470, 538.
55. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Лл. 128, 131-131 об.
56. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 58, Л. 2-3; *Селин.* Порубежное духовенство... С. 33.
57. *Якубов.* Ук. соч. С. 178, 192-193.
58. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп.1. Д. 728. Л. 4.
59. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп.1. Д. 634. Л.1.
60. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп.1. Д. 251. Л. 3, 4.
61. Архив СПб ИИ РАН. Ф.109. Оп.1. Д. 3. Л. 2.

62. Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. М., 1981. С. 176.
63. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 67-68.
64. *Беспятых Ю.Н.* «Крестьянское перемирие» и пограничная торговля между северными районами России и Шведской Финляндии в начале XVIII в. // Скандинавский сборник. Вып. 25. Таллин, 1980. С. 50-57; *Кокконен Ю.* Безопасность, обеспеченная «снизу»: Соглашения о мире на границе в период шведского правления в Финляндии с XIV века по 1809 год // Восточная Финляндия и Российская Карелия: Традиция и закон в жизни карел: Материалы междунар. семинара Историков, посв. 65-летию ПетрГУ. Петрозаводск, 2005. С. 48-52.
65. *Жуков А.Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 218.

DEFECTORS ISSUE IN RUSSIAN-SWEDISH RELATIONS: FROM STOLBOVO
PEACE TREATY TO KARDIS (BASED ON THE ARCHIVES OF SAINT PETERSBURG
INSTITUTE OF HISTORY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE)

A.I. Chepel

The article considers an important issue concerning relations between Russia and Sweden during a spell between two peace treaties concluded in Stolbovo and Kadis, namely the defectors issue. Basing his research on the material provided by Saint Petersburg Institute of History (Russian Academy of Science) the author makes an attempt to find out what caused the defectors problem and how Russian and Swedish diplomats tackled it. The author concludes that the solution of the problem depended on mutual efforts of both Russian and Swedish authorities, what with close contacts of frontiersmen interfering with it, though both governments badly needed their loyalty.

Key words: Russian-Swedish relations, defectors issue, diplomatic dialogue, frontier territory.

© 2009

А.С. Алмазов

СУДЕБНЫЕ ФУНКЦИИ ГЕТМАНА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ
ИВАНА САМОЙЛОВИЧА (1672–1687)

В статье рассматриваются судебные функции главы Левобережной Украины в период гетманства Ивана Самойловича (1672-1687). Автор статьи приходит к выводу о том, что в указанный период гетман имел довольно широкие судебные полномочия. Это свидетельствует о значительной степени автономности украинской судебной системы в период гетманства Самойловича.

В статье также отмечается, что Москва вмешивалась только в наиболее

важные с политической точки зрения дела, но получала сведения от гетмана практически по всем судебным вопросам. Это позволяло центральной власти не допускать усиления ни старшины, ни гетманской власти, избегая при этом недовольства как украинской элиты, так и широких слоёв казачества, горожан и селян.

Ключевые слова: судебные функции, гетман, украинская элита, казачество.

Тема данной статьи относится к проблеме становления украинской государственности в составе России. Гетманы Левобережной Украины, являясь руководителями автономного образования в составе Русского государства, наряду с коллегиальными органами управления — генеральной радой, радой старшины, полковыми и сотенными администрациями — обладали исполнительными, законодательными и судебными функциями. Последние являются предметом рассмотрения в данной статье.

Источниками данной работы послужили русско-украинские договорные статьи, царские грамоты, гетманские листы и универсалы, отписки гетмана и других должностных лиц. Вопрос о судебных функциях главы Левобережной Украины ещё не являлся предметом специального рассмотрения, однако некоторые авторы касались его отдельных аспектов при рассмотрении более широких проблем¹.

Наиболее важными документами, определявшими устройство органов управления Запорожского городского войска, были русско-украинские договорные статьи. Последние принимались на генеральных войсковых радах при избрании нового гетмана, после чего российский царь жаловал ими Запорожское войско. В рассматриваемый период действовали Конотопские статьи (1672 г.), принятые при избрании гетманом Ивана Самойловича, а также Переяславские статьи (1674 г.).

Согласно Конотопской статье № 3, Гетман не имел права самовольно судить представителей старшины, но должен был созывать войсковой суд для разбора таких дел. При этом о других категориях населения сказано только, что Гетман обязан «не чинить» представителям таковых «никакой неволи и жестокости»². 12-й артикул Переяславских статей 1674 г. не имел никаких принципиальных отличий от вышеуказанного артикула из Конотопских статей³.

Самойлович придерживался русско-украинских статей и не судил единолично ни старшину, ни представителей других социальных групп. Так, для суда над старшиной гетман созывал раду старшин⁴. Именно старшинская рада судила в январе 1674 г. С. Куницкого⁵ по делу об измене Запорожскому войску, а в октябре 1676 г. стародубского полковника П. Рославца и нежинского протопопа С. Адамовича по аналогичному обвинению⁶.

Формально страшинская рада являлась совещательным органом при Гетмане, а потому не имела чётко определенного состава. Например, уже упоминавшихся П. Рославца и С. Адамовича судила рада в составе головы московских стрельцов в Батурине С. Радышевского, генерального судьи И. Домонтовича, генерального есаула И. Лысенко, генерального бунчужного Л. Полуботко, гене-

рального хорунжего Г. Карповича-Коровченко, отдельных полковников, сотников и духовных лиц, в том числе И. Галятовского, М. Дзика, Ф. Гугуревича и некоторых других⁷. На заседаниях старшинской рады председательствовал гетман Левобережной Украины.

Глава Запорожского войска руководил генеральным войсковым судом, который судил селян, мещан и простых казаков. Он получал сведения о ходе дела и утверждал приговор⁸. Гетман также обладал правом передавать дела на рассмотрение старшинской рады после того, как по ним было вынесено решение генерального суда. В таком случае старшинская рада выступала как апелляционная инстанция. Гетман рассматривал жалобы и доносы, которые он мог направить или не направить на рассмотрение генерального суда⁹.

Кроме того, глава Запорожского войска обладал правом даровать и подтверждать судебные привилегии городам (за исключением Киева¹⁰). Так, универсалом от 28 июля 1672 г. Иван Самойлович дозволил жителям Нежина в делах, в которых и истец, и ответчик были мещанами названного города, пользоваться собственным правом. Гетман также регулировал посредством универсалов и инструкций саму судебную систему и деятельность судов, в том числе полковых и сотенных¹¹.

Кроме гетманских универсалов войсковые суды Левобережной Украины при рассмотрении дел использовали и другие источники права: Литовский статут в третьей (1588 г.) редакции, русско-украинские договорные статьи, судебные прецеденты (через посредство судебных книг), магдебургское право (судьи, как правило, пользовались сочинениями и конспектами юристов Речи Посполитой XVI-XVII вв.)¹². Например, при первом суде на С. Адамовичем и П. Рославцем суд генеральной старшины использовал «войсковой обычай» (прецедентное право войскового суда) и магдебургское право¹³.

Кроме того, специально для суда над протопопом Адамовичем присутствовали духовные лица, поскольку указанный обвиняемый относился к церковной юрисдикции. Архимандриты, игумены и протопопы использовали в своём вердикте источники церковного права: «Правила Святых Апостол» и «Новые заповеди Юстиниана»¹⁴.

Гетман имел право напрямую указывать суду то решение, которое необходимо было принять. Также прерогативой Гетмана было помилование осуждённых¹⁵. Так, в 1686 г. И. Самойлович по просьбе киевского митрополита Гedeона Четвертинского помиловал бывшего киевского войта Ж. Тадрыну¹⁶.

Гетману, раде старшин, генеральному войсковому и другим судам Левобережной Украины были неподсудны российские «ратные люди», составлявшие гарнизоны крупнейших городов¹⁷. Если россиянин совершал преступление на территории Левобережной Украины, то дело рассматривал Малороссийский приказ. Однако досудебное расследование проводилось местными органами власти. Так, в 1677 г. гонец киевского воеводы Осташко Кузьмин заколол мещанина на торгу Новгорода-Северского. Иван Самойлович сообщил о случившемся в Малороссийский приказ, а также послал материалы расследования, проведённого по горячим следам городским урядом¹⁸. О приговоре по делу О. Кузьмина, который был вынесен в Малороссийском приказе, глава запорожского войска был проинформирован через царскую грамоту. Согласно при-

говору, виновный получил 15 ударов кнутом и был отдан на поруки¹⁹.

По наиболее важным делам в отношении украинцев гетман Левобережной Украины также делил свои судебные полномочия с Малороссийским приказом. Так, кроме войскового суда над П. Рославцем и С. Адамовичем, их дело решал Малороссийский приказ, постановивший отправить обвиняемых в Сибирь, а их имущество конфисковать²⁰, что противоречило решению первого войскового суда по этому делу, состоявшегося в октябре 1676 г.

В своей монографии А.И. Пашук утверждал, что украинцев по делам о государственной измене судили согласно Соборному Уложению 1649 г.²¹. Однако это точка зрения не подтверждается источниками, по крайней мере, относящимися к рассматриваемому периоду. Так, предшественник И. Самойловича, гетман Д. Многогрешный, обвинённый в измене, был в 1672 году сослан в Сибирь²². Кроме того, уже упоминавшиеся С. Адамович и П. Рославец, которые также были признаны виновными в государственной измене, в 1677 г. тоже были отправлены в Сибирь, притом что генеральная рада старшин, руководствуясь войсковым правом, приговорила их к смертной казни²³. Да и сам Иван Самойлович вместе с сыном Яковом был сослан в Сибирь по тому же обвинению в 1687 г.²⁴. Согласно же 2-й статье главы II Соборного Уложения, государственная измена каралась смертной казнью²⁵.

Более того — дела о преступлениях по «слову и делу государеву», даже если они были совершены за пределами Левобережной Украины, то есть на собственно российской территории, передавались на рассмотрение войскового суда.

Так, в 1672 г. Т. Кондратьев (Бут) и Ф. Григорьев, выходцы из Левобережной Украины, были обвинены в измене²⁶. Российский царь велел белгородскому воеводе Г.Г. Ромодановскому передать обвиняемых гетману И. Самойловичу для войскового суда²⁷. Гетман поручил судить преступников гадячскому полковнику, а также генеральному судье П. Животовскому. Иван Самойлович предписал суду применить к осуждённым смертную казнь, но такой приговор был вынесен и исполнен только в отношении Т. Кондратьева, а Ф. Григорьев был помилован гетманом, поскольку М.Г. Музыка, который подал донос, признал, что виновен в преступлении только Тимошка Кондратьев²⁸.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что Москва проводила в период гетманства И. Самойловича гибкую национальную политику в отношении Левобережной Украины, дабы не обострять политические противоречия как между различными группировками старшины, так и их отношения с российскими царями.

В случае, если истцом в деле выступали украинцы, а ответчиком — россияне, истец направлял свою жалобу к гетману, который, в свою очередь, списывался с царём и Малороссийским приказом. Так, 8-го ноября 1672 г. Ивану Самойловичу жаловался купец Константин Пригара, что московские купцы вопреки договору купили у него только часть горилки, предназначенной для продажи²⁹.

Гетман как глава судебной власти Запорожского войска обладал прерогативой направления на суд своего представителя, который исполнял обязанности обвинителя. При этом прокурорские функции не входили в круг повседневных обязанностей данного лица, а исполнялись только в период рассмотрения от-

дельного судебного дела³⁰. Так, на суде над П. Рославцем и С. Адамовичем такими представителями были генеральный бунчужный Л. Полуботок и генеральный писарь С. Прокопович³¹.

К судебным функциям гетмана следует также отнести предварительное следствие. В указанный период следственными функциями обладали судебные и административные органы³². Например, по уже упоминавшемуся делу о получении шляхетства Степаном Куницким и его родственниками, а также переяславским полковником Р.Г. Дмитрашко Райчей, следствием руководил лично гетман Иван Самойлович³³. Кроме того, в допросе обвиняемого участвовал протопоп Симеон Адамович³⁴, являвшийся одновременно доверенным лицом и гетмана, и Москвы. По делу бывшего киевского войта Ждана Тадрыны следствие по поручению гетмана вёл наказной³⁵ генеральный судья Михаил Вуяхевич³⁶.

Другой важный элемент суда — исполнение наказаний. Судебные решение в период гетманства Ивана Самойловича также исполняли суд и административные органы³⁷. В их состав входили лица, действовавшие по поручению гетмана. Так, для конфискации имущества бывшего стародубского полковника Петра Рославца в Стародубский полк Иван Самойлович направил борзенского сотника С. Завленко и значного войскового товарища И. Ломиковского³⁸.

Итак, гетман в рассматриваемый период имел довольно широкие полномочия по законодательной регламентации деятельности судов, надзору над следствием, вынесением приговоров и их исполнением. Кроме того, глава Левобережной Украины играл роль посредника между судебными органами России и Запорожского войска. Столь обширные судебные функции гетмана свидетельствуют о значительной степени автономности украинской судебной системы в период гетманства Ивана Самойловича. Москва вмешивалась только в наиболее важные с политической точки зрения дела, но получала сведения от гетмана практически по всем судебным вопросам. Это позволяло центральной власти не допускать усиления ни старшины, ни гетманской власти, избегая при этом недовольства как украинской элиты, так и широких слоёв казачества, горожан и селян.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пашук А.Й. Суд і судочинство на Лівобережній Україні в XVII-XVIII ст. (1648-1782). Львів, 1967; Дядиченко В.А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII — початку XVIII ст. Київ, 1959.
2. Бантыш-Каменский Д.Н. Источники Малороссийской истории. Ч. 1. М., 1858. С. 243.
3. Там же. С. 255.
4. Пашук. Ук. соч. С. 25.
5. Чухліб Т. Гетьман С. Куницький у боротьбі Правобережної України та Речі Посполитої проти Османської імперії (1683-84 рр.) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2000. № 1. С. 317.
6. Окиншевич Л.О. Рада старшинська на Гетьманщині // Україна. 1924. № 4. С. 19.
7. РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 244, 267.
8. Пашук. Ук. соч. С. 26.
9. Там же.
10. В отношении Киева таким правом обладал российский царь. Интересно, что гетманы через универсалы также подтверждали права киевских мещан. Однако речь,

- как правило, шла о защите прав горожан от своеволия местных казацких урядов. Подробнее см.: *Павлова Н.А.* Київський магістрат у другій половині XVII — початку XVIII ст. (адміністративно-правовий аспект) // Національний університет «Києво-Могилянська академія». Наукові записки. Т. 52. Київ, 2006. С. 15.
11. *Гуржій О.І.* Українська козацька держава в другій половині XVII-XVIII ст.: кордони, населення, право. Київ, 1996. С. 145.
 12. Історія держави і права України. Т. I. Київ, 2000. С. 259.
 13. АЮЗР. Т. XIII. СПб., 1884. № 6. Стб. 23.
 14. РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 264.
 15. *Пашук.* Ук. соч. С. 26.
 16. РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 180. Л. 6-7.
 17. В указанное время действовал список таких городов, закреплённый Глуховскими статьями 1669 г. В их число, согласно 3-й статье указанного документа, входили Киев, Чернигов, Переяславль, Нежин и Остер. См. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Ук. соч. С. 217-218.
 18. РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 304а-305.
 19. Там же. Л. 312-312об.
 20. *Софроненко К.А.* Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII и начала XVIII века. М., 1960. С. 69-70.
 21. *Пашук.* Ук. соч. С. 84.
 22. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён // Сочинения. Кн. 6. Т. XII. М., 1991. С. 423-424.
 23. *Костомаров Н.И.* Руина // Руина. Мазепа. Мазепинцы. Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 311-313.
 24. *Востоков А.* Суд и казнь Григория Самойловича // Киевская старина 1889. № 1. С. 61; *Срезневский И.И.* Запорожская старина. Ч. II. Т. III. Харьков, 1838. С. 82.
 25. *Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.* Соборное уложение 1649 года: уч. пособие для высшей школы. М., 1961. С. 72.
 26. АЮЗР. Т. XI. СПб., 1879. № 78. Стб. 261-264.
 27. Там же. № 40. Стб. 107-110.
 28. Там же. № 78. Стб. 261-264.
 29. Там же. № 29. Стб. 70-71.
 30. *Пашук.* Ук. соч. С. 113.
 31. *Костомаров.* Ук. соч. С. 311.
 32. *Пашук.* Ук. соч. С. 120.
 33. АЮЗР. Т. XI. СПб., 1879. № 106. Стб. 331-332.
 34. Там же. Стб. 332.
 35. Так на Украине в XVII — XVIII вв. называли должностных лиц, временно исполняющих обязанности.
 36. РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Ед. хр. 180. Л. 6.
 37. *Пашук.* Ук. соч. С. 142.
 38. РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 3. Ед. хр. 338. ЛЛ. 1-2.

LEGAL FUNCTIONS OF IVAN SAMOYLOVICH (1672–1687),
LEFT-BANK UKRAINE HETMAN

A.S. Almazov

The article deals with legal functions of Left-Bank Ukraine head in the time of hetman Ivan Samoylovich (1672-1687). The author comes to recognize that hetman had rather ample

legal power during the period, which is indicative of considerable autonomy of Ukrainian legal system under hetman Samoylovich.

The author also points out that Moscow interference concerned only politically most significant cases. But the hetman supplied Moscow with information concerning almost all court issues, which allowed the central power to curb the strengthening either of petty officers or of the hetman, and to avoid dissatisfaction of both Ukrainian nobility and broad masses of Cossacks, townsmen, and peasants.

Key words: legal functions, hetman, Ukrainian nobility, Cossacks

© 2009

С.А. Пьянков

СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ ЗЕМСКИХ ПЕРЕПИСЕЙ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX вв.

В статье анализируются статистические материалы земских подворных переписей. Рассматривается половозрастной состав населения крестьянского домохозяйства, соотношение лиц трудоспособного и нетрудоспособного возраста. На основе массовых данных показана относительная стабильность состава крестьянского населения Пермской губернии конца XIX — начала XX вв. Автор отмечает зависимость экономического состояния домохозяйства от его структуры, которая определялась стадией жизненного цикла семьи. Исследуются факторы, влияющие на уровень грамотности крестьянского населения и мотивы получения образования.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, подворные переписи, половозрастной состав, жизненный цикл семьи, грамотность.

Наиболее полным и качественным статистическим описанием структуры крестьянских домохозяйств в Российской империи конца XIX — начала XX века располагают земские подворные переписи. История земских подворных статистических исследований крестьянского хозяйства, их методологические и методические принципы, группировки и сводки достаточно хорошо изучены и освещены в отечественной историографии, поэтому рассмотрение данного вопроса будет вестись нами сквозь призму методик земской статистики¹.

В отечественном источниковедении принято выделять три этапа земских подворных переписей. Первый период (1880–1893 гг.), когда формировалась методология земских статистических исследований, второй период земской статистики (1893–1905 гг.), когда исследования проводились в связи с проведением оценочных работ по закону 1893 г. И, наконец, третий период — исследования, проводившиеся после революции 1905 г. до начала Первой мировой

войны 1914 г., исследования последнего периода не имеют резко выраженных особенностей как предыдущие².

По данным свода земских переписей, составленного под руководством Н.А. Свавицкого, подворные исследования в Пермской губернии проводились в 8 из 12 уездов. Единожды перепись дворов была проведена в Верхотурском (1901), Ирбитском (1900), Красноуфимском (1888–1891), Кунгурском (1898), Оханском (1897), Шадринском (1900). Дважды переписи проводились в Чердынском уезде 1883–1886 и 1899 гг., а Екатеринбургском 1885–1887, 1900 г³. Кроме того, подворная перепись в Екатеринбургском уезде, не вошедшая в свод, была проведена в 1912 г. В Оханском уезде подворные переписи проводились трижды, в том числе перепись 1897 г., вошедшая в состав свода. Не включены в состав свода перепись по Оханскому уезду 1890–1891 гг., публикация которой охватывает только 9 из 47 волостей уезда, издание и разработка по остальным волостям не была завершена по причине смерти автора-разработчика, а также более поздняя перепись 1913 г⁴.

Последними из земских подворных исследований, проведенных в Пермской губернии стали перепись Екатеринбургского уезда (1912) и перепись Оханского уезда (1913). Данные переписи были осуществлены статистическим отделением Пермской губернской земской управы. Основными целями переписей были необходимость учета занятий населения уезда, исследование кустарных промыслов, грамотности.

Таблица 1

ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВОРОВ
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ 1885–1913 ГГ. (ЛЕТ; %)

Уезд	Год исследования	0–6	7–13	14–17	18–59	60 и более
Красноуфимский	1888–1891	21	15	8	49	7
Верхотурский	1901	20	15	8	50	7
Ирбитский	1900	19	14	8	50	9
Шадринский	1900	21	14	8	49	8
Екатеринбургский	1885–1887	19	17	8	51	5
Екатеринбургский	1900	21	15	8	49	7
Екатеринбургский	1912	24	19	9	40	8
Оханский	1913	19	15	10 ⁵	47 ⁶	9
В среднем	—	21	16	8	48	8

Источники: Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поуездные итоги / сост. Н.А. Свавицкий, З.М. Свавицкая. М., 1926. С. 64, 138–139.; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912. С. 38.; Оханский уезд Пермской губернии, по данным подворной переписи 1913 г. Пермь, 1915. С. 2.

Двор являлся основной единицей наблюдений при земских подворных переписях. Земские статистики рассматривали двор так же, как хозяйственный союз. Существенных разногласий при определении двора у земских статистиков не было. Это может быть объясняется и тем, что понятие двора было заимствовано статистиками у самих крестьян.

Каждое хозяйство описывалось вне зависимости от имущественного состояния. Так, например, в программе подворной переписи Красноуфимского уезда

под двором «разумелось каждое хозяйство, живущее на свой риск и страх — имеет ли оно землю и дом или не имеет их»⁷.

В исследовании населения двора исходным пунктом были сложившиеся формы половозрастного разделения труда (см. табл. 1, 2). Группировка по возрасту и полу обладала различной величиной интервала. Население дифференцировалось в данном случае относительно реально существующей экономико-демографической ситуации и взглядов крестьянской среды. Кроме младших детей (до 7 лет), выделены дети школьного возраста (мальчики 7–13 и девочки 7–11 лет включительно), подростки мужского пола в возрасте 14–17 и женского — в возрасте 12–15 лет. С 18 лет юноши и с 16 лет девушки считались «полными работниками». Мужчины старше 60 и женщины старше 55 лет считались уже глубокими стариками.

Таблица 2

**ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВОРОВ
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ 1885–1913 ГГ. (ЛЕТ; %)**

Уезд	Год исследования	0–6	7–11	12–15	16–54	55 и более
Красноуфимский	1888–1891	20	11	9	50	10
Верхотурский	1901	21	10	8	50	11
Ирбитский	1900	20	10	8	50	12
Шадринский	1900	21	10	8	51	10
Екатеринбургский	1885–1887	19	14	6	52	9
Екатеринбургский	1900	21	11	9	48	11
Екатеринбургский	1912	29	12	8	41	10
Оханский	1913	19	11	9	53 ⁸	8
В среднем	—	21	11	8	49	10

Источники: Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поуездные итоги / сост. Н.А. Свавицкий, З.М. Свавицкая. М., 1926. С.64, 138–139; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912. С.40; Оханский уезд Пермской губернии, по данным подворной переписи 1913 г. Пермь, 1915. С.2.

Проведенный анализ показывает, что население крестьянских дворов губернии на протяжении исследуемого периода имело стабильную структуру.

Доля трудоспособного населения, а это мужчины 18–59 лет составляла 49–51 %. Трудоспособное женское население 16–54 лет имело близкие показатели 48–53 %. Следующей по численности возрастной группой являлось население в возрасте 0–6 лет, его доля составляла 19–21 % как мужчин, так и женщин.

Дети школьного возраста составляли 14–17 % для мужского пола и 10–14 % женского, подростки в возрастной структуре населения дворов составляли 8 % и 6–9 % мужского и женского населения соответственно. Таким образом, можно говорить о том, что население крестьянских дворов представляло баланс едоков и работников.

Однако на возрастной состав населения крестьянских дворов оказывали влияние природные катаклизмы. Перепись Екатеринбургского уезда 1912 г., имевшая целью выявить влияние неурожайного 1911 г. на экономическое положение населения, зафиксировала иную возрастную структуру. Доля насе-

ния трудоспособного возраста составила 40 % мужчин и 41 % женщин крестьянских дворов уезда. По мнению земских статистиков это было связано с уходом на заработки в более благополучные территории, что выразилось в недоучете населения, приблизительно определявшемся в 10 %⁹.

Каждое крестьянское хозяйство имело свой определенный возраст, начальной датой которого служил год образования хозяйства как самостоятельной хозяйственной ячейки. Жизненные функции семьи-хозяйства состояли в удовлетворении потребностей членов своей семьи. Как правило, в составе родительской семьи образовывалась новая семья из достигших брачного возраста детей, которая впоследствии выделялась как самостоятельная и повторяла цикл заново или сменяла старшее поколение существующей хозяйственной ячейки. Постоянно возобновляясь, хозяйство продолжало существовать многие десятилетия, переживая ряд стадий в своем развитии¹⁰.

Семья с одними и теми же количественными показателями могла иметь разную структуру. Например, могла быть простой (родители с детьми) и сложной (родители, их сын с женой и ребенком; муж с женой — двое детей, вдовый родитель главы и пр.).

О цикличном развитии крестьянского хозяйства косвенно свидетельствует количество работников-мужчин, приходившихся на одно хозяйство. Наличие или отсутствие в хозяйстве своих работников-мужчин имело определяющее экономическое значение. Работник-мужчина выполнял в хозяйстве такие работы, которые были не под силу другим членам семьи. Более того, глава хозяйства мужчина выполнял функции организатора хозяйства. Потеря работника-мужчины коренным образом подрывала экономические основы благосостояния крестьянского двора в значительно большей степени, чем какая-либо крупная материальная потеря, пожар, пропажа единственной лошади, коровы. Поэтому состав семьи определял ее экономическое положение.

Наиболее экономически маломощными были дворы без работника-мужчины, их доля, согласно подворным исследованиям, составляла от 8 до 11 % в различных уездах губернии. Преобладающей группой являлись домохозяйства с 1 работником-мужчиной, их доля составляла 59–66 % от общего количества хозяйств в уезде, что характерно для простой малой, или нуклеарной, семьи, состоящей только из супругов или супругов с неженатыми детьми. Следующая по численности группа — хозяйства с 2 работниками-мужчинами — составляла 18–24 %. Семьи, имеющие 3 и более работников, составляли 5–9 % хозяйств уезда.

Вникая в причины такого разнообразия, мы объясняем его главным образом фактом биологического развития семьи, разбивающим всю совокупность семей на ряд групп, различных по своему возрасту, а следовательно, и по размеру, и по составу¹¹.

Характеристика населения крестьянских дворов, очевидно, была бы неполной, если не коснуться и такой его стороны, как образование и грамотность, являющейся основным показателем культурной трансформации села. Образованные крестьяне, по мнению земства, были более восприимчивы к нововведениям, и, как следствие, экономически благополучнее¹².

Подворные исследования фиксируют следующие данные о грамотности на-

селения (см. табл. 3). Наибольший процент грамотных наблюдался в промышленно развитых Красноуфимском, Верхотурском и Екатеринбургском уездах, наименьший — в сельскохозяйственном и лесопромышленном Шадринском и Чердынском. Для 80-х годов уровень грамотности крестьянского населения не достигал $\frac{1}{10}$ части населения, а по данным 1900–1901 гг. в промышленно развитых уездах он был равен примерно $\frac{1}{4}$.

Современники отмечали, что обучение не всегда гарантировало получение даже элементарных умений письма, чтения, счета, а полученные знания зачастую частично утрачивались, что приводило к феномену — «полуграмотности».

Потомственный дворянин, статский советник Н.А. Клепинин в записке, адресованной «Особому совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности Пермской губернии», сообщал: «Необходимо, следовательно, всеобщее обучение. Касаясь его, я не могу не высказать, что настоящая народная школа сравнительно очень мало результативна, что я отношу к краткости курса, с одной стороны, и к слишком раннему ее окончанию по возрасту, с другой стороны. Дети 11-ти лет, кончающие школу, слишком молоды, чтобы через 10 лет воспользоваться знаниями, преподаанными им в школе; они большею частью возвращаются в свою среду и прерывают всякую связь со школой и с преподанным им в ней, и многие кончают тем, что к призывному возрасту лишь кое-как подписывают свои имена...»¹³.

Таблица 3

КОЛИЧЕСТВО ГРАМОТНЫХ И ПОЛУГРАМОТНЫХ КРЕСТЬЯН ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ ПОДВОРНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ 1883–1913 ГГ. (%)

Уезд	Год исследования	Мужчины	Женщины	Оба пола
Красноуфимский	1888–1891	14,2	3,3	8,7
Екатеринбургский	1885–1887	15,1	3,6	9,2
Чердынский	1883–1886	7,5	0,5	4,0
Оханский	1890–1891 ¹⁴	8,8	1,6	4,9
Верхотурский	1901	28,7	9,8	19,1
Екатеринбургский	1900	24,8	8,2	16,4
Ирбитский	1900	24,8	4,0	14,3
Шадринский	1900	14,6	2,2	8,3
Екатеринбургский	1912	38,8	17,6	28,2
Оханский	1913	38,5	12,5	25,2

Источники: Земские подворные переписи 1880–1913 гг. Поуездные итоги / сост. Н.А. Свавицкий, З.М. Свавицкая. М., 1926. С.42–45, 136–141; Красноперов Е.И. Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–1891 гг. Пермь, 1896. Вып. 1. С.189–190; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда, Пермской губернии. Пермь, 1912. С.10; Оханский уезд Пермской губернии по данным подворной переписи 1913 г. Пермь, 1915. С.129–130.

Низкий уровень грамотности женского населения объясняется взглядом крестьянской среды на место женщины в жизни семьи. Образование считалось необязательным. Земским анкетным исследованием было выяснено, что «если громадное большинство населения относится сочувственно к обучению мальчиков, то нельзя то же самое сказать относительно обучения девочек». Некото-

рые из корреспондентов заявляли, что «обучать девочек каждую не стоит». Типичными по-смыслу были высказывания: «Для чего бабе быть грамотной, ведь у печи с кочергой и ухватом много знания не требуется, а в солдаты баб не берут»¹⁵.

Побудительными мотивами получения образования выступали сугубо утилитарные цели: необходимость элементарных хозяйственных подсчетов, участие в делах общества, льготы по отбыванию воинской повинности, для поступления на службу и торговли¹⁶.

Развитие школьной сети, в частности за счет земства, способствовало увеличению уровня грамотности в крестьянской среде.

Сопоставимые данные по Екатеринбургскому уезду фиксируют повышение уровня грамотности с 9,2 % населения в 1885–1887 гг., до 28,2 % в 1912 г. Несмотря на увеличение количества грамотного крестьянского населения в 3 раза, лишь немногим более $\frac{1}{4}$ населения обладали элементарными знаниями. Для мужчин этот показатель составил 75 918 человек или 38,8 %, женщин — 34 555 или 17,6 %. Причем, наиболее высокий процент грамотности был в подгородных волостях и горнозаводских территориях¹⁷.

Несмотря на существенное значение массовых статистических данных о грамотности сельского населения Екатеринбургского уезда, эти показатели не могут быть приняты в качестве типичных для характеристики грамотности всего крестьянства губернии. Так как данные по Екатеринбургскому уезду могли в значительной степени превышать соответствующие данные по всей губернии.

Оханский уезд, в отличие Екатеринбургского, являлся преимущественно сельскохозяйственным. Уровень грамотности для всего уезда в 1913 г. составлял 25,2 %, для мужчин — 38,5 %, а для женщин 12,5 %. Наибольшей долей грамотного населения обладало население заводских волостей, особенно резко эти волости выделялись уровнем женской грамотности, доходившим до 45,7 % и почти в 4 раза превышали средний показатель по уезду.

Согласно анализу материалов по Оханскому уезду, проведенному земскими статистиками наиболее важным из факторов, задерживающим распространение грамотности, являлась потребность крестьянского хозяйства в рабочей силе подростков и детей. Рост обеспеченностью рабочей силой хозяйства вызывал определенное и значительное возрастание грамотности, причем возрастание грамотности мужского пола было более явным, чем женского. Относительное материальное благополучие (выражавшееся в количестве земли на душу и количестве рабочих лошадей на хозяйство) заметного влияния на увеличение доли грамотных не оказывало¹⁸.

Резюмируя вышеуказанное, мы можем констатировать, что население крестьянских домохозяйств имело достаточно стабильную половозрастную структуру, как во временном, так и территориальном отношении, представляя органичную структуру производителей и потребителей. Уровень грамотности, во многом определявший потенциальные возможности хозяйственного развития, варьировался в зависимости от степени промышленного развития территории, а также обеспеченности хозяйства трудовыми ресурсами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Свавицкий Н.А.* Земские подворные переписи. Обзор методологии. М., 1961; *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства европейской России в эпоху капитализма: источники и методы исследования. М., 1988.
2. *Свавицкий.* Ук. соч. С. 6.
3. Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поуездные итоги / сост. Н.А. Свавицкий, З.М. Свавицкая. М., 1926.
4. Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912; *Красноперов Е.И.* Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–1891 гг. Пермь, 1896. Вып. 1; Памяти Е.И. Красноперова // Пермские губернские ведомости. 1897. 14 января. С. 2–3; Оханский уезд Пермской губернии по данным подворной переписи 1913 г. Пермь, 1915.
5. Возрастная группа 14–18 лет.
6. Возрастная группа 19–59 лет.
7. Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Казань, 1890. Вып. 1. С. 32.
8. В подворной переписи Оханского уезда 1913 г. группа трудоспособного женского населения включала возраст 16–59 лет.
9. Краткая подворная перепись... С. 1.
10. *Мерхалев Д.Н.* Демографические показатели в крестьянской семье // Сборник статей по статистике Урала. Свердловск, 1927. Вып. 1. С. 192–195.
11. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство // Избранные труды. М., 1989. С. 217.
12. Труды совещания при Пермской губернской земской управе о мерах к улучшению экономического положения крестьянского населения Пермской губернии (28 декабря 1892–7 января 1893 г.). Пермь, 1893. С. 227.
13. РГИА Ф. 1233. Оп. 1. Д. 270. Л. 85 об.
14. Данные разработаны и опубликованы только по 9 из 47 волостей уезда.
15. *Бобылев Д.М.* Какая школа нужна деревне. Отзывы крестьян о школе. По материалам статистического обследования Пермского губернского земства. Пермь, 1908. С. 34–35.
16. Там же. С. 40.
17. Краткая подворная перепись... С. 10–11.
18. Оханский уезд... С. 134–139.

PERM GUBERNIA PEASANT HOMESTEAD POPULATION STRUCTURE
(BASED ON ZEMSTVO CENSUS DATA FROM THE LATE 19th TO THE EARLY 20th
CENTURY)

S.A. P'yankov

The paper presents the analysis of statistical information concerning zemstvo household censuses. It examines age and gender structure of peasant household population, and the ratio of able-bodied and non-able-bodied population. Extensive data show relative stability of Perm Gubernia peasant population composition from the late 19th c. to the early 20th c. The author reveals the dependence of a household economic state on its structure, which is determined by

the current state of the family life cycle. The paper also examines factors influencing literacy level and the academic motivation of the peasant population.

Key words: farm, household census, age-gender structure, family life cycle, literacy.

© 2009

А.Г. Киселев

ВРЕМЯ СИБИРСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА. КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX вв.

Статья посвящена проблемам восприятия и утилизации времени предпринимательскими кругами Сибири на рубеже XIX-XX вв. Модернизация, время и его восприятие, экстенсивная и интенсивная модели «освоения» времени.

Ключевые слова: модернизация, время и его восприятие, экстенсивная и интенсивная модели «освоения» времени.

Целью работы является реконструкция, с одной стороны, временных условий предпринимательской деятельности в Сибири, с другой — восприятия и утилизации времени предпринимателями.

Тема находится в русле активно изучаемых в последнее время проблем темпорально-пространственных представлений человека, ментального «пространства и времени» в разные эпохи истории. Заслуживают быть отмеченными, прежде всего, соответствующие городоведческие исследования¹. Однако применительно к истории предпринимательства тема до сих пор не изучалась.

Рубеж XIX-XX веков составил важную эпоху в развитии России. Сложные, противоречивые процессы модернизации затронули все сферы общественной жизни. Не могли не отразиться они и на предпринимательской деятельности, мировосприятии коммерсантов.

В истории сибирского предпринимательства явно выделяются периоды, связанные со строительством и началом эксплуатации Транссиба, затем — с Русско-Японской войной и началом массовых аграрных переселений.

«Экономическая жизнь Сибири зародилась только с проведения железной дороги, т. е. всего лет пятнадцать назад, — говорил в августе 1911 г. на омском съезде деятелей по сельскому хозяйству местный заводчик С.В. Хаберев. — Под гнетом экономических условий, более энергичные элементы разных категорий ринулись сразу в неведомый край, без всякого знакомства с ним при крайне ограниченном материальном благосостоянии. С первым положением энергичным людям в богатом крае справиться было не трудно, за что ни возьмись — работать можно с выгодой...»².

«Денежные успехи сначала во время китайской экспедиции, а затем японской войны создали такое мнение, что в Сибири стоит только начать какое-ни-

будь крупное дело, и оно будет давать огромные барыши, — читаем в тюменской газете «Ермак», — Во время войны так действительно и было. Многие приехавшие сюда с десятками рублей увезли отсюда десятки тысяч<...>³.

Нетрудно заметить: в обоих случаях подчеркивается энергичный, оперативный характер деятельности предпринимателей, связанный с чрезвычайными обстоятельствами «места» и «времени».

Заметно отразилась на жизнедеятельности фирмы и первая русская революция. Не касаясь специфической темы участия деловых кругов в общественно-политическом движении, отметим несомненный в 1905-1907 гг. рост интереса к периодике, в том числе партийной, значительное увеличение количества периодических изданий.

«Время» как время общественно-политическое по-настоящему входило в сознание предпринимателей и коммерческих служащих.

Революция 1905 г. резко усилила настроения эмансипации, способствовала в том числе и укреплению положения женщины в обществе. Руководство Государственного банка приняло решение о возможности приема женщин на службу⁴. Все чаще начинают брать женщин на службу и частные фирмы, обычно на роль продавщиц, кассиров, канцелярских служащих. На полосах сибирских газет появляются соответствующие объявления⁵.

В то же время в первые послереволюционные годы и в интеллигентских, и в деловых кругах распространяются настроения политической умеренности, политикой жертвуют ради «дела».

«Общественная жизнь Омска за последние годы окончательно замерла», — в 1910 г. отмечала «Сибирская жизнь». — <...> И вот среди этой мертвящей тишины всплыл вопрос о первой Западно-Сибирской выставке. Создается выставочный комитет, вокруг которого сконцентрировались весьма разнородные элементы»⁶.

«Наше время особенное, прозаическое время. Мы отбросили многое нереальное, мистическое, метафизическое... И вот этот трезвый взгляд на жизнь и помогает нам создать фундамент, на котором каждый из нас хочет воздвигнуть здание собственной жизни, — обращался к будущим учащимся торговой школы в Семипалатинске неизвестный автор. — «Главное орудие борьбы — труд, управляемый разумом, навыками, знаниями»⁷.

С первой русской революцией отчасти связано и усиление криминализации повседневной жизни. О недостаточности полицейских штатов не раз говорили на заседаниях сибирских городских дум и управ. Наряду с многочисленными фактами вооружения купцов и их служащих, отметим и распространение случаев краж, грабежей, вымогательства и усиление охранных мероприятий, в частности вооружение банковских служащих, установку систем электрической сигнализации в местных отделениях Государственного банка.

С точки зрения истории предпринимательства, не менее, а возможно более значимо, нежели обозначенное влияние общеисторических условий начала XX века, то обстоятельство, что они (прежде всего экономический рост) «ускорили» ход времени.

Города по линии Транссиба, по выражению С.И. Кочнева «взбудоражили» Сибирь⁸.

О вспыхнувшей с пуском железной дороги «строительной горячке» в Красноярске писал В.И. Щипихов⁹. О «темпе лихорадочного строительства» в этой же связи вспоминали спустя 30 лет старожилы-новониколаевцы¹⁰. «На улицах стало шумно», «жизнь бьет ключом», — так оценивали современники перемены в жизни Омска¹¹.

Сибирская железная дорога, пропускавшая в кон. 1900-х гг. 10–11 пар сквозных поездов, перед мировой войной западнее ст. Омск давала возможность двигаться 40 парам, а восточнее — до ст. Иннокентьевская — 48 парам поездов¹², что неизбежно вело к более выраженной ритмизации железнодорожных сообщений.

Ритмичной становится жизнь деловой части сибирского города. Жителям Омска слышалось биение «пульса» «торговой, портовой жизни» в центральной, примыкавшей к пристаням, части города¹³.

Тема «пульса» становится своеобразным лейтмотивом перемен в городской жизни. «Пulsь омской жизни бьется ускоренным темпом», — констатировал в 1903 г. один из корреспондентов омской газеты «Степной край»¹⁴. Через 10 лет — в 1913 г. — в выступлении одного из деятелей городского самоуправления Омска А.Н. Гладышева встречаем: «Пulsь торговой жизни бьется здесь особенно интенсивно»¹⁵. Схожий мотив находим на страницах тюменского «Сибирского торгового посредника»: «пulsь экономической и культурной жизни города забился сильнее»¹⁶.

Развитие рыночных отношений задало нарастающий темп обороту капитала, деятельности деловых людей. Об этом свидетельствует распространение краткосрочного кредитования, «приучавшего ценить время», регулярность отчетов, протоколов, бюллетеней коммерческих учреждений и общественных организаций, развитие телеграфа и телефонной связи, распространение ежедневных газет и др.

Все это способствовало постепенному формированию «человека экономического», преодолению отмечавшейся иностранцами необязательности русских. «Когда нужно что-нибудь сделать, то русский человек не понимает, что многое зависит от того, будет ли это сделано завтра, через неделю или через месяц», — писал в своем изложении-комментарии путевых впечатлений от Сибири американца Д.Ф. Фразера немец А. Глейнер¹⁷.

Целый ряд фактов, так сказать, обратного свойства, об аритмичности коммуникаций не только подтверждает сказанное, но фиксирует появившееся у деловых людей стойкое неприятие такого «неправильного времени».

Так, часто критиковались в деловых кругах многочисленные недостатки организации железнодорожных перевозок, в том числе и долгое залеживание товаров на станциях отправления и перегрузки.

«Громадные залежи хлебных грузов — обычное явление на наших железных дорогах вообще, а на Западно- и Средне- Сибирских в особенности <...>», — констатировала «Сибирская жизнь»¹⁸. В корреспонденции из Омска та же газета отмечала: «Запаздывание железнодорожных поездов, как из Сибири, так и из России на 5-6 часов, а иногда и на 9 часов явление у нас довольно нередкое и конечно неприятное»¹⁹.

«В товарной конторе при станции Новониколаевск «объявления о прибыв-

ших грузах вывешиваются слишком поздно <...>. Документы на прибывшие грузы сильно задерживаются таксировкой. Публике приходится ждать часами очереди у окошечка для того, чтобы получить дубликат и выкупить груз»²⁰.

Просроченное время оборачивалось ростом издержек.

«В виду крайне медленной и не аккуратной доставки хлеба железной дорогой, мельницы почти все остановлены и запасы крупчатки так ограничены, что местные торговцы делают заказы крупчатки к празднику в Самаре и других российских городах», — сообщал в декабре 1901 г. омский «Степной край»²¹.

Нередкими были жалобы на плохую работу почтовых и банковских учреждений, заставлявших деловых людей терять время.

Известны заявления томских коммерсантов о «беспорядочных действиях телефона»²², жалобы деловых людей Тюмени, Тобольска, Омска на плохое обслуживание в местных почтово-телеграфных учреждениях. Так, в фельетоне тюменского «Ермака» читателю, желающему посетить почту в Тобольске, предлагалось записываться в очередь за неделю, в Омске — «за месяц или даже более». «Попробуйте в Тюмени на спешку купить марку, вы редко застанете чиновника, а в Омске... — Очередь, как в Большом театре в Москве»²³.

В 1914 г. в заседании Омской Городской думы звучали предложения перевести почтово-телеграфную контору в центр города²⁴.

Исследуя экономическое значение времени, И.И. Янжул пришел к заключению о том, что его экономия является целью общественного производства, мерилом культуры.

Исторически развитие утилизации времени приводит к складыванию последовательно «экстенсивной» и «интенсивной» моделей. Первая присуща аграрной эпохе, свойственна крестьянину, ремесленнику, отчасти бюргеру. Вторая — продукт индустриального общества, наиболее полно раскрывается в экономическом поведении делового класса, в то время как пролетариат, не имея возможности планировать своей деятельности на сколько-нибудь продолжительный срок, вынужден существовать «минутой» (нет постоянного жилья, сегодня сыт — завтра голоден и т. п.), то есть «вне культуры» — вовсе не экономия времени.

Определяющим фактором экономии времени индустриальной эпохи становится скорость и быстрота в производстве и передвижении материальных ценностей.

«Весь склад разделяется у таких наций или классов по часам и приравнивается к этому быстрому биению пульса жизни. Точность, правильность и однообразность железных дорог, а постепенно вслед за ними и иных способов передвижения <...>, прилив и отлив масс в известные часы дня и ночи, оживление, например, биржи, несколько раз в день, в определенные часы <...>, — замечал И.И. Янжул²⁵.

Потребности роста вызывают к жизни развитие связи и печати. В 1900 г. в Тюмени и Томске действовало соответственно 128 и 331 телефонных аппаратов, в 1906 г. — уже 162 и 619. За это же время число международных телеграмм, отправленных и полученных в Петропавловске, возрастает с 400 до 2461, в Омске — с 1400 до 4748, в Томске — с 787 до 1546²⁶.

Быстро и поступательно, без временных сокращений, росло и общее коли-

чество телеграфной корреспонденции. Показательны данные по г. Омску, где с 1909 по 1913 гг. число отправленных и принятых частных телеграмм увеличилось соответственно с 254579 до 402200. Количество частных заказных писем за это же время выросло с 290914 до 478574²⁷.

За период 1900-1914 гг. в разное время в Тюмени выходили 11, в Омске — 19, в Томске — 13²⁸ ежедневных газет, в свое время названных Гегелем утренней «рационалистической молитвой». Появляются ежедневные сводки телеграмм — «Агентские телеграммы» в Омске, «Телеграфные бюллетени Российского телеграфного агентства в Томске», «Барнаульские ежедневные телеграммы».

Хотя внутригодовой хозяйственный цикл сибирских городов во многом определялся аграрным характером экономики края, в деятельности банков, биржи, экономических обществ (вроде отделений Московского общества сельского хозяйства) он отражался в определенной «искусственной» форме — ежесюжетных отчетов, протоколов регулярных совещаний, еженедельных биржевых бюллетеней.

При этом хозяйственные процессы, а значит и алгоритмы предпринимательских операций детерминировались не только природно-климатическими условиями и состоянием самого сельского хозяйства, но и возможностями транспортировки грузов, динамикой цен на «близких» и «далеких» рынках, то есть согласовывались с иными, так сказать, «рациональными», в противовес «природным», временными циклами.

Ощущение «учащенного» времени входило в речь, в язык. В связи с развитием биржевого, банковского дела, телеграфного сообщения распространялся новый язык — язык всевозможных сокращений, язык зашифрованной, максимально сжатой информации. В печати, делопроизводстве того времени сплошь и рядом находим всевозможные сокращения: «Продуголь», «Товарпар», «ж.д.», «В/письмо», «Н/клиентка» и т. п.

Образцы делового лаконизма встречаем в частности в телеграммах покупателей АО «В. Логинов»: «Почем СИБИКО»; «7027 выкуплены 8790 не пришел. Мухамедьярова»; «Квитанциями 1658 1847 1846 не сданы. Минин» и др.²⁹ Подобными примерами полна и переписка омской конторы С.Х. Рандрупа со своим барнаульским представителем И. Линдом³⁰.

Весьма характерен в этом отношении и циркуляр Канцелярии Государственного банка местным конторам и отделениям от 18 апреля 1906 г., за № 69, требовавший покончить с многословием телеграфных сообщений³¹.

«Сибирь наших дней проявляет заметную бодрость, живость своего социального темперамента», — отмечал в 1915 г. Гр. Жерновков³².

В городах, чей облик во многом определялся их административно-политическими статусом, темп жизни задавался теперь новым социокультурным камертоном.

В г. Омске — административно-политическом центре обширного Степного края — «дробь барабана» оказалась, по образному выражению Г.Н. Потанина, заглушена «щелканьем счет»³³.

Обостренное ощущение «нового» времени материализуется в появлении больших часов на железнодорожных вокзалах, в магазинах и лавках, и в своеоб-

разном буме спроса на часы для дома, в сооружении больших часов в деловой части города, символизировавших торжество новой — капиталистической эпохи. Так «деловой класс», утилизируя время сам, «навязывал» собственное его восприятие всем.

В заключение подчеркнем, что время, как, впрочем, и пространство, выступало не только как самое общее условие функционирования предпринимательства, но и как продукт этого функционирования. Время изменяется предпринимательством. В эпоху модернизации появляется «новое время», как часть нового миропорядка, в который постепенно втягивается все общество.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Тяпкина О.А.* Темпорально-пространственные аспекты ментальности жителей малых городов Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв.: сб. научн. тр. Барнаул, 2005.
2. Журналы заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1-12 августа 1911 г. в г. Омске. Омск, 1912. С. 81-82.
3. Ермак (Тюмень). 1912. 2 июня.
4. Циркуляр Управляющего Государственного банка от 29 января 1911 г. «О приеме на службу дочерей и родственников служащих в Государственном банке» // Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф.23. Оп.1. Д.58. Л.18-18 об.
5. Сибирский коммерсант (Новониколаевск). 1910. 25 февраля.
6. Сибирская жизнь (Томск). 1910. 5 марта.
7. Семипалатинский край (Семипалатинск). 1914. 14 января.
8. Сибирский день (Омск). 1915. Вып. 2.
9. *Щипилов В.И.* Спутник по городу Красноярску. Красноярск, 1911. С. 31.
10. Весь Новониколаевск. Адресно-календарная книга на 1924-1925 год. Новониколаевск, 1924. Отд. I. С. 4.
11. *Берников В.В.* Воспоминания старожила // Известия Омского отдела Географического общества СССР. Омск, 1966. Вып. 8(15). С. 28.
12. *Подшивалов П.Д.* Городские вопросы. Омск, 1911. С. 5.
13. *Киселев А.Г.* Миней Мариупольской и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995.
14. Степной край (Омск). 1903. 19 декабря.
15. Омск — естественный центр для первого сельскохозяйственного института в Западной Сибири (с агрономическим, лесным, культурно-техническим и ветеринарно-зоотехническим отделениями). Омск, 1914. С. 22.
16. Сибирский торговый посредник (Тюмень). 1912. 1 января.
17. *Глейнер А.* Сибирь — Америка будущего. По сочинению Джона Фостера Фразера. Киев, 1906. С. 21-22.
18. Сибирская жизнь (Томск). 1899. 14 апреля.
19. Сибирская жизнь (Томск). 1899. 25 апреля.
20. Сибирский коммерсант (Новониколаевск). 1910. 8 января.
21. Степной край (Омск). 1901. 26 декабря.
22. Сибирская жизнь (Томск). 1905. 20 марта.
23. Ермак (Тюмень). 1912. 25 августа.
24. Омский вестник (Омск). 1914. 13 февраля.
25. *Янжул И.И.* Из психологии народов. (Экономическое значение «времени» и «пространства»). Одесса, 1895. С. 21-22, 29-31.

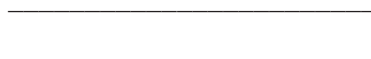
26. Почтово-телеграфная статистика за 1900 год (с кратким обзором деятельности почтово-телеграфного ведомства за тот же год). СПб., 1902. Почтово-телеграфная статистика за 1906 год (с кратким обзором деятельности почтово-телеграфного ведомства за тот же год). СПб., 1908. С.56-57; Сводный каталог периодики Западной Сибири (1789-1959). Вып.2. Новосибирск, 1974. С. 54-55.
27. Омск — естественный центр для первого сельскохозяйственного института в Западной Сибири (с агрономическим, лесным, культурно-техническим и ветеринарно-зоотехническим отделениями). Омск, 1914. С. 22, 23.
28. Сводный каталог периодики Западной Сибири (1789-1959). Вып. 2. Новосибирск, 1974. С. 256-264, 344-345, 396-401.
29. *Киселев А.Г.* Западносибирские и степные покупатели логиновской спички (1908 год) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2007. Т. 6. Вып. 1. История. С. 173.
30. ГАОО. Ф.87. Оп.1. Д.9. С. 15, 27, 29.
31. ГАОО. Ф.23. Оп.1. Д.2. С. 161.
32. *Жерновков Гр.* Настоящее и будущее Западной Сибири // Право и финансово-промышленная жизнь Сибири. Тетрадь 1. Томск, 1915. С. 65.
33. *Потанин Г.Н.* Города Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 250-251.

THE EPOCH OF SIBERIAN ENTERPRISE (LATE 19th — EARLY 20th CC.)

A.G. Kiselyov

The article is devoted to the problems of Siberian business community epoch awareness and their attempt to make the most of it at the turn of the 19th century, which comprise modernization, the epoch and its understanding, extensive and intensive models of taking advantage of the period.

Key words: modernization, time awareness, extensive and intensive models of taking advantage of the period.

© 2009

И.Е. Дунюшкин

ФЕНОМЕН АБРЕЧЕСТВА И УРОКИ БОРЬБЫ С НИМ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются вопросы связанные с обеспечением в нач. XX века безопасности на Северо-Восточном Кавказе и нейтрализации абречества. Абреки (от осетинского слова «абраг») — мобильные, как правило, конные, партизанские отряды. Главным обстоятельством, которое способствовало длительному и долгое время успешному партизанскому движению на Северо-Восточном Кавказе (восток Терской области) в начале XX века, являлась массовая поддержка партизан местным горским населением, прежде всего вайнахами (чеченцами и ингушами). В статье подробно рассмотрена роль абречества на востоке Терской области.

Ключевые слова: абречество, безопасность на Кавказе, партизанское движение, вайнахи.

На Северо-Восточном Кавказе проблема обеспечения государственной безопасности остро стояла в течение почти всей российской истории данного региона. Не было исключением и период примерно столетней давности, когда серьёзные социальные противоречия сочетались в крае с застарелыми и вновь возникавшими межнациональными конфликтами. Особое значение в обеспечении безопасности на Северо-Восточном Кавказе имел вопрос нейтрализации абречества.

При всех негативных новшествах, появившихся в крае вместе с российской властью, местному населению было бессмысленно ожидать от нее нападения, так как Кавказская война была закончена, а главной задачей местных властей было утвердить мир в регионе. Однако если у людей на руках неограниченная масса оружия, то оно будет стрелять в том или ином месте — эту аксиому еще никто не опроверг. Ни увещевания, ни запреты не помогали, как и внезапные обыски в аулах. И «человек с ружьем» все чаще использовал последнее для рискованного, но быстрого повышения своего благосостояния, видя все возрастающую массу переселенцев с севера, некоторые из которых становились состоятельными людьми. Прежде всего это касалось иногородних, так как казаки могли постоять за себя, а от купца, приказчика или хуторянина ожидать достойного вооруженного отпора не приходилось. Известный общественно-политический северо-кавказский деятель того времени А. Цаликов так объясняет эту ситуацию: «Немудрено, что горцы нагорной полосы, особенно чеченцы и лезгины, занимаются в широких размерах отхожими промыслами легальными и нелегальными, покрывая только из этого источника налоги и повинности»¹. Безусловно, формулировка справедлива, как справедлива и еще одна аксиома — безнаказанность «нелегального», то есть преступного, промысла (при всей безвыходности положения безземельного горца) развращает, и человек очень быстро привыкает к легким деньгам, добытым таким путем. Другой по-

пулярный краевед и публицист рассматриваемого периода Г.А. Ткачев так объяснял сущность абречества: «Экономическая слабость горца есть неизбежный результат его склонности к удалству и непривычки упорно работать. В то время как главнейшие работы в семье исполняет жена, туземец-хозяин находит слишком много праздного времени, употребляемого не всегда с пользою»². При всей явной односторонности этой формулировки в ней присутствует и элемент правдивого изложения ситуации. Какой смысл заниматься сельским хозяйством, работать на нефтепромыслах за годовую плату, которую можно заработать за ночь! Известный чеченский абрек Зелимхан Гушмузукаев встал на этот путь в 1901 г. из-за конфликта с аульным старшиной, хотя родители оставляли Зелимхану солидное по горским меркам наследство. Скитаясь по Чечне во избежание кровной мести, З. Гушмузукаев стал грабить русских купцов, хотя мог спрятаться где угодно в необъятной России, устроившись на легальную должность. Кровники все же настигли абрека, ранили его, убили отца и брата, но З. Гушмузукаев к тому времени уже слишком сильно провинился перед российской властью, и его противостояние с ней затянулось до 1913 г., когда закономерный финал прервал драму этого человека — абрек был убит командой казаков.

Важно понять истоки небывалого роста абречества после прихода русского населения на Северо-Восточный Кавказ, поэтому необходимо вспомнить обстоятельства появления новоселов в крае южнее Терека. Грозный получил статус города в 1870 году, а до этого был русской военной крепостью, построенной по приказу царского наместника на Кавказе генерала Ермолова в 1817–1818 годах. Это был центр, из которого во время Кавказской войны многочисленные русские воинские экспедиции направлялись в чеченские земли. Понятно, что чеченцы воспринимали крепость Грозную и возникший на её месте город как «источник зла». Рядом с крепостью была основана терская казачья станица Грозненская, а на запад и восток по Сунже во время той же войны возникла целая цепь станиц. Военно-стратегический замысел русского командования был ясен (пресечь сообщение многочисленных банд, постоянно передвигавшихся из горных в равнинные вайнахские аулы и обратно), но для его реализации немало чеченских и ингушских поселений было убрано с Сунжи для освобождения места под станицы. Понятно, что русские новосёлы негативно воспринимались соседями-вайнахами, изгнанными со своих земель.

Главным обстоятельством, которое способствовало длительному и долгое время успешному партизанскому движению на Северо-Восточном Кавказе (восток Терской области) в начале XX века, являлась массовая поддержка партизан местным горским населением, прежде всего вайнахами (чеченцами и ингушами). Абреки (от осетинского слова «абраг»), которые собирались в мобильные, как правило, конные, партизанские отряды, приобретали все более массовую поддержку после каждой успешной акции. Нужно отметить, что их действия не носили подчеркнуто политического характера, но фактически были направлены прежде всего против «чужаков» — новоселов из числа русского и иного невайнахского населения, которые с 60-х г. XIX в. в большом количестве были расселены российской имперской властью в Сунженском и Кизлярском отделах Терского казачьего войска, а также в Назрановском, Грознен-

ском, Веденском и Хасавюртовском округах. Царизм действовал в четком соответствии с заповедями, обозначенными еще Петром I, который в письме Артемию Волынскому в 1723 году предписывал российским военачальникам после Каспийского похода в присоединенных землях по возможности увеличивать христианское население в ущерб мусульманскому.

Бандиты нападали на состоятельных новоселов, а затем щедро делились добычей с местным населением, которое не только могло принимать абреков в гости, но и при необходимости покрывало их перед российской властью. Так, при преследовании отряда Зелимхана Гушмузукаева российскими войсками после ограбления им казначейства в городе Кизляре 27.03.1910 г. его путь прошел через аул Адиль-Чанка-Юрт южнее Терека, где совместно с кумыками проживали чеченцы-акинцы. В то время поиск производился «по следам», поэтому чеченцы из данного аула «...забили следы на 15 верст, а это ведь каторжный труд...», как отмечал Г. Ткачёв. После упомянутой «экспроприации», в ходе которой было похищено 5 тыс. рублей, а от рук Гушмузукаева и его подчиненных погибли 17 посторонних людей, в чеченском эпосе появилась новая и ставшая тогда же популярной песня «Нападение Зелимхана на Кизляр». При подобном отношении вайнахского населения к абрекам было крайне сложно их обнаружить и ликвидировать.

Со временем у абреков выявились определенные маршруты, по которым они направлялись на грабежи. Иногда эти пути были неблизкими, и требовались промежуточные пункты для остановки, особенно с добычей. Вблизи Владикавказа ингушские абреки облюбовали под свой «транзитный пункт» фруктовые сады, на чем следует остановиться подробнее.

Сначала ингуши стали наниматься сторожами к прежним хозяевам за весьма высокую плату. При несогласии взять ингушей в сторожа или при попытках устроиться сторожами конкурентов иных национальностей — этих людей ингуши всячески выживали, что было очень четко отработано: сперва потрава, потом кража, затем поджог и т. п. Так, у упорно не желавших брать на работу ингушей состоятельных владикавказцев Летгольда и Дубунского сожгли все хозяйственные постройки и дома на дачах³. Г. Ткачев отмечал по этому поводу: «Сад же, раз попавший в руки ингушей, из цветущего, действительно приносящего пользу и доход, становится заброшенным, так как целью приобретения сада является не получение дохода за фрукты, а пристанодержательство и сокрытие краденого. Сады эти... лежат на путях абреков и служат для них вследствие гостеприимства операционным базисом и местом прикрытия отступления в случае неудавшегося грабежа. Благодаря этому, все бесчинства, творимые абреками, являются совершенно безнаказанными и неуловимыми для администрации»⁴.

Понятно, что так действовать абреки могли только при поддержке местного ингушского или чеченского населения. Имевшее место на рубеже XIX и XX веков выживание русских из Назрани осуществлялось не заезжими бандитами, а соседями-ингушами. В результате «в то время как в Большой и Малой Кабарде, на Кумыкской плоскости — развились русские хутора, селятся колонисты-немцы, среди ингушей и чеченцев не только не образовалось поселений русских, но опустели те, что были заведены раньше»⁵. Тот же Ткачев отмечал: «Гоня рус-

ских отовсюду с чеченских территорий, чеченцы сами дружно лезут на левый берег Терека. В Щедринской, Червленной, Николаевской, Калиновской и т. д. станицах по Тереку мануфактурная торговля почти уже в руках чеченцев. Сюда же они гонят свои стада, умножая их на тихой стороне казачьей. Эти перебежные коммерсанты и скотопромышленники не развивают промышленности на своей земле, потому что там у них крадут. Так они сами... занимаются тем же у русских. На русской стороне у них чрезвычайно умножаются стада и они богатеют быстро»⁶. На деле абреки воровали скот у калмыков и ногайцев.

Казаки, сами имевшие действительно многонациональное происхождение, не имели по отношению к горцам неприязни на почве этнических различий. Действительно, «у казаков нет ненависти к туземцам, как к народностям, а есть лишь болезненная злоба к грабегам и разбоям», как отмечал Г. Ткачев⁷.

При этом терское казачество не показывало особо усердного стремления к защите власть имущих, так как среди казаков шел интенсивный процесс расслоения на состоятельную верхушку и небогатое большинство станичников. Это полностью соответствовало бурному развитию капитализма в России 90-120 лет тому назад. В целом русское население края составляло к 1914 г. 556608 чел. (из 1321328 чел. всего населения Терской области), а чеченцы — 261700 чел., ингуши 58594 чел.⁸

Однако русские в Терской области не были единой силой, что с тревогой констатировалось руководством органов государственной безопасности того времени. Так, по итогам первой русской революции 1905-1907 гг. начальник областного жандармского управления Шпицбарт сообщал в Санкт-Петербург: «Горские племена, в огромном большинстве магометане, нетерпимые к аристократам, главными представителями которых в области являются, с небольшим процентом прочих христианских народностей, русские, питают в отношении последних чувство затаенной вражды, как к завоевателям края, посягнувшим на их самобытность и вольность. Русское же население, в значительной степени состоящее из последователей различных сект (старообрядцы, молокане, баптисты и прочие), не представляет однородной сплоченной массы, способной к дружному отпору исламу и притом само восприимчиво в своей среде к вспышкам насилия на почве религиозных вопросов»⁹.

Своими преступными действиями абреки настраивали против себя не только русское население, но и соседние горские народы, прежде всего кабардинцев, чьи табуны чаще всего угонялись абреками-ингушами. Кабардинцы заявляли властям: «...мы вошли в состав России, поверили силе русского закона, отдали свое оружие... Что же с нами делают?... Вооруженные ингуши и чеченцы разъезжают по нашей земле, чего не бывало прежде. Издеваются, насильничают... На наших глазах отхватывают наши табуны, прогоняют мимо кабардинских селений...»¹⁰. Действительно, в XVI—XVIII вв. равнина южнее Терека делилась между собой кабардинцами и кумыками, иногда в сражениях выяснявшими территориальные споры. Осетины и ингуши являлись данниками кабардинцев, а чеченцы частью зависели от кабардинцев, а частью от кумыков. И вот на рубеже XIX—XX вв. кабардинцы оказывались под ударами абреков с востока. В такой ситуации о действительном добрососедстве горских народов говорить было преждевременно. Чеченцы, арендовавшие отдельные и неболь-

шие участки под видом овцеводческого промысла в Ногайской степи, занимались на деле конокрадством. Атаману Кизлярского отдела Вербицкому ногайцы говорили в 1910 г., не смея жаловаться на свои беды: «Ты уедешь, а он убьет! Приедет и убьет, если узнает». В случае жалобы властям ногайцу отомстил бы если не сам вор, то его товарищ¹¹.

Особую роль абречество играло на самом востоке Терской области, что уместно рассмотреть подробнее.

В Хасавюртовском округе подлинно коренным населением были кумыки, поэтому было устоявшимся название земель округа — Кумыкская плоскость. Примерно половиной ее земель на общинном праве владели кумыкские крестьяне, а другую половину российские власти закрепили за князьями этого народа. Знать активно сдавала свои земли в долгосрочную аренду русским крестьянам-земледельцам либо продавала государству, которое расселяло на выкупленных участках тех же русских и молдавских крестьян, а также немецких колонистов. В начале XX в. на Кумыкской плоскости возникло свыше 100 земледельческих сел, крупнейшими из которых являлись Владимировка, Романовка, Новоалексеевка, Новоромановка, Новониколаевское, Преображенское, Измайловское, Покровское¹². Крупная слобода с русским населением при железнодорожной станции Хасавюрт слилась с одноименным кумыкским аулом и стала центром округа. В то же время примерно 25 % населения округа составляли чеченцы-акинцы, поселившиеся на правобережье Терека еще в XVIII в. рядом с кумыками, чему способствовало единоверие двух мусульманских народов. При этом в Хасавюртовском округе были самые перспективные и новые районы, обживавшиеся переселенцами-крестьянами, на что следует обратить пристальное внимание.

Защищая интересы кумыков, депутат Эльдарханов во II Думе излагал коллегам свою точку зрения на земельную проблему в округе: «...в 60-х годах князья кумыкские добровольно уступили кумыцкому народу половину всей своей земли, прося правительство, чтобы другую половину укрепили за ними на правах собственности и выдали документы. Князьям и узденям документы на право собственности были выданы, что же касается другой части — о признании этого права собственности за крестьянами, то она и по сие время остается открытой и местные власти, пользуясь разными предложениями и причинами, заселяют на их собственных кумыкских землях пришлый элемент, нисколько не стесняясь их правом на эти земли»¹³.

Т. Эльдарханов совершенно точно отразил бесцеремонность местной администрации в действительно «русификации» Хасавюртовского округа. Кумыки, будучи традиционно прежде всего скотоводами, теряли много прекрасных пастбищ, на которых иногородние русские крестьяне и немецкие колонисты распахивали целину, разводили сады и виноградники и вообще оживляли землю. Безусловно, такое использование земли более рационально, чем традиционное экстенсивное скотоводство, однако власти не утруждали себя разрешением неизбежно возникавших межнациональных конфликтов между новыми и старыми жителями Кумыкской плоскости. До «Смуты» 1917 года кумыки в массе своей не предпринимали агрессивных действий по отношению к новосёлам, однако абреки под предлогом «борьбы за справедливость» и при пособничестве

местного чеченского акинского населения стали практиковать внезапные и болезненные по последствиям нападения на переселенцев, что сыграло крайне отрицательную роль для государственной безопасности в этом районе, особенно при ослаблении местной, а тем более — центральной власти в России. А между тем сами кумыки подвергались нападениям абреков, хотя и в меньшей степени.

Зная личность преступника, кумык не верил в торжество закона и справедливо предчувствовал судебную волокиту, а при возбуждении дела предпочитал, в конце концов, под угрозами бандитов забирать исковое заявление¹⁴. И только хевсуры, жившие на границе с Грузией и имевшие в горах мало богатства, но обладавшие жестоким и воинственным духом, предпочли сжечь живьем четверых чеченцев, пойманных на краже в 1909 г.¹⁵ После этого дорога в верховья гор была абреками надолго забыта.

Позиция чеченского народа в отношении такого постыдного явления, как абречество, была неоднозначной. Молодежь видела в абреках удальцов, не боявшихся свиста пуль. Старики жили воспоминаниями о бурных годах Кавказской войны. На этом фоне с учетом бойкота ими властей в вопросе помощи в поимке абреков из среды чеченцев появлялось немало добровольцев, пробовавших силы в этом «промысле». Встав на путь абречества, даже бедный горец не мог остановиться, привыкая к нечестным, но быстрым деньгам. Современники отмечали: «В Щедринском лесу дважды обнаруживаемы были убитые на злоумышлении туземцы, но в оба раза это не были бедняки. Они были хорошо вооружены, при них имелись серебряные часы и в кошельках у них были деньги. В числе убитых оказался даже мулла. Трудно думать, что на злоумышление их гнала нужда»¹⁶.

Но были и иные примеры. Так, в «Терских ведомостях» горец под псевдонимом «Чеченец» частично раскрыл отношения вайнахов к абречеству: «Среди чеченцев и ингушей существует традиция, в силу которой все доносчики, хотя бы данные ими сведения о ското- и конокрадах или других преступлениях были самые основательные, порицаются самым жестоким образом, а потому, пока традиции эти не изменятся во взглядах чеченского и ингушского народа, до тех пор среди нас, чеченцев и ингушей, не могут открываться преступления, совершаемые на виду у целого общества»¹⁷. С этой позицией солидарно мнение Г. Ткачева: «...если не все ингуши совершали кражи, разбои, грабежи, убийства и другие насилия, то поголовно все они являются укрывателями своего преступного элемента и добытого этим элементом путем преступления имущества, так как не было случая, чтобы они выдали преступника или украденное им, даже в тех случаях, когда на виду всех преступник скрывался в их селении или след целого табуна лошадей приводил в селение»¹⁸. Сходные выводы очевидны и в рапорте начальника Веденского округа руководству Терской обл. от 12 августа 1906 г. о причинах нераскрытия грабежей, виной чему «хладнокровное отношение ко всему происходящему самих жителей, частью из боязни мести и частью по установившемуся взгляду, что разбои, грабежи и воровство ничего порочного для совершивших их не составляют, не желающих идти на помощь властям»¹⁹.

Дополнительную сложность представляла перспектива «взаимодействия»

российских воинских отрядов, пытавшихся уничтожить абреков, с сотрудниками местной Терской постоянной милиции, которая состояла в частности на вайнахских территориях из вайнахского же населения. В связи с этим весьма показательное мнение атамана Кизлярского отдела Терского казачьего войска, изложенное в сообщении для войскового штаба 2 мая 1906 г.: «Признаю неудобной замену казачьих постов милиционерами, так как это было бы то же самое, что поощрять хищников еще более к их дерзким проделкам и давать им возможность совершенно безнаказанно скрываться от правосудия. Примеры доказывают, что большинство грабежей совершается милиционерами, которые под прикрытием погон совершенно свободно грабят мирное население»²⁰. Данная оценка явилась следствием двух факторов: родоплеменной психологии милиционеров-вайнахов, с одной стороны, и почти полного отсутствия контроля за Терской постоянной милицией со стороны Российского государства, с другой.

Поступая на службу в милицию, чеченец и ингуш оставался прежде всего членом своего тейпа (племени), был обязан, как и любой его сородич, всегда безоговорочно помогать любому родственнику, нуждавшемуся в этом, даже если последний совершил нечто, инкриминируемое ему российскими законами. В противном случае милиционер-вайнах мог быть изгнан старейшинами из тейпа, что являлось и является самым тяжелым наказанием для любого чеченца или ингуша. Вполне естественно, что задержание милиционером-вайнахом и передача карательным органам преступника той же, что и сам милиционер, национальности, воспринимались как безоговорочное основание для объявления кровной мести со стороны родственников задержанного столь «дисциплинированному силовнику». Подобная перспектива заставляла милиционеров любыми путями избегать таких критических ситуаций.

Возникает ещё один злободневный вопрос — почему ещё в XVII–XVIII веках те же казаки, как и представители немногочисленной российской государственной администрации в Терках, могли уживаться с мусульманами-представителями иных народов (кабардинцами, кумыками), хотя и имели с ними периодически конфликты, а приход чеченцев заставил русское население перебраться за Терек? Касаясь этой важной и болезненной проблемы, неизбежно следует вспомнить о том, что и в эпоху формирования «единой общности — советского народа» историки того периода часто, но без особых разъяснений отмечали неравномерность социально-экономического развития различных народов Северного Кавказа. За подобными «скороговорчатыми» формулировками и тогда скрывалось понимание отсталости прежде всего вайнахов (чеченцев и ингушей) от всех окружавших их соседей в общественно-экономическом развитии. Не следует понимать подобное утверждение как намеренное оскорбление вайнахов. Ведь не приходит же никому в голову мнение о том, что все народы бывшего СССР к моменту прихода к власти коммунистов уже были на примерно одном уровне социально-экономического развития, а в отношении чеченцев ситуация была вполне очевидной и объясняется совершенно логично. Дело в том, что кабардинцы и кумыки к моменту прихода русских имели сложившиеся феодальные отношения в силу значительных предпосылок (прежде всего обширных пастбищ) в общественном развитии. Практически все народы

Дагестана, особенно сравнительно многочисленные — аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, также находились на стадии развития феодальных отношений, хотя и не столь очевидных. У всех указанных народов существовала знать, имевшая династический характер и в своём могуществе опиравшаяся на земельные владения, где эксплуатировались в различных, но в основном феодальных формах рядовые горцы-общинники. Чеченцы, как упоминалось ранее, были долгое время зависимы от владевших равнинными пастбищами кабардинцев и кумыков, и только в XVII веке начали самостоятельное переселение на эти земли. Психология переселенцев на «плоскость» осталась на уровне разложения родоплеменных отношений, поскольку предпосылки для её изменения не сформировались за короткий период освоения горцами равнинных массивов. В принципе психология остаётся самым трудноизменяемым элементом человеческого поведения, поэтому перед приходом русских на Сунжу в начале XIX века чеченцы совершенно органично жили по законам «военной демократии». Общество, находящееся на этом уровне развития, свой основной доход приобретает не за счёт собственного производительного труда или эксплуатации имеющихся у них и востребованных ими и окружающими природных богатств, а за счёт постоянных военных походов (набегов) на своих соседей различной степени обеспеченности. Не следует рассматривать в этой связи чеченцев как неких «первооткрывателей», поскольку предки всех, в том числе ныне «европейски цивилизованных», народов проходили в своём развитии подобную фазу, как и древние славяне. Вот только самым прискорбным элементом исторической самобытности вайнахов остаётся именно целый комплекс родоплеменных пережитков. Приходится встречаться с утверждениями, что многие из этих старинных традиций (уважение к старшим, помощь родственникам, даже весьма отдалённым, мужественное воспитание молодёжи, особенно мальчиков и т. д. и т. п.) вполне полезны и достойны заимствования. Хочется в этой связи напомнить, что эти действительно достойные качества являются не единственными, присущими носителям родоплеменной психологии. Базисной чертой служит явно «внеэкономическая» по большей части система получения дохода, которая около 20 лет назад была названа осетинским историком М.М. Блиевым «набеговой системой» и подверглась особенно ожесточённой критике со стороны представителей научной общественности Чечено-Ингушской АССР. Касаясь проблемы преступности у горцев, один из образованнейших горцев Терской обл., осетинский мыслитель А.А. Гассиев ещё в начале XX века отмечал: «...в завистливости, мстительности, необузданном своеволии, неуважении чужих прав, похищении девиц и кровной мести содержатся или ими покрываются все пороки и все преступления. Самосуд, пьянство, снохачество и другие ненормальные явления русской жизни в сравнении с ними — мелочь»²¹.

Будучи специфическим кавказским явлением, в то время абречество не носило какой-либо политической окраски. Это отмечали и современники, характеризуя действия абреков-вайнахов: «...насилия чеченцев и ингушей лишены характера племенной вражды или национального антагонизма»²². Бандиты из осетин и русских, чеченцев и ингушей действовали, за редчайшими исключениями, в интересах наживы. Иногда они покушались на жизнь неугодных горскому населению или активно преследовавших преступников государственных

чиновников, что создавало абрекам ореол народных мстителей в глазах местного населения. Так, в Чечне были убиты 4 апреля 1906 г. из засады заместитель начальника Веденского округа подполковник Добровольский и подъесаул Нецветаевский²³. Но в глазах и властей, и интеллигенции, и масс русского и горского населения абреки оставались не действительными выразителями народных интересов, а лишь разбойниками — удачливыми и неудачливыми, благородными и сугубо своекорыстными. При всей своей неприязни к абречеству, публицист Г. Ткачев заявлял: «Я желал бы всегда отделять воров от туземцев, хотя бы эти воровы и были туземной крови. Пора отделять мирно трудящийся люд — селян, купцов, ремесленников — от неустановившейся мути, поставляющей нам воров и абреков»²⁴.

Однако в силу своей неспособности выявить экономические причины абречества, Ткачев всю суть этого явления видел в недостатках властей по использованию имеющихся у них полномочий — как силовых, так и просветительских — для подавления преступности в Терской обл. Более глубоким представляется мнение советского исследователя С.И. Гуревича: «Чеченец и ингуш в силу роста товарно-денежных отношений в деревне разорялся и нищал, но не видя истинного врага, искал выход в абречестве...»²⁵. Поистине, абречество оказалось национальной трагедией горских народов и сыграло бесспорно отрицательную роль в их истории, негативно отразилось на межнациональных отношениях и государственной безопасности в Терской области.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Цаликов А. Кавказ и Поволжье. М., 1913. С. 43.
2. Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народов Терской области. Владикавказ, 1911. С. 76.
3. Там же. С. 66.
4. Там же. С. 67.
5. Там же. С. 69.
6. Там же. С. 69–70.
7. Ткачев Г.Н. Казаки и туземцы в Терской области. Владикавказ, 1910. С. 34.
8. Революция 1905–1907 гг. на Тереке. Документы и материалы. Орджоникидзе, 1980. Т. 1. С. 133.
9. Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1973. С. 10.
10. Ткачев. Ингуши и чеченцы в семье народов Терской области. С. 31–32.
11. Там же. С. 35.
12. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. Махачкала, 1965. С. 269–270.
13. Государственная дума. Созыв II. Сессия I. Стенографический отчет. Санкт-Петербург, 1907. С. 78.
14. Ткачев. Ингуши и чеченцы в семье народов Терской области. С. 36.
15. Там же. С. 37.
16. Там же. С. 77.
17. Там же. С. 147.
18. Там же. С. 13.
19. Материалы ЦГА Северной Осетии. Ф. 54. Оп. 2. Д. 762. Л. 35 об.
20. Там же. Ф. 54. Оп. 2. Д. 674. Л. 104, 104 об.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2009

Е.Е. Кулакова

ДЕТСКОЕ НАЧАЛО И ОБРАЗ КНЯЗЯ МЫШКИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

В статье раскрывается понятие «детское начало» в контексте художественного мира романа Ф.М. Достоевского «Идиот», где образ князя Мышкина играет ведущую роль. Также другие герои романа рассматриваются через призму «детского начала» как философско-религиозной категории. Детское начало является своеобразным критерием проявления чистоты и искренности человеческой природы.

Ключевые слова: князь Мышкин, роман «Идиот», Достоевский.

Религиозно-философские суждения Ф.М. Достоевского, в течение всей своей жизни пытающегося постигнуть «тайну человека», «найти в человеке человека», во многом художественно реализуются через образы детей и различные проявления детской природы во взрослых. Тема детскости у Достоевского волновала многих исследователей. Так, по-разному она озвучивается в трудах В.Я. Кирпотина, Ю.Ф. Карякина, Ю.Г. Кудрявцева и др.¹ На «некие неэвклидовские, метафизические оттенки восприятия детской природы»² у Достоевского указывает А.П. Власкин и приводит примеры, обозначающие «странную», совсем «другую природу» детей. Например, известное начало рассказа «Мальчик с ручкой»: «Дети странный народ... Они снятся и мерещатся»³ (22; 13), или — из признания Ивана Карамазова: «Дети <...> страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою природой» (14; 217). Интересна мысль Г.С. Померанца о двух «измерениях» в открытии ребёнка у Достоевского — *христианском и романтическом*⁴. Особо отметим «христианское открытие», которое у Достоевского происходит через утверждение христианских истин в ребёнке и через ребёнка: «Младенец сливается в его уме со Христом, и он в очень сходных выражениях говорит о ребёнке и о Христе, как об оправдании мира»⁵. Вера у Достоевского, по Померанцу, связывается с невинной «улыбкой младенца»: «улыбка младенца, о которой Мышкин рассказывает Рогожину, — самое сильное выражение его веры. В «Бесах» рождение ребёнка вызывает какой-то сноп света в душе Шатова. В «Подростке» подброшенная трёх- или четырёхнедельная девочка становится одним из самых сильных отроческих впечатлений Аркадия Долгорукова» (там же).

В «Дневнике писателя» у Достоевского за июль-август 1877 г. есть фантастическая речь председателя суда по делу Джунковских, в которой можно уловить патетику самого автора. Завершается она так: «...Детей нельзя не любить. Да и как не любить их? Если уж перестанем детей любить, то кого же после этого мы сможем полюбить, и что станет тогда с нами? Вспомните тоже, что лишь для детей и для их золотых головок Спаситель наш обещал нам «сократить времена и сроки». Ради них сократится мучение перерождения человеческого общества в совершеннейшее. Да совершится же это совершенство и да закончатся наконец страдания и недоумения цивилизации нашей!» (25; 193).

Некое *детское начало* явственно проступает во всех произведениях писателя и реализуется в различных художественных ситуациях, в лексике, в поэтических интуициях. Детское начало — своеобразный феномен, представляющий самих детей с их непосредственностью, чистотой, искренностью (в рассказах «Мальчик у Христа на ёлке», «Мужик Марей», «Маленький герой», в повести «Неточка Незванова» и др.), а также характеризующий взрослых героев, как уникальный критерий их лучших проявлений и особенностей («...Если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18, 3).

Обратимся к роману Ф. М. Достоевского «Идиот», в котором степень проявления детского начала выражена наиболее ярко, к тому же — в определенном развитии. В связи с этим рассмотрим образ главного героя романа — князя Мышкина, в ком детское начало, на наш взгляд, выступает как определяющее и доминирующее в отношениях с другими героями и как одно из условий, раскрывающее художественную проблематику романа.

Начнем с эпизода, когда князь Мышкин впервые появляется у Епанчиных, сразу после своего приезда из Швейцарии. Первая фраза, которой Иван Федорович Епанчин характеризует князя Льва Николаевича Мышкина, уже выявляет и обозначает нашу тему: «*Совершенный ребенок* и даже такой жалкий, припадки у него какие-то болезненные» (8; 44. Здесь и далее курсив мой — Е.К.). И здесь же, через несколько строк, в этом же разговоре: «... и притом, он почти *как ребенок*, впрочем, образованный» (8; 45). И еще раз, через несколько фраз, когда в разговор уже вмешались дочери (Александра, Аделаида, Аглая), следует третье подтверждение «дитячества» князя, уже как своеобразное заключение: «... и вдобавок *дитя совершенное*, с ним можно еще в жмурки играть» (8; 45). Малый отрезок текста, в котором мы выделили данные характеристики, несомненно демонстрирует усиленное авторское акцентирование «детскости» Мышкина. Причем дважды произносится «ребенок», и дважды — «совершенный» («совершенное»). Чтобы выявить оценочную сторону понятий «совершенство», «совершенность», перенесемся по тексту несколько вперед и приведем цитату, в которой дается одна из первых оценок Мышкиным Настасьей Филипповны: «В Вас всё *совершенство*... даже то, что Вы худы и бледны...» (8; 118), на что Настасья Филипповна не могла не откликнуться: «Так Вы, стало быть, меня за *совершенство* почитаете, да »? (8; 118). Образ Настасьи Филипповны более, чем остальные (после Мышкина), будет привлекать наше внимание наличием и проявлением в нем «детского», к тому же, понятие «совершенство» (как оценка Мышкиным Настасьей Филипповны) будет еще не раз определять героиню, в глубине души осознающей свою совершенную, «божественную природу».

Но вернемся к эпизоду у Епанчиных и отметим в первых характеристиках князя Мышкина генералом немаловажное, на наш взгляд, дополнение: «...с ним можно еще в жмурки играть» (8; 45). Скорее всего, это случайно брошенная аллегорическая шутка. Но прозвучала она в устах генерала-отца как своеобразное пророчество относительно судьбы одной из его дочерей — Аглаи. И не только Аглаи: многие герои оказываются ввязаны в детскую игру «жмурки» по отношению друг к другу: и Настасья Филипповна, и Рогожин, и все семейство Епанчиных (особо Лизавета Прокопьевна), и даже Ганя, и Коля Иволгин, и Лебедев. И «водят» в этой игре в разное время разные герои, но *ведет всех*, до последнего эпизода, Мышкин — «совершенный ребенок».

Вспомним и повторим восклицание из «Дневника писателя» (цитата, приведенная чуть выше), где своеобразно смыкаются понятия «совершенство» и «дети»: «Ради них сократится мучение перерождения человеческого общества в совершеннейшее. Да совершится же это совершенство...». Обращаясь к образно-этимологической природе самого слова-понятия, используемого и в романе («Идиот»), и в «Дневнике писателя» — в различных частях речи (прилагательное, глагол, существительное, причастие), выделим корень — *верш* — и прочтём понятие в целом: со — вершиною — (быть, находиться, двигаться). Примечательно, что эта «вершина» в образе Мышкина уже в самом начале действия романа связывается с проявлением в нём «детского». Далее, весь первый, продолжительный разговор у Епанчиных, вдохновенно ведомый Лизаветой Прокопьевной и ее дочерьми с князем, раскрывает нам немало характерного во всех образах. Что же касается интересующей нас «детскости», то она обнаруживается и в Лизавете Прокопьевне, жене генерала: «... я давеча пред Вашим приходом рассердилась и представилась, что ничего не понимаю и понять не могу. Это со мной бывает; *точно ребенок*» (8; 49).

Отметив первые характеристики героев в аспекте обозначенности в них «детского», обратимся к «Швейцарскому периоду» Мышкина, который условно назовём «*Детским периодом*».

Примечательно, что рассказ о детях, с которыми Мышкин был связан в Швейцарии, предваряется заявлением князя о счастье: «...я там только здоровье поправил; не знаю, научился ли я глядеть. Я, впрочем, почти все время был *очень счастлив*».

— Счастлив? Вы *умеете быть счастливым*? — вскричала Аглая» (8; 50).

Поставленный здесь извечный вопрос о счастье, который в романе звучит по-разному, и звучит постоянно, имеет прямое сопряжение и с «детскостью», и с детьми, которых узнал Мышкин в Швейцарии. «Я не был влюблен, — отвечал князь так же тихо и серьезно, — я ... *был счастлив иначе*» (8; 57). Счастье «иначе», чем только влюбленность, как привыкли считать дочери Епанчины, является своеобразным ключиком к соотношению **Мышкин** и **дети** (дети, которые всю жизнь князя перевернули: «Вся судьба моя пошла на них» 8; 64). Рассказ Мышкина о детях, с которыми он был в Швейцарии, занимает в романе всего несколько страниц, но является чрезвычайно колоритным и объёмным по содержанию. Встает вопрос: зачем нужно было Достоевскому так плотно соединять князя Мышкина с детьми именно там, где он находился на излечении от своей «падучей»? Мы знаем, что автор готовил своего героя для России — особо

и основательно; знаем, что в первоначальной редакции герой именовался «Князь Христос». Замена названия на «Идиот» соединяет эти два, казалось бы, несоединимые именованья. Нам ничего не остается другого, как видеть между «Князем Христом» и «Идиотом» в художественном контексте романа определенные ассоциативные и духовно-социологические связи. Причем этот роман, как никакой другой, действительно *имеет* эти два названия: одно пропечатанное, другое — во внутреннем и подспудном звучании.

Образ Христа, являющийся для Достоевского заглавным символом истины и веры, так или иначе должен был воплотиться в художественном пространстве писателя. Почему же в романе, первоначально именованном «Князь Христос», образ великого страдальца за судьбу человека и человечества трансформируется через понятие «идиот» и все соответствующие в связи с этим проявления человеческой природы? Допустим, Достоевскому важно было увидеть, как будет выглядеть Христос во плоти в такой вот России, в такое-то время. Покажись Христос в своем светозарном виде, ему и шагу ступить не дали бы. А обычное земное тело Христов Дух во всей полноте выдержать не может, психика тоже не справляется, — потому и естественны психические отклонения, потому и штамп «идиотизма» мог служить защитным слоем трепетной Христовой сути. Допустим, так оно и есть с точки зрения психо-физической вместиимости и необходимости трансформации мощнейших (Христовых) энергий. К тому же Достоевский более, чем кто-либо другой, понимал, что «начинается *новая история*, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, *постепенного перехода из одного мира в другой*, знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью» (6; 504). Напоминаем эти последние строки из романа «Преступление и наказание», в которых явственно звучит мысль о новом человеке, о другом человеке, способном войти в «совершенно неведомую действительность».

Воплощением этой мысли, своеобразным её религиозным олицетворением в «Преступлении и наказании» была Соня Мармеладова. И, достигнув определенных реализаций в плане духовно-нравственного преображения героев (самой Сони и Раскольникова), эта мысль обретает более мощное выражение в романе «Идиот» в лице Мышкина — «нового человека», «прекрасного человека», «Князя Христа».

Но вернёмся вновь к «Швейцарскому периоду», который мы обозначили как «Детский» и который был подготовкой Мышкина к служению России, служению людям. Почему всё-таки в «Швейцарском периоде» Достоевский столь плотно соприкасает князя Мышкина — Князя Христа — с детьми, прежде чем он появляется в России? Посмотрим, наконец, в связи с этим, что же за отношения складываются у Мышкина в Швейцарии с детьми, как они проясняют поставленные нами вопросы. «Там... там были *всё дети*, и я всё время был там с детьми, *с одними детьми*» (8; 57) — так начинает князь свое повествование. Вспомнив одних «деток» в речи Ивана Карамазова, — сделаем акцент на слове «одни» (дети) в только что процитированном нами тексте. «Одни» выступает здесь как утверждение особого и исключительного положения, которое занимают дети в системе идейно-художественных поисков Достоевского. И если в «Преступлении и наказании» речь идет (через Раскольникова) о разделении

людей на два разряда (символически это выглядит своеобразной «судной чашей весов»), то «дети», «детки» в «Идиоте» и в «Братьях Карамазовых» выделяются писателем из людей в какую-то *особую группу*. К тому же, там, в Швейцарии, Мышкин мог бы вступить в какие-то отношения и со взрослыми, но именно дети, «одни» дети были для него там, и уже это кажется нам знаменательным. К тому же он «не то чтоб учил их», учитель у них был другой — Жюль Тибо: «я, пожалуй, и учил их, но я больше *так был с ними*. Мне ничего другого не надобно было. Я им все говорил, ничего от них не утаивал. Их отцы и родственники на меня рассердились все, потому что дети, наконец, без меня обойтись не могли и все вокруг меня толпились...» (8; 57). Далее идет утверждение Мышкина о том, что «ребенку» можно всё говорить: «от детей ничего не надо утаивать, под предлогом, что они маленькие и что им рано знать», «что ребенок даже в самом трудном деле может дать чрезвычайно важный совет» (8; 58). И даже учителю детей Тибо Мышкин сказал, «что мы оба их ничего не научим, а они еще нас научат» (8; 58). Получается, что будущий «Князь Христос» **явно учился у детей**.

Чему же научили дети князя Мышкина? Почему, по словам Мышкина, «**через детей душа лечится**» (8; 58)?

Далее идет **история с Мари**, через которую дети научили Мышкина безоглядности и безусловности в любви — одному из главных Христовых качеств. Нельзя сказать, что Мышкин до встречи с детьми не обладал ими. Так, он и Мари — жалея — любил, но не был влюблен в нее (и он прежде ее полюбил, чем ее полюбили дети): «... а потом поцеловал ее и сказал, чтоб она не думала, что у меня какое-нибудь нехорошее намерение, и что целую я ее не потому, что влюблен в нее, а потому, что мне ее очень жаль, и что я с самого начала ее нисколько за виноватую не почитал, а только за несчастную» (8; 60). Однако этот чистый мышкинский поцелуй явился своеобразным «камнем преткновения» в его отношениях с детьми, вернее — той гранью, которая обозначила противоречия их детской природы: безусловной, безоглядной наивысшей любви детей к Мари и безоглядной к ней жестокости. Дети, подглядев за Мышкиным и Мари «...начали свистать, хлопать в ладошки и смеяться, а Мари бросилась бежать. Я хотел было говорить, но они в меня стали камнями кидать»; и «зато уж дети ей проходу не стали давать, дразнили пуще прежнего, грязью кидались; гонят ее, она бежит от них со своею слабою грудью, задохнется, они за ней, кричат, бранятся...» (там же). Нам важен этот внезапный переход от одного состояния к другому (от жестокости к любви). После усиленных разъяснений князя детям о несчастной Мари они не просто полюбили ее, но полюбили именно безоглядно, безусловно и глубоко, — так, что через эту детскую любовь Мари стала счастливой: «Потом все узнали, что дети любят Мари, и ужасно перемучались, но Мари была *уже счастлива*» (8; 61). Мало того, «скоро и все стали любить ее, а вместе с тем и меня вдруг стали любить» (8; 61). Таким образом, благодаря страданиям Мари, усиленным жестокостью со стороны детей, возникла, состоялась какая-то общая, большая единая любовь, которая соединила Мышкина с Мари и — на новом уровне — с детьми. Поразительным кажется тот факт, что безусловная, безоглядная жестокость детей к Мари обусловила безусловную, безоглядную последующую любовь их к ней. Сравнивая любовь князя и любовь де-

тей к Мари, увидим, что *любовь детей сильнее*. Подтверждает это несколько раз прописываемая мысль о счастии Мари. Первую цитату «о счастии» мы уже указали (см. выше); продолжаем далее: «...они носили ей гостинцев, а иные просто прибегали для того, чтоб обнять ее, поцеловать, сказать: «Je vous aime, Marie!» — и потом стремглав бежать назад. Мари чуть с ума не сошла от такого внезапного счастья» (8; 61). Лексика последней фразы указывает на близость понятий «счастье» и «сумасшествие» («безумие»). И это еще раз выводит нас на мысль о некой «положительной» стороне так называемого «идиотизма», и сходстве его с состоянием блаженства, счастья в «христовости». Еще цитата, связующая наивысшую точку счастья — восторг — с безумием: «Она бывала как безумная, в ужасном волнении и восторге» (8; 62). Но главным для нас является следующее утверждение о значимости детей для Мари: «*Через них, уверяю вас, она умерла почти счастливая*. Через них она забыла свою черную беду, *как бы прощение от них приняла*, потому что до самого конца считала себя великою преступницею» (8; 63). Заметим: не от Мышкина, не через него Мари «прощение приняла», но от детей, то есть они явились для нее наивысшей точкой суда в ней самой и даже разрешением на искупление. И если Соню Мармеладову дети, условно говоря, сподвигнули на преступление (их голод), то Мари — дети спасли, очистили, дали ей прощение и освобождение от преступления. И здесь, и там — дети. Хотя по поводу случая с Соней можно еще добавить следующее: дети, явившись причиной преступления, таким образом оправдывают его и, следовательно, прощают и возвышают Соню. Значит, есть какая-то в детях *особая сила*, которая творит чудеса, делает людей счастливыми: «Не знаю, но я стал ощущать какое-то чрезвычайно сильное и счастливое ощущение при каждой встрече с ними» (8; 63), — признаётся Мышкин. Связь «Мышкин — дети» кажется в «швейцарском периоде» настолько глубокой и многогранной, настолько тщательно прописываемой Достоевским, что не остается сомнения: *автор искал и находил именно в детях ту огромную долю христовости, ту полноту счастья, которой необходимо было осветить главный образ романа — образ князя Мышкина* — перед его появлением в России: «...а товарищи мои всегда были дети, но не потому, что я сам был ребенок, а потому, что меня просто тянуло к детям» (8; 63). И чуть ниже по тексту: «Я останавливался и смеялся от счастья, глядя на их маленькие, мелькающие и вечно бегущие ножки, на мальчиков и девочек, бегущих вместе, на смех и слезы (потому что многие уже успевали подражаться, расплакаться, опять помириться и поиграть, покамест из школы до дому добегали), и я забывал тогда всю мою тоску» (8; 64). «Смех и слезы», «подражаться — помириться», безоглядная жестокость-безоглядная любовь, — добро-зло — одно, мгновенно переходящее в другое, одно, сливающееся с другим, — приводит нас к мысли о том, что, быть может, зла нет, а есть только разные формы добра, ведущие к счастью, гармонии, истине, Христу. Именно «через детей» эта мысль получает полноту реализации, «ибо дети сих образ Христов», «через них путь в царствие Божие». Нет черного, нет белого, плохого или хорошего, лишь — зеркальное отражение одного в другом: мы помним, как дети «били в ладошки, кидаясь в Мари» камнями; но и в момент, когда они достали башмаки и белье для Мари, — они тоже «только весело смеялись, а девочки били в ладошки...» (8; 62).

Таким образом, «дети» помогли проявить «странную» мысль о князе, которую поведал перед отъездом в Россию князь Мышкину Шнейдер: «...он сказал мне, что он вполне убедился, что я *сам совершенный ребенок, т. е. вполне ребенок*, что я только ростом и лицом похож на взрослого, но что развитием, душой, характером и, может быть, даже умом я не взрослый, и так и останусь, хотя бы я до шестидесяти лет прожил» (8; 63). Смеясь, Мышкин удивляется этой мысли — «потому что какой же я маленький?»; но и тут же оговаривается: «Но одно только правда, я и в самом деле не люблю быть со взрослыми, с людьми, с большими, — и это я давно заметил, — не люблю, потому что *не умею*» (8; 63).

Мышкин, чувствующий себя среди детей как «свой среди своих», вынужден был оставить их и ехать в Россию, к «людям»:

«Теперь я к людям иду; я, может быть, ничего не знаю, но наступила новая жизнь. Я положил исполнить свое дело честно и твердо» (8; 64). Мышкин этим рассказом (и последнею фразой в особенности) отделяет «детей» от «людей». А дальше следует еще более значительное заключение: «Может быть, и здесь меня *сочтут за ребенка*, — так пусть! Меня тоже *за идиота считают* все почему-то, я действительно был так болен когда-то, что тогда и похож был на идиота; но какой же я идиот теперь, когда я сам понимаю, что меня считают за идиота? Я вхожу и думаю: «Вот меня считают за идиота, а я все-таки умный, а они и не догадываются...» (8; 64). Мышкин как бы ненароком соединяет себя — «ребенка» с собой — «идиотом», а «идиот» — в сопряжении двух названий романа — как теневая сторона от образа «Князя Христа». Таким образом, все три понятия оказываются на одной прямой, обозначая различные стороны проявления сущности человека, где *детское начало* выступает в роли своего рода примирителя самых высших и предельно болезненных состояний человека, тем более, если второе порою является лишь ярлыком, а не сущей достоверностью. И действительно, не слишком ли часто обозначается «ребенок», «совершенный ребенок», «вовне ребенок» для сравнительно малого текста (6 глава, I часть), чтобы не обратить на это внимание?

И завершается 6 глава I части — через «разгадывание» князем «лиц» дочерей Лизаветы Прокопьевны и «ее лица» в том числе. И здесь генеральша уже сравнивается с «совершенным ребенком»: «...я просто уверен, что Вы *совершенный ребенок* во всем, во всем, *во всем хорошем и во всем дурном*, несмотря на то, что Вы в таких летах» (8; 65). Примечательно, что уже не раз повторяющееся сравнение «совершенный ребенок» относится теперь не к Мышкину, а к генеральше. И это подводит к мысли, что «детскость» — не исключительность только в князе, призванном быть «Христом», но что она присутствует и ярко проявляется и в других героях, выступая в роли своеобразной «типологической единицы». В данной цитате для нас еще важно то, что определяет две контрастирующие стороны в детях, две исключительности, две «безоглядности» (вспомним опыт с Мари), а именно: «совершенный ребенок (...) и во всем хорошем и во всем дурном». Характерно, что Мышкин признает в детях и то, и другое: «Ведь Вы на меня не сердитесь, что я так говорю? Ведь Вы знаете, *за кого я детей почитаю?*» (8; 65).

Чтобы попытаться понять, за кого же Мышкин почитает детей, проследим, как постепенно развивается, трансформируется тема «детскости», Детского На-

чала в различных героях романа, в особенности — в Мышкине, как через проявление «детскости» в человеке осуществляется открытие в нем Божественного.

Отметим, что мы в своей статье движемся в русле логики сюжетной линии романа, и именно — по ходу развивающихся действий. Так, обобщим, что разговор, ведущийся Лизаветой Прокопьевной с князем, оказавшийся во многом оценочным, завершается обобщением Лизаветы Прокопьевны утверждением в себе «ребенка»: «*Я ребенок, и знаю это*» (8; 65). Но дело не только в этом; уж очень много в словах Лизаветы Прокопьевны бравады и торжественности. Лизавета Прокопьевна любит себя и интуитивно понимает, что «быть ребенком» в её лета — это наивысшая для неё оценка. Причем, именно через «детскость», через «ребенка» в себе Лизавета Прокопьевна тяготеет соединиться с князем: «*...я ребенок, и знаю это. Я еще прежде вашего знала про это; вы именно выразили мою мысль в одном слове. Ваш характер я считаю совершенно сходным с моим, и очень рада; как две капли воды*» (8; 65). Лизавета Прокопьевна явно отметила в князе именно вот эту «божественность», «христовость», к которой сама она как будто тяготела. Все предпосылки к развитию в ней данных качеств были; другое дело, что проявлялись они часто в каком-то изнаночном, порой инфантильном виде. Потому и детскость ее, через которую она видит свое соединение с Мышкиным, выглядит в большей степени как пародия на истинную святость и чистоту *детскости от Божественного*. Однако благодаря даже такому проявлению детскости Лизавета Прокопьевна выглядит часто безобидной, ей многое прощается.

Далее, как на «сцене», — в романе появляется **Настасья Филипповна**, вернее, пока ее портрет (лик ее с первых страниц витает в воздухе). И мы через оценку Мышкиным этого портрета сразу же «причисляем» Настасью Филипповну к «нашим образам», то есть тем, которые интересуют нас с точки зрения проявления и развития в них различного рода «детского». Лицо Настасьи Филипповны поразило князя Мышкина тем, что «Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть были в этом лице, и в то же самое время что-то *доверчивое*, что-то удивительно *простодушное*; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты» (8; 68). Из этих «двух контрастов» — одна из сторон, а именно, что-то «доверчивое, что-то удивительно простодушное», вырастет затем в очень характерную для Настасьи Филипповны черту, а именно — «детскость», что является для нас принципиально значимым. Рассмотрим, как это развивается и утверждается в тексте; обратим внимание опять-таки на сравнительную лексику. Возьмем, к примеру, первое эксцентричное появление Настасьи Филипповны в романе, в доме Иволгиных. Генерал Иволгин рассказывал «глупую историю», присвоенную им, о том, как одна дама выбросила в окно его сигару, а он за то выбросил в окно ее собаку — болонку. «Вы изверг! — крикнула Настасья Филипповна, хохоча и хлопая в ладошки, *как девочка*» (8; 93). В данном случае Настасья Филипповна ведет себя так, как вели себя дети в Швейцарии, издеваясь над Мари. Вспомним, как они «хлопали в ладошки, дразня ее и кидаясь в нее камнями». Таким образом, в данном случае детскость проявляется как безоглядная радость — от жестокости, лишь бы это было забавно и походило на наглядную детскую игру. И все-таки детскость — как жестокость — не столь часто имеет место в романе,

как *детскость иного рода*, которая выявляется, например, в начавшейся бесконечной истории сватовства — женитьбы на Настасье Филипповне. Так, в разгар первого «сватовства», на дне рождения у Настасьи Филипповны, когда Мышкин делает попытку «взять» Настасью Филипповну в жены (в момент определения его княжества), Настасья Филипповна восклицает: «Да и куда тебе жениться, за тобой, за самим еще няньку нужно!» (8; 138). Указание на «няньку» в данном случае определяет степень детскости в Мышкине, а именно: *младенчество, грудной период* — тот период, который характеризуется *исключительной чистотой и святостью*. Можно отметить также качество беспомощности и неумелости в «грудном периоде». Как, например, в той же сцене со сватовством Настасья Филипповна характеризует Ганю (Гаврилу Ирдалионовича Иволгина): «Ведь теперь их всех такая жажда обуяла, так их разнимает на деньги, что они словно одурели. *Сам ребенок*, а уж лезет в ростовщики!» (8; 137). Здесь подчеркивается именно неумелость, глупость, и оценка *такой «детскостью»* звучит как осуждение и предостережение.

Что же касается «няньки» по отношению к князю, то такая характеристика дается Настасьей Филипповной Мышкину *не единожды* (что особо для нас важно). В этой же сцене на дне рождении Настасьи Филипповны, когда перевес в «сватовстве — торговле» перешел на сторону Рогожина, Настасья Филипповна восклицает: «Да неужто же мне его загубить было? (она показала на князя). Где ему жениться, ему самому еще няньку надо; вон генерал и будет у него в няньках, — ишь за ним увивается!» (8; 144). Перед этим высказыванием уже была произнесена определяющая фраза Настасьи Филипповны о ее решении ехать с Рогожиным и отказаться от князя: «А ты и впрямь думала? — хохоча, вскочила с дивана Настасья Филипповна. — *Этакого-то младенца* сгубить? Да это Афанасию Ивановичу в ту ж пору: это он младенцев любит!» (8; 113). Итак, «младенчество» князя обозначено здесь прямо и совершенно предметно. Важен и другой момент: через фразу относительно Афанасия Ивановича Троцкого, который «младенцев любит», где Настасья Филипповна себя как «младенца» имеет в виду, она *соединяет* себя с князем. То, что она сама такова — то есть чиста и непорочна, как уверен в этом князь, читается также через приверженность к «младенчеству». Князь, почитая ее за больную (когда она в припадке) и за несчастную, — здесь же, чуть раньше, произносит: «За Вами нужно *много ходить*, Настасья Филипповна. Я буду *ходить за Вами*» (8; 142).

«Ходить за вами» — это быть «нянькой». Таким образом, в помыслах, трепетно и заботливо, оба — Настасья Филипповна и Мышкин — «обменялись» по отношению друг к другу «няньками». Разница только в том, что Мышкин предлагает на роль няньки себя сам, а Настасья Филипповна считает себя недостойной быть даже «нянькой» князю, или не желает быть ею, или — уже не может, потому рекомендует в «няньки» первого подвернувшегося, кто быстро «оценил» княжество Мышкина, — генерала Епанчина. Именно через эти характеристики, определяющие «младенчество» Мышкина и Настасьи Филипповны, мы в своем сознании также соединяем их в чем-то чистом, святом, божественном — а именно, *в священной любви*. В любви необычной — любви-вере: «А князь для меня то, что я в него в первого, во всю мою жизнь, как в истинно преданного человека, поверила. Он в меня с одного взгляда поверил, и я ему

верю», — так сказала Настасья Филипповна о князе, когда определила его на роль судьи в своих отношениях с Ганей. К тому же, это — любовь-жалость со стороны князя, который и Мари, и Настасью Филипповну именно *такою любовью любил*: «Я ведь тебе уж и прежде растолковал, что я ее «не любовью люблю, а жалостью. Я думаю, что я это точно определяю» (8; 173). Любовь-вера, любовь-жалость, любовь-забота — эта любовь далека от обычной физической любви-страсти, это — Христова Любовь. Божественная любовь — самая что ни на есть истинная. И в ней Мышкин и Настасья Филипповна соединяются, как мы увидели, через своё «*младенческое*» Детское Начало. Только один раз князь Мышкин сравнивается с «*десятилетним мальчиком*» в разговоре о «Рыцаре бедном»: «Но особенно взорвало ее, что князь Лев Николаевич тоже смутился и, наконец, совсем сконфузился, как десятилетний мальчик» (8; 20). В остальных интересующих нас случаях Мышкин представлен именно как «младенец», «ребенок», «дитя» — с указанием на чистоту, непорочность, святость. Сам Мышкин подозревает за «детскостью», которую ему присваивают, неумелость и беспомощность, отчасти — глупость, поэтому иногда бунтует против таких «присваиваний», иногда его даже раздражает в самом себе эта «детскость»: «Вы меня за маленького принимаете, Лебедев?» (8; 166). Но Келлер, с другой стороны, отмечает в Мышкине не ту детскость, которую князь не хотел бы в себе иметь, но детскость как «глубочайшую психологию», что означает мудрость и взрослость: «Да помилуйте, князь: то уж такое простодушие, такая невинность, каких и в золотом веке не слыхано, и вдруг в то же время насквозь человека пронзаете, как стрела, такую глубочайшею психологией наблюдения» (8; 257). А несколько раньше в разговоре с Мышкиным: «О, князь, как Вы еще светло и невинно, даже, можно сказать, пастушески смотрите на жизнь!» (8; 257). Заметим, что «пастух» («пастырь») в библейском изложении связан с Христом, пасущим своих «овец». В другом месте читаем: «В князе была одна особенная черта, состоявшая в необыкновенной наивности внимания, с каким он всегда слушал что-нибудь его интересовавшее, /.../ в его лице и даже в положении его корпуса как-то отражалась эта наивность, эта вера, не подозревающая ни насмешки, ни юмора» (8; 278). «Наивность» как и невинность («... светло и невинно») всегда связывается с «детскостью», а рядом с «наивностью» в данном контексте стоит «эта вера», значит, здесь и «вера» связывается с «детскостью». И это не случайное обобщение в тексте, так как ещё ранее состоялся важный разговор Рогожина с Мышкиным о вере, где предполагаемый *символ веры* Мышкина объясняется через «*первую улыбку младенца*». Князь рассказывает о бабе с грудным шестинедельным ребенком, который улыбнулся ей первый раз от своего рождения. Баба «набожно-набожно вдруг перекрестилась» (8; 183). На вопрос Мышкина, что это она так вдруг, баба ответила ему следующей мудростью: «А вот, говорит, точно так, как бывает материна радость, когда она первую от своего младенца улыбку заприметит, такая же точно бывает и у бога радость всякий раз, когда он с неба завидит, что грешник перед ним от всего своего сердца на молитву становится» (8; 183-184). Таким образом, «первая улыбка младенца» связывается здесь с молитвенным состоянием в человеке, со слезами покаяния в грешнике. И Мышкин далее подводит итог: «Это мне баба сказала, почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно религиозную мысль, такую

мысль, в которой *вся сущность христианства* разом выразилась, т. е. все понятие о Боге как о нашем родном отце и *о радости бога на человека, как отца на свое родное дитя — главнейшая мысль Христова!*» (8; 184).

В этой проникновенной интуиции героя Бог-Отец радуется на ребёнка — как на самое своё совершенное земное создание, ибо ребёнок — росток заповеданной человечности. Именно поэтому князь Мышкин, выросший из исходно задуманного «князя Христа» в «совершенного ребёнка», естественно возвышается над остальными персонажами, явно не дорастающими до его божественно-детской природы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр.: *Кирпотин В.* Мир Достоевского. М., 1988. С. 97; *Карякин Ю.Ф.* Достоевский и канун XXI века. М., 1989. С. 625-629; *Кудрявцев Ю.Г.* Три круга Достоевского. 2-е изд. доп. М., 1991. С. 31.
2. *Власкин А.П.* На перекрёстках человеческой природы: мужское — женское — детское в художественном мире Достоевского // Достоевский и мировая культура: Альманах. № 22. М., 2007. С. 204–205.
3. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1989. Здесь и далее текст Ф.М. Достоевского цитируется по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.
4. *Померанц Г.С.* Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М., 1990. С. 237.
5. Там же. С. 245.

THE CHILD BASIS AND PRINCE MYSHKIN IN THE LITERARY WORLD OF DOSTOYEVSKY'S "IDIOT"

Ye. Ye. Kulakova

The article reveals the notion of 'the child basis' in the context of the literary world of F. Dostoyevsky's novel 'Idiot' with the principal role of Prince Myshkin. Other characters of the novel are also treated on the 'child basis', which as a philosophical and religious category represents a criterion of pure and sincere human nature.

Key words: 'the child basis', Prince Myshkin, the literary world of F.M. Dostoyevsky.

© 2009

Ю.И. Авраменко

ДВОЕМИРИЕ В РОМАНЕ ГЕНРИХА БЁЛЛЯ «ДОМ БЕЗ ХОЗЯИНА»

Данная статья посвящена творчеству немецкого писателя XX века Генриха Бёлля «Дом без хозяина». В работе рассматриваются основные мотивы творчества западногерманского писателя на примере данного романа: антитеза бедных и богатых, проблема национальной вины и ответственности за деяния фашизма, временная двуплановость, позволяющая осмыслить настоящее сквозь призму прошлого. В статье раскрывается также центральная тема произведений Генриха Бёлля — антивоенная, т. к. роман «Дом без хозяина» — одно из наиболее ярких произведений писателя на данную тему. Все эти моменты рассматриваются на примере судеб героев, жизнь которых протекает в двух мирах и несет на себе отпечаток военного прошлого.

Ключевые слова: Генрих Бёлль, роман «Дом без хозяина».

Генрих Бёлль принадлежит к числу наиболее читаемых в мире немецкоязычных писателей XX века. Его произведения — это критика современного социума с позиции нравственности. Центральная тема творчества Г. Бёлля — антивоенная. Он развенчивает нацистский культ войны и завоевателей.

К числу антивоенных романов писателя принадлежит и «Дом без хозяина». Этот роман был написан в 1954 году и является одним из самых сильных, художественно завершенных произведений Г. Бёлля. С.В. Рожновский писал, что эту книгу в самом общем виде можно охарактеризовать следующим образом: «Писатель стремится заглянуть в существо того, что произошло после войны, оценить прошлое и понять настоящее»¹. Он также добавил: «В ней сконцентрирована вся та проблематика, которая интересовала писателя в предыдущие годы, но здесь он пытается установить связи между отдельными, более частными проблемами»².

Роман «Дом без хозяина» строится на основе противопоставления богатства бедности. Многими критиками не раз отмечалось, что для прозы Генриха Бёлля пятидесятых годов очень важна антитеза имущих и неимущих, тех, кто объедается, и тех, кто недоедает. Таким образом, перед нами предстают два мира: один Мартина Баха, живущего в полном довольстве, и другой — Генриха Брилла, который познает унижения бедности на личном опыте. Оба героя — дети, родившиеся на исходе войны, растущие без отцов. Дружба Мартина и Генриха бескорыстна и трогательна. Они вместе постигают, как устроен мир взрослых, и какую роль в нем играют деньги. Мартин, не знающий, что такое бедность, присматривается к жизни школьного товарища, он начинает сомневаться в догмах катехизиса, он не желает мириться с порядками, при которых одни пресыщены, а другие голодны. Он искренне молится, чтобы Генриху и его семье жилось лучше. Генрих беден, и, кроме того, стыдится и страдает за мать, которая

слывет «безнравственной». По мнению Т.Л. Мотылевой, именно дружба этих двух школьников «помогает романисту Бёллю необычайно рельефно представить социальные контрасты»³. В этом романе Г. Бёлль впервые изображает классовое общество, и его герои — это уже не просто хорошие или плохие люди, а представители реальных классов.

Кроме того, в романе «Дом без хозяина» перед нами предстают еще два мира: реальный и идеальный. «Генрих Бёлль избирает очень интересный, хотя и не новый композиционный прием: он контрастирует идеальный и реальный миры, показывая тем самым, как далека действительность от идеала», — писал С.В. Рожновский⁴. Он подчеркнул: «В романе достигается своего рода «стереоскопический» эффект, потому что одна и та же действительность наблюдается как бы с двух далеко стоящих друг от друга точек: с точки зрения обыденности и с точки зрения детей, смотрящих на все через призму идеалов»⁵. Мы полагаем, что более конкретно данную мысль можно выразить следующим образом: реальный мир — это мир взрослых, мир денег и он беспощаден, идеальный мир — мир, в котором живут дети со своими мечтами, снами, желаниями и удовольствиями. При этом Мартин Бах двумя ногами стоит в идеальном мире. Подтверждение этому мы находим в самом романе, в мыслях дяди Альберта: «В комнате у Неллы было тихо, и на какое-то мгновение он понял ее: ведь и его пугало, что мальчик так быстро вырос и, несомненно, живет в совсем ином мире, чем они»⁶. Но время от времени Мартин также соприкасается с реальным миром. Например, посещая с бабушкой ресторан, где она выписывает кельнеру чек на такую сумму, на какую семья Брилахов живет, возможно, целую неделю, где кровожадно поедающие люди, обмакивающие куски мяса в кровавый жир вызывают в нем отвращение. И он боится этого мира, не понимает его.

Генрих Брилах, в свою очередь, очень четко осознает, что все вокруг раскалывается на два мира. Один мир — это школа, все, чему учили там, все, что говорил священник на уроках. Другой мир — это жизнь, которой он жил. Эту мысль подтверждают и строки самого романа: «Покою у Генриха никогда не было, уж слишком много у него было всяческих забот, и школу он воспринимал как дело второстепенное, ненужное, но в то же время симпатичное, как нечто далекое от жизни. Пузырьки воздуха под ледяной корой, милые игрушки, забавляться которыми чрезвычайно приятно, хотя они и отнимают много времени. А иногда в школе было просто скучно, и тогда Брилах на последнем уроке засыпал, если только страх за Вильму не мешал ему заснуть»⁷.

Из романа мы также узнаем, что Генрих знал и еще один, третий мир. «Третий мир — мир Мартина — был совсем не похож на первые два. Это был мир холодильников, мир, где женщины не стремятся выйти замуж, а *деньги* не играют никакой роли»⁸. Мы считаем, что, создавая образ третьего мира в сознании мальчика, писатель тем самым стремился еще раз подчеркнуть классовые противоречия. И хотя Генрих Брилах был ребенком с рано пробудившимся сознанием, который также уже многое успел познать в жизни: и «черный рынок», и даже то, что люди делятся на «нравственных» и «безнравственных», все же познать то, что общество расслаивается на отдельные классы, ему было еще достаточно сложно. Его дружба с Мартином сглаживала различия их социального положения, хотя они и не оставались незамеченными обоими школьниками.

Кроме того, мир Мартина так же, как и мир Генриха, отличался от первого мира, от школы, т. к. и в нем существовали трудности, просто они не были связаны с деньгами и носили совершенно иной характер.

Итак, если Мартин Бах — ребенок до мозга костей, живущий в своем идеальном мире, то Генрих Брилах — ребенок с недетскими заботами, ребенок, который живет жизнью взрослых. Именно поэтому Мартину сложно понять ту «важность», которую Брилах напускает на себя, составляя смету семейных расходов. Хотя он и осознает, что его другу живется очень тяжело и это занятие очень сложное. Жизнь в разных мирах, которые лишь иногда пересекаются между собой, заставляет ребят по-разному смотреть даже на самые простые вещи. Так, обыкновенный картофель является для Мартина настоящим лакомством и достается ему очень редко. Генрих же варит картофель каждый день на ужин, и картофель для него является чем-то обыденным.

Единственное, что по-настоящему объединяло ребят, это их представления об отцах. И Мартин, и Генрих идеализируют своих погибших отцов. Мартина, разглядывающего фотографию своего отца, его совсем молодое, смеющееся лицо, с трубкой во рту, всегда охватывала гордость, что у него такой молодой отец. По мнению Мартина, отцы чаще бывают старше, они всегда едят яйцо на завтрак и читают газету. Его отец мало походил на других отцов. Мартин всегда молился, чтобы отец пришел к нему во сне, и при этом он всегда представлял его верхом или в мчащейся к горизонту машине. И хотя чаще всего его отец приходил уставшим и грустным, Мартин снова и снова ждал его в своих снах. Генрих тоже часто думал о своем отце. Каждый вечер он рассматривал его фотографию на стене. Генрих знал, что отец был слесарем, у них дома хранилась его брошюрка: «Что надо знать автослесарю при сдаче экзамена на подмастерье». Но главное он знал, что его отец погиб на войне, сгорел в танке где-то между Запорожьем и Днепропетровском, защищая великую Германию.

Важно также обратить внимание на то, что судьбы обоих мальчиков, лишившихся отцов, тесно переплетены в романе со сломанными войной судьбами их матерей. И перед нами предстают две женщины, две матери, каждая из которых живет в своем мире. Жизнь Неллы Бах, которая потеряла своего мужа — поэта Раймунда Баха на войне, протекает в двух мирах. Она живет в реальном мире, среди своих родных, среди поклонников таланта ее мужа. И эта жизнь представляет собой бессмысленную скуку. Война и смерть мужа не отразились на ее материальном положении, а за сыном Мартином «по-отцовски» присматривает Альберт, иногда Больда, Глум, а также бабушка. Но большую часть времени она проводит в мире иллюзий, в собственных воспоминаниях и переживаниях. Она постоянно прокручивает в голове ленту кинофильма о ее жизни с Раймундом, о жизни, которую бы она прожила по-настоящему, предвкушая каждый день. Но ленту эту перерезали, и кинофильм остался лишь несбыточной мечтой. Даже Гезелер, убийца мужа Неллы предстает у нее в двух мирах. В ее голове долгие годы существовал образ Гезелера, как дельного офицера, широкоплечего красавца-мужчины, который послал на верную смерть Рая. В реальной жизни он оказывается милым интеллигентом с испытующим взглядом, и, кроме того, кажется Нелле слишком молодым. В результате желание мести, которое она долгие годы испытывала, испаряется, а сама месть оказывается напрасной.

Возможно, именно существование этих двух миров в жизни Неллы затрудняет понимание Мартина, является ли его мать «безнравственной» или нет. И хотя для окружающих его мама очевидно не «безнравственная», что-то время от времени заставляет мальчика сомневаться в этом.

Совершенно иной жизнью живет мать Генриха Вильма Брилах. Читая роман и погружаясь в судьбы двух женщин, понимаешь, что если меланхолия, некоторая отрешенность и полузабытьё Неллы Бах порой кажутся нам красивым страданием, то жизнь другой вдовы Вильмы по-настоящему страшна. Мир иллюзий и мечтаний почти не существует для нее. Все свои силы Вильма Брилах направила на то, чтобы выжить, чтобы прокормить и вырастить своих детей. И если мы легко можем представить Неллу Бах, душевно истощенную ранним вдовством, томящуюся в безделье, в дыму сигарет, в компании праздно болтающих гостей, то Вильму Брилах представить трудно. Перед нами возникнет лишь образ бедной, уставшей женщины с плохими зубами. На протяжении всего романа она остается безликой, ее один только раз называют по имени, когда она посещает дантиста.

Безуспешно пытается мать Генриха построить и свою личную жизнь. Один за другим меняются ее сожители, оставляя после себя лишь незначительную вещь, каждую из которых она бережно хранит, как частицу несбывшегося женского счастья. Ее желание создать полноценную семью осуждается обществом, и она слывет «безнравственной». И если мнения окружающих ее мало волнуют, то мнение собственного сына, который также считает свою мать «безнравственной» приносит ей страдания. Как уже было упомянуто в начале статьи, произведения Генриха Бёлля представляют собой критику современного социума с позиции нравственности. Поэтому совершенно неслучайно вопрос нравственности и безнравственности поднимается и в этом романе.

С.В. Рожновский отметил, что Вильма Брилах не «безнравственна», она всего лишь бедна, и при этом он подчеркнул: «Положение неимущей лишает ее возможности пойти по тому пути, который мог бы получить милостивое признание «общества»⁹. И с этим, на наш взгляд, трудно не согласиться. Рассуждая по данной теме, С.В. Рожновский писал: «Судьба Вильмы Брилах и ее детей переносит вопросы из сферы моральной в единственно определяющую — социальную, и здесь судьба отвергаемой становится обвинением против того общества, которое уготовило ей эту судьбу...в котором моральным оказывается все, что освящено написанным большими буквами словом *деньги* и где отсутствие денег исключает людей из категории нравственных»¹⁰. К концу романа эта мысль мелькает и в голове Генриха. Он постепенно перестает задумываться о вопросах морали, его больше не волнует то слово, которое мама сказала кондитеру. Мальчик думает о надежде, которая лишь на миг появилась на лице его матери. «Это длилось *одно лишь мгновение*, но он знал теперь, что *одно мгновение* может все изменить»¹¹. Наконец-то чистая детская душа сбрасывает с себя бремя взрослой жизни и Генрих Брилах, возможно, впервые, полностью погружается в идеальный мир, в мир мечтаний.

В романе «Дом без хозяина» просматривается также очень важная черта повествовательной манеры Г. Бёлля. И. Фрадкин определил ее как «композиционная двуплановость», «переключка времен»¹². И перед нами снова два мира:

мирное настоящее и военное прошлое. И. Фрадкин писал: «...современный план все время расширяется, он становится главным предметом изображения, но как бы ни возрастало с каждым днем расстояние между настоящим и прошлым, это фашистское и военное прошлое неизменно присутствует в повествовании, его зловещие очертания проецируются на современность»¹³. Таким образом, писатель не только знакомит читателей с прошлым своих героев, ему удается также воссоздать отдельные фрагменты истории своей страны. Очень интересно читать о войне с точки зрения противоположной стороны. Тем более это не какие-то наши домыслы, а действительность, описанная автором, который там жил и всё это видел.

Обращаясь к истории, к военному прошлому своей страны, Генрих Бёлль затрагивает вопрос о вине и об ответственности всего немецкого народа за попустительство фашизму. Наиболее полно эта тема раскрывается на примере таких персонажей романа, как Гезелер, Шурбигель, патер Виллиборд. В их жизни также происходит раскол на два мира: мир, где люди фанатично поддерживали Гитлера и мир демократических идеалов. Выражая свое отношение к персонажам такого типа, многие критики писали, что все они в годы гитлеровской власти ловко приспособились к нацизму, а затем после войны стали выступать борниками западной демократии и христианской морали. На наш взгляд, в романе «Дом без хозяина» Генрих Бёлль заключил безжалостную иронию в изображении такого «оборотничества» людей, стремительно меняющих свои убеждения.

Неоднозначен в этом плане, по мнению критиков, и такой персонаж романа, как бабушка Мартина, мать Неллы, которая также имела отношение к двум мирам, упомянутым ранее. Казалось бы, именно бабушка нападает на Гезелера в финале романа. Она заставляет Мартина твердо помнить и повторять его ненавистное имя, т. к. Гезелер виновен в смерти отца мальчика. Но, тем не менее, размышляя над данным вопросом, четко осознаешь, что бабушку нельзя считать также противницей темных сил наравне, например, с дядей Альбертом, который поддержал ее в стычке с Гезелером. Подтверждением этому служит один эпизод из романа, когда бабушка рассказывает внуку о мармеладной фабрике, источнике богатства семьи. В этом эпизоде бабушка с гордостью показывает мальчику диаграммы, из которых следует, что после прихода Гитлера к власти, и особенно в годы войны, кривая доходов стала стремительно подниматься вверх, т. к. фирма обслуживала нацистские партайтаги, летние лагеря и многие другие организации. В романе, конечно же, чувствуется, как сильно переживает бабушка по поводу того, что ее дочь Нелла потеряла мужа и так и не устроила свою личную жизнь, что ее единственный любимый внук Мартин растет без отца. Но все же, благодаря своей классовой принадлежности, бабушка относится к тем, кто содействовал утверждению фашистской власти, поэтому она несет свою долю ответственности за преступления. Иными словами, перед нами не только жертва войны, развязанной нацистами, но и соучастник национальной вины.

По сути мы сталкиваемся с двумя полюсами героев в данном романе. Т.Л. Мотылева определила это как «расстановка идейных сил» в произведениях Генриха Бёлля¹⁴. На одном полюсе мы видим таких персонажей, как Гезелер, Шурбигель, патер Виллиборд. На другом полюсе — Мартин и Генрих, Больт, Глум, дядя Альберт и многие др. Т.Л. Мотылева описала такую биполярность

персонажей в романах Генриха Бёлля следующим образом: «На одном полюсе — те, кого в ФРГ называют «вечно вчерашними»: бывшие нацисты и их пособники, перекрасившиеся, замаскировавшиеся, усвоившие официально-демократическую фразеологию.... На другом полюсе — добрые, честные люди, равнодушные к своему житейскому преуспеянию и протестующие против неприемлемого для них строя жизни в одиночку, часто эксцентричными и вызывающими способами»¹⁵. Здесь важно также обратить внимание на необычность такого персонажа романа, как Глум. По мнению Т.Л. Мотылевой, он неслучаен. «Возможно, что этот добродушный старик, уроженец одной из национальных окраин Сибири, испытавший много невзгод и попавший неведомо почему в Западную Германию, призван опровергнуть рассказы школьного учителя о «страшных» русских»¹⁶. Кроме того, неоднозначное положение, как нами уже было рассмотрено ранее, занимает бабушка. Она находится как бы между двумя этими полюсами.

Что же касается мирного настоящего, то в романе «Дом без хозяина» оно также имеет двойственную природу. С одной стороны, все персонажи романа стараются жить дальше, несмотря на неизгладимые следы войны в душах, в сознании, в неотвязных воспоминаниях. Несмотря на трудности жизни, герои романа не теряют веры в смысл своего существования. Так, например, дядя Альберт приводит в порядок дом, где воцарилась настоящая разруха из-за растущего безразличия Неллы к окружающему миру, зародившегося в ней в результате потери любимого человека на бессмысленной войне. А Вильма Брилах, несмотря на унижения, бедность, изнуряющую борьбу за выживание, все же осуществляет попытки построить настоящую семью, сожительствовав с разными мужчинами. Она также задумывается о том, чтобы поставить себе новые зубы, хотя это практически невозможно. В конце романа ее даже озаряет надежда, хотя и на один только миг. Кроме того, нельзя забывать и о том, что главные герои романа — дети, и у них есть ощутимые шансы на достижение настоящего человеческого счастья, т. к. многое им еще только предстоит.

С другой стороны память о войне, о людях, захваченных ее губительными механизмами, колеблет веру героев в светлое будущее. С.В. Рожновский писал: «И хоть война в прошлом, хоть отовсюду слышится вкрадчивый голос: «Прошлое надо забыть, с прошлым покончено навсегда», оно живо в судьбах тех, кто остался жить»¹⁷. По мнению С.В. Рожновского, в романе чувствуется «пафос непростения», который он описал следующим образом: «...кто забудет зло, причиненное войной, кто забудет несчастья принесенные фашизмом, тот подлец. Не забывать обязует не только память погибших, но и ответственность за тех, кто только вступает в жизнь»¹⁸. Таким образом, герои романа идут по жизни, глядя вперед, но при этом постоянно оборачиваются назад. За исключением детей, которые всегда живут настоящим и с надеждой смотрят в будущее. Прошлое существует для них лишь благодаря напоминаниям взрослых, и только самые яркие и положительные моменты они хранят всю свою жизнь.

Генрих Бёлль не раз в своем творчестве поднимал вопрос об ответственности и национальной вине своего народа за происходившее в фашистской Германии, вопрос о непреодолимости военного прошлого, но все же главная мысль его произведений, на наш взгляд, и в частности романа «Дом без хозяина», за-

ключается в том, что война ужасна для всех людей, в ней нет победителей, завоевателей и нет проигравших, есть только пострадавшие. И эта мысль представлена в романе «Дом без хозяина» судьбами двух домов, каждый из которых потерял своего хозяина на войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Рожновский С.В.* «Дом без хозяина» // *Рожновский С.В.* Генрих Бёлль. М., 1965. С. 69.
2. Там же.
3. *Мотылева Т.Л.* Генрих Бёлль. Проза разных лет // *Бёлль Г.* Избранное: пер. с нем. М., 1987. С. 564.
4. *Рожновский.* Ук. соч. С. 69.
5. Там же.
6. *Бёлль Г.* Дом без хозяина. Пер. с нем. С. Фридлянд (гл. 1–12), Н. Португалова (гл. 13–22) // *Бёлль Г.* Самовольная отлучка: романы, повести: пер. с нем. / послесл. Т.Л. Мотылевой. - Мн.: Маст. літ., 1990. С. 76.
7. Там же. С.126.
8. Там же. С. 167.
9. *Рожновский.* Ук. соч. С. 72.
10. Там же. С. 73.
11. *Бёлль.* Дом без хозяина. С. 210.
12. *Фрадкин И.* Генрих Бёлль — писатель, и, больше чем писатель / И. Фрадкин // *Бёлль Г.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Романы; Повесть; Рассказы; Эссе. 1947–1954; пер. с нем. / редкол. А. Карельский, Н. Павлова, И. Фрадкин. М., 1989. С. 21.
13. Там же.
14. *Мотылева Т.Л.* Сопричастность // *Бёлль Г.* Каждый день умирает частица свободы: пер. с нем. / сост. Е.А. Кацева; предисл. Т. Л. Мотылевой; коммент. А.А. Гугнина и А.В. Карельского. М., 1989. С. 12.
15. Там же.
16. *Мотылева.* Генрих Бёлль. Проза разных лет. С. 567.
17. *Рожновский.* Ук. соч. С. 70.
18. Там же. С. 76.

TWO WORLDS IN HEINRICH BÖLL'S NOVEL "HOUSE WITHOUT GUARDIANS"

Yu.I. Avramenko

The article, based on the novel "House without Guardians" by Heinrich Böll, the West Germany writer of the 20th century, deals with the principal objects of his creative work. These comprise a stark contrast between the rich and the poor, the problem of the national guilt and liability for fascists' evil deeds, and temporal duality that ensures fuller comprehension of the present through the awareness of the past. The article also develops the anti-war theme, the basic one of Heinrich Böll's works, which is brilliantly dealt with in "House without Guardians". All of these aspects are revealed through the fate of the characters whose lives with the military stamp of the past is depicted in two worlds.

Key words: Heinrich Böll, novel "House without guardians".

© 2009

М.Б. Феклин

ИТАЛЬЯНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА
И И.С. ТУРГЕНЕВА

Статья посвящена итальянским воспоминаниям и мотивам жизни и работы Генри Джеймса (1843-1916) и его старшего современника и друга И.С. Тургенева. Кроме Венеции (город "увядшей славы") образы Италии и ее культуры нашли своё отражение в рассказах этих двух романистов. Рассмотрение итальянских тем еще раз позволяет показать общие текстовые и тематические модели в работах этих уникальных авторов.

Ключевые слова: литературный перевод, Констинс Гарнетт.

Трудно найти двух других своеобразных писателей, которых бы так много связывало. Источником того энтузиазма, с которым Генри Джеймс (1843–1916) относился к Тургеневу, являлось восторженное отношение к русскому писателю со стороны отца и старшего брата. По мнению биографов, Джеймс впервые познакомился с творчеством Тургенева еще в пятнадцатилетнем возрасте. Об этом свидетельствуют многочисленные упоминания о русском писателе в письмах его брата Уильяма и Генри Джеймса-старшего. Когда же Джеймс начал свою литературную деятельность, то любимый писатель мгновенно превратился в образец для подражания, к чему, кстати, призывал его и Джеймс-старший.

Необходимо также принимать во внимание литературный контекст, на фоне которого в 1870-х годах зарождалось преклонение Джеймса перед художественным гением Тургенева. Всплеск интереса к творчеству Тургенева произошел не только у Джеймса, но и у небольшой группы влиятельных литературных критиков и писателей, таких как Т.С. Перри, Уильям Дин Хоуэллс и Ялмар Бойзен. Т.С. Перри и У.Д. Хоуэллс считали творчество Тургенева критерием совершенства.

Проще перечислить те места в Венеции, которые знаменитый американский писатель Генри Джеймс не посетил во время своих многочисленных приездов в этот город *'of faded glory'* («прелести увядания», как говорил Тургенев) с 1869 по 1907 год. Также сложно составить даже приблизительный список всех набережных, площадей, мостов, церквей, музеев и картин, на которые он ссылался или подробно описывал в своих произведениях.

Он исходил вдоль и поперек не только все шесть районов (*sestieri*) города, но и побывал на многочисленных островах. Сначала он путешествовал на наемной гондоле, а затем, начиная с 1887 года, на гондоле своих друзей супругов Кертис. Их дом (палаццо *Barbaro*) подробно описан в повести «Письма Асперна» (*The Aspern Papers*, 1888). Гондола Кертисов сохранилась до сих пор и нашла пристанище во дворе палаццо. 24 июля 1894 года Джеймс столкнулся в ней с другой гондолой, но без серьезных последствий.

Как видно из писем, записок, эссе и других произведений Джеймса, в Венеции он посещал обычные для иностранцев достопримечательности: площадь

Сан-Марко, расположенные рядом кафе (*Florian* утром и *Quadri* в обеденное время), существующие поныне, но еще и места, которых время не пощадило, например бани «Читарин» (*Bagni Chitarin*). Когда-то посетители могли искупаться там в пресной или соленой воде, а также принять чрезвычайно популярные в то время грязевые ванны.

Помимо самой Венеции Джеймс любил посещать острова, расположенные на значительном удалении от нее, такие как Мурано (известный своим искусством изготовления стекла), Бурано, Торчелло и, конечно же, Лидо. Из всех этих мест больше всего изменился остров Лидо, хотя и во времена Джеймса там происходили значительные изменения. На острове не осталось ничего, что когда-то напоминало Джеймсу так знакомый ему Ньюпорт. Сейчас остров полностью застроен, кругом душевые кабинки и кафе, и только могилы древнего еврейского кладбища остались такими же, какими их видел писатель. Улицы и дома самой Венеции менялись не столь стремительно, однако сейчас уже не увидеть девушек, наполняющих ведра водой в городских фонтанах. В романе «Принцесса Казамассима» (*The Princess Casamassima*, 1886) герой романа Гиацинт Робинсон описывает, как изящно они наливали воду в свои старые ведра, водружали их на голову и не спеша удалялись по отполированным венецианским мостовым.

Италия, ее искусство и литература всегда занимали значительное место в творчестве Тургенева, хотя русский писатель был меньше связан с Венецией, чем Джеймс. Тем не менее в произведениях Тургенева легко ощущаешь дух этого великого города, который русский писатель называет «волшебным». Не случайно Венеция становится фоном заключительных эпизодов романа «Накануне» (1859).

Некоторые почитатели гения русского писателя не смогли понять значения венецианских пейзажей в повествовательной канве романа. Так, известный английский писатель и литературный критик Арнольд Беннетт был совершенно уверен, что венецианская часть романа просто не удалась Тургеневу. Об этом он пишет в своих письмах Джорджу Стерту и к тому же возлагает всю вину за это на переводчицу Констанс Гарнетт.

Стоит отметить, что Гарнетт вполне сознательно подходила к опущениям в переводах Тургенева. Если ей казалось, что тот или иной эпизод выбивался из общей стилистической канвы повествования, был чужеродным, а может быть и темным для английского читателя, она без колебаний опускала его. Многочисленные примеры тому мы находим в переводе повести Тургенева «Дым».

Сам Тургенев также много переводил с разных языков. Известен его перевод «Фауста» Гете, в котором он без колебаний опускает, как ему казалось, глупую песенку Гретхен, поскольку она, по мнению писателя и переводчика, никак не вязалась с общим настроением произведения. Это странное, но в то же время знаменательное совпадение свидетельствует об общности эстетики Тургенева и его английской переводчицы и во многом объясняет успех ее переводов.

Однако позволим себе не согласиться с Беннеттом. Описания апрельской Венеции не просто гармонично вписываются в повествование романа, но еще и исполнены глубокого философского смысла и символики. Во-первых, Тургенев показывает, что он легко ориентируется в этом городе, тонко чувствует его

«прелесть, кротость и мягкость», в характерной для себя сжатой форме позволяет читателю увидеть громады его дворцов и церквей, его божественную стройность и легкость; а во-вторых, заставляет острее почувствовать трагедию смерти Инсарова и переживания Елены на фоне апрельского тепла и красоты.

Тургенев и здесь использует характерный для себя повествовательный прием (*bathos*), когда за описанием светлой и мягкой венецианской ночи и ощущения счастья следует короткая констатация смерти от аневризмы — диагноз маленького доктора в парике и в очках, жившего в той же гостинице, что и герои романа.

Очень похожим образом завершается повесть Джеймса «Дэзи Миллер» (*Daisy Miller*, 1879), в которой героиня умирает от лихорадки в Риме: «Прошла неделя, и бедняжка умерла; у нее была тяжелая форма римской лихорадки. Дэзи опустили в могилу под кипарисами у стены древнего Рима, на маленьком протестантском кладбище, густо заросшим весенними цветами.»¹

Известно, что Джеймс на протяжении своей жизни много раз перечитывал романы Тургенева. Особое влияние они оказали на него в период становления и поисков своей собственной манеры письма. К сожалению, Джеймс читал Тургенева в переводах на французский и, как Джордж Элиот, испытывал недоверие к переводам на английский. Позднее, в самом конце XIX века Джеймс только по стечению обстоятельств не стал автором предисловий и комментариев к первому полному собранию сочинений Тургенева на английском языке в переводе Констанс Гарнетт, в то время дом Гарнеттов «Сеарн» (лесная просека) превратился в пристанище для русских политических эмигрантов, среди них был Сергей Степняк (Кравчинский). Он стал редактором и автором первых предисловий к переводам Констанс, а после его трагической смерти в 1895 году эту работу продолжил муж Констанс Эдвард.

Джеймс познакомился с Тургеневым в Париже в ноябре 1875 года, и русский писатель произвел на Джеймса огромное впечатление тем, что воспринимал его как равного собрата по перу, хотя их и разделяли возраст (Джеймсу было 32 года, а Тургеневу — 57), язык и происхождение. Позднее Джеймс вспоминал, что встречи с Тургеневым неизменно вызвали у него душевный и творческий подъем².

Своим первым серьезным романом Генри Джеймс считал «Родерика Хадсона» (*Roderick Hudson*, 1876). Примечательно, что Джеймс начал писать роман в 1874 году во время своего пребывания во Флоренции. В повествовании этого романа Джеймса, пожалуй, больше всего параллелей с романом Тургенева «Накануне».

Некоторые исследователи, например Глин Тертон³, считают, что образ Родерика Хадсона очень близок образу скульптора Шубина из романа «Накануне». Более того, Джеймс вводит в свой роман пару персонажей — Родерика Хадсона и Роуланда Моллетта, — отношения между которыми очень близки по духу отношениям между Шубиным и Берсеновым.

Шубин, несомненно, является одним из главных действующих лиц романа Тургенева «Накануне». Как и Родерик Хадсон, это натура артистическая и чувственная. Оба они скульпторы, и оба находят себе богатых покровителей. Воздух их родины лишь сковывает таланты Шубина и Родерика, и только в Ита-

лии, а точнее в Риме, они видят свою духовную родину. Родерик практически не вспоминает об Америке, для человека его темперамента Рим — это единственное пристанище. Шубин даже отвергает предложенную Берсeneвым тему для его новой скульптуры: «Поди ты со своими русалками! На что мне, ваятелю, эти исчадия запуганной, холодной фантазии, эти образы, рожденные в духоте избы, во мраке холодных ночей? Мне нужно света, простора... Когда же, боже мой, поеду я в Италию?»⁴.

Но в романе Джеймса можно найти и еще более красноречивое свидетельство того, что он использовал некоторые эпизоды из романа Тургенева «Накануне» как своеобразные модели и точно следовал им в описании фона повествования, интонации, тематике и даже в выборе лексики. Так, по многим признакам удивительно похожи зачин итальянской части романа Джеймса и зачин романа Тургенева: “One warm still day, late in the Roman autumn, our two young men were sitting beneath one of the high-stemmed pines of the Villa Ludovici” — В один тихий и теплый день, в конце римской осени, наши два молодых человека сидели под высокой стройной сосной виллы «Людовичи»⁵. Приведенный отрывок, с поправками на топографические детали, почти точно повторяет тургеневские строки: «В тени высокой липы, на берегу Москвы-реки, недалеко от Кунцева, в один из самых жарких летних дней 1853 года лежали два молодых человека»⁶.

Дальнейшее развитие повествования еще более заставляет говорить о сходстве романов. Как и Тургенев, Джеймс дает краткое описание внешности и характера персонажей. Если Тургенев подчеркивает молодость, беспечность, самонадеянность, просторное белое пальто и голубой шейный платок Шубина, а затем отмечает «неловкость» и «угловатость» фигуры преждевременно состарившегося Берсенева, его «короткий сюртучок», то и Джеймс говорит об эпикурейце Родерике, который продолжает лежать под сосной, растянувшись на своем пальто. А Роуланд отправляется отдать «подобающий» долг фрескам Герчино, хотя уже и видел их ранее. Для Родерика важнее случайные впечатления окружающей жизни.

Помимо точных текстуальных и тематических моделей, которые Джеймс находит в первой главе романа «Накануне», он также наделяет Родерика неким чувством беспокойства, столь характерным для героев Тургенева и в общем непривычным для американского писателя с его оптимистическим взглядом на мир. Родерик гибнет в Швейцарии, его трагедия состоит в том, что в нем так и не раскрылся художник. Тургенев оставляет Шубина в Риме, не без иронии причисляет своего героя к самым замечательным и многообещающим ваятелям, правда, как мимоходом замечает повествователь, у него нет своего «стиля», но он все равно получает «пропасть заказов» от американцев и англичан.

Отзвуки впечатлений об Италии рассыпаны по многим произведениям Тургенева. Так, в повести «Три встречи» (1852) рассказчик вспоминает свою первую встречу с героиней в Сорренто. Тургенев делает эту встречу зримой: «Я возвращался домой после долгой прогулки на берегу моря. Я быстро шел по улице; уже давно настала ночь, — великолепная ночь, южная, не тихая и грустно задумчивая, как у нас, нет! вся светлая, роскошная и прекрасная, как счастливая женщина в цвете лет...»⁷.

И все же Венеция оставалась для Джеймса самым притягательным итальянским городом. В своей небольшой, но исключительно информативной книге Розелла Дзордзи⁸ собрала воедино все упоминания о Венеции в романах, повестях, рассказах, эссе и письмах Генри Джеймса.

Вместе с тем Джеймс постоянно повторял, что в Венеции вас может ожидать разочарование, потому что уже тогда город был буквально оккупирован толпами туристов (эссе «Венеция»), летнюю жару мог сменить зимний холод, от которого у знаменитого художника Уистлера замерзали руки, и «пронизывающий ветер» («Крылья голубки» — *The Wings of the Dove*, 1902).

Сначала он ходил по городу со знаменитой книгой Джона Рескина (1819–1900) «Камни Венеции» (*The Stones of Venice*, 1851–1853) вместо путеводителя, а потом и сам стал писать о Венеции. Здесь же он создавал самые крупные произведения, такие как «Женский портрет» (*Portrait of a Lady*, 1881).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Джеймс Г. Повести и рассказы. М., 1973. С. 78.
2. Edel L. Henry James: A Life. L., 1996. P. 182–183.
3. Turton G. Turgenev and the Context of English Literature: 1850-1900. L.: Routledge, 1992.
4. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. М.-Л.: Изд-во академии наук СССР, 1960-1968. Т. VIII. С. 16.
5. James H. Roderick Hudson. Harmondsworth: Penguin, 1969. P. 74 — пер. мой.
6. Тургенев. Ук. соч. Т. VIII. С. 7.
7. Там же. Т. V. С. 236.
8. Zorzi Rosella Mamoli (ed.). In Venice and in the Veneto with Henry James. University of Venice: Supernova, 2005.

ITALIAN MOTIFS IN THE WORKS OF HENRY JAMES AND I.S. TURGENEV

M.B. Feklin

The article is devoted to Italian reminiscences and motifs in the life and work of Henry James (1843-1916) and his older contemporary and friend I.S. Turgenev. Apart from Venice (the city of "faded glory") the images of Italy and its culture found their way into the narratives of the two novelists. The rendering of Italian themes once again enables to reveal common textual and thematic models in the works of these otherwise idiosyncratic authors.

Key words: Literary translation, Constance Garnett.

ЛИНГВИСТИКА

© 2009

К.Н. Дубровина

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ»

В настоящее время интерес к библеизмам возникает и среди специалистов-гуманитариев, и в широких кругах русскоязычного населения. Одной из главных задач стала популяризация библейских оборотов, что предполагает быстрое создание словарей библейских фразеологизмов. Назрела необходимость создания нового, достаточно полного словаря библейской фразеологии энциклопедического типа. Такой словарь включает в себя устойчивые, воспроизводимые в речи, раздельнооформленные библейские обороты, которые обладают экспрессивностью, эмоционально-оценочными характеристиками и имеют переносные значения. Его основная задача — представить по каждому библейскому фразеологизму наиболее полную информацию, в первую очередь информацию лингвистическую.

Ключевые слова: библейские фразеологизмы, словари библеизмов, энциклопедический словарь, основная задача, библейские прототипы, русский язык.

Известно, что судьба русской библейской фразеологии весьма драматична. Поскольку после 1917 года, во времена атеистической пропаганды, Библия и другие религиозные книги в нашей стране оказались под запретом, то и употребительность библейских фразеологизмов (БФ) стала снижаться. Из языка исчезали многие метафорические обороты и символы, восходящие к Библии, так как утрачивали свою мотивированность, забывались её образы, сюжеты, притчи, афористические изречения, цитаты, широко распространённые в христианском мире.

Однако 15-20 лет тому назад начался процесс возрождения русской библейской фразеологии. В результате отмены всех запретов на религиозную литературу БФ стали не только возвращаться в русский язык, но и активно распространяться во всех сферах речевой деятельности.

В настоящее время интерес к библеизмам возникает как среди специалистов-гуманитариев, так и в широких кругах русскоязычного населения. При этом для фразеологов-библеистов одной из главных задач стала популяризация библейских оборотов, что предполагает быстрое создание словарей БФ, содержащих краткую информацию о них: значение, ссылка на соответствующее место Библии, цитата.

Однако на современном этапе развития библеистики перед ней ставятся уже другие задачи, а именно — более углублённое изучение библейских изречений: выявление их соотношения с библейскими прототипами, изучение связей русских библейских оборотов с библейскими образами, сюжетами, темами, идеями, определение тех трансформаций, которые произошли с БФ в процессе их функционирования в русском языке, и т. д. Поэтому сейчас назрела настоятельная необходимость создания нового словаря библейской фразеологии: во-первых, достаточно полного, а во-вторых, энциклопедического типа, в котором были бы собраны самые разнообразные сведения о каждом библейском обороте — исторического, географического, этнографического, лингвокультурологического и т. п. характера.

Конечно, русская библейская фразеология была отражена в лексикографических трудах как дореволюционного, так и советского периода (см., например, словари М.И. Михельсона, В.И. Даля, Н.С. и М.Г. Ашукиных, В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой и др.), но в них библейские обороты разбросаны по разным словарям, построенным по весьма отличным друг от друга принципам, а потому в них представлена очень разнородная информация.

За последние 5–10 лет стало выходить довольно много словарей библеизмов. См., например, словари Н.Г. Николаюк, Л.М. Грановской, М.А. Загота, Л.А. Ракова, Л.Г. Кочедыкова и др. Каждый из этих словарей имеет много несомненных достоинств, но они не лишены и существенных недостатков, как, например, отсутствие стилистических помет, примеров на употребление БФ, дифференциации фразеосемантических вариантов многозначных БФ и др.

Наиболее интересным и информативно насыщенным является словарь Н.Г. Николаюк «Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник». СПб., 1998. Однако, наряду с указанными выше недостатками, в нём можно отметить ещё и следующее: в него не включены многие из широко известных и употребительных библеизмов (например, *беден как Лазарь, неть Лазаря, добрый самаритянин, каменное сердце, скрежет зубовой, со страхом и трепетом* и др.), а кроме того, этот словарь выполнен с уклоном в богословие, а не в лингвистику и культурологию, как хотелось бы.

Итак, исходя из всего вышесказанного, можно представить основную концепцию «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов».

Этот словарь включает в себя устойчивые, воспроизводимые в речи, раздельнооформленные библейские обороты, которые, как правило, обладают экспрессивностью, эмоционально-оценочными характеристиками и имеют переносные значения (метафорические, символические, аллегорические, обобщённо-образные).

По структуре они делятся на две группы:

1. Непредикативные обороты, соотносимые со словосочетаниями, т. е. собственно фразеологизмы: *башня из слоновой кости, благую часть избрать, блудный сын, вавилонское столпотворение, всякой твари по паре, козёл отпущения, корень зла, питаться манной небесной, рыть яму кому-либо, соль земли, стереть с лица земли* и т. д.

2. Предикативные обороты, т. е. предложения, которые в пословично-афористической форме выражают всевозможные наставления, нравоучения, сове-

ты, предписания, предостережения, запреты, пожелания и т. п.: *Не сотвори себе кумира; Не судите, да не судимы будете; Не мечите бисер перед свиньями; Не хлебом единым жив человек; Взавшие меч — от меча и погибнут* и т. д.

В состав словаря не входят библеизмы-слова, т. е. лексические единицы, представляющие собой главным образом антропонимы (имена собственные): *Адам, Ева, Каин, Ной, Авраам, Соломон, Ирод, Хам, Иуда, Пилат* и т. д., и топонимы (географические названия): *Вавилон, Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Иерихон, Иордан* и т. д. Однако эти слова обязательно рассматриваются в словарных статьях, посвящённых тем фразеологическим оборотам, компонентами которых они являются.

В словарь включены не только активно употребляемые в современном русском языке обороты, но и устаревшие (*взыскующие града, вопиять гласом великим, положить (возложить) руку на плуг (на рало), предоставить мёртвым погребать своих мертвецов, сосуд скудельный, стомаха ради; На реках вавилонских седухом и плакбхом; Смирение паче гордости*; и др.), так как в прошлые века они были востребованы, встречались в разных стилях литературного языка и использовались в разных жанрах художественной литературы.

Оставляя в стороне структуру словарной статьи, хочу остановиться на самом существенном, с моей точки зрения, в этом словаре.

Главной своей задачей считаю лингвистическое сопоставление библейских фразеологических оборотов, употребляемых в русском языке, и их библейских прототипов. Дело в том, что в большинстве случаев исходный библейский оборот и его конечный вариант в русском языке различаются между собой. Это могут быть расхождения разного рода: от незначительных различий в форме и некоторых семантических нюансов до образования совершенно новых, иногда даже абсолютно противоположных значений.

Приведу примеры.

Обломать (обломить, сломить, сбить и т. п.) рога кому.

В Библии слово *рог* очень часто используется в переносном значении, символизируя силу, мощь, энергию, благополучие и процветание как отдельного человека, так и целого народа. В библейских текстах можно отметить два антонимичных метафорических значения, связанных с рогом: 1) 'оказать поддержку, помощь кому-либо' (в оборотах *вознести рог, возвысить рог, рог спасения* и т. п.); 2) 'наказать, укротить, одолеть и т. п. кого-либо; разрушить, разбить что-либо' (в оборотах *сломить, сбить рог*). Например: мать пророка Самуила Анна, которая долгое время была бесплодна, благодарит Бога за дарованного ей сына: «И молилась Анна и говорила: возрадовалось сердце моё в Господе; *вознёсся рог мой* в Боге моём...» (1 Цар. 2:1); Всевышний опекает и поддерживает народ Свой: «Он *возвысил рог* народа Своего, славу всех святых Своих, сынов Израилевых, народа близкого к Нему. Аллилуйя» (Пс. 148:14); царь Давид возносит хвалу Господу, называя Его своей защитой, убежищем и рогом спасения: «Бог мой — скала моя; на Него уповаю; щит мой, *рог спасения моего*; ограждение моё и убежище моё; Спаситель мой, от бед Ты избавил меня!» (2 Цар. 22:3).

А вот примеры на второе значение. Так, Господь «в пылу гнева *сломил все роги* Израилевы, отвёл десницу Свою от неприятеля...» (Плач 2:2). В видении пророка Даниила ему являются звери с рогами, символизирующими определённые

царства: овен с двумя рогами — Мидийское и Персидское царства, козёл с одним рогом — Греко-македонская монархия (см. Дан. 8:3-6). «И я видел, как он [козёл], приблизившись к овну, расвирипел на него, и поразил овна, и *сломал у него оба рога*» (Дан. 8:7).

В русский же язык вошли обороты со словом *рога* (*обломать, сломать, сломить, сбить* и т. п. *рога* кому-либо) только во втором значении, т. е. с отрицательной семантикой: 'укротить, усмирить, дать резкий отпор дерзкому, заносчивому, грубому, агрессивному человеку; заставить покориться, одолеть противника'.

Злачное место. Этот оборот восходит к заупокойной молитве: «Упокой, Господи, душу раба Твоего в месте светле, *в месте злачне*, в месте покойне...» В Библии, в одном из Псалмов Давида, он имеет несколько иную форму: «Господь — Пастырь мой; я ни в чём не буду нуждаться: Он покоит меня *на злачных пажитях* и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего» (Пс. 22:1-3).

На основе этих текстов возникло первое значение данного оборота, которое связано с представлением о тихом, спокойном, изобильном месте, где жизнь протекает под защитой и покровительством Господа. *Злачный* в этом случае означает 'богатый, изобилующий злаками'; *злачные пажити* — 'плодородные, тучные, изобильные поля', а *злачное место* — 'богатый, изобильный край, где можно жить спокойно, без труда, забот и хлопот'. Например: «Андрей Антипович, будучи изгнан своим родителем из дома за тунеядство, нашёл дом Егора Ивановича *местом злачным*, где в изобилии текли мёд и молоко». *Н.В. Успенский*. Письмоводитель. «Он уносился мысленно *в место злачно*, в место покойно, где нет ни бумаг, ни чернил, ни странных лиц, ни вицмундиров, где царствует спокойствие, нега и прохлада». *И.А. Гончаров*. Обыкновенная история.

Второе значение, очевидно, образовалось уже в русском языке. При этом метафоризация произошла на основе общего компонента — 'богатство и изобилие, которым можно пользоваться и наслаждаться'. Однако это новое значение возникло в результате такого языкового процесса, как десакрализация, и появления в этом обороте иронии.

Иронию можно назвать «перевёртышем значения». Этот троп заключается в употреблении слова или фразеологического оборота в смысле, обратном первоначальному, исходному, с целью насмешки.

Ирония может проявляться контекстуально в качестве окказионального компонента: «Между печкой и дверями вешалка, на спицах которой висит целый ряд тряпичный: шинели, шубы, халаты, накидки разного рода... На всём этом виднеются клочья ваты и дыры, и много в том *месте злачнем* и прохладнем паразитов, поедающих тела плохо кормленного бурсака». *Н.Г. Помяловский*. Зимний вечер в бурсе.

Однако под влиянием иронии возможно образование и нового значения, в котором полностью меняется оценочная коннотация с положительной на отрицательную, что может быть отражено в словарной дефиниции. Например, *злачное место* — это 'место разврата и порока, притон, где предаются безудержному кутежу, азартным играм, непотребным развлечениям': «С Николаем Максимовичем Пустохиным приключилась беда... Он невзначай напился пьян и в пья-

ном образе, забыв про семью и службу, ровно пять дней и ночей шатался *по злочным местам*. А.П. Чехов. Беда. Прилагательное *злочный* приобретает в этом фразеологизме значение 'порочный, непотребный'.

Кроме того, в данном библейском обороте происходит ещё одна трансформация — снижение стилистической окраски с высокой, позитивной на неодобрительную, негативную. Подобное изменение очень часто сопровождает процесс десакрализации.

Таким образом, основная задача данного словаря — представить по каждому включённому в него библейскому фразеологизму наиболее полную информацию, но в первую очередь информацию лингвистическую.

GENERAL PRINCIPLES OF COMPILING ENCYCLOPEDIA DICTONARY OF BIBLICAL SET PHRASES

K.N. Dubrobina

Nowadays Biblical units catch interest both of humanitarian scholars and Russian-speaking people at large. One of the primary tasks is to make Biblical phrases well-known and popular, which entails quicker dictionary compiling process. There is a vital necessity to compile a new, comprehensive encyclopedia of Biblical phraseology. Such a dictionary includes recurrent Biblical set expressions that are expressive, emotional and evaluative, and have figurative meaning. Its primary goal is to supply each Biblical phrase with detailed information, linguistic one first and foremost.

Key words: Biblical set phrase, dictionaries of Biblical units, encyclopedic dictionary, primary goal, Biblical prototypes, Russian.

© 2009

И.Б. Тазьмина

О КАТЕГОРИИ ОБРАЗНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена рассмотрению категории образности в древнерусском языке, которая трактуется как самостоятельная лексико-семантическая категория русского языка, отражающая обобщенные свойства лексических единиц. Лексико-семантическую категорию определяют либо как одностороннюю, содержательную категорию, либо как категорию двустороннюю, имеющую план содержания и план выражения. В древнерусском языке категория образности имела двусторонний характер. План содержания её составляли семантическая двуплановость и мотивированность значения. План выражения — внутренняя форма слова. Семантиче-

ская двуплановость и морфосемантическая структура слова обеспечивали выполнение образной функции в древнерусском языке.

Ключевые слова: древнерусский язык, категория образности, лексико-семантическая категория, семантическая двуплановость.

В современной научной литературе образность трактуется как самостоятельная лексико-семантическая категория, отражающая обобщенные свойства лексических единиц (О.И. Блинова, Н.А. Лукьянова, Е.А. Юрина). Она выделяется в ряду таких семантических категорий, как экспрессивность (Н.А. Лукьянова), мотивированность (О.И. Блинова), модальность (С.С. Ваулина), отношения (Р.М. Гайсина), соответствия (И.А. Захарова), оценки (А.А. Сергеева), множества (В.В. Миргородская).

Как и другие языковые категории, лексико-семантические категории представляют собой обобщение тех или иных свойств языковых единиц. В частности категория образности выделяется на основе таких критериев, как общность и специфика значения лексем их структуры и функций¹.

Лексико-семантическую категорию определяют либо как одностороннюю, содержательную категорию: (Н.А. Лукьянова), либо как категорию двустороннюю, имеющую план содержания и план выражения (О.И. Блинова, Л.А. Новиков, Е.А. Юрина). Мы разделяем данную точку зрения, исходя из известного утверждения Ш. Балли, с именем которого связано определение категориального статуса образности: «Лексические категории могут существовать в языке лишь в том случае, если они характеризуются внутренними или внешними языковыми знаками»². Полагаем, что и в древнерусском языке категория образности имела двусторонний характер. План содержания её составляли семантическая двуплановость и мотивированность значения, план выражения — внутренняя форма слова.

Семантическая двуплановость — это наличие в структуре лексического значения двух денотатов, соотносимых по своим признакам: предметно-понятийного и ассоциативно-образного, в том числе метафорического. Мотивированность — это связь значения и звучания слова. Семантическая двуплановость лексической единицы и мотивированность значения обуславливают способность лексемы выражать содержание посредством наглядного представления образа³.

Понятие внутренней формы связано с учением о слове А.А. Потебни. Определение внутренней формы у Потебни неоднозначно и достаточно сложно. Как отмечается в современной лингвистической литературе, Потебня видит во внутренней форме то этимологическое значение слова, то знак предыдущего значения в последующем значении, то представление образов и понятий в текущих делах мысли, то средство довести до сознания новое значение⁴.

К представленному перечню толкований относительно внутренней формы слова А.А. Потебней добавим ещё одно определение рассматриваемого термина — «способ, каким выражается содержание»⁵. На наш взгляд, это последнее толкование наиболее близко к современному взгляду на внутреннюю форму слова как на его морфосемантическую структуру⁶.

Морфосемантическая структура слова в древнерусском языке могла быть метафорической и неметафорической. Однако и в том, и в другом случае она передавала образное содержание слова.

Истоки этого образного содержания находим в особенностях мышления древнего человека. Архаическое мышление (Ф. Кликс) образно по самой своей природе, поскольку сам процесс зарождения мышления связан с образом. «По мере семантического наполнения первые звуковые сигналы превращаются в знаки, наделённые звуковой формой и определённым содержанием. В виде такого содержания на первых порах выступает умственный образ внутренней формы как основа будущего лексического значения⁷. Так объясняет Т.Р. Кияк генетику внутренней формы слова. Однако, на наш взгляд, в этих словах содержится анализ происхождения не только мотивированности слова, но и его образности. Мотивированность и образность слова — две связанные между собой категории, хотя категория образности вторична по отношению к категории мотивированности, поскольку «соответствующие свойства образности и метафоричности реализуются в слове только посредством метафорической внутренней формы слова»⁸. Мы полагаем, что в древнерусском языке соответствующие свойства образности лексической единицы могли реализовываться и через неметафорическую внутреннюю форму, но в целом мы согласны с приведенным выше утверждением проф. О.И. Блиновой.

Если рассматривать способ как нечто материальное, то вполне вероятно утверждать, что внутренняя форма — план выражения лексико-семантической категории образности в диахронии.

Например, в структуре лексического значения древнерусского слова БЕЗПОСТЕЛИЕ — 'лишение имущества, нищета' два содержательных плана: предметно-понятийный (без постели, нищета: постель — место для отдыха, для восстановления сил человека, один из наиболее значимых атрибутов личного имущества древнего человека). Отсутствие постели → лишение имущества, нищета — второй, метафорический план.

Метафорический план значения рассматриваемого слова связан с неметафорической внутренней формой мотивирующего слова: постель (ПОСТЕЛЯ) — 'то, что стелется (для спанья), кровать, ложе (обычно со спальными принадлежностями)'. Морфосемантическая структура слова БЕЗ/ПОСТЕЛ/ИЕ: постель → отсутствие постели (без-) → состояние (-ие) нищеты.

Метафорический план чаще был связан с метафорической внутренней формой. Такова внутренняя форма глагольных лексем ВЪЗВАРАТИ — 'закипать', 'бурлить' и ВЪЗВАРИТИ — 'возмутить', 'поссорить'. Мотиватором (мотивирующим словом) глагола ВЪЗВАРАТИ выступает существительное ВАРЬ — 'жар, зной', которое в древнерусском языке обладало абсолютным типом мотивированности: она создавалась за счет звуко-буквенных ассоциаций (В/А/Р/Ъ). Метафорическая внутренняя форма обеспечивала второй, ассоциативно-образный план содержания лексической единицы: ВАРЬ — 'зной, жар' → то, что связано с предельно высокой температурой, приводящей к кипению, бурлению → ВЪЗВАРАТИ — 'закипать, бурлить'.

Пропозитивная структура образной глагольной лексики ВЪЗВАРИТИ — 'возмутить, поссорить' более сложна, чем в первом случае, что связано с вто-

ричностью ассоциативных связей, предопределяющих ассоциативно-образный план приведенного слова. Ассоциатом образа в данном случае выступает представление о бурлении как о неупорядоченном движении жидкости. Физическая нестабильность ассоциируется с нарушением привычных представлений древнерусского человека о покое как норме поведения: ВЪЗВАРАТИ — ‘закипать, бурлить’ → ВЪЗВАРИТИ — ‘возмутить, поспорить’. Л.В. Балашова, отмечая регулярность данной метафорической модели в древнерусском языке и ее стабильность во времени, подчёркивает, что покой ассоциируется с душевным комфортом, убежденностью в правильном выборе цели, позиции, тогда как любой вид неустойчивости положения в пространстве — с эмоциональной, идеологической, социальной нестабильностью⁹.

Таким образом семантическая двуплановость и морфосемантическая структура слова обеспечивали выполнение последним образной функции в древнерусском языке

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. С. 189.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Лексические категории // Лингвистика XX в.: система и структура языка. М., 2004. С. 5.
3. Складневская Г.Н. Языковая метафора как категория лексикологии (К вопросу о семантических границах языковой метафоры) // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Новосибирск, 1991. С. 28.
4. Вышкин Е.Г. Учение о слове А.А. Потебни и некоторые проблемы лексической семантики. Саратов, 1981. С. 19.
5. Потебня А.А. Мысль и язык. Русская словесность. Антология. М., 1997. С. 51.
6. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. Томск, 2007. С. 60.
7. Кияк Т.Р. Мотивированность лексических единиц. Львов, 1988. С.12.
8. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. Томск, 2007. С. 60.
9. Балашова Л.В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XX веков). Саратов, 1999. С. 19.

IMAGERY CATEGORY IN OLD RUSSIAN

I.B. Tazmina

The article considers imagery category in Old Russian as an independent lexico-semantic category reflecting general properties of lexical units. Lexico-semantic category is defined either as a unilateral semantic category or as a bilateral category with a plane of content and a plane of expression. Old Russian imagery category was bilateral. The plane of content was characterized by semantic duality and motivated meaning. The plane of expression presented the inner form of a word. Semantic duality and morpho-semantic structure of a word allowed imagery functioning in Old Russia.

Key words: Old Russian, imagery category, lexico-semantic category, semantic duality.

© 2009

С.Н. Романенко

О ФОРМАХ ДАТЕЛЬНОГО, ТВОРИТЕЛЬНОГО И МЕСТНОГО ПАДЕЖЕЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КНИГАХ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ XVII ВЕКА

В XVII веке в псковском наречии доминировали старые формы (37 единиц из 45). Существительные в творительном падеже множественного числа сохраняли старые флексии. С другой стороны, наблюдалось значительное влияние существительных мужского и среднего рода с основой на *-а, что свидетельствует о способности существительных разных основ принимать новые грамматические окончания. Появлению новых флексий дательного и предложного падежей существительных во множественном числе способствовало распространение гласного [а] во флексиях. Прежде у существительных в именительном и винительном падежах множественного числа было окончание -а.

Документы XVII века (хозяйственные книги Псково-Печерского монастыря), в которых зафиксирован псковский говор, позволяют лучше понять формирование нормы русского языка.

Ключевые слова: дательный падеж, творительный падеж, местный падеж, хозяйственные книги, Псково-Печерский монастырь.

XVII в. — важный этап в формировании русской нации. Б.А. Ларин отмечал, что в этот период закладываются основы русского национального языка¹ и уже проявляются его характерные признаки.²

Большую роль в изучении языковых процессов XVII в. играют письменные памятники, так как с XVII в. разговорный язык проникает в письменность.³ Вслед за Б.А. Лариным А.С. Герд и Л.В. Капорулина выделяли диалект Пскова и области (как один из немногих славянских), который можно изучать не только по современным диалектным материалам, но и по памятникам письменности, начиная с XIII-XIV вв.⁴

Псковские монастырские хозяйственные книги XVII в. содержат богатый материал, позволяющий исследовать разные формы имен, в том числе формы Д., Тв., М. падежей мн. ч., в которых закрепляются соответствующие флексии -амъ, -ами, -ахъ независимо от исконной принадлежности имен существительных к определенному типу склонения.

Распространение унифицированных флексий в Д., Тв., М. падежах в языке Пскова начинается в XIII в. По памятникам XIV-XVI вв. выявляется наличие новых и старых форм во всех трех падежах, но соотношение складывается в пользу старых флексий (об этом пишут А.С. Герд и Л.В. Капорулина⁵). Многие исследователи (А.И. Соболевский, В.М. Марков, Л.С. Андреева, А.Л. Мирецкий, Р.Д. Шепелева и др.) завершение процесса распространения новых окончаний в языке Руси относят к концу XVII в. или к первой половине XVIII в.⁶

Для изучения процесса унификации окончаний в Д., Тв., М. падежах в языке Пскова XVII века нами привлечены монастырские книги второй и третьей четвертей XVII в.⁷ Проведена сплошная выборка форм указанных падежей мн. ч. имен существительных с основой на *-ѡ.

Дательный падеж

В форме Д. п. мн. ч. зафиксировано 45 лексем мужского и среднего рода в 193 употреблении (табл. 1).

Таблица 1

1639			1652			1663			1674-1675		
Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.	
	-ом (-ем)	-ам		-ом (-ем)	-ам		-ом (-ем)	-ам		-ом (-ем)	-ам
1.			бобыль	1		бобыль	1		бобыль	1	
2.									бочар	2	
3.									боэрин	1	
4.						ворота		1			
5.									десятник	1	
6.									дияк	3	
7.									диякон	8	
8.									дружинник	3	
9.									дети		1
10. жилец	1								жилец	1	
11.			затинщик	1							
12.									звонец	1	
13.			конец	16		конец	6				
14.			край	13		край	5				
15.			крестьянин	1		крестьянин	1		крестьянин	2	
16.									крылошанин	9	3
17.									кузнец	2	
18.									ловец		1
19.			люди	1		люди	1		люди		4
20.									мушкет		1
21.			мученик	1							
22. мѣсто	1		мѣсто	3	1	мѣсто	1				
23.									начальник	10	
24.						образ	1				
25.									пастух	2	
26.									печник	1	
27.									плотник	3	
28.									подьяк	2	
29. поле		1	поле		20						
30.									понамарь	2	
31.									приспешник	1	
32.			пушкарь	1		пушкарь	1				
33.									пятидесятник	1	
34.									работник	2	
35.									ружник	3	

Окончание табл. 1

1639			1652			1663			1674-1675		
Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.	
	-ом (-ем)	-ам		-ом (-ем)	-ам		-ом (-ем)	-ам		-ом (-ем)	-ам
36.									священник	11	
37.			служебник	1		служебник	1		служебник	1	
38.						солдат	1				
39.			старец	1		старец	1		старец	1	
40.						стихарь	1				
41.									стол	5	
42. стрелец	3		стрелец	1		стрелец	2		стрелец	5	
43.									телята	1	
44.			угол	4		угол	1				
45.									человек	1	
	5	1		45	21		24	1		86	10

Со старой флексией отмечены 37 лексем в 143 употреблениях (*бобыль, бочар, боярин, десятник, дияк, диякон, дружинник, жилец, затинщик* ‘служилый человек, обслуживающий «затинную» (стоящую за городской стеной) артиллерию» [СлРЯ XI-XVII, 5: 320], *звонец, конец, край, крестьянин, кузнец, мученик, начальник, образ, пастух, печник, плотник, подьяк, понамарь, приспешник, пушкарь, пятидесятник, работник, ружник* ‘тот, кто получает ругу, жалование» [СлРЯ XI-XVII, 22: 237], *священник, служебник* ‘служитель церкви» [Срезн., 3: 431], *солдат, старец, стихарь, стол, стрелец, телята, угол, человек*): «и соборнымъ ста^рцо^м и священникомъ и дия/кономъ и ... служебникомъ» (1674-75, л. 113 об.), «рознесено в почесть начальнико^м / великому архиерею и боэромъ // по^лковому и городовому» (1674-75, л. 98 об.), «а ста^рцо^м и служка^м и служебнико^м и стре^лцо^м и пушкаре^м и за/ти^нщико^м ... и во^т/чи^нны^м кр^стьяно^м и бобыле^м / приказали ево келаря ста^рца Гурия слушати во все^м» (1652, л. 5 об.), «свтые многие по^краемъ / обложены серебро^м гла^дкимъ» (1652, л. 17 об.), «а по ко^нцомъ у того / покрова» (1663, л. 16 об.), «а по / угло^м Спсѣ и Прч^стая Б^дца» (1652, 71 об.).

5 лексем (26 употреблений) отмечены с новой флексией -ам (*ворота, дети, ловец, мушкет, поле*): «к городовы^м мн^стрѣ/скимъ воротамъ» (1663, л. 4 об.); «дано два ру^бли почести пи^сца / Льва Мироновича Вельяминова дѣтя^м / ево Экову да Ма^тфею» (1674-75, л. 94); «w^н промѣнива^л мн^стрѣские свѣчи ловца^м / на острову» (1674-75, л. 4 об.); «здѣла^л к мана/стырьски^м мушкет^м восьми станко^в» (1674-75, л. 82 об.).

Слово *поле* с новой флексией употреблено 21 раз (зафиксировано в двух книгах: 1639 г., 1652 г.): «да по п^нля^м во^смъ/натца^т плаще^и все / сол^вты рѣ^з» (1639, л. 14); «по поля^м обложе^н се/ребро^м басмы» (1652, л. 44 об.). Закреплению новой флексии способствовало обобщение флективного гласного у существительных среднего рода, так как у этих существительных в именительном и винительном падежах множественного числа уже была флексия -а.⁸

Со старой и новой флексиями отмечены лексемы *люди, место* и *крылошанин* ‘певчий на клиросе» [СлРЯ XI-XVII, 7: 174]: «дано два ру^бли / Пече^рскогw мн^стрѣ че^рнымъ крылоша/не^м» (1674-75, л. 22) — «а свшенико^м и крылошаня^м

дали» (1674-75, л. 15); «а по мѣсто^М низано / же^Мчю^Жко^М» (1652, л. 60 об.) — «и по мѣста^М / же^Мчюгъ поосыпа^Лся» (1652, л. 130); «и всяки^Х чи/но^В мн^Стрьски^М жилецки^М люде^М ... приказали ево а^Рхимари/та Герасима во всемъ слуша^Т и почитать» (1663, л. 3 об.) — «гриве^Нка свѣчь восковы^Х прихожимъ лю/дямъ ставить в собор^Рные ц^Ркви» (1674-75, л. 10 об.). Причем употреблений со старой флексией больше у слов *место* (5:1) и *крылошанин* (9:3). Появление новой флексии у слова *место*, как и у лексемы *поле*, объясняется обобщением флективного гласного [а] у существительных среднего рода. Лексема *крылошанин* со значением лица имеет суффикс *-ин-*, а на распространение новой флексии у этих существительных оказали влияние более ранние собирательные существительные на *-а* типа *господа*, *мордва*, которые имели окончания *-ам*, *-ами*, *-ах*.⁹

Однако существительные *боярин*, *крестьянин* с таким же суффиксом *-ин-* употреблены со старой флексией: «ро^Знесено в поче^Сть начальнико^М / великому архиерею и боэромъ // по^Лковому и городовому» (1674-75, л. 98 об.); «онѣ давали кр^Стьяно^М из мн^Стрьски^Х жи^Тницъ» (1674-75, л. 22 об.); «и во^Т/чи^Нны^М кр^Стьяно^М приказали ево келаря ... слушати» (1652, л. 5 об.). В исследуемых памятниках 34 существительных со значением лица употреблены в форме Д. п. мн. ч. и только два из них (*ловец*, *крылошанин*) имеют новую флексию.

Таким образом, материал исследуемых памятников говорит о том, что в языке Пскова XVII века в Д. п. преобладают старые формы.¹⁰ из 45 отмеченных лексем 37 со старой флексией. У двух наблюдаются старые и новые формы. У лексемы *люди* в книгах 1652 и 1663 гг. старые окончания, а в книге 1674-75 гг. — новые. Пять лексем употреблены с новой флексией.

У существительных среднего рода и существительных мужского рода со значением лица намечается употребление новой флексии, но пока этот процесс не стал активным и закономерным.

Местный падеж

В местном падеже множественного числа зафиксировано 69 лексем мужского и среднего родов в 274 употреблениях (табл. 2).

Таблица 2

1639			1652			1663			1674-1675		
Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.	
	-ох (-ех)	-ах		-ох (-ех)	-ах		-ох (-ех)	-ах		-ох (-ех)	-ах
1. брод	1										
2.			венец		7	венец		3			
3.						верх		1			
4.									вор		1
5. ворота	6		ворота	7	1	ворота	2	5			
6.			врата	1							
7.			гнездо		4	гнездо		2			
8.						год	3				
9. город		1									
10.						гроб		1			
11.						гумно		3			

Продолжение табл. 2

1639			1652			1663			1674-1675		
Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.	
	-ох (-ех)	-ах		-ох (-ех)	-ах		-ох (-ех)	-ах		-ох (-ех)	-ах
12.			двор		1	двор	1				
13.						дело		1			
14.			затвор	29		затвор	8				
15.											
16.			инок	1		инок	1		инок	1	
17.									именины		14
18. келарь	1		келарь	1							
19.			киотец		1						
20. колесо	7		колесо	10		колесо	1	8			
21.			конец	4		конец	2				
22.			крест		1	крест		2			
23.						крестья- нин		1	крестья- нин		2
24.			круг	1		круг	1				
25.			кружок		2	кружок		1			
26.			левик		1	левик		1			
27.			ледник		1	ледник		1			
28.			лицо	8		лицо	3				
29.									лето		2
30. монастырь	2		монастырь	7		мона- стырь	2				
31.			место	5		место	1				
32.									огород		1
33. очаг		1	очаг		1						
34.			плащ	1	1	плащ		1			
35. плащик		1									
36. погреб		1	погреб		1	погреб		1			
37. подсвечник		1	подсвечник		1						
38.			полотенце		1						
39.			поле		9	поле		1			
40.									понамарь	1	
41.			предел	3		придел	1				
42. предмет		1									
43.									приказ	1	
44.									пристав	1	
45.									причасник		1
46.			прут		1						
47.						раитарь	1				
48. репеек		2	репеек		2	репеек		2			
49.			репей		1	репей		1			
50.									родитель		1
51.									сад		1
52.						самопал		1			
53. село	2		село	3							
54.			сенокос	1							

Окончание табл. 2

1639			1652			1663			1674-1675		
Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.	
	-ох (-ех)	-ах		-ох (-ех)	-ах		-ох (-ех)	-ах		-ох (-ех)	-ах
55.						снаряд		1			
56.			сосуд	1		сосуд		2			
57. станок		1	станок		2						
58.						старец	1	1			
59.			столп	1							
60.									стрелец		1
61. строитель	1										
62.			суд		1				суд	3	
63.						сушило		1			
64.			тчан	1							
65. тябло	1	1	тябло		4	тябло		1			
66.			узор	1		узор	1				
67.						уезд	2				
68.			чудо	4		чудо	1				
69.						ядро		1			
	21	10		92	44		32	44		7	24

19 лексем (*брод, врата, год, затвор* 'дверь (одностворчатая или двустворчатая), дверцы или створки' [СлРЯ XI-XVII, 5: 315], *инок, келарь, конец, круг, лицо, монастырь, место, придел, село, сенокос, столп, тчан, узор, уезд, чудо*) употреблены со старыми окончаниями: «на тѣх вратех» (1652, л. 7); «а на затворех прѣсѣтаѣ бѣца» (1663, л. 17 об.); «дача Никиты Ве^ляминова // во иноцех^х Никан^дра» (1652, л. 146 об.); «во Пскове в печере^рскомъ мнѣтрѣ бы^т в келаре^х ста^рцу Варьяму чтѣ бы^л во Бря^нску» (1639, л. 1 об.); «сулокъ ручно^и дороги алые на ко^ицехъ / шито по о^тласу» (1663, л. 150 об.); «а ^екругѣ^х и около кругов^в шол^лки ро^зные» (1663, л. 135); «иные свѣты в десяти^и лице^х» (1652, л. 22 об.); «же^мчю^г // в ынѣ^х мѣ^хтѣ^х поосыпа^лся» (1652, л. 56); «в при^иписны^х мнѣтрех^х и вв Пскове на при^иѣ^жземъ дворѣ ... пересмѣтрѣли и переписа^{ли}» (1639, л. 2 об.); «и в тѣхъ селе^х» (1652, л. 4); «Г^дрвы грамоты ... о сенокосѣ^х» (1652, л. 170); «Перед тѣми^ж образы на сто^лнѣ^х о^бразы пядницы» (1652, л. 45); «плащи сере^бряные позолочены по кра^емъ и в узоре^х и в серединѣ» (1652, л. 158 об.); «О^бра^з мѣстно^и Никола чудотворецъ в чуде^сех^х» (1652, л. 213 об.).

Три из приведенных лексем — это существительные среднего рода: *лицо, село, чудо*. Существительные *лицо* и *чудо* употреблены либо в названии икон, либо в контексте, связанном с религиозным культом. Возможно, сохранение старых флексий у существительных *лицо* и *чудо* обусловлено характером контекста, описывающего предметы и действия религиозного культа. Бытового контекста в наших памятниках с лексемами *лицо* и *чудо* нет.

Семь слов повседневно-бытовой сферы жизни (*ворота, двор, колесо, плащ, сосуд, старец, тябло*) употребляются и с новой, и со старой флексиями: «да дру^ггая пища^л вни^{зу} по^лковая / в вороте^х на колесе^х» (1652, л. 10) — «в ворота^х / решо^тки желе^зные ство^рные» (1652, 6 об.); «на конюше^нно^м i на скоты^х дворе^х»

(1663, л. 3) — «и на воло^вя^х двора^х волы / коровы» (1652, л. 4); «В середнемъ бою пища^л / мѣдная полута^рная на / *кѣлесѣхъ*» (1639, л. 5 об.) — «в ни^жне^м / бою пища^л мѣдна^э полута^рна^э на колѣсахъ» (1663, 5 об.); «на плаще^х ре^зные стр^сти» (1652, 15 об.) — «на о^сми пла/щахъ» (1652, л. 144); «принял ...при старъцехъ» (1663, л. 128) — «при собо^рны^х ста^рцахъ» (1663, л. 3); «Семь ико^н на тѣбле^х гос-по^лцкие / праздни^ки» (1639, л. 272 об.) — «В тѣ^блахъ г^дьдские пра^зники» (1663, л. 220).

Лексема среднего рода *колесо* в книгах 1639 и 1652 гг. употребляется с флексией *-ех*, а в книге 1663 г. зафиксированы восемь форм с новой флексией и одна форма со старой. Лексема *тябло* 'часть церковного иконостаса' (Срезн., 3: 1096-1097) в книге 1639 г. употребляется еще и со старой, и с новой флексиями, а в книгах 1652 и 1663 гг. отмечаем только новые формы. Лексема множественного числа *ворота* в книге 1639 г. употреблена со старым окончанием, а в книгах 1652 и 1663 гг. — и старые, и новые формы. Причем в книге 1652 г. больше старых форм, а в книге 1663 г. — больше новых. Таким образом, можно выделить тенденцию к закреплению у лексем *ворота*, *колесо*, *тябло* нового окончания.

С новой флексией отмечены 37 лексем (*венец*, *верх*, *вор*, *гнездо*, *город*, *гроб*, *гумно*, *дело*, *именины*, *киотец*, *крест*, *крестьянин*, *кружок*, *левик* 'изображение льва или львиной головы на изделиях из металла и печатях' [СлРЯ XI-XVII, 8: 184], *ледник*, *лето*, *огород*, *очаг*, *плащик*, *погреб*, *подсвечник*, *полотенце*, *поле*, *причасник*, *прут*, *раитарь*, *репеек*, *репей*, *родитель*, *сад*, *самопал*, *снаряд*, *сосуд*, *станок*, *стрелец*, *сушило*, *ядро*): «какъ сыскивали на *ворахъ* мн^стрскихъ / покраденыхъ денегъ тре^х сотъ ру^блевъ» (1674-75, л. 92 об.), «два тумпаза в *гнѣздахъ*» (1652, л. 29 об.), «пи/саны на *полоте^нцахъ* в *киот^нцахъ*» (1652, л. 164 об.), «доправлено пѣни ... на пече^рски^х *кр^стьянахъ*» (1674-75, л. 30), «Росо^лни^к сере^бря^н на *левицахъ*» (1652, л. 124 об.), «лошади чалы в *лѣтахъ*» (1674-75, л. 6), «на большо^м и на маломъ *огородахъ*» (1674-75, л. 5), «на по^дсвѣчника^х свѣчи» (1639, л. 272 об.), «собра-но на свѣчахъ / и на *причасникахъ*» (1674-75, л. 6), «Да желѣза в *прутахъ* два^тцать / пу^л московски^х» (1652, л. 186), «по *родител^эхъ* свои^х» (1674-75, л. 8), «в тѣ^х / *сосудахъ*» (1652, л. 18), «в сушилахъ всѣкие суши^лные // запасы» (1663, л. 2 об.), «заслу-жи^л в *стре^лцахъ* че^твер^тую по^лтину» (1674-75, л. 23 об.).

В формах М. п. мн. ч. употреблено 11 лексем мужского рода со значением лица. Из них только пять слов (*вор*, *крестьянин*, *причасник*, *родитель*, *стрелец*) употреблены с новой флексией и одно (*старец*) встретилось и со старой, и с новой флексиями.

Таким образом, М. п. мн. ч. оказался более активным к восприятию новых флексий; существительные среднего рода разных тематических групп больше используют новые флексии, чем существительные мужского рода со значением лица.

Творительный падеж

В творительном падеже множественного числа существительные с основой на **-ѡ* зафиксированы преимущественно со старым окончанием. Материалы псковских книг говорят о том, что в течение всего XVII в. картина была ста-бильной (табл. 3).

Таблица 3

1639			1652			1663			1674-1675		
Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.	
	-ы (-и)	-ами		-ы (-и)	-ами		-ы (-и)	-ами		-ы (-и)	-ами
1. апостол	1		апостол	1							
2.			архангел	3		архангел	1				
3.			бубенчик	3		бубенчик	1				
4.			блюдечко	3							
5.			блюще	1							
6.									братеник	3	
7.									брат		3
8.			взмазень	9		взмазень	4				
9. ворота	4		ворота	8		ворота	6				
10.			горностали	4		горностали	2				
11.			городок		2						
12.			достокан	1							
13.			еуглист	1							
14. жемчюг	4		жемчюг	12		жемчюг	5				
15. жемчюжок	10		жемчюжок	65		жемчюжок	20		жемчюжок	2	
16.			жучок	1	1	жучок		1			
17. замок		1	замок		1	замок		1			
18.			затвор	1							
19. зерно	1		зерно	1		зерно	1				
20. камешки (камышки)	6		камешки	60		камешки	17		камешки	1	
21. клубучок	1		клубучок	4		клубучок	1				
22.			кляпушек	1							
23. колечко	1		колечко	1							
24.			кольцо	2		кольцо	3				
25.			королек	4	1	королек	2				
26.			круг	1		круг	1				
27.			крест		2				крест		1
28.			лепесток		1	лепесток		1			
29.			миткаль	1							
30.			мученик	1		мученик	1				
31.			наделок	1							
32.			наконечник	1							
33.			носок		2	носок		1			
34.			образ	5					образ	1	
35.			образец	1		образец	1				
36.			оклад	1	1						
37.			окно	1							
38. плащик		1	плащик	1							
39.			поясок	1		поясок	1				
40.			празник	4							
41.			приклад	1		приклад	1				
42.			пророк	1		пророк	1				
43.			репеек	3							
44.			срунец		1						

Окончание табл. 3

1639			1652			1663			1674-1675		
Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.		Лексема	Кол-во употребл.	
	-ы (-и)	-ами		-ы (-и)	-ами		-ы (-и)	-ами		-ы (-и)	-ами
45.						срунцал	1				
46.			священник	1							
47.			сердолик	1		сердолик	1				
48.									соборянин	2	
49.			старец	2							
50.			стекло		1						
51.									стремя		1
52.									суд		1
53. товарыщ	1					товарыщ	1		товарыщ	39	
54.			тропарь	1							
55. финифт	1		финифт	26		финифт	3				
56. херувим	1										
57.			хрусталь	5							
58.			чадо	2							
59.			червец	4		червец	2				
60.			чюлан	1							
61.			шолк	9		шолк	1				
62.						шандан	1				
63.			яхонтик	1		яхонтик	1				
	31	2		263	13		80	4		48	6

В псковских хозяйственных книгах в форме Тв. п. мн. ч. отмечены 63 лексемы в 447 употреблениях.

49 лексем (418 употреблений) со старой флексией: апостол, архангел, братеник 'брат' [СлОРЯМР XVI-XVII, 1: 274], блюдечко, блюдец, бубенчик, взмазень 'камень или стекло, окрашенные или имеющие цветную прокладку снизу' [СлОРЯМР XVI-XVII, 2: 164; СлРЯ XI-XVII, 2: 154], ворота, горносталя 'горностаи; шкурка, мех горностаи' [СлРЯ XI-XVII, 4: 89], достокан 'название ценного камня' [СлРЯ XI-XVII, 4: 338], еунгелист, жемчюг, жемчюжок, затвор, зерно, камешек, клубочок (клубучок) 'одна из составных частей карниза, верхняя половина которой выпукла, а нижняя вогнута' [СлРЯ XI-XVII, 7: 176], кляпушек,¹¹ колечко, кольцо, круг, миткаль 'бумажная тонкая ткань' [СлРЯ XI-XVII, 9: 179-180; Сл 1847, 2: 307; Срезн., 2: 154], мученик, наделок, наконецник, образ, образец, окно, поясок, празник, приклад, пророк, репеек 'украшение, узор округлой формы с зубчиками или волнистыми краями' [СлРЯ XI-XVII, 22: 144], священник, сердолик, соборянин 'тот, кто принадлежит к причту соборного храма' [СлРЯ XI-XVII, 26: 29], срунцал, старец, товарыщ, тропарь, финифт, червец, херувим, хрусталь, шолк, шандан, чадо, чюлан, яхонтик: «Обра³ Спсо^В и Прч^Стые Б^Дцы / и Пр^Дтчи со архаггелы и со / ап^Стлы» (1652, 58 об.); «три паника^Дла / медны^Х с о^Ткосыни и ³блюде^Чки» (1652, л. 60); «у Овдешка Федорова з братеники» (1674-75, л. 37); «а^В не^М семь же^Мчю/жи^Н да во^Смь камешко^В лазо/ревы^Х с че^Рвы и со ⁶зма^Зни» (1652, л. 25 об.); «над Изборскими вороты» (1652, л. 10); «шапка ... опушена горностаи» (1652, л. 163 об.); «да се-

решки по пяти зерен бурмит//цких з достоканы зелеными / на золотых спнях» (1652, л. 44); «Еуґлие напґрґтґное в четвеґтинку оболочено / камкою чеґрґвчатою пиґменое сь еуґлиґты» (1652, л. 174); «на налое ж оґбра³ з аґмво//ры» (1652, л. 52); «³ зерны буґрґмицкими» (1639, л. 23); «да три понагґи неве/лики под хрусталем с камешки / обычными» (1652, л. 32); «и с тогw / прикладу убыл солwтои да са/пwна с камышки и з жемчю/жки» (1639, л. 19); «и башни крыты тґсом с клабу/чки» (1652, л. 6); «а горwд веґ / крыт тесомъ с клwбучки» (1639, л. 4); «а воґрґвоґрки и с кляпуґки низаны жеґмчюґжоґм» (1652, л. 117); «под сереґдниґ паникади/лом яґлоко с рясы и с колеґчки / и с плащики сереґренеными» (1652, л. 60); «яґлоко кь паникадиґу с рґсы и ско/леґчки и с плащиками сереґрэными» (1639, л. 121 об.); «Чаша водосвещґная сереґбре//ная з двґма коґцы сереґбре/ными» (1652, л. 118); «Ризы оґласть чеґрґвчатъ сь круґи золо/тыми» (1652, л. 147 об.); «под нею де/вять бубенчиковъ сереґбря//ныхъ золоченыхъ с митґкали» (1652, л. 157); «от мґсноґо оґб-раза блґго/веґрныхъ кнзеґ Влаґдиґмера и Бори/са и Глґба с мчнки» (1652, л. 25); «да двґ свґщи воско/вые с краски и с надеґки» (1652, л. 95 об.); «и наґ окны писано / наґтґнныґ пиґмоґм» (1652, л. 14); «а опушено двґма пояґ/ки сереґряныґми» (1652, л. 143 об.); «со всеми / приклады» (1652, л. 3 об.); «Девять икоґ со прґроки на золотґ» (1652, л. 204 об.); «сеґрґи яхонты ж / лазоревы на сереґбрґ з жеґмчюґги» (1652, л. 54 об.); «да сеґрґи жеґмчюґжные на се/реґбрґ с реґеґки» (1652, л. 54); «какъ влґыка / со влаґтмы и с соборґны обґдаґл» (1674-75, л. 99); «Выпиґ с пиґцовыхъ книґ ивана Велґминова с товарищы» (1639, л. 200 об.); «свтцы с тропари в четвеґтиґку» (1652, л. 176); «венцы скаґные с фи/нифты» (1652, л. 22); «Да по стwронаґ рипиды сереґрены / с херувими на вба лица солочены» (1639, л. 44 об.); «двґ понагґи невелики с хрустали» (1652, л. 37 об.); «Оґра³ великомчнцы Со/фии с чады» (1652, л. 80 об.); «да три и³бы боґшихъ с чюланы» (1652, л. 188 об.); «по неґ / шито золотомъ и сереґромъ и шоґки ро³/ными» (1663, л. 150).

Четыре лексемы (*жучок, королек, оклад, плащик*) употребляются и с новой флексией *-ами*, и со старой флексией *-ы/-и*: «Муштукъ з жучками мґдными не/мецкоґи» (1652, л. 184) — «на испоґней цки / плащи з жучки сереґряные» (1652, л. 178 об.); «да крґтъ воґляґноґи с ко/роґками» (1652, л. 54) — «девяґ крґтовъ / сереґреныхъ воґляґныхъ з жеґмчюґжки и с короґки» (1652, л. 32 об.), «всґ тґ образы пиґмом и окладами обветчали» (1652, л. 24) — «да свеґхъ преґж/нихъ перепиґныхъ кнґг туґ / же сыскалося с оґлады /» (1652, л. 77); «яблоко кь паникадилу с рґсы и ско/лечки и с плащиками сереґрэными» (1639, 121 об.) — «под сереґдниґ паникади/лом яґлоко с рясы и с колеґчки / и с плащики сереґренеными» (1652, л. 60).

С новой флексией *-ами* зафиксированы 10 лексем (*брат, городок* 'зубец; украшение' [СлРЯ XI-XVII, 4: 94], *замок, крест, лепесток, носок, стекло* 'кристалл' [СлРЯ XI-XVII, 28: 44], *срунец, стремя, суд* 'сосуд, емкость для жидких, твердых и сыпучих тел' [СлРЯ XI-XVII, 28: 252]): «взето руґль оброку с ого-рода ... у Печеґскогw посаґкого жильца у Мемнона Иванова свґшника з братаґми за пахоту» (1674-75, 39); «рясы у Прґчстые ж Бдцы жемчюжные мґлкоґо / жемчюжку з горотками и с ка/мешки» (1652, л. 42 об.); «одиґнаґцать самапалоґ с руґ/кими заґками» (1652, л. 12); «Пояс̑ шолковой тґкан крґтами» (1652, л. 160 об.); «а треґя [запона. — Р.С.] немецкое дґло / с лепестґками» (1652, л. 136 об.); «Да двґ крушки боґшие с носками / оловяные же» (1652, л. 139 об.); «купле-но се/дло иноческоґе с подпругами и с пуслицами ременными *стремґнами* же-

лѣзными» (1674-75, 82); «с ыными судами данъ» (1674-1675, 80 об.); «три^тцать о^лна / понагѣя невелики^х и ^з хру/стали и ^сте^клами и ^сме^лкими / же^мчю^жки о^бложены сере^б/ро^м» (1652, л. 36 об.).

В исследуемых памятниках наблюдается необычное влияние склонения существительных мужского и среднего рода на склонение существительных с основой на *-ā, что подчеркивает, с одной стороны, способность существительных разных основ принимать новые формы, а с другой стороны, своеобразное тяготение основ на *-ō к сохранению исходного типа. О таком влиянии форм *-ō-основ на формы *-ā-основ упоминают В.М. Марков, С.И. Котков, Н.И. Тарабасова.¹² В исследуемых памятниках зафиксировано 20 лексем с основами на *-ā, которые употреблены в Тв. п. мн. ч. с флексией -ы/-и, пришедшей из *-ō-основ, например: «к пече^рскому мн^стру с вѣтчины приписаны» (1639, л. 1 об.), «Поручи вишневого ба^рхату с пуго/вки серебряны^{ми}» (1652, л. 159 об.), «с травки зелены^{ми} / и рудоже^лтыми» (1652, л. 144), «с ручки мѣдными» (1652, л. 107 об.), «над верхними решотки» (1652, л. 9 об.), «w^н перевози^л чере^з реку Бде^х архима^ндрита и братию и слугъ и служе^бнико^в с телеги» (1674-75, л. 57 об.).

Таким образом, псковские монастырские хозяйственные книги XVII века свидетельствуют о том, что имена существительные с основой на *-ō в Тв. п. мн. ч. стремятся сохранить старые флексии.

Результаты наблюдений за употреблением форм множественного числа в исследуемых хозяйственных книгах Псково-Печерского монастыря можно представить в виде таблицы (табл. 4).

Таблица 4

	Дательный падеж	Творительный падеж	Местный падеж
Количество лексем	45	63	69
Количество употреблений со старой флексией	160	422	152
Количество употреблений с новой флексией	33	25	122

Для сопоставления функционирования старых и новых форм указанных падежей привлечен памятник деловой письменности второй половины XVII века, создававшийся вне монастыря, — книги Поганкина¹³ (табл. 5, отражающая свойства указанных падежей тоже при полной выборке изучаемых словоформ). С.И. Поганкин был одним из самых видных представителей псковского купечества, вел большую торговлю и составил громадное состояние. Рукопись содержит копии документов на недвижимое имущество купца Поганкина (купчие, поступные и отказные памяти) и выписки из мерных книг, которые отражают изменения, происходившие в составе его владений.

Таблица 5

	Дательный падеж	Творительный падеж	Местный падеж
Количество лексем	22	31	13
Количество употреблений со старой флексией	35	47	3
Количество употреблений с новой флексией	8	15	10

Таким образом, обзор форм существительных Д., Тв., М. п. мн. ч. в псковских монастырских хозяйственных книгах свидетельствует о том, что в XVII в. новые флексии в М. п. активно утверждаются. Количество старых и новых флексий практически равное. В более ранних книгах (1639 г., 1652 г.) старая флексия употребляется чаще (113), чем новая (55); в более поздних книгах (1663 г., 1674-75 гг.) новая флексия отмечена в большем количестве (69), чем старая (39). В Д. п. наблюдаются старые и новые формы, но старых форм значительно больше (подобная ситуация отмечена учеными и для XV в.). В псковских хозяйственных книгах XVII в. из 45 зафиксированных лексем только пять употребляются с новыми флексиями, а две имеют и старые, и новые окончания. В Тв. п. формы с флексией *-ами* у существительных с основой на **-ѣ* единичны; в то же время флексия *-ы/-и* проникает из основ на **-ѣ* в основы на **-ѧ*. Существительные среднего рода разных тематических групп активно принимают новые флексии в Д., Тв., М. падежах; у существительных мужского рода со значением лица этот процесс проходит медленнее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка. СПб., 2005. С. 325.
2. *Ларин Б.А.* Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 25.
3. *Ларин.* Лекции... С. 325.
4. *Герд А.С., Капорулина Л.В.* К истории именного склонения в языке древнего Пскова // Севернорусские говоры. Вып. 4. Л., 1984. С. 17.
5. Там же. С. 21-26.
6. *Андреева Л.С.* Особенности развития форм дательного падежа множественного числа имен существительных в русском языке (на материале московских источников конца XVII века) // Учен. записки Каз. госпединститута. Вып. 161: Вопросы теории и методики изучения русского языка (Морфология). Сборник 11. Казань, 1976. С. 129; *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974. С. 112; *Мирецкий А.Л.* Склонение имен существительных в новгородской деловой письменности XVII в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966. С. 18; *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. М., 2007. С. 178; *Шепелева Р.Д.* История флексий дательного, творительного и местного падежей множественного числа имен существительных (по памятникам XI-XVII вв.): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 8.
7. Переписная книга 1639 г. (ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 112); Переписная книга 1652 г. (ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 113); Переписная книга 1663 г. (ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 114); Приходо-расходная книга 1674-1675 гг. (ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 450).
8. *Шахматов А.А.* Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886. С. 196; *Марков.* Ук. соч. С. 102-103.
9. *Шахматов.* Ук. соч. С. 100; *Марков.* Ук. соч. С. 104-105.
10. Подобное отмечено и в XV в. См.: *Герд, Капорулина.* Ук. соч. С. 29.
11. Лексема *кляпушек* не зафиксирована ни в одном историческом словаре. Предполагаем, что лексема *кляпушек* имеет значение 'короткая деревянная или металлическая палочка, употребляемая как застёжка'. Ср. значение однокоренной лексемы *кляпыш*: СлРЯ XI-XVII вв., 7: 191; Сл 1847, 2: 181; ПОС, 14: 247-248.
12. *Котков С.И.* Московская речь в начальный период становления русского нацио-

нального языка. М., 1974. С. 237; *Марков В.М.* Ук. соч. С. 109; *Тарабасова Н.И.* Явление вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. М., 1986. С. 112.

13. Книги псковитина посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина. Псков, 1870.

DATIVE, INSTRUMENTAL AND PREPOSITIONAL (LOCATIVE) NOUN PLURAL IN THE 17th C. INVENTORY BOOKS OF PSKOV-PECHORY MONASTERY

S.N. Romanenko

Old forms (37 lexical units out of 45) were dominant in Pskov regionalism of the 17th c. Nouns in instrumental plural tend to retain old inflections; on the other hand, there is an unusual influence of masculine and neuter nouns with *-ā stem. It proves the ability of nouns of different stems to acquire new forms.

New dative and prepositional plural noun inflections were advanced by generalization of the inflectional vowel [a]: formerly nouns in the nominative and accusative plural had inflection - a.

17th c. documents (inventory books of Pskov-Pechory Monastery) recording Pskov regionalism give an insight into Russian language norm formation.

Key words: dative case, instrumental case, locative case, inventory books, Pskov-Pechoty momastery

© 2009

О.В. Боярская

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ЮЖНОУРАЛЬСКИХ ПОЛЕВЫХ ЖУРНАЛАХ ЗЕМЛЕМЕРОВ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье на материале региональных источников рассматривается специальная лексика как одно из стилистических средств русского делового языка конца XVIII — начала XIX в. в документах межевания — приоритетного отраслевого направления делопроизводства Российского государства XVIII столетия.

Ключевые слова: устойчивое словосочетание, полевой журнал, землемеры, специальная лексика, делопроизводство.

Формирование национального русского языка в XVIII столетии — в период становления норм и функциональных стилей литературного языка — привлекает внимание лингвистов с конца XIX в., однако, развитие делового языка как

функционального стиля литературного языка, обслуживающего сферу делопроизводства Российского государства, его стилевых средств в разных отраслевых направлениях, до сих пор исследовано недостаточно полно.

Одним из приоритетных направлений государственной деятельности в Российской империи XVIII в. было межевание земель. В Оренбургской губернии (на Южном Урале) генеральное межевание земель началось достаточно поздно — в 90-е годы XVIII в., — когда во многих регионах России оно было завершено. Межевые документы как один из видов деловой актовой письменности составляли часть документооборота страны и стандартизировались на законодательном уровне (ПСЗ. Т. XVII. 1830. С. 876).

Эта документация, будучи памятником русского делового языка, с лингвистической точки зрения не изучена. Межевые материалы Областного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) лингвистами не рассматривались. Полевой журнал — единственный процессуальный собственно межевой документ, составлявшийся в ходе работ и включавший данные о позициях заинтересованных сторон. Его коммуникативная цель — зафиксировать границы земельных владений для последующего определения правовой личностно-территориальной отнесённости местности в соответствии с полной качественной идентификацией ландшафта.

Лексико-синтаксическая организация жанра коммуникативно-тематически ограничена, устойчива. В журнале функционируют преимущественно следующие лексико-семантические группы (в примерах сохраняются орфография и пунктуация источников): специальная лексика межевого производства — межевые знаки и признаки, лексика измерения (*затеси, починной пунктъ, астроляби(и)ческій уголь, мера, ро(у)мбъ*); официально-деловая, юридическая лексика (*со стороны..., посредствомъ, вышеписанный, поверѣнные*); топонимы — наименования населённых пунктов (*Мякотинская волость, Куяшская заимка*), учреждений (*Каслинский заводъ, Полевская заводская кантора*); наименования урочищ — природных объектов (*истокъ Аракульскои, Караболское болото*); имена лиц, обозначение их социального статуса (*гѣодезїи порутчикъ, земскои исправникъ*); лексика движения (*по проидении, идучи*). Бóльшая часть единиц представляет собой устойчивые словосочетания (УС). Самыми распространёнными являются субстантивные УС с адъективным компонентом (УСАК).

Номинации учреждений, населённых пунктов, лиц, выявленные в полевых журналах, в целом являются обязательными УСАК в документах актовой деловой письменности XVIII в., что обусловлено структурной закреплённостью этих конструкций в блоках формуляра. Наличие и частотность других групп УСАК в разных актовых жанрах факультативны, зависят от сферы обращения документа, коммуникативного плана делового текста. Квалификация субстантива адъективным компонентом на основе разных критериев контекстуально актуализована¹. По данным проанализированных источников, среди факультативных групп УСАК разных жанров актовой деловой письменности XVIII в., для жанра полевого журнала обязательными являются межевые специальные номинации, номинации угодий и урочищ. Показательной является широкая сочетаемость разноимённых адъективных компонентов с одноимённым определяемым субстантивом в структуре УСАК в рассмотренных текстах. Такие

структурно-грамматические конструкции квалифицированы С.Г. Шулежковой вслед за Л.Я. Костючук как частные модели УС по отношению к общей структурно-грамматической модели УС в русском языке П + С (прилагательное + существительное)².

Проведённый в этом аспекте анализ челябинских, тобольских, курганских документов государственно-административных, судебных учреждений, заводских контор, духовного ведомства в сравнении с данными С.Г. Шулежковой по миасским деловым документам XVIII в. позволил сделать следующее обобщение. Во всех перечисленных материалах наиболее частотными являются одни и те же группы УСАК — обязательные в актовых документах избранного периода. В рамках «общеупотребительных», среди частных моделей УСАК, а также и самыми распространёнными, являются модели: «П + «люди», «П + «крестьяне», «П + «советник»; «П + «канцелярия», «П + контора», «П + «деньги». В полевом журнале их частотность незначительна. В этом жанре актуализирована лексика, факультативная для административных документов. УСАК, выявленные здесь, имеют значение специальных номинаций и в основном построены по общей структурно-грамматической модели П + С, реже П + П + С.

Специальные номинации межевого производства образуют следующие семантические группы: 1) номинации меж, межевых знаков и признаков (*починной пунктъ*), 2) номинации измерения (*истинный меридіанъ, магнитная стрелка, астроляби(i)ческо(i)й уголъ*), 3) номинации административно-географических объектов — участков, угодий, урочищ (*чистой выгонъ, сѣнной покосъ, топкое болото*). Каждая из групп обладает рядом частных моделей УСАК.

1. Номинации меж, межевых знаков и признаков образуются по частным моделям П + «межа» (*де(ѣ)иствителная, живая, неременная, окружная, справедливая, спорная межа*), П + «знак» (*известный, межѣвый знакъ*), П + «признак» (*знатный, межѣвый, неременный признакъ*), П + «столб» (*спорный, черновоу, межѣвый, беспорный столбъ*), П + «яма» (*межѣвая, починная яма*).

2. Номинации измерения образуются по частным моделям П + «мера» (*спеціальная, разногоубернская мѣра*), П(М) + «линия» (*прямая, полуденная линія, сѣя линія*).

3. Номинации административно-географических объектов — участков, угодий, урочищ — образуются по частным моделям. П + «дача» (*общая, горнозаводская дача*), П + «владение» (*беспорное, неспорное владеніе*), П + «земля» (*казенная, свободная земля*), П + «место» (*безлесные, болотные, дровосечные места*), П + «лес» (*мелкий, строевой, сметнишный, берѣзовый лесъ*), П + «дорога» (*большая, полевая, старая дорога*).

УС групп 1 и 2 номинируют атрибуты межевого производства, поэтому равно функционируют в документах данного жанра. УС группы 3, маркируя специфику конкретных территорий, варьируются в зависимости от характера описываемых участков. Они, как и ряд имён прилагательных, функционирующих в УСАК разных групп (*беспорный, межѣвый, спе(ѣ)ци(i)алный, спорный, чистый*), будучи общеупотребительными в русском литературном языке, приобретают специальное значение на основе функционального использования в составе обшестилевых профессиональных номинаций.

В целом для анализируемых единиц в рамках рассматриваемого жанра не ха-

рактенно развитие системных лексико-семантических отношений. Синонимно-антонимическими значениями обладают УС с компонентами-прилагательными *беспорный — неспорный — спорный*. Распространено синонимичное употребление УСАК и существительных, номинирующих одноимённый объект (*покосные ме(ѣ)ста — покось, берѣзовый лесъ — берѣзникъ*). При этом при однородном качестве обмежёвываемой местности её специальная номинация заменяется формулой *Те(ѣ)м же(ѣ) Каче(ѣ)ствомъ: Степными местами, и по дорогѣ Челябинской/ при конце ромба влево До берѣзоваго лесу 40к / Сажень. / Тем жеѣ Качѣствомъ, При конце ромба въ/право До берѣзнику 80т влево 100то Сажень* (ОГАЧО Ф. И-172. Оп. I. Д. 81. Л. 3об.).

Итак, субстантивные УС образуются в жанре полевого журнала в основном по модели П + С и формируют две группы: в первую входят УСАК, общие для разных жанров актовой деловой письменности разных отраслевых направлений, во вторую — специальные номинации межевого производства. В составе УСАК адъективный компонент выполняет две амбивалентные функции: дифференцирует значение субстантива и подчёркивает однородность подобных предметов, поэтому обладает обобщающим значением. Следовательно, одна из основных стилистических функций адъективов в деловой письменности XVIII в., по данным проанализированного материала, — конкретизация субъектно-объектного речевого пространства в рамках специального номинирования (УС).

Глагольные УС в полевых журналах также характеризуются однотипностью структуры. Они образованы преимущественно по общей структурно-грамматической модели: краткое причастие /деепричастие/ + существительное /УС/тв. Причастие, как правило, является предикативным центром предложения (простым глагольным сказуемым) со значением «действия субъекта как самостоятельного во временном отношении процесса или совершившегося факта», свойственным, по наблюдению Л.А. Коньковой, независимому деепричастному сказуемому в документах Челябинского магистрата и суда³. В жанре полевого журнала выделяем следующие частные модели таких УС:

Идено, идучи /+ М./ + Ств. /+УСтв./ — *идено пахотою, идучи сими ромбами. Доидено* + «до» + Срод.: *доидено до дороги*. Распространена замена этих моделей творительным падежом объекта: *Берѣзовымъ Лѣсомъ, на 100то Саженьяхъ / Идено Пахотою. / Пахотными Мѣстами, / Реткимъ берѣзовымъ лесомъ* (ОГАЧО Ф. И-172. Оп. I. Д. 81. Л. 11). **Переиден** + Свин. — *перѣидена дорога, речка (идучи Сею / линією болотными местами= / на 100то. Саженьяхъ, перѣидена речка / Сылачь* (ОГАЧО Ф. И-172. Оп. I. Д. 81. Л. 74).

(По-, о-)ставлень + Срод. / УСрод. — *ставлена астроябія, поставлень межѣвый столбъ, оставлень знакъ (по неспорному со обеихъ / Сторонъ владению, поставлень межѣвый / столбъ* (ОГАЧО Ф. И-172. Оп. I. Д. 81. Л. 1). **Взят** + Свин. — *взять пелѣнгъ, перпендикуляръ, починной пунктъ (При конце Сего Ромба влево взять пелѣнгъ До озера бердениша* (ОГАЧО Ф. И-172. Оп. I. Д. 81. Л. 3).

Данные конструкции употребляются в рассматриваемом жанре как штамп профессионального межевого дискурса XVIII в. Инфинитивные УС образованы преимущественно по модели **Име(ѣ)тъ** /+ Свой/ + Свин. — *иметь отъклонение, склонение, течѣніе* («*прямая линия Скло/неніе Свое Имѣетъ, На ромбъ*

отъ норда / к осту» (ОГАЧО Ф. И-172. Оп. I. Д. 81. Л. 2 об). Единичны по образованию УС *учинить межу, выехать на межу*.

Текст полевого журнала, будучи точным описанием межевого процесса, включает определённый набор УС, отражающих регламентированную деятельность землемера, следовательно, употребляемых в соответствующем порядке: *по изысканіи / полуденной линіи отъ истиннаго мерідиана/ отъ коего Магнитная Стрелка имеетъ въ во/сточную Сторону отъклоненіе на три градуса на ромбъ от Z къ О: ббѣ Градусовъ/ и в томъ мѣстѣ гдѣ стояла Астролябія поста/вленъ мною безъпорной межевой столбъ съ при/знаками и предъ нимъ въ Сажени вырыта/ Специальной мѣры межевая яма в ней поло/жено уголье и три камня* (ОГАЧО Ф. И-172. Оп. I. Д. 225. Л. 1).

Таким образом, в жанре полевого журнала УС активно используются как вербальное средство выражения и оформления совершаемых действий, фиксируемых данных. Большая частотность функционирования УС в проанализированных документах свидетельствует о достаточно высоком уровне стандартизации данного жанра. Группы обязательных УСАК для всех жанров актовой деловой письменности XVIII в. здесь пополняются специальными номинациями межевого производства, которые могут рассматриваться как межевая терминология. Это обусловлено требованиями к составлению полевого журнала (ПСЗ Т. XVII. 1830. С. 901). Распространённость УС в документах южноуральской деловой письменности конца XVIII в. отражает общероссийские стилистические особенности развития делового языка в данном локусе: стандартизацию структуры и формирование лексических стилеобразующих средств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Боярская О. В.* Имя прилагательное в южноуральской и зауральской деловой письменности конца XVIII в.: семантика и синтагматика // *Живое слово: Фольклорно-диалектологический альманах*. Волгоград, 2008. Вып. 1. С. 68-73.
2. *Шулежкова С. Г.* Структурно-грамматические модели устойчивых словосочетаний южноуральских документов XVIII в. // *Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. III. Очерки по языку деловой письменности XVIII в.* Челябинск, 2001. С. 122-161.
3. *Конькова Л. А.* Типология и функционирование простого глагольного сказуемого в деловом языке второй половины XVIII в. // *Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. III. Очерки по языку деловой письменности XVIII в.* Челябинск, 2001. С. 258.

SET PHRASES IN SOUTH-URAL LAND SURVEYORS LOGBOOKS OF THE LATE 18th — EARLY 19th CC

O. V. Boyarskaya

The article, based on regional sources, deals with special vocabulary as one of stylistic means of Russian business language of the late 18th — early 19th cc. employed in survey documents that were of primary importance in Russian office-work of the 18th century.

Key words: set phrase, logbook, land surveyors, special vocabulary, office-work.

© 2009

Е.А. Коршкова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «РОЗА» В РУССКОЙ ЛИРИКЕ (на материале поэзии В. Ходасевича)

В поэтической речи лексема «роза» обладает высокой фразообразовательной активностью и широко используется как символ, на базе которого создаются разнообразные семы фразеологических единиц. Фразеологизмы с компонентом-флоризмом «роза» в поэзии В. Ходасевича обозначают абстрактные понятия — любовь, человеческую душу, старость, печаль, пушкинскую поэтическую традицию, сокровенные мысли и мечты, размышления, смерть, а также поэтически именуют человека. Особое их значение для картины мира В. Ходасевича заключается в том, что они вербализуют основополагающие концепты «любовь» и «смерть».

Ключевые слова: поэтика, лексема, фразеология, В. Ходасевич, абстрактные понятия.

В поэтической речи лексема «роза» обладает высокой фразообразовательной активностью и широко используется как символ, на базе которого создаются разнообразные семы фразеологических единиц. Спецификой данных ФЕ является их символический характер, связанный с традиционным употреблением единиц с опорным словом «роза» в поэзии. При сочетании с определяющими грамматически зависимыми компонентами, существительными или прилагательными, это слово обретало возможность метафорически именовать определенный круг предметов и явлений действительности. На символическую роль данной лексемы обращали внимание многие исследователи: А.Н. Веселовский, А.Д. Григорьева, Н.А. Шабанова, И.В. Гендлер.

Особенностью существования символа «роза» в русской культуре является то, что, не имея в России фольклорной традиции употребления, слово «роза» пришло в русскую поэзию с большим арсеналом устойчивых символических ассоциаций, сформировавшихся в мировой культуре¹. Любое упоминание о розе в поэтическом контексте неизбежно ведет к актуализации той или иной традиционной ассоциации, которая и служит основой для развития символической коннотации фразеологизмов, в состав которых входит эта лексема.

В процессе функционирования традиционного символа «роза» отразилась вся история русской поэзии. В разное время у слова «роза» актуализировались различные символические аспекты. В поэзии XVIII и XIX веков роза ассоциировалась с радостью, наслаждением, красотой, смертью, весной, юностью, зарей, любовью. В синтаксическую структуру фразеологизмов слова, символами которых выступала роза, входили в качестве определяющих, грамматически зависимых компонентов модели «сущ. + сущ. в Р. п.», построенной на основе метафоризации опорного компонента «роза». Безусловно, творческая индивидуальность художника способствовала тому, что в состав такой двучленной конст-

рукции довольно часто входили и дополнительные конкретизирующие компоненты: «Токмо здесь прекрасен жизни гений, / Здесь, где вечны *розы чистых наслаждений*, / Вечно юн поэзии венки» (Ф. Тютчев, Уралия).

В поэзии серебряного века несколько изменяется традиционное функционирование этого символа. По мысли А.Н. Веселовского, «роза и лилия как-то затерялись среди экзотической флоры современной поэзии, но еще не увяли, и по-прежнему служат тем же целям символизма, выразителями которого были в течение веков. Средство осталось, содержание символа стало другое, более отвлеченное, личное, нервное, расчленяющее; многие из образов Гейне были непонятны поэтам, певшим о розовой юности (*rosea juvena*) и создавшим эпитет «лилейный»². Роза воспринимается поэтами начала XX века прежде всего как символ любви. Причем отчетливо прослеживается общая тенденция к поэтической детализации окружающего мира, отражающая «символизирующее сознание человека начала XX столетия: розы выступают в качестве поэтической детали», особое внимание уделяется цветовой конкретизации данного символа (красная роза — символ любви, белая — символ чистоты и невинности)³. Поэтому в поэзии начала XX века активно применяются цветочные прилагательные для формирования символически окрашенной поэтической фразеологии: «Он принес мне *белые розы*, / *мускатные белые розы*, / И спросил меня кротко: «Можно / С тобой посидеть на камнях?» / Я смеялась: «На что мне розы? / Только колются больно!» — «Что же, / Он ответил, — тогда мне делать, / Если так я в тебя влюбился» (А. Ахматова, У самого моря).

В семантической группе фразеологизмов, обозначающих абстрактные понятия в поэзии В. Ходасевича, особо интересны единицы, объединенные компонентом-флоризмом «роза». В. Ходасевич создает индивидуально-авторские единицы с фразообразующим компонентом «роза»: *серебряная роза размышлений*, *серебряная роза мечтаний*, *румяная роза*, *темная роза*, *черная роза*, *алая роза*, *белая роза смерти*, *голубая роза*, *вечная роза*, *классическая роза*.

Следуя поэтической традиции, в большей мере серебряного и в меньшей — золотого веков русской поэзии, В. Ходасевич использует большое количество прилагательных и существительных, которые формируют индивидуальное значение поэтических фразеологизмов с опорным компонентом «роза». В его художественной практике мы находим разнообразное наполнение наиболее представленной синтаксической модели «сущ. + прил.» и немногочисленной — «сущ. + сущ. в р. п.» как традиционное, так и индивидуально-авторское.

Такие фразеологизмы в поэзии В. Ходасевича не всегда относятся к подсубкатегории абстрактности, но так как слово «роза» способствует формированию особой семантической структуры ФЕ, мы рассмотрим их в составе предметных единиц, называющих абстрактные понятия, отметив единицы, имеющие конкретное значение. Грамматически главный компонент «роза», утрачивая свое индивидуальное лексическое значение («декоративный кустарник с крупными махровыми, обычно ароматными, цветками разной окраски и со стеблями, покрытыми шипами, а также цветки этого растения»), вносит в семантическую структуру фразеологизмов семы, связанные с многочисленными символическими ассоциациями, позволяющими этому слову участвовать в формировании большого круга понятий.

Традиционно роза считается символом духовного развития человека и выступает как «религиозная эмблема, начиная с самых древних времен. Она была у греков символом восхода солнца, мудрости и любви. Роза посвящалась Минерве, а также Венере. Роза с пятью лепестками венчала голову Гекаты, древнеримской богини смерти, символизируя собой переход в новое состояние. В искусстве геральдики этот цветок превратился в символ таинственной духовной жизни. Роза — символ «я», духовности человека⁴. Цвета розы говорят о любви. Белая роза — любовные вздыхания, розовая роза — клятва любви, чайная роза — ухаживания, красная роза — страстная любовь. В христианской иконографии роза служит символом Священного Грааля. При этом белая роза считалась символом монашеской мудрости и отрешенности от мира, красная означала приобщение к божественной любви. Роза символизирует сердце, а сердце всегда понималось христианами как эмблема добродетелей любви и сострадания. Религиозно-мистический ореол слова «роза» указывает на актуализацию в семантике лексемы архетипического образа, который связан с духовностью, с символическим обозначением прекрасного в человеке, а также самого человека.

Становясь частью поэтического мира В. Ходасевича, фразеологические единицы с компонентом «роза», помимо традиционных символических значений, приобретают и окказиональные. Семантическим центром единиц становятся прилагательные, которые формируют индивидуальное значение единиц.

Предметные фразеологизмы с фразообразующим компонентом-флоризмом «роза» обозначают любовь (*алая роза*), человека (*румяная роза*) и его душу (*вечная роза*), старость (*голубая роза*), печаль (*черная, темная роза*), пушкинскую традицию (*классическая роза*), сокровенные мысли и мечты (*серебряная роза размышлений и мечтаний*), смерть (*белая роза смерти, томная роза смерти*).

В стихотворениях В. Ходасевича фразеологизмы с фразообразующим компонентом «роза» часто занимают центральное положение, формируя эмоциональный фон его произведений. Например, единицы *алая роза, голубая роза, серебряная роза размышлений и мечтаний, белая, томная роза смерти* создают символический ореол стихотворения В. Ходасевича «Воспоминание».

Традиционное символическое значение ФЕ *алая роза* («любовь») приобретает в контексте стихотворений В. Ходасевича дополнительное значение «смерть». Автор достигает этого привлечением в структуру единицы числительного «два» (числительное выступает ассоциативным сигналом смерти, похорон). *Алая роза* в его поэзии обозначает и страстную любовь, и смерть. Фразеологизмы с компонентом «роза», называющие символы в стихотворении «Воспоминание», рисуют поэтическую картину любви, изначально направленную к смерти героя и героини.

В состав поэтического фразеологизма *роза смерти*, имеющего значение «смерть», автор вводит атрибутивные компоненты «белый», «томный». Они позволяют внести в семантическую структуру единиц семы «чистый, светлый», «грустный, тяжелый», характеризующие авторское восприятие смерти как, с одной стороны, явления, связанного с приобщением к более чистому и светлому началу, а с другой — с печалью, вызванной утратой этого, пусть несовершенного, мира.

Единица *серебряная роза*, выступающая в форме множественного числа, и *голубая роза* представляют собой индивидуально-авторские образования. Цветовые прилагательные «серебряный» и «голубой» вносят в семантическую структуру фразеологизмов семы 'драгоценность', 'небо', связанные с символикой этих цветов. Серебро — символ тленности человеческого существа, которое должно непрестанно бороться со своими негативными наклонностями, если желает достичь совершенства. В христианской символике серебро ассоциируется с божественной мудростью. У В. Ходасевича ФЕ *серебряные розы*, в структуру которой входит прилагательное «серебряный», образованное от существительного «серебро», обозначает сокровенные мысли, размышления.

Прилагательное «голубой», являясь грамматически зависимым компонентом единицы *голубая роза*, именующей старость, также реализует свое символическое значение. В основе восприятия этого цвета и его использования в составе поэтического фразеологизма лежит особое отношение к нему в христианстве, которое по-своему интерпретировал поэт. Так, П. Флоренский, анализируя символику цвета в иконописи, сделал вывод, что именно голубой цвет означает божественную премудрость и является символом «духовной чистоты и целомудрия»; голубизна символизирует «присутствие божества в мире через его творчество, через его силы»⁵. Для В. Ходасевича старость — это время приобщения к духовному, божественному, человек обретает совершенство мысли и познания. Именно поэтому автор использует данное прилагательное в качестве грамматически зависимого компонента единицы с фразеобразующим компонентом «роза».

Авторский фразеологизм *темная, черная роза* как символ негативного эмоционального состояния, таинственности и чуда включен автором в стихотворение «Розы». Единица формирует центральный образ произведения — царевну, созданный поэтом с опорой на традиции символизма, у которых образ женщины восходит к Софии в философской системе В. Соловьева и включает в себе религиозно-мистическое начало. Царевна — тень, *темные, черные розы*, которые она подносит к сердцу, делают ее более таинственной и загадочной в глазах лирического героя. Таинственность подчеркивается привлечением поэтических фразеологизмов в описание главной героини. Рассматриваемые ФЕ в контексте стихотворения сочетаются с числительным «восемь», что усиливает их значение — печаль: «И зачем, когда мелькала / Эта тень, — / Ты прижала прямо к сердцу / Восемь *темных, черных роз?*»

В стихотворении «Трудолюбивою пчелой...» фразеологизм *вечная роза* также называет центральный образ произведения — человеческую душу. Автор создает образ вечной, бессмертной и непостижимой до конца души. Путь к себе, в глубины самого себя составляет сюжет произведения: «Ты, мысль, повисла в зное мира / *Над вечной розою* — душой».

Таким образом, ФЕ с компонентом-флоризмом «роза» в поэзии В. Ходасевича обозначают различные абстрактные понятия — любовь, человеческую душу, старость, печаль, пушкинскую поэтическую традицию, сокровенные мысли и мечты, размышления, смерть, а также поэтически именуют человека. Особое их значение для картины мира В. Ходасевича заключается в том, что они вербализуют основополагающие концепты «Любовь» и «Смерть».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шабанова Н.А. Традиционное и индивидуальное в семантической структуре символа (на материале символа *роза* в русской поэзии): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000. С. 11.
2. Веселовский А.Н. Из поэтики розы // Избранные статьи. Л., 1939. С. 139.
3. Шабанова. Ук. соч. С. 11-15.
4. Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия / авт.-сост. В. Андреева и др. М., 2004. С. 418-421.
5. Флоренский П. Столп и утверждение истины // Флоренский П. Собр. соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 552-553.

SET EXPRESSION WITH THE COMPONENT "ROSE" IN RUSSIAN LYRICS
(BASED ON V. KHODASEVICH)*E.A. Korshkova*

In poetic speech the lexeme "rose" possesses a high phrase-making potential and is widely used as a symbolic basis for various phraseological semes. In V.Khodasevich's poetry set expressions with the component "rose" designate such abstract notions as love, human soul, old age, grief, Pushkin's poetic tradition, innermost ideas and dreams, reflections, death, and also poetic human names. Their special value for V.Khodasevich's world image lies in verbalization of basic concepts "love" and "death".

Key words: poetry, lexeme, phraseology, V. Khodasevich, abstract notion.

© 2009

С.А. Тихомиров

МОДЕЛИРОВАНИЕ «РЕАЛЬНОСТИ ТЕКСТА» НА ПРИМЕРЕ
ГИПЕРБОЛИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ ИМЕН
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ
И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье исследуется моделирование «реальности текста» на примере градуально-гиперболической семантики имен прилагательных в лексико-грамматическом и фразеологическом аспектах. Отмечено, что основным средством выражения гиперболы в признаковых полях является имя прилагательное. Для единиц этих полей существуют специальные формы степеней сравнения. Продуктивен аффиксальный способ построения градации признака, он часто наблюдается у качественных имен прилагательных и наречий. В ряду средств гиперболизации отмечены фразеологические единицы, содержащие в своих значениях коннотативные компонен-

ты: эмоциональный, оценочный, экспрессивный. Описаны фразеологические единицы пространственно-временной и количественной семантики, выраженные именными конструкциями и принимающие участие в создании гиперболы.

Ключевые слова: моделирование текста, градуально-гиперболическая семантика, имя прилагательное, степени сравнения, фразеологические единицы.

Семантика смоделированной текстом реальности во многом определяется лексико-грамматическими и фразеологическими средствами создания художественного текста. Признаковые поля гиперболы занимают центральное место по количеству и определяющей роли для других полей. Основное средство выражения гиперболы в признаковых полях — имя прилагательное. Для единиц этих полей существуют специальные формы степеней сравнения. Аффиксальный способ построения градации признака наблюдается у качественных имен прилагательных и наречий: *неважный (неважно) маловажный (маловажно) — важный (важно) — архиважный (архиважно) — жизненно важно* и т. п.

Этот способ более характерен для построения положительных характеристик признаков, а отрицательные при этом могут быть представлены разнокоренными лексемами. Ср.: *хамский — грубый, невежливый — вежливый — сверхвежливый — фантастически (божественно) вежлив* и т. п. С помощью аффикса уменьшительности в наречиях, образованных от имен прилагательных и называющих отрицательный признак, создается степень слабого проявления гиперпризнака (*тошновато, плоховато, паршивенько*), как и у наречий, называющих положительный признак (*недурненько, хорошенько*).

Имена прилагательные, образованные от имен существительных с помощью суффикса *-ск-*, склонны переходить в разряд качественных (ср. *лилипут — гигант, лилипутский — гигантский*): В связи с этим любопытно, что имя прилагательное *ангельский* (от *ангел*), будучи употреблено в значении качественной оценки, все же не имеет внутренней градации, а имя прилагательное *демонический* (от абстрактного существительного *демон*) гиперградуируется: *полудемонический* и т. п.

При создании гиперболы важна роль имен прилагательных с компонентом *полу-*, ср.: *Некоторый прирост обремененной огромными долгами полуживой экономики оказался возможен лишь в связи с неожиданным повышением цен на нефть на мировом рынке* (С. Галустян).

Наибольшее количество степеней градации представлено у имен прилагательных, характеризующих качества человека, его здоровье, внешность, характер и т. д. Ср. убывание признака «здоровье» у прилагательных *болезненный — слабый — некрепкий — хилый, жидкий — чахлый, хлипкий* (очень слабый) — *дохлый* и нарастание признака «полнота, жирность» у имен прилагательных *гладкий — сытый — упитанный — круглый — пухлый -полный — пышный, грузный, тучный — толстый — жирный — толстомясый*. Это обусловлено социальной значимостью данных номинаций и наличием пар синонимов с положительной или отрицательной оценкой.

Ср.: *Досадно то, что самое последнее слово техники будет сказано за минуту до светопредставления; И осиновый кол есть вид памятника* (Дон Аминадо). В создании гиперболы принимают участие имена прилагательные, называющие рост человека: *карликовый, низенький, короткий, низкорослый, коренастый, средний, выше среднего, высокий, высоченный, здоровенный*.

Отметим убывание признака «торжественность» у имен прилагательных: *торжественный — праздничный — будничный — трапезный (самый будничный, самый ненарядный)*. Ср.: *спокойный — взволнованный — бурный — буйный — бешеный; тихий — взбудораженный — неистовый*. Аффиксальный способ построения гиперболы, называющей признак, показан на примере следующих имен прилагательных: *неважный, маловажный, важный, архиважный; незначительный, малозначительный, значительный; несущественный, малосущественный, существенный, существеннейший*.

При реализации гиперболы имена прилагательные участвуют в достижении комического эффекта, выражения иронии: *У самородка все от Бога и ничего от среднего учебного заведения; Честный ребенок любит не папу с мамой, а трубочки с кремом; Чтобы любовь была вечной, равнодушие должно быть взаимным* (Дон Аминадо) *До революции он был генеральской задницей. Революция его раскрепостила и он начал самостоятельное существование; И снова Г. продал свою бесмертную душу за 8 руб.* (И. Ильф).

Любопытно, что аффиксальный способ построения гиперболы более характерен для построения положительных характеристик признаков, а отрицательные представлены разнокоренными лексемами: *хамский — грубый — невежливый — вежливый — сверхвежливый; наглый — резкий — невоспитанный — галантный — учтивейший; вызывающий — дерзкий — неучтивый — учтивый — любезнейший. Бедный — ‘испытывающий нужду в средствах к существованию’, нищий — ‘совсем не имеющий средств к существованию’; неимущий — ‘крайне нуждающийся, не имеющий возможности обеспечить себе средства к существованию’*. Ср.: *бедный, нищий и небогатый*. *Нищий* обозначает крайнюю степень бедности, а *небогатый* указывает на небольшую степень бедности. Префикс *не-* в сочетании с антонимичным именем прилагательным *богатый* несколько смягчает характеристику. Имена прилагательные *скудный* и *убогий* ‘обладающий чем-либо в чрезвычайно малой степени’ находятся на тех же ступенях градации по признаку «бедность», что и имена прилагательные *небогатый* и *нищий*. Ср.: *Низкий голос ее был глуховат и беден оттенками* (М. Шолохов).

У имен прилагательных, характеризующих человека по признаку «трусливый», можно выделить следующие степени градации: *боязливый, трусливый, пугливый, робкий, трусоватый* и т. д. *Робкий* — ‘крайне нерешительный, отступающий перед малейшей опасностью’. Если эти же лексемы поместить в поле «смелости», то у них же будет градуироваться другой семантический признак — «смелый», но только с отрицательными значениями: *трусливый — боязливый — смелый — геройский*. Имена прилагательные, для которых основным семантическим признаком выступает признак «сильный», включаются в градацию по семантическому признаку «сила и интенсивность»: 1 — *слабый*; 2 — *сильный*; 3 — *чрезмерный, чрезвычайный, непомерный, безмерный, неимоверный*. Лек-

семь *наименьший, минимальный, наибольший, максимальный, предельный* обозначают крайнюю степень безотносительно к другому, если нет сочетаний из возможных, из допустимого и т. п.

Слабый (о физически слабом человеке) указывает на то, что человек беспомощен в меньшей мере, но недостаточно силен; *беспомощный, беззащитный, бессильный* указывают на полное отсутствие силы. Имена прилагательные ряда *сверхмалый — мизерный — маленький, средний* (обычный по размеру, объему, величине и др.) — *немалый, большой, великий* употребляются в речи при характеристике степени или силы проявления чего-л., преимущественно чувства, состояния. Ср.: *с великим удовольствием, к великому удивлению, к великой досаде, очень большой, огромный, громадный, чрезвычайно большой* и т. п. В число важнейших для человека характеристик входят характеристики человека по его весу и росту: *болезненный, хилый, слабый, некрепкий, хлипкий* ('очень слабый'), *чахлый* ('очень слабый'), *дохлый* ('крайне слабый'), *жидкий; толстый, полный, жирный, тучный, упитанный, грузный, пухлый, пышный, гладкий, полнотелый, сдобный, дородный, дебелий, мясистый, толстомясый, сытный, круглый*.

Ср.: *худощавый, сухопарый, сухощавый, поджаристый, поджарый* ('без лишнего жира'); *худой; тощий* ('очень худой'), *костлявый; худосочный, исхудалый, истощенный, отощавший* (о значительной худобе). На превалирование наименований толстых людей над наименованиями худых, возможно, повлияли универсальные культурные ассоциации *худой = плохой* (ср.: *худо*), *добрый = толстый* (ср.: *раздобреть*). Оценка приятного вкуса пищи дается обычно по следующей шкале градации: *отвратительный -гадкий — приторный — невкусный — безвкусный; вкусный, сладкий, приятный -лакомый, смачный, пальчики оближешь*.

Характеристика предметов по внешнему виду составляет важнейший пласт лексики языка: *Если вы когда-то на пляже в Сочи или где-то увидите красивую женщину, которая идет с достоинством и подчеркивает все свои прелести, — это мурманчанка, бесспорно* (О. Найденов); *Он походил на картинку из модного журнала, где тщательно вырисована каждая складка костюма, а лицо только намечено пунктиром* (Э. Кроткий). Ср.: *плюгавый — невзрачный — внушительный — грандиозный; махонький — незначительный — значительный — великолепный; убогий — несолидный — солидный — импозантный*. Легкий для выполнения, понимания обозначается прилагательными: *легкий, нетрудный (довольно легкий), несложный (довольно простой), простой, элементарный (очень, чрезвычайно простой), нехитрый, немудреный, пустячный, плевый*. Для признакового поля «цвета» определяющими являются имена прилагательные-цветообозначения. Ведущим оказывается соотношение имен прилагательных и соответствующих им классов объектов. Они взаимодействуют семантически, в результате чего образуются словосочетания: *белый снег, красный мак, черный уголь, голубое небо, зеленая трава* и т. п. Ср.: *ослепительно-белый снег; Черная как уголь кожа*.

Семантическое поле имен прилагательных, обозначающих цвета и их оттенки, понимается как упорядоченное множество, группируется вокруг схемы, представленной именами прилагательными *белый, черный, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, фиолетовый*: *Кто-то, огромный, в тумане бежит.../ Тихо смеется. Рукою манит. / Кто это там?/ Сел за рекою. Седой бородой / нам закивал/ и запахнулся в туман голубой; Свой купол нежно-снеговой / Хаосом не-*

пельным обрушит — / Тот облак, что над головой / В злетающим зигзагом души... (А. Белый); «*Богоматерь! / Для чего в мой черный (в знач. ‘недобрый’ — авт.) город / Ты Младенца привела?»* (А. Блок); *Из колымского белого ада / Шли мы в зону в морозном дыму. / Я заметил окурок с красной помадой / И рванулся из строя к нему* (Ю. Алешковский). Эти имена прилагательные служат идентификатором, на основе которого выделяются не только семантические классы имен прилагательных, но и входящие в них единицы с более сложной семантической структурой: *Там, где обыкновенно с несмолкаемым грохотом день и ночь работал исполинский завод, была необычная, жуткая тишина* (А. Куприн); *Сумерки, угрюмый лес, густой туман и главным образом эта мертвящая тишина создавали картину невыразимо жуткую и тоскливую* (В. Арсеньев); *Еще спутан и свеж первопуток, / Еще чуток и жуток, как весть, / В неземной новизне этих суток, / Революция, вся ты, как есть* (Б. Пастернак).

Указания на слабую и сильную степень проявления признака настолько важны для носителя языка, что внутри рядов имен прилагательных-синонимов также существует градуальная дифференциация. Повтор усиливает степень проявления признака, так возникает дополнительная градация: *белый-белый, страшный-страшный*. Ср.: *темнее темного, глупее глупого*.

В ряду средств гиперболизации отмечены фразеологические единицы, содержащие в своих значениях коннотативные компоненты: эмоциональный, оценочный, экспрессивный. Частотную группу составляют фразеологические единицы пространственно-временной и количественной семантики, выраженные именными конструкциями: *Мне любить до могилы творцом суждено; Там возносился дуб высокой, / Священной древностью глубокой. / Как неподвижный царь лесов, / Чело до самых облаков / Он подымал* (М. Лермонтов).

Употребительны фразеологизмы типа *убит горем, на пределе ума, (не видно) ни зги: ...на пределе хрупкого ума / я пытаюсь распознать Систему. / Но она безумная сама* (А. Вознесенский).

Собственно фразеологические обороты — фразеологические единства, основным свойством которых В.В. Виноградов считал образность, — составляют обширный материал для структурирования гиперболы и в основном своей семантикой подчеркивают характер испытываемых чувств, при этом одновременное употребление нескольких фразеологических единиц способствует усилению их экспрессивности, что ярко проявляется в следующих примерах: *Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму; а придется взять их мне же на руки, тогда наплачусь и наплачусь, а им и горя мало* (А. Пушкин).

Прием замены компонентов приводит к актуализации фразеологизмов в тексте. При этом автор преследует, как правило, несколько целей: конкретизация значения фразеологизма, усиление образности, внесение дополнительных смысловых и коннотативных оттенков, усиление экспрессии: *Цензура наша так своейравна, что с нею невозможно и размерить круга своего действия — лучше об ней и не думать — а если брать, так брать, не то, что и когтей мара* (А. Пушкин).

Часто употребляются фразеологизмы для создания гиперболы в современной публицистике: *Паническое изъятие вкладов... способно вбить последний гвоздь в гроб российской банковской системы* (Эксперт. 1998. 7 авг.); *Работники*

промышленности были оставлены на голодном пайке, и те, кто пошел в торговлю сырьем, товарами или деньгами, стали накапливать жирок (Эксперт. 1998. 31 авг.). Таким образом, в качестве гиперболических средств используются фразеологические единицы, характеризующие очень высокую, предельную степень выраженности признака, участвующие в моделировании «новой реальности», бытия текста.

“REAL WORLD” TEXT MODELING (BASED ON HYPERBOLIC MEANING OF ADJECTIVES)

S.A. Tikhomirov

The article considers “real world” text modeling by the example of gradual-hyperbolic meaning of adjectives in lexico-grammatical and phraseological aspects. The basic means of hyperbolic expression in associative fields is the adjective with its special forms of comparison degrees. Affixation as gradation building means is also productive and is quite frequent among qualitative adjectives and adverbs. Fixed phrases with such connotative components as emotional, evaluative, and expressive also appear among hyperbolization means. The paper describes fixed phrases with spatial, temporal, and quantitative meaning expressed by nominal constructions, which participate in building up hyperbole.

Key words: text modeling, gradual-hyperbolic meaning, adjective, degrees of comparison, set phrases.

© 2009

А.В. Жуков

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАНТОМЫ

Памяти Учителя,
профессора Виталия Ивановича Кодухова

И в десятый раз он вспомнил:
«Да — был ли мальчик-то? Может — мальчика-то и не было?»

М. Горький. Жизнь Клима Самгина.

Во фразеологической подсистеме языка вследствие её ядерно-периферийной организованности и динамического характера наряду с типовыми единицами существуют единицы с менее выраженными признаками и свойствами. Подобные образования, образно названные автором «фразеологическими фантомами», в силу своей аморфной и противоречивой

природы нередко смешиваются отдельными исследователями и составителями словарей с подлинными фразеологизмами.

Ключевые слова: фразеология, подсистема языка, фразеологический фантом, типовая единица.

Любой современный словарь, в том числе и фразеологический, создается на определенном теоретическом фундаменте. Разумеется, речь в данном случае идет о словарях, составителями которых являются специалисты. Однако какой бы продуманной и последовательной ни была исходная теоретическая база словаря, она в той или иной мере допускает проникновение в словник не только единиц, могущих получить различную научно-лексикографическую интерпретацию, но и единиц случайных, противоречащих отправным положениям теории.

К «фразеологическим фантомам» (ФФ), на наш взгляд, относятся воспроизводимые словосочетания (сочетания слов), по некоторым формальным признакам напоминающие фразеологизмы, но в действительности ими не являющиеся. Как бы примеривая «маски» подлинных фразеологизмов, их двойники растворяются в пёстрой массе воспроизводимых раздельнооформленных образований, объективно наделенных разной мерой идиоматичности.

1. Первую, наиболее многочисленную группу ФФ составляют предложно-субстантивные выражения (ПСВ) типа *без шуток, без обиняков, без умолку, без устали, без задержки, в адрес, в обтяжку, в обнимку, в шутку, в отместку, в кредит, для смеха, на редкость, по адресу, под хмельком, с толком*. Достаточно часто по разным причинам эти и подобные им воспроизводимые образования смешиваются с действительными фразеологизмами разной степени идиоматичности.

Соотношение идиоматичных, полуидиоматичных и неидиоматичных ПСВ наглядно представлено в приводимой ниже таблице. Из таблицы, в частности, видно, что к разряду ФФ относятся ПСВ последних трех групп (7, 8 и 9)¹. Соответствующие образования (типа *в обнимку, с азов, без шуток*), хотя и являются воспроизводимыми и предсказуемыми, но лишены главного признака подлинных фразеологизмов — идиоматичности.

Следует также отметить, что отдельные ПСВ (прежде всего нейтральноидиоматичные и неидиоматичные), демонстрируя известную орфографическую неустойчивость и условность, обнаруживают в той или иной мере тенденцию к адвербиализации².

Таблица

ПСВ И ИХ МОДЕЛИ

п/п	ПСВ	Процедуры			Условное обозначение ПСВ			
					идиоматичные	полуидиоматичные	нейтральноидиоматичные	неидиоматичные
		А	Б	В				
1	в доску	—	—		А–Б–			
2	на ять	—			А–			

Окончание табл.

п/п	ПСВ	Процедуры			Условное обозначение ПСВ			
					идиоматич- ные	полу- идиома- тичные	нейтрально- идиоматичные	неидио- матич- ные
3	до упаду		—		Б—			
4	под диктовку	—	+			А—Б+		
5	с кондачка			0			В ⁰	
6	на хлеб	+	—			А+Б—		
7	в обнимку		+					Б+
8	с азов	+						А+
9	без шуток	+	+					А+Б+

К неидиоматичным ПСВ близки по своей природе и предложно-адъективные образования типа *в открытую, на мировую*. Ср. сходные с ними, но орфографически «слитные» наречия *впустую, вслепую, напрямую* и др.

2. Вторая группа **ФФ** — это закрепившиеся в функции именного сказуемого (или реже — несогласованного определения) сочетания имен существительных в им. п. с отрицанием *не*: *не ангел, не пара, не радость, не чета, не ровня* и др.

Комплексный семантико-синтаксический анализ подобных воспроизводимых образований впервые дан в кандидатской диссертации В.П. Жукова³. Автор, в частности, замечает, что «некоторая часть устойчивых словосочетаний без “не” вообще неупотребительна (ср.: *не жилец*)». И далее: «Такие образования, как: *не пара, не жилец, не шутка, не сахар* и т. д. употребляются исключительно в роли сказуемого», поскольку не мыслятся «без того лица, к которому они могут быть приурочены».

«В грамматическом употреблении таких слов, — уточняет акад. В.В. Виноградов, — резко обозначаются оттенки времени. Они всё сильнее окрашивают семантическую структуру их и парализуют в них способность склонения и родовые различия. Например, выражение *не жилец* в значении: человек, обреченный на смерть, человек, который не долго проживет, — применяется как к мужчине, так и к женщине (*не жилец она на белом свете*). Ср. у Лескова в «Островитянах»: «*Марья Ивановна не жилец на этом свете, так я за это голову свою дам на отсечение, что она не жилец*». Ср. *он, она — не промах*»⁴.

Думается, что лишь незначительная часть подобных выражений (как правило, не способных употребляться без *не* — типа *не жилец, не промах*) входит в состав фразеологии, хотя и занимает в нем периферийное положение. Основная же их часть (*не пара, не ровня, не чета, не авторитет* и под.) смыкается с разнородной массой воспроизводимых, но не идиоматичных образований, лежащих за пределами русской идиоматики.

Синтаксическая специализация этих устойчивых выражений, их соотнесенность с субъектом при посредстве отвлеченных и полуотвлеченных связей, их закреплённость за относительно стандартными контекстами употребления не только способствуют их воспроизводимости, но одновременно усиливают иллюзию их фразеологичности.

Пожалуй, больше оснований подобные сочетания квалифицировать не как

фразеологизмы, а как лексемы с синтаксически или фразеологически связанным значением, находящимся на периферии смысловой структуры соответствующего слова и обычно реализующим это значение в сочетании с отрицанием. Ср. в «Словаре русского языка (в четырех томах)»: **пара**, -ы, ж. б. в знач. сказ., кому (обычно с отрицанием). Разг. Тот, кто подходит к другому по каким-л. качествам, в каком-л. отношении. — *Что ему во мне? Я не богат, не чиновен, да и по летам совсем ему не пара.* Лермонтов. Максим Максимыч. Т. III, 20; **сахар**, -а(-у), м. 2. Прост. // О ком-л. приятном, доставляющем удовольствие, наслаждение. ◇ **Не сахар** кому (в знач. безл. сказ.) — не сладко; мало приятного, мало удовольствия. — *Я старый, дряхлый... — думал Григорий Семеныч. — Ей не сахар со мной.* Чехов. Трифон. Т. IV, 31. См. также в «Словаре русского литературного языка» (в 20 томах): **авторитет**, а, м. 2. О том, кто пользуется влиянием, признанием. — *Я бабушку люблю, как мать, — сказал Райский: — от многого в жизни я отказался, а она все для меня авторитет.* Гончаров. Обрыв. — *Не знаю, Виктор Григорьевич, как подступиться к Лобанову. Если уж вы для него не авторитет, так на меня он совсем смотреть не будет.* Д.Гранин. Искатели.

Несколько иная ситуация наблюдается в тех случаях, когда структурные и семантико-грамматические свойства парадигматически замкнутых оборотов допускают возможность параллельного их употребления с *не* и без *не* (ко двору — не ко двору, по душе — не по душе, с руки — не с руки и под.). Однако и в этом случае фразеологический статус вариантов с *не* (как, впрочем, и без *не*!) остается достаточно зыбким. Ср., например: «*А наш Ленечка, новорожденный, сегодня что-то не в духе. Угрюм...*». Чехов. Леший. «*Он (Виктор Семенович) был в духе, вошел шумно, от него веяло парикмахерской и ноябрьским ветром*». К.Федин. Необыкновенное лето.

3. Наконец, крайним случаем фразеологической мистификации является искусственное «удвоение» состава глагольной фразеологии за счет вариантов, отличающихся от словарных образцов лишь прибавлением отрицательной частицы *не*. Ср.: *распускать нюни* — /не/ *распускать нюни*, *распускать сопли* — /не/ *распускать сопли*, *владеть собой* — /не/ *владеть собой*, *считать нужным* — /не/ *считать нужным*, *принимать в расчет* — /не/ *принимать в расчет* и под⁵. Совершенно очевидно, что в составе подобных глагольных образований отрицательная частица в структуру фразеологизма не входит. Употребляясь в «канонической» форме — без *не* или, наоборот, с *не* — фразеологизм в обоих случаях остается равным самому себе.

Самостоятельное место в кругу рассматриваемых явлений занимают устойчивые образования, проявляющие признаки подлинных фразеологизмов, но не получившие, однако, языковую «прописку». Подобные сочетания следует, очевидно, квалифицировать как потенциальные фразеологизмы. Это антиподы собственно «фразеологических фантомов», своего рода фразеологические «невидимки».

«*С Марьяной он (Оленин) не говорил, и она только посмеивалась, глядя на него. Ночь он опять провел без сна, тщетно бродя по двору. Следующий день он нарочно провел на охоте и вечером, чтобы бежать от себя, ушел к Белецкому. Он боялся себя и дал себе слово не заходить больше к хозяевам*». Л. Толстой. Казаки.

Оставь его (племянника), — сказал Пьер, взяв за руку Николая, и продолжал: —

*Этого мало, и я им говорю: теперь нужно другое. Когда вы стоите и ждете, что вот-вот лопнет эта натянутая струна; когда все ждут неминуемого переворота, — надо как можно теснее и больше народа **взяться рука с рукой**, чтобы противостоять общей катастрофе».* Л. Толстой. Война и мир.

«— Ну вот, ну вот... *неудивительно!* А Берлиоз, повторяю, меня поражает. Он человек не только начитанный, но и очень хитрый. Хотя в защиту его я должен сказать, что, конечно, *Воланд может запорошить глаза и человеку похитрее*». М. Булгаков. Мастер и Маргарита.

В приведенных контекстах выделенные словосочетания производят впечатление полноценных фразеологических единиц: они обладают целостным метафорическим значением (*бежать от себя* 'стараться отвлечься, забыться'; *сп. уйти в себя*; *браться (взяться) рука с рукой* 'объединяться ради общего дела, высокой цели'; *запорошить глаза* кому 'запутать, сбить с толку кого-либо'), наделены образностью, эмоционально насыщены, экспрессивны, однако им явно недостает свойства регулярной воспроизводимости, их употребление носит разовый характер, не подкреплено словарной традицией. Это своеобразные фразеологические заготовки, «полуфабрикаты».

Мы ограничились иллюстрацией наиболее характерных случаев мнимой фразеологичности, свойственной в той или иной степени некоторым воспроизводимым образованиям русского языка. Подобного рода устойчивые словосочетания, находящиеся за пределами корпуса фразеологии, вместе с тем далеко не однородны. Одна часть из них близко смыкается с периферийными фразеологическими явлениями (*в обнимку, с азов, без шуток* и под.), другая часть по воле отдельных исследователей и составителей словарей искусственно наделяется знаком фразеологичности по формальным или фиктивным основаниям (*/не/ пара, /не/ ровня, /не/ чета, /не/ авторитет; /не/ + x*, где *x* — любой глагольный фразеологизм; и под.)⁶.

Особое место в иллюзорном фразеологическом пространстве занимают потенциальные фразеологизмы (*бежать от себя, взяться рука с рукой, запорошить глаза* и под.), которые, несмотря на свой вполне фразеологический облик, также остаются за порогом русской идиоматики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Идиоматичность (+) или, напротив, неидиоматичность (—) определяется путем семантического соотнесения значения ПСВ с системой исходных значений именного компонента (процедура А) или его деривата (процедура Б). Компоненты-реликты, утратившие живые семантические и словообразовательные связи в современном русском языке (процедура В), реальной идиоматичностью не обладают.
2. Жуков А.В. Фразеология и орфография // *Studia Russica VIII*. Budapest, 1985. С. 31–53.
3. Жуков В.П. Сказуемое, выраженное устойчивыми словосочетаниями в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953.
4. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947. С. 420.
5. Свиридова А.В. Фреймовая структура концепта *знание / познание*, вербализованная фразеологическими единицами русского языка. М., 2008. С. 57, 58, 61, 109.

6. Глубокие, восходящие к идеям А.А. Потебни, замечания о *формальности*, *фиктивности* и *мнимости* в языке в связи с развитием грамматических категорий находим у Д.Н. Овсянико-Куликовского в его «Синтаксисе». *Овсянико-Куликовский Д.Н.* Синтаксис русского языка. Изд-е 2-е, испр. и доп. СПб., 1912. С. XXXIII.

PHRASEOLOGICAL PHANTOMS

A.V. Zhukov

As phraseological subsystem of language is dynamic and has its core and periphery, alongside typical units there are ones with less pronounced features. The author gave such units a figurative name of "phraseological phantoms". They are quite often confused by researchers and dictionary compilers with true phraseological units due to their amorphous and ambiguous character.

Key words: phraseology, language subsystem, phraseological phantom, typical unit.

© 2009

Р.Д. Юнусова

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ О ГОСТЕПРИИМСТВЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрена фразеологическая концептуализация ценности гостеприимства в русском и татарском языках. В результате сопоставительного анализа определяются универсальные и национально-специфические черты в представлениях о ценности гостеприимства в разных лингвокультурах.

Ключевые слова: ценность, фразеологическая концептуализация, национально-культурная специфика.

Лингвистическая аксиология исходит из предположения, что реконструкция «языка ценностей» приближает к пониманию мировоззрения и мотивов поведения человека. Аксиологическая фразеология, ориентированная на описание фразеологического состава языка как отражение ценностных представлений, разрабатывается на материале разноструктурных языков в работах Л.К. Байрамовой. Предложенные автором понятие аксиологической парадигмы и метод фразеологических диад позволяет описывать фразеологический материал как систему отображения ценностей¹. Понятие фразеологической диады позволяет классифицировать фразеологический материал, в котором выделяются ФЕ,

значение которых соотносится с конвенциональными ценностями и антиценностями. Во фразеологических диадах отражается представление о достойном и недостойном поведении в ситуации гостеприимства, задаются ценностные ориентиры, на основе которых формируются оценочные шкалы.

В русских и татарских фразеологизмах о гостеприимстве можно выделить семантические оппозиции, которые характеризуют представления о госте: *званный — незванный, желанный — нежеланный* в русском языке и *чакырылган (званный) — чакырылмаган (незванный), юаш (скромный) — оятсыз (бессовестный)* в татарском языке. Соответственно хозяин может быть *щедрый — скупой; любезный — неотесанный* (ведет себя так, словно сам себе закон — такое определение дает Аристотель недостаточному проявлению обходительности или любезности²). В татарском языке актуализируются следующие оппозиционные пары, характеризующие хозяина: *юмарт (щедрый) — саран (жадный), гадел (справедливый) — яман (скверный, ужасный)*.

В тематической подгруппе «званный / незванный гость» отражено положительное отношение к незваному гостю, что связано с семантикой гостеприимства, восходящей к библейскому тексту: «Ибо алкал я, и вы дали Мне есть; ибо жаждал Я и вы напоили Меня; был странником и вы приютили Меня; был наг и вы одели Меня; был болен и вы посетили меня; в темнице был и вы пришли ко Мне» (Мат. 25, 35). Бог вознаграждает гостеприимных, если гостеприимство оказывается от чистого сердца, так как гостеприимство является проявлением милосердия и веры.

Отрицательное отношение к незваному гостю (*Прямой болван, что пришел незван; Званные по застолу, а незванные по застолбу; Званный — гость, а незванный — пес*) связано с семантикой лексемы *гость*. *Гость* — приглашенный или допущенный «чужой», который должен соблюдать законы места, куда он пришел. А. Б. Пеньковский отмечает общую для всех славянских языков специфику семантической структуры производных, образующих лексические гнезда с корнем *чуж-* / *чужд-*, которые представляют комплекс «плохой». Например: др.-рус. *Чужий* — ‘чужой’, ‘чуждый’, ‘злодей’, ‘нечестивец’, ‘отвратительный’³.

Во фразеологии татарского языка палитра отношения к незваному гостю — от снисходительного до почтительного — отражается во фразеологизмах этой группы: *Чакырылмаган кунакны эт каршы алыр* (букв. *Незваного гостя собаки встретят*); *Чакырылмаган кунакны, чакырылганнан олырак* (букв. *Незванный гость почетнее званого*).

Тематическая группа «желанный / нежеланный гость» конкретизирует представления об одобряемых и порицаемых стереотипах поведения в гостях. Желанный гость (тот, кого рад видеть принимающий) характеризуется атрибутами *милый, приятный, добрый, хороший*: *Для милых гостей поломать костей; Желанный гость зову не ждет; Доброму гостю хозяин рад*. Нежеланным гостем будет *наглый, капризный надоедливый, невежливый человек*: *Свиня рожка везде вхожа; Ломливый гость голодный уходит; В гости едет, а из гостей ни со двора; Приехал — не здоровался, поехал — не простился; Его помяни только, а он и тут*.

В татарских фразеологизмах оппозиция *юаш — оятсыз* конкретизируется определениями *уважаемый, воспитанный, любимый, святой / надоедливый, непонятливый, вонючий, наглый*. Например: *Кунак кадерле булса, казан тиз кайный*

(букв. *Если гость уважаемый, то котел быстро закипит*).

Представление о ценности гостеприимства в разных языках можно рассматривать как обобщение и языковую категоризацию практики приема гостей. Национально-культурная специфика репрезентации ценностной информации во фразеологизмах о гостеприимстве выражается в формировании различных оценочных шкал и предпочтительных концептуальных основ видения человека в его связях с миром и другими людьми. Культурно специфичными для русских ФЕ являются пиршественные образы воля, пир, разгул, которые в этике соотносятся с природной стихией, страстями: пир на весь мир, пир горой; пировать, так не мудровать; гуляй, душа, нараспашку. Специфичным для татарских фразеологизмов является осмысление гостя через образы природных явлений: туча, дождь, ветер, ночь.

В русских ФЕ отражены две категориально-оценивающие системы, вступающие в противоречие: социально-нормативная система, утверждающая ценность дружелюбия, щедрости и скромности и эмоционально-перцептивная система, основанная на симпатии/антипатии. Этические принципы, регулирующие взаимоотношения с гостем, по мнению Т.В. Крыловой, можно обобщить так: проявление симпатии к партнеру и радости от встречи с ним (приветливость и благожелательность), демонстрация высокой оценки статуса партнера (уважительность), проявление внимания к партнеру, принцип статусной скромности, предписывающий субъекту вести себя так, как ведут себя люди с низким статусом⁴.

Проблема ценности гостеприимства, как было показано на материале фразеологизмов разноструктурных языков, с точки зрения обыденного сознания решается различными средствами повседневно и житейски мудро: с одной стороны, опыт человека концентрируется и обобщается в императивных суждениях (нравственных законах), с другой — в частных утвердительных суждениях и ФЕ со структурой словосочетания типизируются возможные ситуации, в которых представлено, что следование даже простейшим нравственным нормам является морально-духовным творчеством, при котором человек созидает себя самого как социального субъекта. Существование диаметрально-противоположных утверждений в паремиологическом фонде рассматриваемых языков связано с тем, что любой ситуации «присущи одновременно разные ценности, и перед человеком, попавшим в данную ситуацию, стоит задача организовать свое поведение исходя из осознания им ситуации, которое взвешивает ценности друг относительно друга»⁵. Ценностные отношения в ситуации гостеприимства выражаются различными языковыми средствами, корректная интерпретация которых возможна с учетом экстралингвистических факторов.

Представление о гостеприимстве как ценности связано с убеждением, что гармоничные отношения между людьми, основанные на сочувствии и взаимопомощи, возможны и необходимы.

Гостеприимство — регулятивный концепт, поэтому в его содержании главное значение в ценностном компоненте, который реализует эталонную сферу. Таким образом, в языковом сознании носителей русского и татарского языков представления о гостеприимстве как ценности не имеют оппозиционной концептуальной пары, которую можно было бы определить как антиценность. От-

рицательные оценочные предикаты не соотносятся однозначно с отрицательной ценностью, т. е. не проецируются на аксиологическую ось «хорошо / плохо». Их функция не сводится к классификации объектов и ситуаций, но позволяет определить значимые для субъекта ценности. Это связано с тем, что *гостеприимство* — идеал, который в практической жизни задает образец взаимоотношений людей (в межличностной, межнациональной и межгосударственной сферах), в основе которого признание ценности другого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Байрамова Л.К. Родина и смерть в аксиологической парадигме // Филологические науки. 2009. № 3. С.103-110.
2. Аристотель. Никомахова этика. М., 2001. С.231.
3. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987 гг. М., 1989. С.54-82
4. Крылова Т.В. Наивно-языковые представления о вежливости и обслуживающая их лексика // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С.321, 322.
5. Гартман Н. Этика. Спб., 2002. С. 292.

SET EXPRESSIONS DENOTING HOSPITALITY (SEMANTICS AND AXIOLOGY)

R.D. Yunusova

The article deals with hospitality value phraseological conceptualization in Russian and Tatar languages. Comparative analysis helps to determine universal and nationally specific features concerning hospitality value in different linguistic cultures.

Key words: phraseological conceptualization, national and cultural peculiarities.

© 2009

Л.К. Байрамова

ОТРАЖЕНИЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ЦЕННОСТЕЙ И АНТИЦЕННОСТЕЙ

В статье выдвигается идея создания «Фразеологического словаря ценностей и антиценностей» («Аксиологического фразеологического словаря»), в котором фразеологизмы фиксируются по десяти диадам — блокам, соответственно определенным ценностям и антиценностям. Подробное описание дается на примере диады *Жизнь — Смерть*.

Ключевые слова: фразеологизм, ценность, антиценность, диада, аксиологический словарь.

Идея создания аксиологического словаря (т. е. словаря ценностей и антиценностей) зародилась в 1985 г. в Неборове (Польша). Как пишут авторы проекта, ПАС («Польский аксиологический словарь») был ответом на потребность в «координации исследований различных областей национальной культуры, которая предполагает систематическое выявление их связей со сферой ценностей». Предполагается, что он будет реализован в форме исторического словаря. Авторы выдвинули гипотезу о существовании в современной польской культуре своеобразного аксиологического «ядра», состоящего из особо значимых ценностей¹.

Отечественная разработка аксиологического словаря освещена в единичных публикациях². В «Проекте “Славянского аксиологического словаря”» авторы считают сверхцелью своей работы — создание сопоставительного лингвистического словаря базовых ценностей славянских национальных традиций с учетом «истории», «географии» и «социологии» аксиологических систем на базе анализа представительного корпуса текстов. Особо актуальными, возможно — первоочередными, оказались бы, по мнению авторов Проекта, «исследования изменений системы ценностей и ее отражения в языковой картине мира славянских народов Центральной и Восточной Европы за последнее во многом революционное десятилетие»³.

При создании «Фразеологического словаря ценностей и антиценностей» («Аксиологического фразеологического словаря»), мы исходим из того, что основные ценности и антиценности могут быть отражены в десяти диадах, каждая из которых представлена в виде двух блоков, раскрывающих ценности и антиценности, закодированные в сознании, культуре социумов и нашедших отражение во фразеологизмах разных языков, и в частности русского языка.

Это — витальные ценности и антиценности (*жизнь* и *смерть*; *здоровье* и *болезнь*); священные ценности и антиценности (*родина* и *чужбина*); гедонистические ценности и антиценности (*счастье* и *несчастье*); социально-утилитарные ценности и антиценности (*труд* и *безработица* / *лень* / *отдых*); материально-утилитарные ценности и антиценности (*богатство* и *бедность*); интеллектуально-познавательные ценности и антиценности (*ум* и *глупость*); нравственно-этические ценности и антиценности (*правда* и *ложь*); эмоционально-утилитарные ценности и антиценности (*смех* и *плач*); религиозные ценности и антиценности (*рай* и *ад*).

К примеру, диада *Жизнь — Смерть*, где *Жизнь* (витальная ценность), а *Смерть* (витальная антиценность), представлена следующим образом.

Гиперонимное понятие *Жизнь* раскрывается через гипонимы (*жизнь* / *живое*, *рождение человека*, *возрастные периоды в жизни человека*, *образ жизни* и др.), иллюстрируемые фразеологизмами с соответствующей этимологической, мифологической, прототипической, культурологической, интралингвистической и др. информацией.

Жизнь

1) *Жизнь*. Живое (*жив курилка*, *шутл. ирон.* или *одобр.* — кто-л. существует, действует, проявляет себя. *Восклицание из песни, сопровождавшей старинную народную игру с зажженной лучиной — курилкой, которую играющие в кругу передавали из рук в руки до тех пор, пока она не погаснет:

Жив, жив курилка!
Жив, жив да не умер ...

Тот, у кого курилка погаснет, выходит из круга. Игра и соответственно песня (с восклицанием “*Жив курилка!*”) отражали народные верования: горящий огонь — это жизнь, его угасание — смерть. — Терещенко, 1848: 101; СРФ: 323; *прототип*: Прометей, похитивший огонь, который передается от него из рук в руки; встречается у Лукреция: *Et quasi cursores, vitae lampada tradunt.* / И, как бегущие, передают факел жизни; т. е. одно поколение передает другому факел жизни. — Михельсон: 148 и др.

- 2) Рождение человека (*выйти из низов, увидеть свет*).
- 3) Возрастные периоды в жизни человека (*не первой молодости*).
- 4) Женитьба / замужество как один из этапов жизненного пути (*идти под венец, медовый месяц, неравный брак*).
- 5) Средства для существования (*хлеб наш насущный*).
- 6) Образ жизни (*жить своим умом, как у Христа за пазухой*).
- 7) Жизнь и судьба (*нить жизни*).
- 8) Человек в его отношении к своей жизни (*борьба за жизнь, живой труп*).
- 9) Человек в его отношении к чужой жизни (*заедать век / жизнь*).
- 10) Жизнь человека в его отношении к обществу (*человек в футляре*).
- 11) Жизненный опыт / неопытность, неприспособленность к жизни (*видать виды, желторотый птенец, не вчера родился*).
- 12) Лингвистические формулы с упоминанием жизни (*жизнь моя!*).
- 13) Аксиологемы и мораль в пословицах, поговорках и афоризмах о жизни.
 - 13.1. Жизнь — высшая ценность (*Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества.* — (Н.Е. Островский. “Как закалялась сталь”).
 - 13.2. Ценность жизни в ее вечности (*Жили люди до нас, будут жить и после нас*).
 - 13.3. Жизнь прекрасна (*Жизнь прекрасна и удивительна.* — В. Маяковский. “Хорошо!”).
 - 13.4. Жизнь — борьба (*Жизнь дается только тем, кто ее с бою берет.* — С.-Е. Щедрин).
 - 13.5. Жизнь дана на добрые / благородные дела (*Кто живет в добре, тот ходит в серебре*).
 - 13.6. Жизнь трудна и сложна (*Жизнь прожить — не поле перейти*).
 - 13.7. Жизнь разнообразна (*Многое повидаешь на своем веку*).
 - 13.8. Жизнь коротка, поэтому ее надо ценить (*Жизнь есть небес мгновенный дар.* — Г.Р. Державин).
 - 13.9. Нужно жить просто и не торопиться жить (*Где просто — там живут лет до ста*).
 - 13.10. Ценностные ориентиры возраста человека.
 - 13.10.1. Детство имеет свои приоритеты (*К детству надо относиться друже-*

ски, доверчиво... *Надо смотреть ей (жизни. — Л.Б.) в лицо простыми, детскими глазами, и все будет превосходно.* — М. Горький).

13.10.2. Юность имеет свои приоритеты (*Молодость — великий чародей.* — А.С. Пушкин).

13.10.3. Юность имеет свои отрицательные стороны (*Молодо — зелено.*).

13.10.4. Старость имеет свои преимущества (*Старого воробья на мякине не проведешь.*).

13.10.5. Старость имеет свои отрицательные стороны (*Старость — не радость.*).

13.10.6. Возраст — величина относительная (*Можно встретить старика лет двадцати и юношу в пятьдесят.* — А.И. Герцен).

Гиперонимное понятие *Смерть* раскрывается через гипонимы, иллюстрируемые фразеологизмами с соответствующей этимологической, мифологической, прототипической, культурологической, интралингвистической информацией.

1) Образ смерти (*беззубая старуха, старуха с косой, пляска смерти* — аллегорическое изображение прихода смерти). *Калька < фр. *danse macabre* (букв. похоронная пляска); согласно средневековому поверью, умершие восставали из своих могил в полночь и, прежде чем затребовать новых жертв среди живущих, исполняли на кладбище свой танец. — СС: 514; сюжет широко распространен в западноевропейском искусстве с XIV в.; художник Ханс Хольбейн Младший в “Пляске смерти” (1538) изобразил смерть танцующим мертвым двойником живого человека. — Матяш: 249).

2) Умирать / умереть (*вступить в челн Харона, устар.* — умереть. *Встречается у Лукиана: *Alterum pedem in (sepulchro) cymba Charontis habere* — одной ногой стоять в лодке Харона (Харон в греческой мифологии — перевозчик умерших через реки подземного царства до врат Аида). — МНМ II: 584).

3) Внезапная смерть (*карачун пришел, кондрашка хватил*).

4) Самоубийство (*вскрыть себе вены, наложить на себя руки*).

5) Погибать (*заплатить головой, проливать кровь, отдавать жизнь*).

6) Убивать (*обагрять руки в крови, ставить к стенке, кровь за кровь*).

7) Готовить гибель. Доводить до смерти (*вгонять в гроб, рыть могилу*).

8) Субъект смерти (*не жилец на этом свете, выходец с того света*).

9) Орудие смерти (*два столба с перекладиной, столыпинский галстук*).

10) Место казни (*Лобное место*).

11) Близость смерти. Предсмертный час. Час смерти (*дни сочтены*).

12) Делать что-л. до конца жизни, до самой смерти (*до гробовой доски*).

13) Гроб. Могила. Похороны (*деревянный тулуп, предавать земле*).

14) Загробный мир. Воскресение (*на том свете, царствие небесное*).

15) Преодоление страха смерти (*мужество быть, прирученность смерти*).

16) Выражение пожелания умершему (*дай Бог царствие (ему, ей) небесное*).

17) Бессмертие (*пережить самого себя*).

18) Аксиологемы и мораль в пословицах, поговорках и афоризмах о смерти.

18.1. Смерть справедлива: она всех делает равными (*Смерть голову откусит — всех поравняет*).

18.2. Смерть неизбежна (*Один раз мать родила, один раз и умереть*).

- 18.3 Смерть предначертана судьбой (*Без року не умереть*).
- 18.4. Смерть безжалостна (*Смерть — не свой брат: разговаривать не станет*).
- 18.5. Не надо бояться смерти (*Из этой жизни хорошо уйти, как с пира: не жажда, но и не упившись*. — Диоген).
- 18.6. Смерть не страшна тому, кто жил в добре, без греха (*Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает*).
- 18.7. Покаяние перед смертью необходимо (*После смерти нет покаяния*).
- 18.8. Внезапная смерть легко переносится (*Нежданная смерть — находка*).
- 18.9. Самоубийство — антиценность (*Иуда был более виноват, убив себя, чем предав Христа*. — Н.А. Бердяев. "Самоубийство").
- 18.10. Об умершем плохо не говорят (*Покойника не поминай лихом*).

Таким образом, во «Фразеологическом словаре ценностей и антиценностей» фиксируются по диадам указанные выше ценности и антиценности (витальные, гедонистические и др.) в системе гиперонимно-гипонимных отношений. При этом используется этимологическая, мифологическая, прототипическая, культурологическая, интралингвистическая информация, комплексно отражающая ценности и антиценности, закодированные в сознании, языке и культуре носителей языка определенного социума.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бартминьский Е. Проект и общие принципы аксиологического словаря // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Пер. с пол. А.В. Юдина М., 2005. С. 115–130. .
2. Проект «Славянского аксиологического словаря». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kapija.narod.ru/Axiology/index/htm>; Байрамова Л.К. Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии // Фразеология и когнитивистика. Т.1. Идиоматика и познание. Белгород: БГУ. С. 300-301.
3. Проект «Славянского аксиологического словаря». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kapija.narod.ru/Axiology/index/htm>.

VALUES AND ANTI-VALUES IN A PHRASEOLOGICAL DICTIONARY

L.K. Bayramova

The article put forward an idea of compiling a phraseological dictionary of values and anti-values (axiological phraseological dictionary) with set phrases arranged in ten dyads, blocs, corresponding to certain values and anti-values. Detailed description applies to the illustration of the dyad "Life - Death".

Key words: set expression, value, anti-value, dyad, axiological dictionary

© 2009

Т.Л. Ваулина

ЭКСПРЕССИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

В статье рассматривается вопрос о функциях пунктуационных знаков как важного средства для организации текста, для выражения взаимосвязи отдельных частей высказывания, для придания тексту определенной выразительности. Если раньше пунктуация рассматривалась только с формально-грамматической стороны, то теперь этот подход изменился. Пунктуационные знаки все чаще несут в себе экспрессивную функцию, и отсюда две основные функции знаков препинания — смысловая и экспрессивная.

Автор анализирует данные явления на примерах из газетных статей.

Ключевые слова: присоединение, присоединительные конструкции, пунктуационные знаки, парцелляции, экспрессивная функция, актуализирующая функция.

«Правильное восприятие текста обеспечивается не только смыслом выраженных в нем элементов и их связей, но и общими установками автора и воспринимающего, т.н. общим фоном знаний»¹.

В его формировании далеко не последнюю роль играют знаки препинания. Они выступают или как нормативно закрепленные в письменной речи, или как авторские сигналы смыслового, грамматического, аффективного, ритмо-мелодического ее оформления.

А.П. Чехов назвал знаки препинания «нотами при чтении», тем самым определив меру ответственности автора в пунктуационном оформлении текста².

По мнению Н.С. Валгиной, «пунктуация несет свою, и притом большую службу в языке: она «осмысливает» письменный текст, доносит его до читающего с тем содержанием, которое было задумано пишущим, и только благодаря пунктуации пишущий и читающий достигает единства в восприятии содержательной стороны текста»³.

В.И.Чернышов считает, что «пунктуация — дополнение языка, и знаками препинания автор выражает оттенки мысли, не выраженные словами»⁴.

Современная лингвистика, имеющая когнитивную антропоцентрическую направленность, диктует и новые современные подходы к рассмотрению различных вопросов, в том числе и новый подход к пунктуации. Если раньше пунктуация рассматривалась только с формально-грамматической стороны, то теперь этот подход изменился. Пунктуационные знаки все чаще несут в себе экспрессивную функцию.

Пунктуации принадлежит особенно важное место в ряду экспрессивных графических средств. Проблемами употребления пунктуационных знаков занимались многие известные лингвисты. В русском языкознании различают три основных направления в понимании принципов пунктуации: логическое (смысловое), синтаксическое и интонационное⁵.

Пунктуация в письменной речи, а интонация в устной служат одним и тем же целям — смысловому чтению текста; они придают речи осмысленный характер.

Пунктуационные знаки также способны отражать лексико-семантические отношения, возникающие между частями высказывания⁶.

Пунктуации принадлежит важная роль и в передаче отношения автора к высказываемому, в намеке на подтекст, в подсказке эмоциональной реакции, которую ожидают от читателя. В ряде случаев знаки препинания являются единственным средством выявления смысловых отношений, которые не могут быть выражены на письме логическими и грамматическими средствами.

Итак, пунктуационные знаки — важное средство для организации текста, для выражения взаимосвязи отдельных частей высказывания, для придания тексту определенной выразительности, и отсюда две основные функции знаков препинания — смысловая и экспрессивная.

Современные лингвисты отмечают собственную значимость пунктуационных знаков. Согласно Н.С. Валгиной, «знаки не только членят текст, но и сами несут информацию — смысловую, эмоциональную, модальную»⁷. Следовательно, «знаки препинания обладают внутриязыковой значимостью; именно на основе употребления их в качестве языковых знаков складывается их смысловая определенность»⁸.

Поскольку пунктуационные знаки обладают семантикой, они могут выражать и экспрессивные значения. Связь семантики с экспрессией определяется тем, что эффект экспрессивности связывают с усилением смыслового аспекта языковых единиц. В теории пунктуации смысловая функция считается в настоящее время основной, социально обусловленной функцией пунктуационных знаков. Таким образом, пунктуационные знаки обладают семантикой и способны выражать на письме оттенки эмоций, мнений и представлений субъекта речи.

Эмотивность, исследуемая в лингвистике, определяется как семантическая категория и как важнейший смысловой аспект экспрессивности⁹. Из пунктуационных знаков наиболее ярко передают эмоции многоточие, вопросительный и восклицательный знаки, а также тире. Важно отметить при этом, что текст есть важнейшее условие реализации стилистической функции знаков препинания, поскольку последние не могут быть описаны вне текстовой синтагматики, без учета взаимодействия с большим контекстом.

Большую роль играют знаки препинания в организации присоединительных конструкций.

Сущность присоединения заключается в том, что последующие элементы высказывания возникают в сознании не сразу, а лишь после того, как высказана основная мысль. «Присоединительными, или сдвинутыми, называются такие конструкции, в которых фразы часто не умещаются в одну смысловую плоскость, но образуют ассоциативную цепь присоединения»¹⁰.

Присоединительные конструкции объединяются единством функционального употребления в речи (они передают мысль, возникшую после основного высказывания), прерывистым характером синтаксической связи, которая создается особой интонацией после длительной паузы.

Пауза внутри таких конструкции своеобразна. Логико-синтаксическая пауза усиливается здесь психологической, художественной, без которой речь «безжизненна» и которая заменяет логическую паузу, не уничтожая ее, а по существу усиливая. Возникает логико-психологическая пауза, так называемая пауза напряжения, которая обостряет «эмоциональную значительность присоединения», подсказывает читателю нужную, экспрессивную интонацию и таким образом готовит его к восприятию присоединенного элемента¹¹. В такую паузу, как во всякую паузу, не обусловленную синтаксически, вкладывается «новое смысловое содержание, раскрывающее то, что не сказано в речи», т. е. пауза используется «как элемент субъективно-оценочного порядка»¹².

На письме степень длительности паузы передается разными знаками препинания: запятой, тире, многоточием.

При союзном присоединении обычно употребляется запятая. Этот знак препинания не является избирательным, он функционирует во всех видах присоединительных конструкций, хотя не везде с одинаковой долей активности, и не всегда свидетельствует об экспрессивности высказывания:

У Ларина я играла Карлсона, Счастливецца в «Лесе» Островского — представляете, какие разные роли, причем обе мужские (Магнитогорский рабочий. 2006. 28 окт.). Но особую пикантность проекту придает то, что разместится музей мафии прямо напротив мэрии Лас-Вегаса, да еще при этом в бывшем здании суда. (В Магнитке: все каналы. 2006. 30 окт.).

Большую экспрессивную роль приобретают тире и многоточие в присоединительных конструкциях в публицистике.

1. Как и другие пунктуационные знаки, тире и многоточие в своей экспрессивной функции выражают **эмоции** — как позитивного плана (удивление, восторг и др.), так и негативного (замешательство, шок, негодование, возмущение, гнев и др.). Как правило, негативные эмоции преобладают, что связано, возможно, с волнением говорящего и трудностями в подборе слов.

Такой могучий, такой жизнелюб, так умевший держать удары судьбы и ... сердечная недостаточность (Российская газета. 2008. № 20).

Может быть, вы хоть что-то знаете относительно этого выстрела? Может быть, жена Щелокова собиралась, но... не смогла, не успела? (Комсомольская правда. 2007. 5 сент.).

ММК по-прежнему удивляет... и настораживает (Магнитогорский рабочий. 2006. 31 окт.).

В первых двух примерах передается авторская горечь, недоумение по поводу случившегося; в третьем — настороженность.

2. Кроме того, тире и двоеточие могут быть знаками **связи частей высказывания**. В тех случаях, когда несколько самостоятельных предложений интонационно объединены в одно, тире становится знаком логического завершения высказывания и одновременно знаком присоединения другой части. Рассмотрим следующий пример:

Путин объявил, что наша экономика растет на 7 процентов в год — и это хорошо, это где-то посередине Европы и Азии (Комсомольская правда. 2006. 28 окт.).

В этом высказывании объединены четыре интонационно и графически обособленных частей. Каждая часть представляет собой завершенное предложе-

ние, но они логически связаны между собой, поскольку отражают последовательное развитие мысли героя. Тире в данном предложении обладает экспрессивной функцией, поскольку оно употребляется в нетипичной для него роли соединительного знака (фактически вместо запятой). Кроме того, оно выражает паузы при размышлении и дает нам понять, что речь героя здесь является достаточно медленной.

В другом примере, наоборот, тире в качестве соединительного знака указывает на быстрый темп речи и восходящую интонацию высказывания:

А так частенько мечтаю разбежаться и — взлететь, взмыть, ощутить это потрясающее чувство полета, выси (Комсомольская правда. 2007. 17 мая).

3. Следующим важным аспектом экспрессивности тире и многоточия является выражаемое им **логическое ударение**. В предложениях, помимо самого знака препинания, читателю могут подсказывать о логическом ударении и одна из частей предложения, и лексика (специальные слова и обороты), и порядок слов. Это очень удобные для авторов пунктуационные знаки — они позволяют выделить нужные ему фрагменты, заострить внимание читателя на определенных, самых важных частях высказывания:

Красноармейцев и командиров в Красной Армии было примерно столько же, да и танков с самолетами не намного меньше, но... 1941-й — это бесчисленные «котлы», «клещи», окружения и отступления (Магнитогорский металл. 2007. 12 мая).

Здесь перед союзом стоят слова, привлекающие внимание, в сочетании со знаком многоточия, а за ним следует информация, которая важна для повествования и которую автор считает нужным выделить.

4. Также важно отметить, что тире и многоточие в своей экспрессивной функции выражают семантические отношения внутри самого предложения, **отношения между частями высказывания**:

а) отношения уточнения и пояснения:

Теперь пишет музыку многим певцам и продюсирует молодых исполнителей — в том числе Хатуну (Магнитогорский металл. 2007. 22 окт.).

Причем большая часть затрат (на электроэнергию) приходится на зимний период. И — только на освещение улиц, площадей, скверов, многочисленных поселков, территорий школ и детских садов (Магнитогорский металл. 2006. 16 окт.).

б) причинно-следственная связь: *Московские журналисты, занятые светской хроникой, дисциплинированно посещают все вечеринки — потому что именно там светских персонажей поймать легче всего* (Магнитогорский металл. 2007. 22 окт.).

В таком случае наибольшая экспрессия тире проявляется перед частью предложения, обозначающей причину действия, поскольку отношения следствия тире выражает и в своей обычной, не экспрессивной функции. После знака тире может присутствовать и союз *потому что* как вербальное средство выражения причинности.

в) отношения противопоставления частей высказывания:

На предварительном этапе команда лихо разделалась с Арабскими Эмиратами и Тайландом, в официальном раунде разгромила китайцев и южнокорейцев, но...проиграла японцам, которые и завоевали «золото» (Магнитогорский металл. 2007. 22 февр.).

На актуализирующую функцию тире указывает Н.Л. Шубина, отмечая, что тире не является знаком предложения, поскольку его функции проявляются и в тексте. Автор определяет его как функциональное тире — актуализирующее, маркирующее смысловые и информационные компоненты, и считает его использование оправданным с точки зрения организации текста как коммуникативно-смыслового и коммуникативно-прагматического единства¹³.

Анализ газетных статей свидетельствует о том, что данные знаки препинания (в большинстве случаев тире) участвуют в актуализации любого компонента с точки зрения формальной синтаксической организации, но при этом выделение значимого в смысловом и информационном отношении компонента обусловлено интенцией (намерением) автора:

Затая была спонтанна, билеты купили на входе, с рук, и... И они оказались фальшивыми (Магнитогорский рабочий. 2007. 14 апр.).

Особой экспрессией в публицистике тире и многоточие обладают в составе некоторых стилистических приемов:

1. Прием резкий, экспрессивный и в силу этих качеств резко увеличивший свою частотность именно в последние годы — смещение смысловой перспективы по принципу «ожидаемый факт — неожиданный результат»¹⁴.

Это такие построения речевой единицы, «при которых тематические, смысловые, структурные ожидания, ассоциативные стереотипы (т.е. пресуппозиции), исходящие из начальной части, вступают в резкое противоречие с содержанием концовки, предваряемой парцеллированием или паузой»¹⁵. Смысловой излом ведет также к образованию аффективного содержания, помечаемого в тексте тире или многоточием. Тире свидетельствует о резком изломе повествовательной и интонационной линии, смещении смысловой и синтаксической перспективы.

Многоточие сигнализирует о высокой эмоциональной напряженности, резком интонационном торможении повествовательного движения, что свидетельствует о глубокой авторской оценке предмета, действия или состояния:

Сделала неосторожный шаг с пешеходной дорожки на проезжую часть и ... провалилась под землю (Магнитогорский металл. 2007. 12 апр.);

Отдыхал на лучших курортах Северного Кавказа, но... без семьи (Комсомольская правда. 2007. 24 янв.);

А на самом деле она очень маленькая и хрупкая — как говорится, на лице одни глаза. Очень яркие и ... простите за банальность — умные (Магнитогорский металл. 2008. 19 янв.).

2. Анализ присоединительных конструкций, встречающихся в газетных статьях, убеждает нас в том, что широкое распространение получает применительно к структурам такого типа прием ретардации (лат. retardatio — замедление), который заключается «в замедлении или приостановке повествования с целью возбудить любопытство, интерес, нетерпение адресата, заинтриговать его»¹⁶.

В последние годы этот прием активно используется в кинематографии, а также в художественной литературе и в публицистике:

Ядерная вспышка — километрах в пяти-шести от нас. Затем — оглушительный треск, схожий с тем, что бывает в грозу, когда молния ударит рядом, и —

долгие, протяжные, постепенно стихающие раскаты грома (Магнитогорский металл. 2007. 13 февр.);

Безусловно, мама заметила большие перемены в дочери: и прическу, и косметику, и... глаза — это были глаза счастливого человека (Магнитогорский металл. 2007. 10 марта).

Как отмечает В.П. Москвин, используемые в ходе повествования подобные «ретардирующие вставки», «замедляя действие, призваны усилить напряжение, заставить читателя с нетерпением ждать продолжения сцены»¹⁷.

Присоединительные конструкции, построенные на указанных приемах, с использованием пунктуационных знаков тире и многоточия, пробуждают интерес к повествованию, создают определенный экспрессивный эффект, служат приемами психологической манипуляции сознанием адресата, так что они «адресатоцентричны» по своей направленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Николаева Т.М. Текст. // Русский язык. Энциклопедия. М., Советская энциклопедия. 1979. С.348.
2. Чехов А.П. Письмо Хлопову от 13 февраля 1888 г. // ПСС: в 12 т. М., ГИХЛ. Т. 11. С. 188.
3. Валгина Н.С. Русская пунктуация: принципы и назначение. М., 1979. С. 11.
4. Чернышов В.И. Заметки о знаках препинания у А.С. Пушкина // Избранные труды: в 2 т. М., Просвещение, 1970. Т.2. С. 97.
5. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. 8-е изд. - М., 2006. С. 428.
6. Ширяев Б.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. — М., Высшая школа, 1986. С. 52.
7. Валгина Н.С. Уточнение понятия авторской пунктуации // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки. 1995. № 1. С. 43-55.
8. Клюканов Э.И. Графические междометия // Текст и культура: общие и частные проблемы. М., АН СССР: ин-т языкознания, 1985. С. 234.
9. Будниченко Л. А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет): дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2003. 285 с.
10. Виноградов В.В. Пушкин и русский литературный язык XIX в. // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М., 1941. С. 576.
11. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. СПб., 1999. С. 280.
12. Тимофеев Л.И. Очерки теории и истории русского стиха. М., ГИХЛ, 1958. С. 29.
13. Шубина Н.Л. Пунктуация современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений. М., Издат. центр «Академия», 2006. С. 141.
14. Студнева А.И. Синтаксис художественной прозы А.С. Пушкина: учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград, 1988. С. 81.
15. Москвин В.П. О приемах смыслового акцентирования // Русская речь. 2006. № 2. С. 31.
16. Москвин. Ук. соч. С.33.
17. Там же.

PUNCTUATION EXPRESSIVE FUNCTION IN CONJOINT CONSTRUCTIONS

T.L. Vaulina

The article deals with punctuation function as an important means of text arrangement, of text parts interconnection, of text expressiveness. Previously punctuation was regarded from the grammatical-form viewpoint, now the approach is different. Punctuation marks more often than not have an expressive function; hence their two principal functions are notional and expressive.

Key words: conjoint, conjoint constructions, punctuation marks, parceling, expressive function, actualization function

© 2009

Л.И. Швыдкая

ОТ ОБРАЗНОГО СРАВНЕНИЯ К ИДИОМЕ

В основе статьи лежит предположение о том, что сравнение как одно из основных свойств человеческого познания, позволяющего соединять предыдущий опыт с новым, можно рассматривать в качестве базы для де-сигнации новых понятий и соответственно для формирования новых языковых единиц. Эллипсис сравнений представляется в виде формального механизма образования метафор (идиом) различного типа.

Ключевые слова: образное сравнение, идиома, эллипсис, интерпретация речевых актов.

В процессе образования языкового знака можно исходить из постулата о том, что мир, окружающая человека среда не локальны, а человек по своей природе локален, ограничен в пространстве и времени. Следовательно, при первичном накоплении опыта и его фиксации в языке, появляются единицы первичной номинации, в которых отражены релевантные для конкретной языковой личности признаки (быт, работа, взаимоотношения, жесты, мимика, и т. п.). Но восприятие мира фиксирует не только, а впоследствии и не столько, ординарные факты и явления, сколько явления аномальные. Разнообразные ассоциации, закрепленные локально и социально, и становятся мотивом для образования единиц с переносным значением, в основе которых лежат первичные образы из разных сфер человеческой деятельности, т. е. этот процесс носит метафоричный характер. Сами процессы человеческого мышления во многом метафоричны, отражая в определенной степени концептуальную систему человека. Всякая метафора предполагает прежде всего сходство, уподобление предметов и явлений, т. е. в основе процесса метафоризации лежит сравнение, со-

поставление явлений, в реальности зачастую не связанных между собой.

Сравнение или сопоставление играют огромную, если не сказать основополагающую, роль как в процессе коммуникации, так и в процессе номинации как новых, так и привычных, но увиденных под новым углом зрения предметов и явлений. Человеческое сознание и процесс когниции устроены таким образом, что человек не способен к восприятию чего-либо абсолютно нового, он просто не видит этого нового, если нет хотя бы мало-мальски знакомого, позволяющего соединить имеющийся опыт с новым, перебросить так называемый мостик от старого к новому, обеспечивая таким образом непрерывность как процесса познания, так и языкового развития. В лингвистике для этого используется термин *bridging или bridging inference*, репрезентирующий систему, моделирующую деятельность человека, суть которой состоит в обращении к известным из текста или из модели мира фактам для того, чтобы переинтерпретировать их, устранив противоречие или недостаток данных, приведший к коммуникативной неудаче¹.

Люди организуют свои знания и используют их для возможной интерпретации новой информации на основе этих знаний. Актуализация в определенной ситуации наиболее вероятных стратегий анализа нового опыта, ее структура, базирующаяся на культурных стереотипах, называется фреймами или схемами². Культурные схемы в разных языках зачастую имеют в основе разные образы, продиктованные доминирующим опытом в той или иной культуре³. Например, стройная женская фигура с тонкой талией в английском языке ассоциируется с песочными часами (*hourglass figure*), а в русском языке — с рюмкой (талиа в рюмочку). Поскольку сравнение, поиск аналогии является одним из кардинальных средств, как в познании действительности, так и в выражении отношения к тем или иным явлениям (прагматический аспект), то язык, английский в частности, выработал целый арсенал формальных средств, позволяющих выразить это сравнение. Причем сравнение может быть представлено как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицитно сравнение выражается при помощи таких средств, как предлог *like* (как, похожий на), парный союз *as...as* (такой, как; так же, как... — ...his mind was as clear as glass). Эти же функции выполняют и такие слова, как *resemble*: *bear a resemblance to*, *look like*, *appear like*, *take after*, *be like*, *be similar to*, *correspond to*, *be akin to*, *parallel*. Ж. Фоконье называет их межпространственными операторами (*transspatial operators*), устанавливающими связь между ментальными пространствами⁴. К операторам подобного рода можно отнести и целый ряд адъективных деривационных суффиксов, таких, как *-y (-ey)*, *-ish*, *-like*, *-en*, *-esque*, *-wise*, *-ly*, *-oid*, *-ine*. Всех их объединяет наличие, по крайней мере, одного общего значения, указывающего на сходство, т. е. представляющего сравнение в эксплицитной форме. Например, *a fruity voice*, *a silky voice*, *a mousey woman*, *picturesque*, *petaloid*, *fanwise*, *a horse-like face*, *a serpentine face*, *a caddish husband*, etc.

Сравнение с каким-либо образом или понятием может быть также представлено и в имплицитной, свернутой форме. Например, при описании внешности человека с использованием слова *horse* (лошадь) встречаются как эксплицитные, развернутые, формы, так и имплицитные: *horse-faced*, *her rather horsey face*, *her horse-like teeth*, *her long horse face*. В последней фразе приведенного

примера сравнение представлено имплицитно, без соответствующих операторов, выраженных словоформой либо деривационным аффиксом. Значение фразы, реализуемый образ остаются неизменными — длинное, узкое лицо с вытянутой нижней частью (лошадиное лицо).

Эксплицитное образное сравнение в классическом случае является трехчленным по своей структуре (А сходно с В по признаку С)⁵, т. е. все элементы сравнения выражены отдельными словоформами. В случае оформления сравнения деривационными суффиксами структура двучленна на уровне поверхностной структуры (как и в традиционной метафоре), хотя на уровне глубинной структуры (значения, смысла) в обоих случаях сохраняется трехчленность, т. к. наличествует эксплицитно представленный компаративный компонент, выраженный деривационным аффиксом.

Основным, формально выраженным механизмом при образовании имплицитных образных сравнений выступает эллипсис, представляющий собой такой тип когезии, при котором опускаются те элементы, которые без труда восстанавливаются из лингвистического и/или интерактивного контекста⁶. В результате эллипсиса появляются метафоры, или в более широком смысле — идиомы, суть которых состоит в антиномии узуальных значений языковой единицы и реализуемого глубинного смысла. В основе возможности использования эллипсиса лежит принцип экономии, в соответствии с которым число подлежащих выражению в системе и реально выражаемых в тексте противопоставлений стремится к минимуму. Он действует совместно с уравнивающими его принципами различительности и мотивированности (или изоморфизма)⁷.

Исключение из сравнения компаративной связки (*как, подобно, точно, словно, будто, как будто, as...as, like*) или предикативов (*подобен, сходен, похож, напоминает, resemble, take after, be like, be similar to, correspond to, be akin to, parallel*) часто считается основным приемом создания метафоры. Этот ход имеет своим следствием существенное изменение синтаксической структуры. Предложение подобия преобразуется в предложение тождества, точнее, таксономической предикации: *Эта девочка похожа на куклу — Эта девочка как кукла — Эта девочка — настоящая кукла*. Поэтому формальные и семантические различия между образным сравнением и метафорой в большой мере связаны с различием этих двух типов логических отношений⁸.

Результатом эллипсиса могут служить следующие примеры: *a horse face* из *a horse-like face*; *Sherman tank* из *as a Sherman tank* — 'I guess the old man's tough.' Sam said softly Brodsky smiled. 'As a Sherman tank.' The Sherman tank lay in the ICU bed tethered be the tubes and wires, very white...; *like that of an African king* в *African king* — "The National Cathedral, please," she told the coal-black driver whose name on the posted license read like that of an African king. Annabel's African king turned off Wisconsin and drove into the cathedral close. *The tights woman* из *wearing laddered tights* (в рваных колготках) — The other woman told her confidingly that she'd been appearing on shows of this kind for years. She'd go along wearing laddered tights, knowing they'd give her a new pair. Zillah was shocked but delighted to learn these tricks of the trade. She'd begun to feel a lot better. ... A young man, who looked very young, put his head round the door and beckoned to the tights woman. She would be the next... В трех первых примерах результатом эллипсиса является метафора

(в первом примере — *horse face* — узуальная, а в двух последующих — окказиональная или оригинальная). В последнем примере (*the tights woman*) в результате эллипсиса образуется метонимия, также оригинальная (окказиональная).

Узуальные, традиционные метонимии, давно вошедшие в лексикографические источники в качестве отдельных словарных статей или значений отдельных слов, также являются результатом эллипсиса. **Leotard** (леотард) — a snugly fitting body garment worn by dancers and acrobats (**leotards**) descends from the name of Jules **Léotard**, a widely acclaimed French trapeze artist who was the first to perfect the aerial somersault. **The fur of the sable - sable** (мех соболя — соболю): You'd look well in **sable**.

Эллипсис играет важную роль как составляющая часть словообразовательного процесса конверсии. В этом случае эллипсис, наряду с парадигматическими изменениями и дистрибуцией, выступает в качестве важной составляющей словообразовательного механизма. Например, существительное **Sacrifice** (an act of offering to a deity something precious — жертва, жертвование) служит основой для образования глагола **to sacrifice** (приносить в жертву, жертвовать), появляющегося в результате свертывания фразы **to make a sacrifice or offering**. В результате слово приобретает парадигматические и синтагматические характеристики глагола, а в его семантике в свернутом виде присутствует субстантивное значение *жертва, жертвоприношение*, эксплицитно выраженное в вербальном словосочетании. Результаты конверсии даже в самых простых случаях образования нового слова от примарного значения исходной единицы можно признать идиоматичными, т. к. здесь также налицо антиномия (противоречие, асимметричность) формы и значения. В более сложных случаях новое слово по конверсии образуется от переносного значения исходного слова, в основе которого также лежит свернутая экспликация. Например, глагол **to air** (выходить в эфир, показывать по телевидению или передавать по радио) образован по конверсии от существительного **air** в значении **air-waves** (радиоволны), которое, в свою очередь, представляет эллиптированное образование от словосочетания *air as the medium through which radio waves are transmitted*: 'He has the appeal of Robin Hood and of Macheath in "The Beggar's Opera",' Alistair Cooke says of Humphrey DeForest Bogart at the outset of "Bacall on Bogart", which **airs** at 8:30 p.m. Friday on WTTW-Ch 11.

В результате эллипсиса появляются идиоматичные образования, представленные самыми разнообразными структурными типами — от простых, однокоренных, слов до сложных словосочетаний. Например: 1) простые слова, корневые — {xe "root"} a *cold greeting*; 2) производные слова, дериваты — The proposal was received with *coldness*; 3) {xe "compound"} сложные слова — to *cold-shoulder* smb; 4) фразы — *cold feet, to catch cold, cold as hell, etc.*

Эллипсису, как правило, подвергаются элементы, устанавливающие связь между исходным высказыванием (источником) и целью (результатом). В большинстве случаев эта связь устанавливается между разными ментальными пространствами и обеспечивается при помощи вышеупомянутых межпространственных операторов. Эти операторы, выступающие в качестве коннекторов в высказывании, обеспечивая его связанность, легко восстанавливаются из эллиптированного образования, если связь между источником и целью высказы-

вания довольно прозрачная, прагматические коннекторы известны или легко извлекаются. Так мы говорим *Plato is the red book; Homer is the black book* (Платон — красная книга, Гомер — черная книга). Коннектор: писатели — книги, ими написанные (writers — books). *The gastric ulcer is Peter Smith* (язва желудка — Питер Смит). Коннектор: болезни — пациенты в больнице (illnesses — patients). *We are the first house on the right* (мы — первый дом справа). Коннектор: люди — дома, в которых они живут (people — houses they live in)⁹. В примерах, приведенных Фоконье, результатом эллипсиса является метонимия. Следующий пример метонимии также может проиллюстрировать довольно несложный процесс восстановления коннекторов: знаменитый живописец — излюбленный оттенок коричневого — краска данного оттенка. *With a sigh Henry squeezed some Vandyke on his palette and started to paint. Van Dyke* (фламандский живописец Ван Дейк) - *Vandyke brown* (краска темно-коричневого оттенка, используемая Ван Дейком) - *Vandyke* («ван-дейк», темно-коричневая краска). Восстановление эллиптированной метафорической единицы до исходного эксплицитного высказывания представляет собой довольно простую операцию и в случае сложных прилагательных, образованных по модели N+Adj. *He stood poker-straight* (словно аршин проглотил, дословно, прямой, как кочерга), *jet-black* (черный, как уголь, точнее, как гагат), *snow-white* (белоснежный). Прилагательные такого рода восстанавливаются до структуры (as)+Adj +as+N: *as straight as a poker, black as jet, white as snow*.

Несложно восстановить эллипсис и в случае конверсии, хотя в ряде случаев цепочка операторов может оказаться более протяженной. В простом случае типа *She was sleeving away a tear* основное лексическое значение данного глагола дает оператор *рукав как инструмент*, а *away* указывает на процесс удаления, т. е. реализуется значение *вытереть слезы рукавом*. В следующем примере цепочка рассуждений представляется более сложной. *He stared down at his piles of papers, anchored with bottles, a conch shell, whatever came most handily*. Глагол *to anchor* в данном случае реализует значение *to secure firmly; to act or serve as an anchor for*. А существительное *anchor* применительно к данному случаю реализует значение *якорь, any device for holding fast or checking motion similar to a heavy device dropped by a chain, cable, or rope to the bottom of a body of water for restraining the motion of a vessel or other floating object*. Цепочка операторов, позволяющих восстановить эллипсис в данном случае, может быть представлена следующим образом: $N_1 \text{ is (like) } N_2 + N_2 \text{ acts as } N_1$.

Однако эллипсис не всегда легко восстанавливается: иногда приходится прибавить или ввести модально-временную информацию, которой не было в исходном полном высказывании, часто оказывается невозможным однозначно восстановить искомый элемент¹⁰. Хотя контекстуальные маркеры чаще всего указывают только на одно значение. Рассмотрим пример со словом *topless*. *Things ain't goin' so good, financially, I mean. I don't know, maybe I should turn this place into another topless joint like the ones on either side. ... "Stay there. Tony. And stay as you are. Don't go topless. I'll get back to you in a couple of hours."* Первая фраза *topless joint* разворачивается в *bar, night club, etc., featuring entertainers, waitresses, who are nude above the waist or hips*. Вторая фраза, *go topless*, реализует в свернутом виде не значение самому ходить полуобнаженным, а открыть заведе-

ние с полуголыми официантками и танцовщицами. На это значение указывает первая фраза с компонентом *topless* в тексте.

Приходится раздваивать, а то и усложнять в еще большей степени предполагаемое глубинное высказывание при экспликации эллипсиса, учитывая при этом возможность восстановления импортированной пресуппозиции извне, из-за пределов данного текста, опираясь на культурные стереотипы, культурный опыт (схемы, фреймы). He's tried to become the *Mother Teresa* of north London. Исходя из представленного текста, было бы практически невозможно понять, почему мужчине, сделавшего попытку организовать приют для наркоманов, уподобляют матери Терезе. Однако, если обратиться к культурному фрейму, то аналогия становится вполне прозрачной. Мать Тереза (в миру Агнес Гонджа Бояджиу — основательница и настоятельница католического Ордена милосердия в Калькутте, Индия, известна своей благотворительностью. В различных странах она основывала школы, медицинские пункты, приюты для бедняков. За свою деятельность в 1979 году получила Нобелевскую премию мира.

Интерпретация речевых актов требует широких знаний о мире. Речевые акты невозможны без знания того, что необходимо, допустимо или возможно в реальном мире. Понять текст — значит соотнести его со своим тезаурусом в широком смысле, отражающем общечеловеческую и национальную картину мира, и в более узком смысле — с тезаурусом отправителя и реципиента текста. Результатом изменения в восприятии или несовпадения в какой-то части картины мира коммуникантов может явиться интертекстуальность, примером чего может служить вышеприведенный контекст с матерью Терезой. Восстановление исходного интертекста с использованием операторов представляется еще более сложным процессом в случае фразеологических единиц, крылатых выражений, или аллюзий на них. Следующий пример ярко демонстрирует тот факт, что аллюзия может представлять собой эллипсис фразеологической единицы, образного сравнения: There once were two *cats of Kilkenny*, / Each thought there was one cat too many, / So they *fought* and they fit, / And they scratched and they hit, / Till instead of two *cats* there weren't any. В данном лимерике расположенные в разных местах текста элементы *Kilkenny cats* и *fought* восстанавливаются до исходного образного сравнения, компаративной фразеологической единицы *to fight like Kilkenny cats*, драться не на жизнь, а на смерть, до взаимного истребления. Культурный текст, стоящий за этой фразой, восходит к ожесточенной борьбе за территориальные границы между городами Kilkenny и Irishtown, продолжавшейся до конца XVII века и приведшей к их взаимному разорению. Восстановить такой интертекст с помощью набора элементарных коннекторов практически невозможно. В подобных случаях первичный образ, явившийся основой для сравнения, извлекается из культурного тезауруса данного языкового коллектива целиком.

По справедливому замечанию Ж. Фоконье, языковые средства выражения сами по себе не представляют, не кодируют конструкции такого рода, даже если бы это было возможно, поскольку полученные в результате экспликации или импликации конструкции были бы чрезвычайно громоздкими, что делало бы процесс коммуникации весьма малоэффективным. Вместо этого язык предоставляет ключи, подсказки к поиску оптимальных средств для определенного

контекста с минимально возможной грамматичекой структурой¹¹. Попытка экспликации или восстановления эллипсиса является лишь вспомогательным инструментом, логической операцией, позволяющей в какой-то степени познать механизм человеческого познания и формирования языковых и речевых средств. Демонстрируя развитие языкового средства выражения от эксплицитной, развернутой формы выражения к имплицитной, свернутой, через эллипсис, мы таким образом стремимся показать, с одной стороны, как идет процесс познания порождения речевого отрезка, а с другой стороны, ищем контекстуальные маркеры, дающие возможность адекватно интерпретировать заключенную в тексте информацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 2001. С. 45.
2. *Kramsch C.* Language and Culture. — the UK: Oxford University Press, 2008. P. 27; *Yule G.* Pragmatics. — the UK: Oxford University Press, 2002. P. 20.
3. *Fitzgerald T.K.* Metaphors of Identity. — the United States of America: State University of New York Press, 1993. P. 160.
4. *Fauconnier G.* Mental Spaces. New York, 1998. P. 143.
5. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998. С. 355.
6. *Bonvillian N.* Language, Culture, and Communication. New Jersey, 2003. P. 403.
7. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 2001, С. 119.
8. *Арутюнова.* Ук. соч. С. 353.
9. *Серьо П.* Сравнение, тождество и имплицитная предикация // Логический анализ языка. М., 2003. С. 295.
10. *Fauconnier.* Op. cit. P. 143.
11. *Ibid.* P. xviii.

FROM COMPARISON TO IDIOM

L.I. Shvydkaya

The article is based on the assumption that comparison, as one of the principal properties of human cognition linking previous experience with the new one, can be regarded as the basis for designating new notions and respectively for the formation of new linguistic units. Ellipsis of comparative units is presented as a formal mechanism giving rise to different types of metaphoric units (idioms).

Key words: simile, idiom, ellipsis, speech act interpretation.

© 2009

М.Е. Жукова

ДЕНЬ РОССИИ В КАЛЕЙДОСКОПЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ

Своеобразным срезом фразеологической картины мира современного российского общества является всё множество фразеологизмов современной отечественной периодики. В статье освещается опыт предпринятого исследования данной проблемы. Автор показывает, что изучение современной газетной периодики в плане использования в ней фразеологизмов позволяет уловить и зафиксировать социальное самочувствие России сегодняшнего дня. Через призму фразеологизмов высвечивается кризисное состояние России на нынешнем этапе. Автор полагает, что решению поставленной задачи помогает их совместный с А.В. Жуковым опыт создания фразеологического словаря нового типа, оправдательным материалом для которого служат цитаты, содержащие фразеологизмы из современной качественной периодики последних лет.

Ключевые слова: фразеология, периодика, фразеологический словарь, кризис.

Фразеологическая картина мира является уникальным фрагментом языковой картины мира. Б.А. Ларин писал: «Если мы исключим из фразеологии все грамматические перифразы, относящиеся к грамматической стилистике, то можно утверждать, что фразеологизмы в собственном (строгом) смысле термина всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают, как свет утра отражается в капле росы»¹.

Отличительными чертами современной прессы являются полемичность, высокая степень оценочности (с преобладанием отрицательной) и экспрессия. Экспрессия достигается различными приёмами и средствами. В качестве последних выступает целый ряд метафорических и окказиональных образований, а также фразеологизмы, занимающие одно из заметных мест среди языковых средств в арсенале журналиста. Образная природа фразеологизмов позволяет автору избежать навязывания своей оценки читателю, предоставив ему возможность собственной интерпретации текста. С другой стороны, именно фразеологизмы позволяют отыскать такие образы, которые знакомы читателю и в то же время не являются избитыми для восприятия, несут новизну и свежесть.

Ещё одной характерной особенностью современных печатных СМИ является отчётливо наметившаяся тенденция к порождению новых смыслов и новых оценок «путём игры с цитатным фондом, восходящим ко всему нашему языковому опыту»². В этой связи роль фразеологизмов в информационном поле СМИ возрастает. Фразеологические единицы составляют один из ценнейших пластов как всего нашего языкового опыта, так и цитатного фонда журналистики.

Большинство фразеологических сочетаний несёт на себе печать своей эпохи,

имеют исторический и социальный колорит. Изменения и в значениях, и в структуре ФЕ осуществлялись в результате народного речетворчества. Они касались лексических, эмоциональных, стилевых значений, замены компонентов, их сокращения или, напротив, распространения и др. Тенденции видоизменения подвержены даже наиболее устойчивые фразеологизмы. В силу этой их особенности журналисты имеют широкий спектр возможностей игры с этим пластом цитатного фонда. Нередки случаи, когда с течением времени фразеологизмы устаревают, и тогда «свойственный им привкус «пыли веков» заставляет избегать их, выводить их из активного фонда языка, если они не подвергаются обновляющему преобразованию в произведении какого-нибудь мастера слова»³. Под пером талантливых журналистов фразеологические единицы иногда получают «вторую жизнь». В то же время современные фразеологизмы, получившие «хождение в народе», то есть употребляемые в устной речи, попадают на страницы печатных СМИ в силу того обстоятельства, что по своей природе журналистика очень быстро улавливает все новые веяния в речевой практике и стремится донести их до читателя. Варьирование ФЕ осуществляется за счёт изменения (замены) подвижных, переменных элементов. Вместе с тем подвижность ФЕ в газетных публикациях не может быть полной, поскольку *понимание* изменённых ФЕ достигается благодаря неподвижным их компонентам⁴.

Особое место занимают на газетной полосе индивидуально-авторские фразеологизмы, которым свойственны все основные признаки слов-окказионализмов, а именно: одноразовость, творческий характер, а также способность передать уникальность ситуации. Никогда нельзя исключать возможности получения ими права на дальнейшую жизнь, так как в ряде случаев именно таким образом и появляются новые фразеологизмы. Ограничимся одним удачным примером: *заточить под гламур мозги*. Такой оборот, на наш взгляд, весьма удачно применил Олег Судаков в статье «Суровый призыв иллюзий» в газете «Завтра» за июль 2007 (№30): *Дорогая Москва подмяла страну от финансов и гипермаркетов до ТВ и радио: диктует, что думать, чего желать, где работать и как отдыхать. Мало того, в плане переиначить молодёжь — приучить к пиву на акциях, заточить под гламур мозги и направить в ВИП-клубы и кресла топ-менеджеров, а остальных — под раздачу*. Заканчивается цитата уже прочно вошедшим в практику устной и газетной речи фразеологизмом *попасть (пустить) под раздачу*. При этом последний фразеологизм пока ещё не нашёл отражения даже во фразеологических словарях 2009 года выпуска (кроме «Современного фразеологического словаря русского языка» А.В. Жукова и М.Е. Жуковой⁵). Таких незафиксированных словарями фразеологических оборотов, используемых сегодня в прессе, насчитывается не один десяток.

Своеобразным срезом фразеологической картины мира современного российского общества является всё множество фразеологизмов одного газетного номера. С этой целью был выбран номер «Российской газеты» за 30 октября 2007 (№ 242). «Российская газета» придерживается демократической платформы, выступает за проводимый правительством курс реформ. Рубрики выбранного номера в порядке следования следующие: *Власть, Политика, Экономика, Комментарии, Мир и Россия, Культура, Право, Северо-запад, Информационные страницы Образование, Спорт, P.S.* Авторские колонки: *Мнение* (Л. Радзихов-

ский), *Теленеделя со мной* (Ю. Богомолов), *В эфире* (В. Кичин) и *Гороскоп* (Т. Кудрявцева). Методом сплошной выборки фразеологизмов, использованных в совокупности всеми авторами данного выпуска газеты, мы получили следующий калейдоскоп: *ахиллесова пята, выворачивать карманы, под каблуком, прямая линия, за закрытыми дверями, в рамках, по горячим следам, на слуху, в корне, душить своими руками, оказывать медвежью услугу, по умолчанию, одним миром мазаны, снять с пробега, выйти из колеи, по старинке, ноу-хау, горячий сезон, становиться на ноги, не за горами, с минусом (в минусе), на грани, (оказаться) под прицелом (на прицеле), не смыкать глаз, по разные стороны баррикад, перевернуть <всё> вверх дном, оседлать волну, засунуть куда подальше, не дай Бог, слава Богу, дух и буква (закона), мина замедленного действия, перевернуть всё вверх дном, тайм-аут, первая леди, слабый пол, прекрасный пол, Белый дом, поговорить «за жизнь», не пинал только ленивый, за словом в карман не полезет, наступать на одни и те же грабли, поставить на карту, раскрывать карты, на ходу, не пожелать и врагу, до дна, с того света, рыцарь печального образа, в одночасье, держать себя в руках, закрома Родины, кнут и пряник, за тридевять земель, верхушка айсберга, с чёрного хода, на глазок, отдавать себе отчёт, на минорной ноте, красный свет, на вершине Олимпа, себя показать и других посмотреть, с подачи, спустя рукава, уходить на второй план, волей-неволей, убежать без оглядки, одной левой, хлопнуть дверью, разбивать сердца, бросать из крайности в крайность, не из лёгких, снизить планку, в конце концов, серая мышка. Отдельно стоит выделить как трансформ фразеологизма удар ниже пояса удачное, на наш взгляд, использованное название публикации *Удар ниже пояса*. Кроме того, было обнаружено 7 пословиц и поговорок: *Рыба гниёт с головы; Яйца курицу не учат; Пустое брюхо к науке глухо; Рука руку моет; У семи нянек дитя без глазу и Чем чёрт не шутит*. Калейдоскоп из цитат с приведёнными выше фразеологизмами и пословицами занял бы не менее полутора десятка страниц. Ограничимся лишь его кусочком: ***Снижать планку***. Другое дело, что здесь ни в коем случае нельзя снижать планку требований и допускать, чтобы на муниципальном уровне возникал «вакуум власти», примеры чего в Приволжье у всех на слуху. Екатерина Добрынина. Оценки для чиновника. (Полпред президента в ПФО Александр Коновалов встретился с редакторами региональных представительств «РГ»); ***Чёрный список***. Владислав Куликов. ****ПРИСТАВЫ ПРОВЕРИЛИ ЧЁРНЫЕ СПИСКИ; Выйти из колеи***. Грубо говоря, если институт специализируется на массовом выпуске экономистов, то для ректора «выскочить» из этой учебной колеи, переориентировать вуз на выпуск специалистов более востребованных профессий — это целая проблема. ***В минусе***. Татьяна Филимонова. ***КАНДИДАТ В МИНУСЕ***. (Диссертационные советы российских вузов сократятся наполовину); ***Поставить на карту***. Ведь на карту поставлено не просто обеспечение городов жизненно важными ресурсами и функционирование необходимых для этого производств, а судьбы тысяч людей, которые могут лишиться порой единственного на всю семью стабильного заработка только потому, что их предприятия, как выяснилось спустя полвека, были построены не на том месте. Иван Василенко. Водный забор не на том месте; ***Оказывать медвежью услугу***. Чем больше шума вокруг маньяков, тем больше вероятность, что кто-то, кто на грани совершения похожего преступления, пойдет этой дорогой. Психиатры в этой ситуации могут только разьяснять телевизионным начальни-*

кам, какую медвежью услугу обществу они оказывают. Татьяна Дмитриева. Маниакальные волны. (Процесс над Пичушкиным может спровоцировать подобные злодеяния).

Россия 2008–2009 год переживает непростое время. По частотности употребления слово **кризис** сегодня явно лидирует и в СМИ, и в газетной периодике. Слово, что называется, у всех на слуху. «Россия хронически больна кризисом» — такого рода заголовок, растянувшийся на две газетные полосы, как в номере газеты «Труд» от 21 августа 2009 года, сегодня является характерной чертой всей российской периодики. Под приведённым выше заголовком в «Труде» публикуется интервью главы Ассоциации российских банков Гарегина Тосуняна, данное Андрею Компанейцу. В своём интервью Тосунян употребляет следующие фразеологизмы: *загонять в угол, вгонять в кому, как священная корова, гроша ломаного не стоит, как попало* и даже авторский «убегать под матра-сы» (это о сбережениях граждан).

Если собрать воедино фразеологизмы, которые сегодня мелькают чаще других на газетной полосе, то получится следующий калейдоскоп: *трещать по <всем> швам, сидеть на голодном пайке, таять на глазах, пойти по миру, пойти с протянутой рукой, остаться за бортом, перекрыть кислород, <еле> сводить концы с концами, дышать на ладан, не пожелать и врагу, надеть петлю на шею, шарахаться из одной крайности в другую, сплестись в <тугой> узел, разомкнуть порочный круг, попасть под раздачу, дойти до последней черты, сойти с рук, валить с ног, палец о палец не ударить, скатываться в яму, оказаться на обочине, остаться у разбитого корыта, пир во время чумы, игра с огнём, ахиллесова пята, дядя СЭМ, троянский конь, потёмкинские деревни, осиное гнездо, слабое место, белка в колесе, палка о двух концах, дырявое решето, борьба за место под солнцем, в тисках, хоть трава не расти, пока жареный петух не клюнет и т. д.* По меткому наблюдению Б.А. Ларина, фразеологизм часто является «смысловым фокусом» контекста⁶. В силу этой причины изучение современной газетной периодики в аспекте использования в ней фразеологизмов позволяет уловить и весьма своеобразно зафиксировать социальное самочувствие России. Через призму фразеологизмов высвечивается кризисное состояние России на современном этапе. Остаётся добавить, что в московском издательстве «Астрель» в августе 2009 года вышел «Современный фразеологический словарь русского» языка с цитатным материалом из российской периодики последних лет⁷. Это первый опыт создания словаря подобного рода. В нём нами (совместно с А.В. Жуковым) собрано около 1600 фразеологических единиц. День России предстаёт со страниц словаря в калейдоскопе фразеологических образов в полном освещении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ларин Б.А. О народной фразеологии // Б.А.Ларин. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977. С. 156.
2. Анненкова И.В. Язык современных СМИ как система интерпретации в контексте русской культуры (попытка риторического осмысления) // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г.Я. Солганик. М., 2007. С. 103.
3. Ларин. С. 156–157.

4. Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц. М., изд-во Московского университета, 1983. С. 108.
5. Жуков А.В., Жукова М.Е. Современный фразеологический словарь русского языка. М., 2009. С. 302–303.
6. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977. С. 127.
7. Жуков, Жукова. Ук. соч.

DAY OF RUSSIA IN THE NEWSPAPER KALEIDOSCOPE OF PHRASEOLOGICAL IMAGES

M.E. Zhukova

Set phrases recurrent in contemporary home periodicals present a peculiar segment of modern Russia phraseological world image. The author describes an attempt to investigate the problem by showing that modern newspaper analysis from the viewpoint of set phrase usage allows to capture the state of social health in modern Russia. Set phrases serve as a means of displaying the crisis in Russia of today. The author thinks that the experience of compiling a new type phraseological dictionary together with A.V. Zhukov is a great help in solving the problem. The research is based on quotations with set phrases from contemporary high quality periodicals.

Key words: phraseology, periodicals, phraseological dictionary, crisis.

© 2009

Д.А. Пелихов

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ОТВЛЕЧЁННОГО ДЕЙСТВИЯ В КОРНЕВЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЁЗДАХ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЗДОРОВЬЯ» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Объединение слов словообразовательного гнезда в грамматические классы и лексико-семантические группы связано с формально-семантической единицей языка — словообразовательное поле. Одной из ключевых лексико-семантических категорий класса имен существительных является категория отвлеченного действия. Сопоставленное современное состава лексико-семантической группы таких существительных в рамках семантического микрополя «восстановление здоровья» в восточнославянских языках позволяет проследить эволюцию в выражении семантики данной категории и выявить наиболее продуктивные модели образования слов.

Ключевые слова: лексико-семантическая категория, словообразовательное поле, категория отвлечённого действия, восточнославянские языки.

Объединение слов того или иного словообразовательного гнезда в грамматические классы и лексико-семантические группы напрямую связано с такой формально-семантической единицей языка, как словообразовательное поле, которое представляет собой набор суффиксов, сообщающих производным именам одно и то же общее словообразовательное значение, а также набор определенных грамматических категорий¹.

Группа слов, вербализирующая значение 'восстановление здоровья', — это составляющая более крупного лексического образования — семантического поля «здоровье». Будучи концептуально значимой в антропоцентрической картине мира, данная тематическая группа слов представлена во всех восточнославянских языках в основном в трёх корневых словообразовательных гнездах с общеславянскими корнями *-lěk-, *-vrač-, *-cěl-.

Одной из ключевых лексико-семантических категорий класса имён существительных является категория отвлечённого действия. Формально-смысловая общность этих лексем объединяет их в словообразовательное поле **действия и состояния**.

Сопоставление современного состава лексико-семантической группы существительных отвлечённого действия в рамках семантического микрополя «восстановление здоровья» в восточнославянских языках с их общим источником — древнерусским языком — позволяет проследить эволюцию в выражении семантики данной категории и выявить наиболее продуктивные модели образования слов, словообразовательные значения и типы.

В древнерусском языке, по данным Словаря древнерусского языка XI–XIV вв., Словаря русского языка XI–XVII вв., Материалов для Словаря древнерусского языка И.И. Срезневского, лексико-семантическая группа отвлечённого действия оформляется тремя корневыми гнездами.

Корневое словообразовательное гнездо *-vrač- составляют семь лексем, образованных суффиксами -ьб-: **врачьба** («лѣчение, лѣкарство»: Се есть имъ же азъ наше врачьбу тѣлесъныхъ дѣлесънѣише полагаю вельми; Млѣтва бо врачьба есть; Врачьби навести², «лечение, врачевание, исцеление недугов (телесных, душевных), исправление пороков»: Аще и въ последняя сѣдины еси, ти съгрѣшиши приди покаи ся, врачьба бо съде есть а не осужение³); -ьств-/-еств-: **врачество** («то же, что врачество»: Еще не печаль, кто врачество знаетъ⁴), **врачство** («лѣчение»: Коеждо страсти свое имущи врачство⁵); **врачьбство** («наука о лѣченіи болѣзней»⁶), **врачевство** («лечение, врачевание», «лекарство»: И сия тако очию слѣпоту врачевство искавши и сие получи⁷); -ениј-: **врачение** («то же, что врачевание, врачба»: Бѣдѣно бо есть въ врачения мѣсто неболѣзньна, болѣзньно съдѣлати⁸); -ниј-: **врачевание** («лечение, врачевание; исправление пороков, исцеление недугов (душевных, телесных)»: Велие врачевание зълѣхъ, исповедание и отступление грѣха⁹).

КСГ *-lěk- насчитывает четыре существительных, образованных суффиксами -ьб-: **лѣчьба** («лечение, врачевание»: Уязвившесѣ мало. обззало привззати

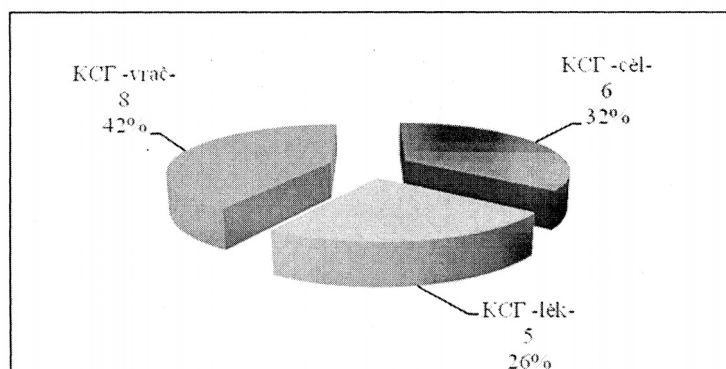

Рис. 1. Количественный состав корневых словообразовательных гнезд в древнерусском языке

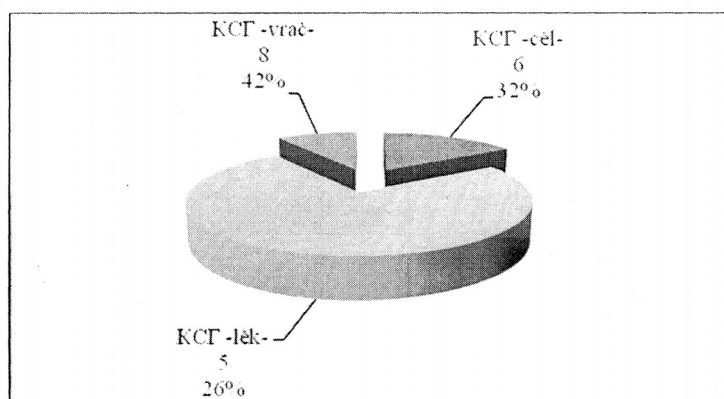

Рис. 2. Количественный состав корневых словообразовательных гнезд в современном русском языке

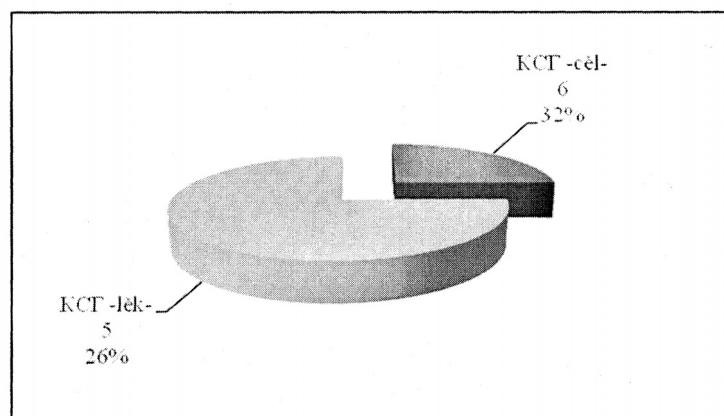

Рис. 3. Количественный состав корневых словообразовательных гнезд в современном украинском языке

около тѣла иязвена лѣчба подобаетъ¹⁰, «лѣчение, curatio»: Ни паки грѣшнику грѣха ему цсѣждение вѣдѣть, аще лѣчѣбѣ покаанныи^x трѣбуе¹¹); -ениј-/ -еньј-: **лѣчение** («medicina»¹², «лечение, исцеление»: Се есть нам празднованье. о правдѣ ибо празднуимъ. не торжѣски но бѣжѣски. не мирѣски но выше мирѣскихъ не немощное но лѣченѣя. но тварнаго но поновленаго.¹³); **излѣчение** («излечение, выздоровление, *перен.* исправление»: Яко же кого аще не болзѣ старѣишии иди тѣла, томи чаяти есть борзо излѣченѣя¹⁴; Нѣсть бо подобно иязвити прѣжде излѣченѣя дрижня¹⁵); -ниј-/ -нѣј-: **лѣкованье** («лечение»: акы сотни(к) лѣкованѣя просившю. в дом же цѣлителя не примшю. страхованѣя ради хвалимаг¹⁶).

КСГ *-сѣ1- включает в свой состав шесть отглагольных имён, образованных суффиксами -ѣб-: **цѣльба** («излѣчение, исцѣление; лѣчение»: Каласаи же бжѣтвѣное тѣло твое яко баѣтвѣство, имѣя, объемлетъ цѣльбы истѣкающю блѣдѣтъ всегда; На цѣльби недигомъ¹⁷); -ениј-: **цѣление** («исцѣление, излѣчение»: Глѣааше имъ о црѣтви Бжѣи и трѣбующей цѣления цѣлаше¹⁸), **исцѣление** (Ицѣление приносити¹⁹); -ов-/ -ѣв-: **цѣловь** («цѣльба, лѣчение»²⁰), **цѣльва** («исцѣление, лѣчение»²¹); -л-: **цѣлило** («облегчение»: Плачѣ молитвою тѣнѣкъ, цѣлило слышащимъ на покаание поюще²²).

Количественный анализ словарного состава (рис. 1) позволяет говорить о примерно равном соотношении лексем, вербализующих семантику отвлечённого действия в трёх словообразовательных гнездах на этапе древнерусского языка. Формальными показателями словообразовательного поля действия и состояния выступают суффиксы: -ѣб-, -ениј-/ -еньј-, -ниј-/ -нѣј- (во всех гнездах), -ѣств-/ -ѣств-, (КСГ *-vгаѣ-), -ѣв-/ -ов- (КСГ *-сѣ1-).

В современном русском языке значение отвлечённого действия вербализуется также тремя словообразовательными гнездами. Однако на этом этапе меняется их соотношение.

Наиболее продуктивным в выражении семантики отвлечённого действия является КСГ *-лѣк-, в рамках которого получают развитие группы существительных, обозначающие:

действие по производящему глаголу — **вылечивание, долечивание, залечивание, лечение**²³;

действие по глаголу с указанием средства — **водолечение, воздухолечение, газолечение, грязелечение, климатолечение, кумысолечение, электросветоводолечение, парафинолечение, радиолечение, самолечение, световодолечение, светолечение**, действие по глаголу с указанием объекта — **зуболечение**²⁴;

результат по производящему глаголу — **излечение, самоизлечение**²⁵;

род деятельности по глаголу — **лекарство** («должность, званіе лѣкаря»²⁶, «звание и должность лекаря»).

КСГ *-сѣ1- представлено пятью лексемами, объединяемыми в две группы, которые вербализуют значения:

действие по производящему глаголу — **цѣльба, цѣление**;

солнцелечение, теплотечение, электролечение.²⁷;

результат по производящему глаголу — **исцеление, исцел, исцелка**. КСГ *-vгаѣ- насчитывает три лексемы: **врачевание, зубоврачевание, уврачевание**.

Соотношение количественного состава лексем (рис. 2) свидетельствует о до-

минирующем положении КСГ *-lĕk- в вербализации поля действия и состояния. Формальными показателями принадлежности данных лексем к словообразовательному полю действия и состояния являются суффиксы **-ниј-**, **-ениј-**, **-(ь)б-**, **-(ь)ств-**, **-(ь)к-**. На современном этапе в русском языке наблюдается тенденция к сокращению количественного состава суффиксов для выражения отвлечённого действия, наиболее продуктивными из которых выступают **-ниј-** и **-ениј-**. Увеличение в современном русском языке по сравнению с древнерусским наследием лексического состава КСГ *-lĕk- — свидетельствует об открытом характере этого словообразовательного гнезда в целом и лексико-грамматической категории отвлечённого действия в структуре имени существительного в частности.

В современном украинском языке семантика отвлечённого действия вербализируется двумя словообразовательными гнездами.

В рамках КСГ *-lĕk- словообразовательное поле действия представлено отглагольными существительными, которые обозначают:

действие по производящему глаголу — **заліковування** («залечивание»), **доліковування** («долечивание»), **лікування** («лечение»), **виліковування** («излечение») ²⁸;

результат по производящему глаголу — **вилікування** («уврачевание») ²⁹;

род деятельности по глаголу — **лікарство** («медицинская наука, медицина») ³⁰).

КСГ *-сѣl- вербализирует два значения:

действие по производящему глаголу — **зціляння**;

результат по производящему глаголу — **зціляння**.

Формальными показателями словообразовательного поля действия и состояния выступают продуктивные суффиксы **-ни'**, **-ени'** и непродуктивный **-(ь)ств-**. Таким образом, как и в русском, в современном украинском языке присутствует тот же набор значений, объединяемых семантикой отвлечённого действия, а также наблюдается тенденция к сокращению числа суффиксов, оформляющих словообразовательное поле действия и состояния в рамках рассматриваемых корневых гнезд.

Современный белорусский язык сохраняет семантику отвлечённого действия только в пределах одного словообразовательного гнезда — *-lĕk-, насчитывающего восемь отглагольных существительных, которые вербализируют два значения:

действие по производящему глаголу — **вылечванне, залечванне, далечванне, лячэнне, самалячэнне, святглолячэнне, лекі** («дзеянне паводле знач. дзеясл. лячыць и лячыцца; лячэння») ³¹;

результат по глаголу — **вылячэнне**.

Утрата семантической категории отвлечённого действия в других словообразовательных гнездах семантического микрополя «восстановление здоровья» иллюстрирует тенденцию к специализации выражения данной семантики словообразовательным гнездом *-lĕk-. Формальными показателями словообразовательного поля действия и состояния выступают суффиксы **-ни'**, **-ени'**.

Анализ лексико-семантической категории отвлечённого действия в структуре имени существительного КСГ *-lĕk-, *-vrač-, *-сѣl- в восточнославянских языках позволяет сделать следующие выводы.

Значение 'восстановление здоровья', являющееся фрагментом семантического поля «здоровье», вербализируется в восточнославянских языках в трёх словообразовательных гнёздах, первообразные слова которых восходят к праславянским корням *-lěk-, *-vgač-, *-сѣl-. Появившись в древнерусском языке в XI веке, данные корни образуют слова самостоятельных частей речи, называя все необходимые для носителей языка номинации — деятеля, средства, действия, признака, места. Наряду с другими, в структуре существительного оформляется лексико-семантическая группа отвлечённого действия, выступающая одной из ключевых в семантической структуре имён.

На древнерусском этапе количественный состав лексического материала, вербализирующего семантику отвлечённого действия в трёх словообразовательных гнёздах находится примерно в равном соотношении. Формальными показателями словообразовательного поля действия и состояния выступают в основном суффиксы: **-ѣb-**, **-ениj-/ -еньj-**, **-ниj-/ -нъj-**.

Сопоставление данных современных восточнославянских языков с древнерусских памятников позволяет говорить о существенных изменениях и тенденции к специализации корневых словообразовательных гнёзд на выражении той или иной семантики. Так, если в древнерусский период вербализация семантики отвлечённого действия распределялась между корневыми словообразовательными гнёздами равномерно, то в современных восточнославянских языках доминирующее положение занимает корень *-lěk-.

На современном этапе развития восточнославянских языков наблюдается общая тенденция к сокращению количественного состава суффиксов, выражающих семантику отвлечённого действия. В русском языке в качестве наиболее продуктивных функционируют суффиксы **-ениj-**, **-ниj-**, в украинском и белорусском — соответственно **-енн'**, **-нн'** и **-энн'**, **-нн'**, в чём проявляется параллелизм словообразовательных и семантических моделей в этих языках. Увеличение же в современном русском языке по сравнению с древнерусским лексическим состава КСГ **-lěk-** свидетельствует об открытом характере этого словообразовательного гнезда в целом и лексико-грамматической категории отвлечённого действия в структуре имени существительного в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ревзина О.Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969. С. 10.
2. *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб.: Изд-во Отделения русского языка Императорской Академии Наук, 1895. Т. 1. С. 315.
3. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Под ред. Бархударова. Вып. 3. М., 1976. Т. 3. С. 102.
4. Там же. С. 103.
5. *Срезневский.* Ук. соч. Т. 1. С. 315.
6. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / Под ред. Б.А. Ларина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. Т. 1. С. 172.
7. Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 3. С. 102-103.
8. Там же. С. 103.

9. Там же. С. 102.
10. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: в 10 т. / под ред. Р.И. Аванесова. М., 1988. Т. 4. С. 464.
11. *Срезневский*. Ук. соч. Т. 2. С. 81.
12. Там же. С. 80.
13. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 4. С. 463.
14. Там же. С. 37.
15. *Срезневский*. Ук. соч. Т. 1. С. 1063.
16. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 4. С. 453.
17. *Срезневский*. Ук. соч. Т. 3. С. 1457.
18. Там же. С. 1448.
19. Там же. Т. 1. С. 1164.
20. Полный церковнославянский словарь / сост. Г. Дьяченко. М.: Отдел Московского патриархата, 1993. С. 806.
21. Там же. С. 806.
22. *Срезневский*. Ук. соч. Т. 3. 1449.
23. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: 2 т. / Под ред. Б.А. Ларина. М.: Рус. яз. 1985. Т. 1. С. 536–537.
24. Там же. С. 536.
25. Там же. С. 537.
26. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / Под ред. Б.А. Ларина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. Т. 1. С. 273.
27. *Тихонов*. Ук. соч. С. 536–537.
28. Русско-украинский словарь: в 3 т. Киев, 1969. Т. 1. С. 306, 395.
29. Там же. С. 506.
30. *Грінченко Б.* Словарь української мови: в 4 т. Київ, 1908. Т. 2. С. 368.
31. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы у 5 т. / пад рэд. П.М. Гапановіч.: Мінск: Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1979. Т. 3, 34.

LEXICO-SEMANTIC CATEGORY OF ABSTRACT ACTION IN WORD FAMILIES
WITHIN A SEMANTIC FIELD "HEALTH RECOVERY" OF EASTERN SLAVIC
LANGUAGES

D.A. Pelikhov

Grouping members of a word family into grammatical and lexico-semantic classes is determined by a formal semantic language unit, namely, a derivational field. One of key lexico-semantic noun categories is the category of abstract (conceptual) action. Comparative analysis of a lexico-semantic group of nouns of the kind from a microfield "health recovery" in Eastern Slavic languages allows to trace semantic evolution of the given category and to reveal the most productive word-building models.

Key words: lexico-semantic category, word-building field, abstract action category, Eastern Slavic languages.

© 2009

Н. Попиашвили, Х. Хатиашвили

ДВУЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС И ДВЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ

Очень часто в письменной речи билингвов, при языковой интерференции, возникают не только ошибки спеллинга. В плане межкультурной коммуникации в статье рассматриваются ошибки на письме, имеющие социокультурный характер. Термин «социокультурная ошибка» подразумевает все те погрешности или недостатки письменной речи, скажем, русских, овладевающих английским языком, которые являются следствием различий в социокультурном восприятии мира. Социокультурные ошибки могут быть нескольких видов. Именно эти группы ошибок «выдают» пишущего на данном языке как на неродном для него. «Письменный акцент» особенно наглядно обнаруживается в переводах с русского на английский, при написании официальных документов, сочинений и т. д.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативная система, социокультурная ошибка, ошибки на письме.

В современной межкультурной коммуникации все большее распространение начинают приобретать различные формы письменной коммуникации, которая открывает перед людьми большие возможности расширения и углубления общения. В этом плане эффект плохого или «чужого» качества речи на письме также имеет серьезные коммуникативные последствия. Следует сказать, что для изучающих английский язык особенно остро встает проблема «английского спеллинга». В силу ряда исторических причин английское правописание обладает большой вариативностью. В одном из отчетов американского бюро исследований по совершенствованию орфографии утверждается, что очень немногие слова содержат фонемно-графемные соответствия: более трети слов американского английского имеют более одного варианта принятого произношения; большинство звуков имеет несколько способов написания, более половины слов имеют в написании непроносимые («немые») буквы; около шестой части содержат двойные буквы, из которых произносится только одна; большинство букв служат для написания нескольких звуков, особенно это касается гласных; особую трудность представляет написание безударных слогов. Своеобразие фонемно-графемных соответствий в английском языке не случайно стало причиной появления шуток о том, что в английском языке пишется «Ливерпуль», а читается «Манчестер». Основную проблему английского спеллинга составляет вариативность написания слов и вариативность передачи звуков на письме. Даже современные англичане, как свидетельствуют некоторые высказывания в литературе, пишут письма, имея при себе орфографический словарь, поскольку правил правописания так много, что их невозможно удерживать в голове. Правда, с появлением компьютера эта проблема для многих «неграмотных», возможно, отпадет сама собой.

Очень часто в письменной речи билингвов, при языковой интерференции, возникают не только ошибки спеллинга. В плане межкультурной коммуникации нас больше интересуют ошибки на письме, имеющие социокультурный характер. Термин «социокультурная ошибка» подразумевает все те погрешности или недостатки письменной речи, скажем, русских, овладевающих английским языком, которые являются следствием различий в социокультурном восприятии мира. Социокультурные ошибки могут быть нескольких видов – ошибки на уровне социокультурных фоновых знаний; ошибки на уровне речевого поведения коммуникантов; ошибки на фоне общей культуры письменной речи¹. Именно эти группы ошибок «выдают» пишущего на данном языке как на неродном для него. «Письменный акцент» особенно наглядно обнаруживается в переводах с русского на английский, при написании официальных документов, сочинений и т. д. Многочисленные примеры интерференции на уровне предложений и словосочетаний обнаруживаются во время письменного тестирования по английскому языку².

При обучении иностранному языку важно учитывать различие между письменной и устной формами языка. Известный английский лингвист Дэвид Аберкромби³ однажды справедливо заметил, что для оценки разговорной речи должны быть использованы совершенно другие стандарты. Фактор вариативности в разговорной речи особенно силен. Разговорная речь характеризуется максимальной формой вариативности функционирования языковых средств. Естественный спонтанный разговор часто обладает качествами невнятности, алогичности, неорганизованности, изобилует повторениями и грамматическими нарушениями. Для носителей языка эти признаки устной речи не являются очевидными, однако для билингва, говорящего на неродном языке, кажется странным, что естественная речь носителей языка изобилует нарушениями языковых норм. Билингв испытывает в некотором роде культурно-языковой шок при первом знакомстве с естественной речью носителей языка. Эти отступления от нормы естественны для любого живого языка. Данный факт ни в коей мере не противоречит важности и необходимости выбора языкового стандарта для изучающих иностранный язык.

При изучении иностранного языка, то есть в ситуации усвоения второго (неродного) языка, необходимо знакомить студентов с его различными вариантами. Вопрос состоит не в том, чтобы студенты могли усвоить несколько типов и стилей произношения (в ситуации искусственного билингвизма это практически недостижимо), а в том, чтобы они могли отличать на слух тот или иной вариант изучаемого ими языка, а также чувствовать стилистическую окраску речи.

Усвоение неродного языка в ситуации искусственного билингвизма, то есть «вне отсутствия соответствующего языкового окружения»⁴, делает выбор языковой нормы принципиально важным. В то же время искусственный характер обстановки изучения языка диктует использование стратегий и обучающих материалов, дающих учащимся возможность живого знакомства с как можно большим количеством вариантов изучаемого языка, с нормативными проявлениями вариативности в языке. Наш опыт преподавания показывает, что знакомство с языковой вариативностью изучаемого языка в сочетании с теорети-

ческим объяснением фактов вариативности формирует у обучающихся правильное понимание динамического характера изучаемого языка. Понимание обучающимися законов вариативности и динамизма языка создает реальную картину его существования и развития.

Вариативность является весьма важным лингвистическим фактором с точки зрения обучения фонетике неродного языка. Для носителя языка вариативность речи, обусловленная изменениями темпа речи, при переходе от неполного к полному типу произношения, при смене стиля устного изложения является вполне естественным явлением. Для изучающего иностранный язык эти изменения, то есть собственно вариативность речи, представляют весьма сложную задачу. Обучение иноязычной фонетике ориентировано на определенный тип произношения и стиль произнесения, а отступления от первого или второго представляются для не носителя языка «нарушениями», недопустимыми для него. В результате, будучи заключенным в «прокрустово ложе» нормы произношения, обучающийся индивид лишает свою речь той вариативности, которая сообщает оттенок естественности речи, ее экспрессивности. Вариативность – языковой процесс, отражающий способность говорящего человека к экспрессии, к свободе выражения своих мыслей и чувств в звучащей речи. Вариантность, с точки зрения изучающего язык, может рассматриваться как нечто стабильное на данном синхронном срезе языка, уже установленное в нем. Так, мы говорим, что в английском языке существуют американский, британский и австралийский варианты. Для изучающего иностранный язык важно знать, какой вариант языка изучать, какой стиль, какой вариант произношения избрать для данной социально обусловленной ситуации, какой тип произношения принять за норму.

Изучение явлений интерференции при языковом контакте является актуальной задачей современной социолингвистики и методики обучения иностранным языкам. Интерес к этой проблеме в русле указанных наук не случаен. В условиях расширяющихся и углубляющихся связей между странами и народами мира остро встает вопрос об эффективности коммуникации между людьми, носителями разных языков и культур. Первейшая задача ученых состоит в том, чтобы изучить возможные пути повышения эффективности речевой коммуникации, достижения полного взаимопонимания между людьми. В речи билингва, владеющего двумя языками, происходит не только взаимодействие языковых систем, но и проявляется присутствие двух различных культур. Межкультурная коммуникация предполагает «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам»⁵. В ситуации искусственного билингвизма, при обучении иностранному языку в школьной или студенческой аудитории, нельзя не уделять особого внимания формированию у учащихся межкультурной компетенции, способствующей созданию адекватного понимания различий между языками и культурами, развитию интуиции в интерпретации реакции (положительной или отрицательной) носителей языка на свои речевые поступки, а также прочному освоению правил речевого поведения в чужом социуме, которые могли бы способствовать более успешной коммуникации и уменьшить риск нежелательных коллизий в речевом межкультурном общении.

Билингвизм как явление межкультурной коммуникации представляет несомненный интерес как для лингвистов, так и для преподавателей иностранного языка, от которых в значительной степени зависит эффективность практики межкультурной коммуникации.

Современные языки являются результатом целого ряда внутриязыковых и внеязыковых изменений. Во многих отечественных и зарубежных работах лингвистов по истории языка говорится о вариативности и динамизме языковых изменений⁶. Динамическая сущность языка проявляется в определенных законах фонетической, лексической и грамматической вариативности в каждом конкретном языке. Реальные механизмы языковых изменений определяются как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Гвоздецкая Н.Ю.* Язык и стиль древнеанглийской поэзии. Иваново, 1995. С. 7.
2. *Кузьмина Л.Г., Сафонова В.В.* Типология социокультурных ошибок в англоязычной письменной речи русских обучаемых // Иностр. языки в школе. 1998. № 6. С. 8.
3. *Вишневская Г.М.* Билингвизм и его аспекты. Иваново, 1997. С. 16.
4. *Бернштейн С.И.* Вопросы обучения произношению (Применительно к преподаванию русского языка иностранцам) // Вопросы фонетики и обучения произношению / под ред. А.А. Леонтьева, Н.И. Самуйловой. М., 1975. С. 15.
5. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1990. С. 26.
6. *Солдатова Н.В.* Лингвистические основы тестирования письменной речи (на материале экзаменационных сочинений): дис. ...канд. филол. наук. М., 1997. С. 10.

BILINGUAL DISCOURSE AND TWO COMMUNICATION SYSTEMS

N. Popiashvili, K. Khatishvili

What with language interference, spelling mistakes are not the only ones that crop up in bilinguals' writing. The article treats written speech errors of social and cultural character in terms of cross cultural communication. The term "a social and cultural error" implies all written speech drawbacks that appear due to dissimilar social and cultural perception of the world (for example, Russians learning the English language). Social and cultural errors are of several types, which give away a foreigner's writing. "Written speech accent" becomes more marked in translations from Russian into English, official documents, compositions, etc.

Key words: discourse, communication system, social and cultural error, written speech errors.

© 2009

З.Р. Аглеева

ОСОБЕННОСТИ КОЛОРЕМ В СОСТАВЕ ФРАЗЕМ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ КАК ПРЕДМЕТ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье рассматриваются особенности функционирования колорем в составе фразем русского, татарского и казахского языков. Отмечаются различия в их коннотации, которые необходимо учитывать при составлении словарных статей многоязычных фразеологических словарей.

Ключевые слова: колорема, фразема, словарная статья, фразеологический словарь.

Национально специфическими и культурно значимыми помимо национальных артефактов и их наименований, антропонимов, топонимов и т. д., выступают цветообозначения, или колоремы, способность которых воздействовать на эмоции, психологическое состояние человека отмечалась неоднократно. Есть самые противоположные, в том числе и спорные, точки зрения по поводу национального характера восприятия мира. Нам же импонирует в большей степени позиция академика Д.С. Лихачёва, высказанная им в статье «Заметки о русском»: «Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности — значит делать мир народов очень скучным и серым»¹. Передать красочность окружающего мира, отразить всё его многоцветье помогают прежде всего колоремы, воспринимаемые различными этносами по-разному, в зависимости от стереотипов, бытовых условий, жизненного опыта. Чаще всего первичное, основное значение той или иной колоремы в различных языках совпадает, а метафорическое употребление несёт на себе разную коннотацию. «Среди основных цветов можно выделить небольшую группу ядерных — наиболее распространенных и употребительных в данном языке обозначений цвета. К ядерным относятся ахроматические цвета: белый и чёрный (в русском сюда следует отнести и серый), — а также цвета красный, зелёный, синий, жёлтый. По данным частотных словарей относительная употребительность этих цветов следующая: белый — красный — чёрный — зелёный — синий — серый — жёлтый»². Однако следует отметить, что распространённость того или иного колоратива преходяща. Так, всего два десятилетия назад наиболее употребительным не только в русском языке, но и в языках народов Советского Союза было прилагательное *красный* — цвет официоза, отношение к которому передавалось во многих произведениях (достаточно яркая иллюстрация — отрывок из стихотворения Д. Былинского «Красная площадь»: «*Дороже цвета красного и краше Для нас на свете не было и нет. Недаром солнце, Даже солнце наше, Несёт в себе с рождения Красный цвет. О красный цвет! В нём солнечная сила. И правда в нём...*»). Заключение В.Г. Гака основывается на анализе толковых словарей. Если же обратиться к фразеологическим словарям, то можно сделать вывод о степени частотности в разных языках колоративных компонентов фразем и особенностях

употребления колорем в составе фразем. Так, в казахских ФЕ чаще встречаются колоремы *белый* и *синий*, в татарском — *белый* и *чёрный*, хотя и остальные названные выше цвета употребительны. В русских фраземах преобладают *чёрный* и *белый*, несколько ниже частотность колоремы *красный*.

Отрицательные эмоции, горькие, мрачные чувства, бедствия, трудности традиционно видятся русскому человеку в черном цвете: *держат в чёрном теле*; *чёрная душа* — дело дурное, худое, злое, бессовестное; *чёрные мысли*, думы, *чёрный глаз* — недобрый, завистливый; *чёрная лестница*, *чёрный день* — день несчастный, *пора бед*, *нужды* и т. д. Однако частотность употребления ФЕ и устойчивых словосочетаний терминологического типа с компонентом *чёрный*, если сопоставлять материалы современных толковых словарей и «Толкового словаря живого великорусского языка», несколько снизилась: В. Далем отмечены единицы, в настоящее время устаревшие: *чёрный народ*; *чёрная дань*; *чёрный передел земли*; *чёрная кровь* — черножильная, обратная или венозная; *чёрная трава*; *чёрный папоротник*; *чёрное крыльцо*; *чёрная изба*; *чёрный тук* и др. Отдельные сочетания могут образовывать оппозиции по колоремам: *чёрный лес* — *белый лес*, *чёрная изба* — *белая изба* и пр.

Цветовые обозначения входят и в состав паремий, причём наиболее частотна колорема *чёрный*: *Береги (наси) денежку про чёрный день*; *В чёрный день не мирись, не кумись — ссора будет*; *Чёрный день придёт — приятели откинутся*; *Чёрная коровка, да бело молоко*; *Работа чёрна, да денежка бела*; *Чёрен, да задорен, бел, да не смел*; *Чёрный глаз опасен*; *С чёрными в лес не ходи, с рыжими баню не топи*; *Чёрная одежда (ряса) не спасёт, белая не клянет* и т. д. Не менее употребительны и компаративные сочетания: *напился чернее матушки-грязи (чернее государевой шляпы)*; *чёрен, как сажка (как уголь, как смоль, как ворон, как земля)*; *чернее грязи, сажки, угля* и др.³. Актуально значение пословицы, зафиксированной В. Далем *Ходит в чёрном, а красну замышляет!* — 'шар, на выборах, неизбирательный, отрицательный'⁴.

«Образ фразеологизма соотносится также с цветовым кодом культуры, т. е. с совокупностью имён-цветовых обозначений, обладающих окультуренной символикой в окультуренном мировидении. Белый цвет является одним из наиболее многозначных и символически насыщенных цветов в мифологических представлениях различных народов и архетипически противопоставлен чёрному цвету. Он может символизировать чистоту, девственность, непорочность (ср. белый цвет в брачных обрядах многих индоевропейских народов), а также неопытность, неискущённость. Эта архетипическая символика позволяет белому цвету ассоциироваться с представлениями о чём-то неизведанном, загадочном (напр., белыми являются похоронные саваны, белый цвет — цвет привидений)⁵. Однако эмоциональный фон символического значения компонента-колоратива *белый* в русском языке может быть отмечен (и чаще всего!) отрицательной коннотацией: *белая ворона* ('человек, который резко выделяется чем-л. из окружающих его людей, не похожий на них'), *белая горячка* ('припадок временного помешательства с галлюцинациями вследствие пьянства'), *белыми нитками шито* ('неловко, неумело, искусно скрыто что-л.'), *доводить до белого каления* ('приводить до состояния иступления, полной потери самообладания'), *сказка про белого бычка* ('бесконечное повторение одного и

того же с самого начала, возвращение к одному и тому же'). На первый взгляд, интересен и необычен фразеологический образ ФЕ *белые мухи* 'первые снежинки', но компонент-инсектицид снижает восприятие. Значение 'весь огромный мир, вся земля' имеет фразеологизм *белый свет*, но параллельно существует и ФЕ *белый свет не мил* ('Ничто не радует, всё угнетает, раздражает кого-л. настолько, что жить не хочется'), т. е. далеко не все ФЕ с компонентом-колоремой *белый* в русском языке отмечены положительной коннотацией. Часть фразем безобразна, близка к терминам (*белые собачки* — 'специально введенные автором рукописи в текст произведения абзацы, предложения, рассчитанные на вычёркивание цензором, чтобы важное, основное в мыслях автора дошло до читателя'; *белые воротнички*; *белая кость*). Колорема *белый*, по материалам словаря В. Даля, входит в целый ряд сочетаний терминологического характера (*белый камень, белая руда, белое золото, белое железо, белое серебро, белый товар, белая кухарка, белый чугу́н, белая земля, белое место, белые крестьяне* и др.), часть из которых может составлять бинарные оппозиции: *белое вино (пиво, мёд, сливы, хлеб)*.

Противопоставление белого и чёрного цветов у татар и казахов несколько иное, чем у русских. У казахов «национально-специфическое в концепте *кара* связано с его положительной коннотацией: священный, могущественный, могучий, мощный, обильный, многочисленный. *Кара халык, кара жол* — 'священный', т.к. речь идёт о благословляемом пути/дороге, о своём народе»⁶. В татарской лингвокультуре в принципе можно говорить о культе *белого* и неприятии *чёрного*. Во фразеологии не могли не отразиться обычаи, традиции народа, столь отличные от быта европейцев. Чаще всего различаются обряды, связанные с рождением, свадьбой, религиозными и национальными праздниками, похоронами. Именно эти денотативные ситуации подчёркивают этническое своеобразие народа. Даже в последний путь татары обычно провожают в белом: смерть у мусульман рассматривается как день рождения, возрождения к новой, вечной жизни (у казахов естественная, биологическая смерть также окрашена в белый цвет — *ақ олим*). Позитивная маркированность колоратива *ак* просматривается и в традиционных пожеланиях татар: «*Ак ниятең булсын!*» («*Пусть светлыми будут помыслы!*»), «*Ак юлың булсын!*» («*Пусть светлой, удачной будет дорога!*»). Обращение к ребёнку — *мой беленький, белая рыбка* — ещё одно свидетельство особого отношения к данной колореме. Следует отметить положительную коннотацию колоремы *белый* и в ФЕ *ақ көйлек* (букв.: белое одеяние) в значении 'отзывчивый, добрый, душевно щедрый; человек большого сердца'; *ақ көңіл* (букв.: белая душа) — 'простодушный, добрый'; *ақ жүрек* (букв.: белое сердце) — 'прямодушный, откровенный'; *ақ жарқын* (букв.: белое сияние) — об оптимистичном, жизнерадостном человеке; *ақ бата* [тілек] (букв.: белое благословение, пожелание) — 'получить благословение'; *ақ жолтай болу* (букв.: сопутствовать счастью) — характеризует человека, которому сопутствует удача, счастье; *ақ сөйле* (букв.: говори белое) — '1. Говори правду, святую истину. 2. Быть счастьем!' Традиционно в жертву у тюркских народов приносились белые или светлые животные. Это отмечено и во фрейме *ақсарбас айту* (букв.: принести в жертву белого барана с жёлтой головой или белого верблюда), воспринимаемой в обобщённом значении 'жертвоприношение'.

Среди казахских ФЕ есть и идиома, в основе семантического кодирования которой лежит символ — белая кошма. Этот символ зародился в древние времена, когда наличие белой кошмы считалось признаком благосостояния. *Ақ киізге көтеру* (букв.: поднять на белой кошме) — ‘провозгласить ханом, короновать’. Отмечается и ярко выраженный гендерный признак компонента *ақ*: *ақ жаулық* (букв.: *белый платок*) актуализирует в сознании образ подруги жизни, матери. Словари⁷ содержат и несколько ФЕ с отрицательной коннотацией компонента *ақ*: *ақ жауын* — (букв.: *белый дождь*) — ‘затяжной дождь’; *ақ сирақ (сүйек) жұт* — (букв.: *белые кости джута*) — ‘гибель скота из-за отсутствия корма после долгой суровой зимы’; *ақ көз* — (букв.: *человек с белой пеленой на глазах*) — ‘безоглядный, безрассудный, действующий, не размышляя, не думая об опасности’. На первый взгляд, фразеологическое значение ФЕ *ақ жауын* трудно объяснимо: *белый* и вдруг *затяжной*, но когнитивные механизмы образования данной фраземы, вероятно, связаны с метафорическим переносом часто повторявшейся в начале лета картины, когда пронзительный ветер приносил дожди с градом, губившим скот. Сочетание *белые кости* характерно для многих языков, часто встречается оно и в русском фольклоре.

В последнее время нередко пишут о соотношении голубого и синего цветов в разных языках, замечая, что достаточно часто вторая колорема лакунарна. Р.М. Фрумкина отмечает тесную ассоциативную связь синего цвета с духовностью, возвышенностью, мистическими мотивами⁸. Словарь⁹ фиксирует большое количество ФЕ с компонентом *синий* (значительное расширение за счёт ассоциаций с денотативными ситуациями). Компонент-колорема *синий (көк)* может иметь и положительную, и отрицательную коннотации и используется как показатель интенсивности, высшей степени какого-л. качества или явления. Так, наличие платья и сапог такого цвета могло характеризовать достаток, состоятельность, зажиточность владельца [(*Көйлегі көк, тамағы тоқ* (букв.: *платье синее, сам сыт*) в значении ‘живущий в достатке, довольстве’; *Көк етікті кез келмей, көн етіктіне көзге ілмеу* (букв.: *тому, что в синих сапогах, не встретиться; на того, что в грубых сапогах, не обращать внимания*)]. Т.о., в приведённых ФЕ *синий* имеет дополнительную семантику ‘быть в достатке; богатый, дорогой’. Если в казахских ФЕ основное значение обусловлено колоремой *көк*, то при наличии подобной единицы на русской почве внимание уделялось бы, вероятно, компоненту *сапоги*: «...вплоть до XIX в. носители русского языка говорили о любом дорогом товаре, что он в сапогах ходит, имея в виду недоступность того или иного предмета продажи для людей, обутых в лапти — в сапогах щеголяли только богачи»¹⁰. Интересна идиома *айтулы көкжал* (букв.: *прославленная синяя холка*). Первое значение её связано с компонентом-зооморфизмом *матёрый волк*. Перенос по действиям, напоминающим повадки злобного хищника, позволил создать мыслительную картинку, значение которой ‘бесстрашный, известный отрицательными поступками и действиями человек’. В русских устойчивых компаративных конструкциях *волк* наделяется чаще всего эпитетами *злой, жадный, голодный, глупый, затравленный, загнанный*; отрицательна коннотация и сравнений *смотрит волком, глаза как у волка* и т. д. А в казахских тотемических мифах, представлениях о фантастическом родстве между группами людей и тотемами — различными видами животных и растений, фе-

тишизируется образ волка, связанный с культом предводителя боевой дружины или родоначальника племени. Поэтому сравнение *подобный волку, как волк* в казахском представлении имеет только положительную коннотацию: это лучшее сравнение для воина.

Наиболее частотны ФЕ, в значение которых колорема *синий* повышает интенсивность проявления отрицательных сем: *көк айыл [долы]* (букв.: синяя истеричка) — ‘вспыльчивая, раздражительная, сварливая (о женщине)’. ФЕ характеризует высшую степень несдержанности; легко представить денотативную ситуацию, лёгшую в основу фразеологизации. В сильном гневе, будучи чем-то недовольным, человек меняется в лице: он краснеет, но может побагроветь от крика, побелеть, пойти пятнами, наконец, посинеть. Состояние кожных покровов в момент истерического крика, психическое состояние, метонимизируясь, переносится с конкретной ситуации на типичную, характеризующую крикливую, раздражительную женщину, не умеющую или не желающую себя сдерживать, часто опускающуюся до такого состояния. Есть ещё одна идиома, в основе которой аналогичная денотативная ситуация: *ақ безер де көк безер болу* (букв.: *отпираться до посинения*). Она характеризует людей, не признающих свою причастность к чему-л. сказанному, сделанному, отказывающихся дать согласие на что-л. На первый взгляд, актуальное значение фраземы является необычным, немотивированным, но при рассмотрении внутренней формы ФЕ и фразеологического образа можно объяснить закономерность формирования актуального значения. В.Г. Гак объясняет непредсказуемость такого рода колоративных «парадоксов»: «не всегда можно логически объяснить, почему тот или иной цвет связывают с интенсивностью. Нередко непривычный цвет, обычно не прилагаемый к данному существительному, подчёркивает исключительный, чрезвычайный характер явления. Такое усилительное немотивированное чисто эмоциональное употребление прилагательных цвета свойственно всем языкам. Разве мы не говорим по-русски о сильной скуке: «скука зелёная», не будучи в состоянии объяснить, почему мы употребляем именно это прилагательное?»¹¹.

ФЕ *көзине көк шыбын үймелету* (букв.: сделать так, чтобы перед чьими-то глазами бегали синие мушки) в значении ‘мучить, издеваться; сурово наказать’ авторы «Казахско-русского фразеологического словаря»¹² считают частичным эквивалентом русской ФЕ *показать где раки зимуют*, однако исходная фразема имеет в качестве свободного прототипа гораздо более жестокую, натуралистическую денотацию. Отрицательной коннотацией обладают и фраземы *көк ми* (букв.: синий мозг) в значении ‘глупый, бестолковый’; *көк бака* (букв.: синяя лягушка) — многозначная ФЕ: 1. Очень худой, измождённый человек. 2. Тощий (о скоте), что основано на первоначальном чисто цветовом признаке. Дословный перевод идиом *синий мозг*, *синяя лягушка* делает мысль не совсем понятной, мотивация обоих значений определяется прежде всего колоремой. И в русском языке данная лексема имеет сходную коннотацию (так, в одном из детективных шоу Е. Логунова обыгрывает ситуацию с использованием цветообозначений: «А бедная Трошкина даже не дрожала, она *коченела* молча и уже *начала синеть*. — Привет *красным девицам!* — весело гаркнул Зяма, плюхнувшись на водительское сиденье. — *Синим*, — поправила я. — Умоляю, включи печку!»).

В казахских ФЕ одним и тем же компонентом *көк* передаются разные цвета: *синий* (а словосочетанием и *голубой*) и *пёстрый*. Фразеологические единицы с компонентом-колоремой *көк* в значении 'пёстрый' несут чаще отрицательную характеристику [*көк ала [көкіме] мылжын // көк ауыз [езу]*] (букв.: пёстрый болтун, синеротый) представляет человека, занимающегося пустыми разговорами; болтающего попусту; *көк ала қойдай кылу [ету]* (букв.: сделать подобным пёст-рому барашку) передаёт ситуацию сильного избиения кого-л.]. Интересно то, что в казахском языке есть и лексема *пёстрый*, в том числе и ФЕ с компонен-том-данной лексемой, также несущие отрицательную коннотацию, но тем не менее колорема *көк* достаточно употребительна и в значении 'пёстрый'. Негативная окраска компонента *пёстрый* имплицитно просматривается и в идиоме *ала жібін аттамау* (букв.: не перешагивать через чью-л. пёструю веревку), ха-рактеризующей очень честного и скромного человека. Значение 'поссориться; отдалиться друг от друга', присущее русской фраземе *чёрная кошка пробежала (между ними)*, передаётся ФЕ *араларына ала жіп түсу* (букв.: между ними про-легла пёстрая нить). Компонент *пёстрый* объективирует то, что является свое-образной границей, которую нельзя перешагивать честному человеку, друзьям, если они хотят оставаться таковыми.

Наше обращение к фразеологическим единицам с компонентами-колорема-ми объясняется тем, что фразеологизмы лаконично и сжато передают глубокое смысловое содержание, тем, что «фразема ... изначально предназначена не столько называть предметы и явления, сколько выражать связанные с ними со-циально значимые коннотации»¹³. Фразеология отражает этнонациональную символику цветов: с каждым цветом у разных народов связываются определённые представления, впечатления, чувства, что и должно фиксироваться много-язычными фразеологическими словарями. В содержательной стороне языка представлена картина мира этноса, которая помогает понять, чем различаются национальные культуры, как они дополняют друг друга. «...Сравнивая своё и чужое, люди выделяют значимые сходства и различия и дают различиям эмо-циональную оценку»¹⁴. Сопоставление функционирования колоративов в раз-личных когнитивных системах позволяет выявить универсальные и культур-но-специфические черты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лихачёв Д.С. Заметки о русском // Д.С. Лихачёв. Избранные работы: в 3 т. Т. 2. Л., 1987. 2001: 465.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале франц. и русского язы-ков. М., 1977. С. 193.
3. [Даль 2000, т.4: 594]
4. [Даль 2000, т.4: 594]
5. Гак. Ук. соч. С. 36.
6. Кожяхметова Х.К. и др. Казахско-русский фразеологический словарь. Алматы, 1988.
7. Там же.
8. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М., 2001.
9. Кожяхметова. Ук. соч.

10. Бабушкин А.П. Сходство концептуальных «фактур» фразеологических единиц разных языков // Слово — сознание — культура: сб. науч. трудов / сост. Л.Г. Золотых. М., 2006. С. 228.
11. Гак. Ук. соч. С. 200–201.
12. Кожяхметова. Ук. соч.
13. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М., 2008. С. 451.
14. Алефиренко Н.Ф. Спорные вопросы семантики. М., 2005. С. 5.

FRAZEME COLOUREMES OF DISSIMILAR STRUCTURE LANGUAGES AS AN OBJECT OF PHRASEOGRAPHIC DESCRIPTION

Z.R. Agleyeva

The article deals with peculiarities of colouremes as components of Russian, Tatar, and Kazakh phrasemes. They display a number of connotation distinctions that must be taken into account when making multilingual phraseological dictionary entries.

Key words: coloureme, phraseme, vocabulary entry, phraseological dictionary

© 2009

А.С. Алёшин

СИСТЕМА ОБРАЗОВ-ЭТАЛОНОВ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается система образов-эталонов шведских устойчивых сравнений, характеризующих человека, с различных точек зрения: тематической принадлежности эталонов, использования того или иного эталона в зависимости от основания сравнения, мотивированности / немотивированности выбора эталона, языковых средств создания образности устойчивого сравнения. Анализируется национально-культурная специфика шведских устойчивых сравнений как в плане выражения, так и в плане содержания.

Ключевые слова: образ-эталон, устойчивое сравнение, шведский язык, языковое средство, национально-культурная специфика.

Устойчивое сравнение (УС) — это устойчивое сочетание, представляющее собой фигуру речи, оно «обычно является результатом многовекового употребления»¹, одним из способов оценки и осмысления окружающей нас действительности, основанным «на сопоставлении двух предметов или явлений для бо-

лее точного, образного описания одного из них”². Сравнение занимает необычайно важное место в познании и языке, являясь одним из способов отражения языковой картины мира целого народа (что закреплено в устойчивых сравнениях) или отдельного носителя языка (проявляется в индивидуально-авторских сравнениях). У представителей одной и той же лингвокультурной общности вырабатывается «система образов-эталонов»³. Система образов-эталонов находит языковое выражение в узуальных метафорах, в паремиях и фразеологизмах, но наиболее отчетливо проступает в устойчивых сравнениях. Вслед за В.Н. Телия, под термином *эталон* понимается «характерологическая образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией, персоной, культурным объектом, вещью, которая становится знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства»⁴.

Объектом рассмотрения в данной статье является система образов-эталонов УС шведского языка, характеризующих человека. Источниками для исследования послужили фразеологические словари шведского языка⁵.

УС шведского языка, характеризующие человека, используют 308 различных эталонов, которые распределяются по 18-ти тематическим группам, наиболее объемными из которых являются: зоонимы (83 единицы): *en ekorre* (белка), *en vinthund* (борзая), *en buffel* (буйвол), *en tjur* (бык), *en oxe* (вол), *en varg* (волк), *en sparv* (воробей), *en korp* (ворон), *en lus* (вошь), *en alika* (гагара), *en gasell* (газель), *en kaja* (галка), *en orm* (змея), *en ko* (корова), *en räva* (лиса), *en iller* (хорек), *en hök* (ястреб) и др.; хозяйственно-бытовые реалии (39 единиц): *tefat* (блюда), *en tunna* (бочка), *knappnålshuvud* (булавочные головки), *vantar* (варежки), *en spik* (гвоздь), *en kratta* (грабли), *en ladugårdsdörr* (дверь в скотный двор), *en stör* (жердь), *ett dasslock* (замок в деревенском туалете), *nålar* (иголки) и др.; названия лиц (31 единица): *en atlet* (атлет), *en bandit* (бандит), *en vansinnig* (безумец), *en bärsärk* (берсерк), *en vandal* (вандал), *en barbar* (варвар), *en tjuv* (вор), *en herre* (господин), *en drummel* (грубиян), *ett fån* (дурак), *en idiot* (идиот), *en spanjorska* (испанка), *en konfirmand* (конфирмант) и др.; фитонимы и их части (23 единицы): *vattenmelonskärnor* (арбузные косточки), *klasar* (грозди), *gröna ärter* (зеленые горошины), *perparkorn* (зерна перца), *en lilja* (лилия), *en citron* (лимон), *ett asplöv* (осиновый лист), *en stubbe* (пень), *en pion* (пион), *en kardborre* (пенейник), *en nötjärna* (ядро ореха) и др.; мифологемы (21 единица): *en Adonis* (Адонис), *en ängel* (ангел), *en Gud* (Бог), *en höxa* (ведьма), *en jätte* (великан), *en tomt* (гном), *en djävul* (дьявол), *en ond anda* (злой дух), *en dvärg* (карлик), *ett troll* (троль), *en bortbyting* (сын троля), *en furie* (фурия), *fan* (черт), *en älva* (эльва) и др.; наименования природных реалий и явлений природы (20 единиц): *en vind* (ветер), *en virvelvind* (вихрь), *en luft* (воздух), *ett åskväder* (гроза), *ett åskmoln* (грозовая туча), *en sten* (камень), *en lavin* (лавина), *azurblå havet* (лазурное море), *en is* (лед), *en skogstjärn* (лесное озеро), *en mene* (луна) и др.

Эти тематические сферы являются универсальными, т.к. человек, сравнивая, наблюдает за окружающим его миром: животными, собственным бытом, другими людьми, неживыми объектами природы, явлениями природы — и привлекает свои мифологические, религиозные представления.

Один и тот же эталон часто выступает в нескольких шведских УС с разными основаниями сравнения, что обусловлено комплексным восприятием объекта сравнения, способностью видеть его различные стороны. Так, *en iller* (хорек)

служит эталоном сравнения быстрого человека, хорошо работающего, хорошо сражающегося, *en ekorre* (белка) — быстрого, гибкого, умеющего хорошо лазать, хорошо прыгать, *en häst* (лошадь) — сильного, жадно употребляющего пищу. *En fiol* (фиалка) служит эталоном для сравнения цвета глаз человека и эталоном скромности. *Ett bi* (пчела) — эталон сравнения злого и одновременного трудолюбивого человека, *en oxe* (вол) — сильного и ленивого. *En ko* (корова) — эталон для сравнения размера глаз человека, одновременно может выступать как эталон глупости, лени и спокойствия. *En igel* (ниевка) выступает эталоном в УС с основаниями «навязчивый» и «работающий с предельным напряжением сил», *en orm* (змея) — «хитрый», «неискренний» и «умный». Со зверем (*ett djur*) сравнивают человека, который жадно ест, ведет себя агрессивно (*ett vilddjur* — дикий зверь), хорошо сражается, трудится, разъярен, воет (скулит) и орёт. «Рекордсменом» по количеству УС, в которых он употребляется, является эталон *ett svin* (свинья). Свинья характеризует 1) толстого, 2) грязного, 3) неаккуратно употребляющего пищу, 4) упрямого, 5) ведущего себя невоспитанно, 6) злоупотребляющего спиртным, 7) орущего (как ошпаренная или закалываемая свинья) человека. Представитель такой профессии, как *связыватель щеток* (*borstbindare*) служит эталоном общественно осуждаемого поведения: с ним сравнивают человека, который пьет, курит, ругается и лжет.

Но один и тот же эталон может быть использован при создании разных образов, лежащих в основе УС. Так, эталон *ett barn* (ребенок) употребляется в разных УС: с основанием сравнения «спать» используется образ *хороший ребенок* (*ett gott barn*), «беспомощный» — *маленький ребенок* (*ett litet barn*), «невинный» — *новорожденный ребенок* (*ett nyfött barn*), основание сравнения «вести себя назойливо» использует образ *ноющего и скулящего ребенка* (*kvida och jättra sig som ett barn*). Эталон *en hund* (собака) употребляется в УС с основаниями «мерзнуть, трястись» (образ — *мокрая собака* (*en våt hund*)), «выглядеть» (образы — *мокрая собака* (*en våt hund*)), *грустная собака* (*en ledsen hund*)), *побитая собака* (*en pryglad hund*)), «тихо уйти» (образ — *мокрая собака* (*en våt hund*)).

Некоторые основания сравнения объективно мотивированы и понятны. В их основе лежат реальные наблюдения, например, за внешним обликом и поведением животных, свойствами предметов. Так, *угорь* (*en ål*) является эталоном УС с основаниями «гибкий» и «скользкий» благодаря манере двигаться и отсутствию чешуи у этой рыбы, *бревно* (*en stock*) служит эталоном сравнений с основаниями «спать» и «ленивый» в силу своей неподвижности, *лёд* (*en is*) — для УС с основанием «холодный» в силу своих физических качеств.

Можно объяснить мифологическим контекстом такие основания сравнений с эталоном *ett troll* (троль), как «страшный внешне», «меняющий личину» и «богатый», а также сравнения с эталонами *borthyting* (сын тролля) с основанием «некрасивый» и «орать», *älva* (эльва) — с основанием «парить в танце». Тролли — мифологические существа, фигурирующие во многих скандинавских сказках и народных преданиях. Они считались уродливыми, страшными и враждебными человеку, способными перевоплощаться и принимать человеческий облик, и при этом владели огромными богатствами. Шведским словом *borthyting* обозначался детеныш троллей, которого они подкидывали людям вместо украденного человеческого ребенка. Эльвами в скандинавской мифоло-

гии назывались существа женского пола, танцевавшие на лугах, полях и болотах в сумерках и на рассвете, практически всегда оставаясь невидимыми.

Знание реалий может помочь объяснить мотивированность эталона УС *ngn skiner som solen i Karlstad* (кто-л. светится как солнце в Карлстаде). В данном случае речь идет не о том, что солнце светит всегда или по-особому в этом шведском городе, а о том, что солнце изображено на гербе города. В УС *ngn är rak som en Moraklocka* (кто-л. прямой как часы из Муры) шведская национальная реалия «часы из Муры», известная носителям языка, требует историко-культурного комментария для иностранцев. Речь идет о больших напольных или настенных часах с маятником, производившихся в большом количестве с 40-х годов XVIII в. в городе Мура (провинция Даларна Центральной Швеции), производство которых сократилось с середины XIX в.

Но почему шведские УС приписывают *свинье* и *терьеру* упрямство, а *хорьку* — способность хорошо работать, исходя из наблюдений за данными животными объяснить затруднительно. По всей вероятности, в этих случаях можно говорить о традиционно сложившемся стереотипном представлении, отражающем мировидение народа, обиходно-культурный опыт народа.

В ряде случаев следует, видимо, признать, что УС построены на парадоксальности сравнения, что делает их более экспрессивными: *пьяный* как *гагара*, *галка*, *яйцо*, *пушка*; *глупый* как *опилки*, *голубь*, *камбала*; *появляться где-л. внезапно*: кто-л. *подбегает/подлетает* как *намазанная маслом молния*.

В большинстве случаев шведские УС используют разные эталоны для одного основания сравнения. Например, для основания сравнения *сильный* используются такие эталоны, как *медведь*, *лошадь*, *бык*, *вол*; для *здоровый* — *ядро ореха*, *окунь*, *молодой месяц зимой*; *быстрый* — *белка*, *хорек*, *ласка*, *метель*, *стрела*, *ветер*, *юноша*; *гибкий* — *белка*, *пантера*, *кошка*, *угорь*. Эталоны *упрямого* человека служат *грех*, *свинья*, *осел*, *терьер*, *старуха против потока*. Эталоны невинности — *ягненок*, *голубь*, *новорожденный ребенок*. *Спать* можно как *забитый тюлень*, *бревно*, *камень*, *забитый вол*, *хороший ребенок*; *орать* — как *сумасшедший*, *зверь*, *закалываемая (ошпаренная) свинья*, *сын тролля*, *привидение*, а *молчать* — как *стена*, *рыба*, *колокол без языка*.

Один эталон для одного основания сравнения используется реже. Так, эталон *прожорливости* — *волк*, *живучести* — *кошка*, *стеснительности* — *конфирмант*, *вороватости* — *сорока*, а вот эталон *вора* — *ворон*. *Тихий* человек сравнивается с *мышью*, *красиво парящий в танце* — с *эльвой*, *влюбленный* — с *котом пономаря*.

С точки зрения структуры УС шведского языка могут быть построены на антитезе двух эталонов сравнения: *ngn går upp som en sol och ned som en pannkaka* (кто-л. *восходит как солнце и заходит как блин*) — о деловых качествах человека; *ngra är olika som natt och dag* (кто-л. *разные как ночь и день*), *ngra är lika sams som hund och katt* (кто-л. *как кошка с собакой*) — ‘жить недружно’; *ngn mår som en prins i en bagarbod* (кто-л. *чувствует себя как принц в лавке булочника*) — ‘чувствовать себя прекрасно’; *ngn känner sig som en sparv i tranedansen* (кто-л. *чувствует себя как воробей в танце журавлей*); *ngn känner sig som femte hjulet under vagnen* (кто-л. *чувствует себя как пятое колесо в телеге*) — ‘чувствовать себя не таким как все, ненужным’; *ngn är lika dum som gud är vis* (кто-л. *настолько глуп*

ный, насколько Бог мудрый).

С другой стороны, УС может быть построено на объединении двух эталонов: *ngra är som ler och långhalm* (кто-л. вместе как глина и солома) — ‘быть с кем-л. неразлучным’.

УС может представлять собой развернутый образ-ситуацию: *ngn sitter som en smörklick på en het potatis (om en dålig ryttare)* (кто-л. сидит как кусок масла на горячей картошке) — о плохом наезднике; *ngn går som katten kring het gröt* (кто-л. ходит как кот вокруг горячей каши); *ngn går omkring som en äggsjuk/liggsjuk höna* (кто-л. ходит как курица, которая хочет снести яйца) — ‘вести себя нетерпеливо’; *ngn bligar som en ko på en nymålad grind* (кто-л. уставится как корова на свежесыкрашенные ворота) — ‘вести себя глупо’; *ngn känner sig som en åsna mellan två hättappar* (кто-л. чувствует себя как осел между двух мешков сена) — ‘чувствовать себя в глупом положении’; *ngn ser ut som om han sålt smöret och tappat pengarna* (кто-л. выглядит как будто продал масло и потерял деньги) — ‘быть растерянным’.

Таким образом, эталоны шведских УС принадлежат к разным тематическим сферам, среди которых особой номинативной плотностью отличаются зоонимы и хозяйственно-бытовые реалии. Большинство УС использует несколько эталонов для одного основания сравнения. Один и тот же эталон может выступать в УС с разными основаниями сравнения, но при этом используются разные образные характеристики. Мотивированность выбора большинства эталонов сравнений очевидна; в некоторых случаях требуется историко-культурный комментарий; часть шведских УС построена на парадоксальности сравнения. Основания сравнения некоторых УС трудно объяснимы, по-видимому, они диктуются сложившимися традиционными стереотипными представлениями (например, об упрямстве таких животных, как *свинья* и *терьер*). В структуре УС может быть использовано два эталона, противопоставляемых друг другу или дополняющих друг друга. УС может представлять собой развернутую ситуацию.

Национально-культурная специфика шведских устойчивых сравнений обнаруживается как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения — в наличии в их составе особых культурных маркеров (безэквивалентных слов-реалий, топонимов, мифологем и т. д., например, *ngn skiner som solen i Karlstad* (кто-л. светится как солнце в Карлстаде), *ngn är ful som en troll (сстрашный как тролль)*), требующих этимологического или историко-культурного комментария при их переводе. В плане содержания — в денотативной соотнесенности образа-эталона сравнения и сопутствующих ему коннотациях, которые и отражают «национальный колорит» сравнения (например, *ngn är pigg som en mört* (кто-л. бодрый как плотва), *ngn är ilsken som en dogg* (кто-л. злой как дог)).

Совпадение эталонов сравнения у шведов и других европейских народов следует, очевидно, объяснять сходными условиями быта, близостью природно-климатических условий, культурно-исторической общностью, принадлежностью к христианскому миру и — шире — к европейской культуре.

Так, для шведов, как и для большинства европейцев, *ягненок* — эталон кротости, *змея* — неискренности, *сова* — мудрости, *бык* — силы, *черт/дьявол* — «универсальный» эталон отрицательных качеств человека и т. д.

Вместе с тем выбор эталона сравнения зависит от обиходно-культурного

опыта членов определенного языкового коллектива, поэтому представления о носителях того или иного качества в разных языках чаще всего не совпадают (ср. шведское УС *ngn super som borstbindare* (кто-л. *пьет как связыватель щеток*) и русское *пьёт как сапожник*, шведское *ngn sover som en klubbad säl* (*cnum как забитый тюлень*) и русское *как убитый*, шведское *ngn arbetar/ligger i som en iller* (кто-л. *работает как хорек*) и русское *(вонючий как хорек)*).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лебедева Л.А. Введение // Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. С.4-5.
2. Русова Н.Ю. От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М., 2004. С.229.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С.241.
4. Там же.
5. Svenskt sprekbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser. Norstedts ordbok. Stockholm, 2003. 1433 s.; Svensk handordbok. Konstruktioner och fraseologi. Norstedts ordbok. Stockholm, 1999. 891 s.

IMAGE-PROTOTYPE SYSTEM OF SWEDISH FIXED COMPARISONS CHARACTERIZING HUMAN BEINGS

A.S. Alyoshin

The article describes a system of image prototypes in Swedish fixed comparisons characterizing human beings from different angles: thematic prototypes, prototype employment on the basis of comparison base, on motivated / non-motivated prototype choice, on language means underlying imagery of a fixed comparison. The article contains analysis of national and cultural features of Swedish fixed comparisons both in plane of expression and in plane of content.

Key words: image prototype, fixed comparison, Swedish, language means, national and cultural peculiarities.

© 2009

Е.В. Ничипорчик

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ В ИТАЛЬЯНСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЯХ (В ПОИСКАХ СУБЪЕКТА ОЦЕНКИ)

Мир существует не для того, чтобы мы его познавали, а для того, чтобы мы воспитывали себя в нём.

Лихтенберг

Проявление человеческого фактора в конструировании аксиологической картины мира многообразно. Значимым признаком для оценочных дефиниций может быть половая принадлежность субъекта оценки. Гендерный признак субъекта оценки обнаруживает способность к манифестации в семантике, синтактике и прагматике паремиологических единиц. Коммуникативный регистр паремиологических единиц, как ключевое звено, определяющее смысл их употребления в речи, объясняет мотивы смещения акцентов с позитива на негатив. Аксиологический портрет женщины в итальянских и русских паремиях, несмотря на отрицательную маркированность большей части оценочных дефиниций, позволяет убедиться, с одной стороны, в том, что основанием жизненной силы паремий является утверждение в них общечеловеческих ценностей, а с другой стороны, в том, что солидарность представителей мужского пола в оценке женской половины человечества, в силу значительного количества тождественных квалификаций, со всей очевидностью, неоспоренно основательна.

Ключевые слова: паремия, продуцент паремии, субъект оценки, гендерные характеристики, оценочные квалификации.

Обращаясь к пословицам и поговоркам того или иного народа, мы не перестаём удивляться точности выражаемых в них оценок. Наше согласие с мнением продуцентов паремий и является, собственно, гарантом актуальности паремических суждений. Тем не менее иногда нам кажется, что паремиологическое зеркало, на которое проецируются человеческие представления о мире, даёт некоторую кривизну. Отчасти это объясняется архаизацией некоторых представлений о мире, обуславливающей динамику социальных предпочтений, однако не только в диалектике жизни кроется причина относительности оценочных квалификаций. Главным тезисом для понимания природы оценки, по определению Н.Д. Арутюновой, является то, что «между оценочным предикатом и объектом оценки всегда стоит человек — индивид, социальная группа, общество, нация, Человечество. Из этого ключевого положения вытекают все частные свойства оценочных значений: субъективная варьируемость, связь с множеством иллокутивных сил, зависимость от конкретных обстоятельств <...>

и т. п.»¹. Таким образом, по мнению Н.Д. Арутюновой, врагом истины, а следовательно, и фактором, определяющим релятивность оценок, является «не только прагматика земного бытия, но и прагматика повседневного общения между людьми»². Какие же характеристики субъекта оценки оказываются значимыми для совершаемых им оценочных квалификаций и какими могут быть причины, подвигающие человека к вынесению небеспристрастных оценок?

Мы не будем оспаривать того, что в паремиях отражается многовековой опыт народа, правда жизни, тем не менее иногда нам хочется уточнить, чья именно позиция представляется нам как воспринятая социумом истина. Ведь, несмотря на то что становление пословицы как устойчивой, воспроизводимой единицы в языке является длительным процессом, подразумевающим участие множества лиц, очевидно, что исходное выражение, подхваченное впоследствии другими представителями социума, отточенное и отшлифованное в плане языковой огранки идеи, имеет своего конкретного, хотя и анонимного автора. И если это так, то, вероятно, в содержательных аспектах паремии может проявить себя и гендерный фактор как один из факторов, определяющих специфику восприятия мира представителями социума.

К мысли о том, что продуцентом прототекста паремии (выражения, подвергшегося паремиологизации) может являться представитель определённого пола, нас привели наблюдения над характером оценок, которые получают женщины в паремиологических единицах. Явная асимметрия положительных и отрицательных оценок женщин в пользу негатива, наблюдающаяся в паремиях, заставляет усомниться нас в том, что продуцентами паремий о женщинах могут быть сами женщины. Хотя исследователи и объясняют подобные асимметрии существованием общей закономерности преобладания в языке единиц с негативной оценкой над единицами, обладающими позитивной коннотацией³, маловероятно, однако, чтобы женщина давала негативную оценку себе сама или выделяла себя как исключение из женского сообщества, говоря о женщинах вообще плохо. Возможно, представления о женщине, отражённые в паремических текстах, — это по большей мере представления мужчин, несущих «бремя» необходимости общения с женщинами.

Для подтверждения данного предположения мы обратились к паремиологическим фондам двух народов: итальянского и русского. «Интернациональный» аксиологический портрет женщины, явившийся итогом поиска паремиологических параллелей в оценке представительниц женского пола, вне всякого сомнения, огорчит нынешних феминисток. Значительная часть дефиниций свидетельствует о желании продуцентов паремии, прежде всего, указать на недостатки женщин, предупредить несведущих о неприятностях, ожидающих их при общении с представительницами женского пола, выразить разочарование, недовольство, досаду, огорчение и даже удивление по поводу того, какой оказывается в реальной жизни женщина.

К числу общих для итальянского и русского менталитета негативных женских качеств, нашедших отражение в паремических текстах, относятся:

1) хитрость, изворотливость, лживость, коварство — *Lagrime di donne, fontana di malizia*⁴ (Женские слёзы — фонтан хитрости); *Astuzia di donne le vince tutte* (Хитрость женщины побеждает всё); *La donna finta porta la corona in mano e il*

rasoio alla cinta (Женщина-притворщица в руке несёт корону, а за поясом бритву); *Chi piglia l'anguilla per la coda e la donna per la parola, pum dire di non tener nulla* (Кто пытается ловить угря за хвост, а женщину на слове, рискует ничего не поймать); *Le donne dicono sempre la verita; ma la dicono solo a meta* (Женщины всё время говорят правду, однако не всю, а только её половину); *Non credere a albero che pende e nemmeno a donna che parla pietosa* (Не верь дереву, которое наклоняется, и женщине, которая говорит жалостливо); *Chi crede nel cuore della donna, zarpa nell'acqua e semina nella sabbia* (Кто доверяет сердцу женщины, мотыжит воду и сеет в песок); *Chi fida in donna, u guercio, zorro e cionco* (Кто доверяет женщине — косой, хромой и безвольный); *У бабы семьдесят две увертки в день; Нет в лесу столько повёрток, сколько у бабы увёрток; Меж бабьим да и нет не проде-нешь иголки; Лукавой бабы и в ступе не истолчешь; Жена льстит — лихо мыслит; Жена ублажает — лихое замышляет; Женская лесть без зубов, а с костями сгло-жет; Бабы вранья и на свинье не объедешь; Кто бабе поверит, трех дней не про-живет.* Учитывая то, что негативные оценочные значения отражают разные типы отношений к оцениваемому объекту — от гневного обличения, негодова-ния до лёгкой иронии, шуточного, незлобного ёрничания, можно предполо-жить, что интенсификация негативных значений, которая так или иначе прояв-ляется в содержательных аспектах пословицы, сопряжена с уменьшением вероят-ности создания данной пословицы теми, на кого направлен вектор негативного отношения. На этом основании продуцентом русского шуточного выражения *Жена мужа любила, в тюрьме место купила* может мыслиться как мужчина, так и женщина, осуждающая поведение чьей-либо коварной жены. А пословицы, в которых негативная оценка звучит «крещендо» и объектом оценки выступает весь женский род, созданы, скорее, теми, кто к этому роду не принадлежит. К текстам с маскулинным авторством можно с уверенностью отнести, в частно-сти, пословицы, в которых женщина, в силу присущего ей коварства, квалифи-цируется посредством апелляции к дьяволу: *Donna gabba di diavolo* (Женщина — издёвка дьявола); *La donna u nata prima del diavolo* (Женщина родилась прежде дьявола); *La donna u parente del diavolo* (Женщина — родственница дьявола); *La donna porta il diavolo in corpo* (Женщина — дьявол во плоти); *Tre figlie e una madre, quattro diavoli per un padre* (Три дочери и одна мать — четыре дьявола для отца); *La donna ha messo il diavolo nella bottiglia e si u dimenticata di tapparla* (Женщина за-сунула дьявола в бутылку и забыла её закупорить). Кстати, русские мужчины в подобных квалификациях более сдержанны: нами зафиксированы только две пословицы, в которых женщина отождествляется с нечистой силой, причём одна из этих пословицологических единиц является прибауткой, имеющей шуточный характер: *Баба да бес — один у них вес; — Иван, жена умерла! — Одной сатаной меньше.* Тем не менее русские мужчины оказались солидарны с итальянцами в оценке степени коварства женщин: и те и другие считают, что женщина превос-ходит нечистую силу, а это означает, что при создании пословиц с соответствующим содержанием и русские и итальянцы использовали, по существу, одну и ту же когнитивную модель. Ср: *Donna per piccola che sia, la vince il diavolo in furberia* (Женщина, какой бы маленькой она ни была, превзойдёт и дьявола в хитро-сти); *Le donne ne sanno una più del diavolo* (Женщины превосходят в умении само-го чёрта); *La donna gabba il demonio e la gallina gabba la donna* (Женщина обманет

самого беса, а курица — женщину); *Una donna fa per sette diavoli* (Одна женщина способнее семи дьяволов); *Dove il diavolo non può entrare, manda una vecchia* (Куда дьяволу самому не пробраться, пошлёт старуху); *Перед злой женой сатана — младенец непорочный; Где сатана не сможет, туда бабу пошлёт; Куда чёрт не поспеет, туда бабу пошлёт*. Проявлением коварства, двуличности считают мужчины и склонность женщины к притворству, плаксивость: *Le donne son sante in chiesa, angeli in strada, diavole in casa, civette alla finestra, e gazze alla porta* (Женщины — святые в церкви, ангелы на дороге, дьяволы в доме, кокетки в окне и сороки-болтушки на пороге); *Ove donne, ivi lagrime* (Где женщины, там слёзы); *Le armi delle donne sono la lingua, le unghie e le lacrime* (Оружие женщины — язык, коготки и слёзы); *Le lacrime delle donne son come quelle del coccodrillo* (Слёзы женщины — крокодиловы слёзы); *La donna u come la gatta: fotte e piange* (Женщина как кошка: тебя проведёт и тебе же жалуется); *Femmina piange da un occhio e dall'altro ride* (Женщина одним глазом плачет, другим смеётся); *В людях ангел, а дома черт; Баба плачет, свой норов тешит; Бабы слезы чем больше унимать, тем хуже*. Очевидно, что часть паремий о женской плаксивости и притворстве всё же не может быть со всей категоричностью отнесена к текстам, авторами которых могут мыслиться только мужчины. С одной стороны, это паремиологические единицы с именами лиц женского пола, обладающими ласкательно-уничтожительной коннотацией (такие номинации характерны преимущественно для женской речи), с другой стороны — паремии с неназванным субъектом оценки и предикатом, не обладающим грамматическим значением, указывающим на половую принадлежность объекта оценки (паремии могут быть употреблены по отношению к любому лицу, чьё поведение характеризуется неискренностью, и в силу отсутствия средств, способствующих конструированию гендерной идентичности, могут иметь как маскулинную, так и феминную адресантность): *Кумушкины слезки на базаре дешевы; Горько плачет, а вприсядку скачет; Глазами плачет, а сердцем смеется*;

2) капризность, болезненность — *Donna capricciosa, cavalo sbrigliato* (Капризная женщина — конь разнузданный); *La donna ha piu capricci che ricci* (У женщины капризов больше, чем кудрей); *Femmina bona malata e morta, femmina trista non ha mai fine* (Женщина, которая больна, умирает; дождаться же конца унынию женщины невозможно); *Le donne hanno quatro malattie all'anno, e tre bei mesi dura ogni malanno* (У женщин четыре болезни в году, и целых три месяца длится каждая болезнь); *Le donne son malate tredici mesi dell'anno* (Женщины больны тринадцать месяцев в году); *La donna ha venticinque malanni più dell'uomo* (У женщины на двадцать пять болезней больше, чем у мужчин); *Donna si lagna, donna si duole, donna s'ammala, quando la vuole* (Женщина жалуется, недугом мается, хворает, когда пожелает). Русские мужчины, в отличие от итальянских, судя по пословичным изречениям, более терпимы по отношению к женским капризам. Кроме того, номинация «каприз» оказывается чуждой создателям русских паремий: для обозначения необоснованных и вздорных женских желаний в русских паремиях используется лексема «прихоть»: *Женских прихотей не перечесть*. Большим злом, чем женские прихоти, для русского мужика, является женская назойливость, бранчивость, сварливость: *День (днем) плющит, а ночь (ночью) трещит; День ворчит, ночь верещит — плюнь, да сделай!; Нет досадней, как своя*

же дворняжка на тебя лает; Сварливая жена — в доме пожар. В отношении же к женским болезням русские мужчины солидарны с итальянскими: *Псовая болезнь до поля, а женская до постели* (сравни с пословицей, продуцентом которой может быть как мужчина, так и женщина — *Больная жена мужу не мила*). Кстати сказать, потребительское отношение мужчины к женщине проявляется не только в том, что мужчины порой несправедливо обвиняют женщин в симуляции болезней, но и в том, что жизненная стойкость женщин оценивается мужчинами тоже негативно, как нечто связанное с потусторонней, нечистой силой — *Le donne son come i gatti; finché non battano il naso, non muoiono* (Женщины как кошки: пока их по носу не ударят, не умирают); *La gatta ha sette vite, e la donna sette più* (У кошки семь жизней, а у женщины — больше семи); *Donne hanno sette spiriti come i gatti* (У женщин, как у кошек, семь душ); *Женщины, как кошки, живут*. Итальянцы полагают, что самым действенным способом для «излечения» женщины от её капризов и хвороб является палка — *Per le donne in convulsione, u un gran recipe il bostone* (Для женщины в конвульсиях есть один рецепт — дубина); *Chi non ha moglie ben la batte, chi non ha figliuoli, ben gli pasce* (У кого жена не бита, тому остаётся только мечтать о детях); *Donne, asini e noci voglion le mani atroci* (Женщины, ослы и орехи требуют жёстких рук); *Buon cavallo e mal cavallo vuole sprone, buona femmina e mala femmina vuoi bastone* (Хорошему коню и плохому коню нужна шпора, хорошей и плохой женщине нужна палка); *Donna, falce e mola, più la batti e più va bene* (Женщина, серп и точило, чем больше бьёшь, тем лучше); *La donna u come il baccala: più la batti e più buona diventa* (Женщина как вяленая треска: больше бьёшь, вкуснее становится); *La donna u come la nocciola: se non la rompi, non te la puoi mangiare* (Женщина словно орех: не расколешь, не съешь); *Le bastonate del marito son le campane del paradiso* (Побои мужа — звон райских колоколов). Последняя в данном ряду пословица может быть использована не только мужчинами для оправдания мужского рукоприкладства, но и женщинами в качестве утешений для тех, кто терпит рукоприкладство со стороны супруга. Тем не менее есть и такие итальянские пословицы, в которых рукоприкладство порицается: *Pigliar la moglie, suona bene e poi sa male* (Бить женщину — звучит хорошо, однако позже пожалеешь); *Chi batte la moglie, batte tutta la casa* (Кто бьёт жену, бьёт весь дом); *Picchiare le donne u come bastonare un sacco di farina: esce il buono e resta il cattivo* (Бить жену всё равно что стучать по мешку с мукой: выбивается добро, а остаётся худо). Русские мужчины более категоричны, рассуждая о целесообразности рукоприкладства: *Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее; Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, еще хочет; Улита, знать, ты не бита?; Бей жену до детей, бей детей до людей!; Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); Кто вина не пьет, пьян не живет; кто жены не бьет — мил не живет; Шубу бей — теплее, жену бей — милее*. Заметим, что рукоприкладство в древнерусском обществе получало социальное одобрение, о чём свидетельствует свод житейских правил, именуемый «Домострой»⁵. Полагаем, что именно поэтому в русском паремиологическом фонде фиксируются поговорки с императивными формами предиката, то есть выражения, в которых звучит прямой призыв обращаться к рукоприкладству. И всё же антигуманная традиция воспитания жён кнутом вызывала двойственное отношение, в чём нас убеждают минорные по своей тональности, проникнутые со-

жалением и горечью пословицы: *Обошел муженек женушку дубинным корешком; Всем бита, и об печь бита, только печью не бита;*

3) болтливость — *Tre donne fanno un mercato, e quattro fanno fiera* (Три женщины — базар, а четыре — ярмарка); *Tre donne e un pollo (un'oca) fanno un mercato* (Три женщины да петух (гусыня) — вот и базарная улица); *Piu facile trovar dolce l'assenzio, che in mezzo a poche donne un gran silenzio* (Проще найти сладкую полынь, чем в небольшом кругу женщин большое молчание); *Le donne quando son ragazze han sette mani e una lingua sola; e quando son maritate han sette lingue e una mano sola* (У женщин в девичестве семь рук и один язык, в замужестве — семь языков и одна рука); *Fumo di cappa e donna parlatora, il marito di casa caccian fora* (От жены-болтушки да дыма-чада муж бежит из дома, как из ада); *Le donne tacciano quello che non sanno* (Женщины молчат лишь о том, чего не знают); *Quel che alla donna segreto fida, ne vien col tempo a far publiche grida* (Кто доверяет тайну женщине, позже получает повод для публичного скандала); *Le donne se le tacciono le crepano* (Женщины, если молчат, то лопаются). И в русском паремиологическом фонде присутствует значительное количество выражений, свидетельствующих о негативном отношении мужчин к тому, что женщины болтливы. Для интенсификации оценок так же, как и в итальянских паремиях, используются специальные лексические средства с количественно-градуальным значением и разного рода риторические фигуры: *Три бабы базар, а семь ярмарка; Где баба, там рынок, где две, там базар; Гусь да баба — торг; два гуся, две бабы — ярмарка; Бабий язык — чертово помело; Волос долог, а язык длинней (у бабы); Бабий язык, куда ни завались, достанет; Бабий кадык не заткнёшь ни пирогом, ни рукавицей; Бабу не переговоришь; Вольна баба в языке, а чёрт в бабьем кадыке; Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну поверить;*

4) праздность, медлительность — *Donna oziosa non puo esser virtuosa* (Праздная женщина не может быть добродетельной); *La donna girellona u acqua in un vaglio* (Женщина-бездельница — вода в решете); *Femmine e galline per girellar troppo si perdanno* (Девушки и куры, слоняясь без дела, пропадают); *Le donne son figliuole dell'indugio* (Женщины — дочери промедления); *Donne e gatti non han fretta, mentre fanno toeletta* (Женщины и кошки не спешат, когда занимаются туалетом); *Fa' prima il tempo a cambiarsi che la moglie a vestirsi* (Скорей погода переменится, чем женушка переоденется). Заметим, что порицание праздных женщин может прозвучать и из женских уст: если женщина не считает себя праздной, то она, естественно, может использовать в своей речи паремии, в которых осуждается женская лень. Тем не менее из шести приведённых выше только первые две пословицы (в их составе при лексеме *donna* есть атрибутивные конкретизаторы, ограничивающие круг потенциальных референтов) могут быть использованы в речи женщинами, для остальных пословиц такое употребление не типично, так как объектом характеристики в них является женщина вообще. Реконструировать гендерную идентичность прототекстов русских паремиологических единиц о женской лени и медлительности достаточно сложно. По-видимому, в этом случае необходимо говорить о солидаризации представителей разных полов в оценке ленивых и медлительных женщин. Сигнализируют об этом 1) упоминание о мужчинах на фоне женских оценочных дефиниций; 2) уничижительно-пренебрежительная коннотация феминных номинантов, формируемая при

участии словообразовательных средств с уменьшительно-ласкательным значением; 3) отсутствие вербальных обозначений носителя оценочных дефиниций: *Муж нашет, а жена пляшет; Покуда у бабы поспеют кныши, у деда не будет души; Жёнушка-душка любит мягкую подушку; Сидит, надувается, три дня в лапти обувается. Ср.: Бабы сборы — гусиный век;*

5) греховность — *Da una tissa a una donna ci corre un par di corna* (От коровы и женщины можно получить только пару рогов); *È più difficile far la guardia a una donna che a un sacco di pulci* (Уследить за одной женщиной сложнее, чем за кучей блох); *Неверная жена — чужой человек в доме; У неё, кроме Нестора, ещё шестеро; Больше баб в семье, больше греха; Баба блудит, а деду грех; Муж того не знает, что жена гуляет; Муж со двора, а жена была такова; Муж по дрова, жена — соломенная вдова; Муж в дверь, жена — в Тверь; Муж за волками, а жена за молодцами.* Несмотря на то, что распространение сплетен о женской неверности не мужское «занятие», не исключаем, однако, что выражение досады по поводу супружеской измены, осуждение «гулящих» женщин, предупреждение несведущих о тайном женском пороке может прозвучать и из уст мужчин, хотя, по-видимому, только в том случае, если мужчины говорят не о собственных женах (маловероятно, чтобы мужчина признавался кому-либо в том, что его жена неверна ему). Примечательно, что для большинства русских поговорок о женской неверности характерно отсутствие языковых манифестаций гендера, указывающих на пол автора прототекстов. Итальянские же поговорки скорее маскулинные, чем метагендерные тексты, подтверждением чего являются нелицеприятные для женщин (заметим, что в данных поговорках речь идёт о женщинах вообще!) аналогии: женщина уподобляется корове и оказывается «проворнее» насекомых-паразитов;

6) глупость — *Le donne hanno lunghi i capelli e corti i cervelli* (У женщин длинные волосы и короткий ум); *Donne spesse volte hanno lunga la veste e corto l'intelletto* (Женщины довольно часто имеют длинное платье, а ум короткий); *Mallanno e donna senza ragione, si trovano in ogni luogo e in ogni stagione* (Беду и неразумную женщину можно найти в любом месте и в любое время). Русские поговорки отражают аналогичные мотивы: *Волос долог, да ум короток; У бабы ума, что волос на яйце; Бабий ум — бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; На дуручке женишься, сам в дураках будешь.* Впрочем, глупость жены в русских поговорках иногда истолковывается как следствие неразумного поведения мужа: *У плохого мужа жена всегда дура; У умного мужа и глупая жена досужа.* Амбивалентность оценок, характерная для поговорок в целом, наблюдается и при определении значимости женского ума. Так, например, в своде русских поговорок можно найти выражения, которые утверждают, что женщина необязательно должна быть умной; красота и доброта женщины зачастую компенсируют недостаток ума и оставляют мужчин довольными выбором супруги: *Жена — дуручка, да талия рюмочка; Добрая кума живёт и без ума.* Кроме того, при выборе супруги мужчин настораживает то, что они могут проигрывать собственным жёнам в уме: *Жену умную взять — не даст слова сказать; Грамотницу взять — будет праздники разбивать.* Сравни с итальянской поговоркой: *Dio ti guardi da furia di vento, da frate fuor di convento, da donna che parla latino, e da nobile poverino* (Храни нас, Бог, от ветра шквального, монаха вне монастыря, от говорящей по-латыни женщины и благородного бедняка);

7) авторитарность, стремление к главенству — *In casa non c'è pace, quando gallina canta e gallo tace* (В доме нет мира, если курица поёт, а петух молчит); *Dove donna domina, tutto si contamina* (Где женщина верховодит, всё оскверняется); *Guai a quella casa in cui la moglie porta i calzoni* (Горе дому грозит, где жена царит); *Худо мужу тому, у которого жена большая в доме*; *Муж — потачка, так и жена — собачка*; *Жена верховодит, так муж по соседям бродит*.

Несмотря на наличие большого количества пословиц, в которых осуждается главенство женщины в семье, оценка семейного матриархата в итальянском менталитете является всё же амбивалентной — *Chi è schiavo della moglie sta troppo male e troppo bene* (Кто раб жены, тому либо очень плохо, либо очень хорошо).

И в русском и в итальянском паремииологических фондах есть пословицы, в которых говорится о том, что женщины допекают мужчин своенравием, упрямством, строптивостью, непримиримостью, несговорчивостью: *И meglio abitare con le fiere nelle spelonche, che avere in casa una femmina litigiosa* (Лучше жить с дикими зверями в пещере, чем иметь в доме скандальную женщину); *La moglie ritrosa (bisbetica) è pessima cosa* (Неуступчивая (ворчливая) жена — самое худое дело); *И meglio avere la cura di un sacco di pulci che d'una donna* (Лучше терпеть опеку от множества блох, чем от одной женщины); *Le donne pigliano ben le pulci* (Женщины жалят сильнее, чем блохи); *Il fumo, il fuoco e la donna ritrosa, cacciano l'uomo di casa* (Чад, огонь и неуступчивая женщина гонят мужчину из дома); *Худое дело, коль жена не велела*; *На женский норов не угодишь*; *Бабе хоть кол на голове теши*; *С бабой не сговоришь*; *Бабу не переговоришь*; *Стели бабе вдоль, она меряет поперек*; *Женское свойство (норов) и на свинье не объедешь*.

Огорчает русских мужчин и превосходство женщины в быту: *Чего жена не любит, того и мужу не едать*; *Женина родня ходит в ворота, а мужнина в прикатылок*; *Муж в голях, жена в бусовых серьгах*.

В ряде итальянских пословиц женщина, и в особенности жена, определяется как зло вообще, без конкретизации тех качеств, которые заставляют мужчину страдать. При этом наиболее регулярными номинациями, используемыми для характеристики женщины, являются *malanno* (худо, несчастье), *guai* (беда, горе), *dolore* (боль), *doglia* и т. п. — *Chi non sa quel che sia malanno e doglie, se non è maritato, prenda moglie* (Кто не знает, что такое страдание и несчастье, если он холост, берёт себе жену); *Chi ha moglie allato, sta sempre travagliato* (У кого жена рядом, всегда истерзан); *Moglie e guai, non mancano mai* (Жена и беда, в них никогда не испытываешь недостатка); *Il piacere non ha famiglia, il dolore ha moglie e figliuoli* (Отсутствие семьи тебе приносит удовольствие, наличие жены и детей — страдание); *La maggior doglia di tutte è avere moglie* (Худшая участь — иметь жену); *Chi dice donna, dice danno* (Кто говорит женщина, говорит проклятье); *La cattiva moglie è una febbre quotidiana* (Плохая женщина — ежедневная лихорадка). Метафорические номинации с предметной отсылкой также подчёркивают то, что жена — это нечто, что душит, давит — *Moglie è giggo del tuo paese* (Жена — ярмо твоего края); *Moglie maglio* (Жена — молот).

Русские паремии, в которых жена ассоциируется с бедами, огорчением, многочисленны, часть из них носит шуточный характер: *Не плачь, девка, что отдадут за парня: плакать бы ему, что берёт беду*; *От нашего ребра нам не ждать добра*; *Женишься раз, а плачешься век*; *Одному с женою горе, другому вдвое*; *Же-*

ниться — беда, не жениться — другая, а третья беда — не отдадут за меня; — Что красен? — Жениться хочу. — Что бледен? — Да, женился; — Что весел? — Да, женился. — А что голову повесил? — Да, женился; Женихом весел, а мужем нос повесил.

Та жена, которая приносит наибольшее огорчение, в русском поговорочнике определяется как злая жена вообще. Пословицы о злой жене характеризуются, как правило, гиперболизацией негативной оценки: *Всех злее злых злая жена; Всех злыдней злее жена злая; Червь дерево пилит, а злая жена дом изводит; Злая жена сведёт мужа с ума; Железо уваришь, а злой жены не уговоришь; Злая жена поборница греху; Не пройдет без греха, у кого жена лиха; Лучший хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Лучше жить со змеею, чем со злою женой; Лучше камень долбить, нежели злою жену учить.*

Женщине, с точки зрения мужчин, свойственно быть не только источником зла, но и объектом притяжения бед; общение с женщиной ассоциируется с потерей разума, спокойствия и свободы — *Dal mare sale, e dalla donna male* (От моря — соль, от женщины — зло); *Le donne s'attaccano sempre al peggio* (Женщины всегда притягивают худо); *Tutti i peccati mortali son femmine* (Все смертельные разочарования — женщины); *Chi donna pratica, giudizio perde* (Кто живёт с женщиной, утрачивает благоразумие); *Uomo ammogliato, uccello ingabbiato* (Женатый мужчина что птица в клетке); *Uomo sposato u uomo imprigionato* (Мужчина женатый — цепями обьятый); *Uomo sposato, uomo accalappiato* (Мужчина женился — в силках очутился). По этой причине женитьба расценивается как акт, имеющий негативные последствия — *Chi si marita fa bene, e chi no meglio* (Кто женится, поступает хорошо, а кто нет, лучше); *Chi si marita, si pone in cammino per far penitenza* (Кто женится, делает шаг к раскаянию). Характерно и то, что каждая новая жена, в оценке мужчины, хуже предыдущей — *Chi prenda una moglie, merita una corona di pazienza; chi ne prende due, merita una corona di pazzia* (Кто берёт одну жену, тот венчается с терпением; кто берёт две жены, того ждёт венок сумасшествия); *La prima u moglie, la seconda compagnia, la terza eresia* (Первая жена — жена, вторая — женщина для того, чтобы скрасить одиночество, третья — ошибка, заблуждение). Сравни с русской поговоркой: *Первая жена от Бога, вторая от человека, третья от черта.*

Однако, несмотря на все огорчения, которые женщина причиняет мужчине, мужчина не мыслит себя счастливым без женщины — *Senza moglie a lato l'uomo non u beato* (Без жены под боком мужчина не может быть счастливым); *Горько, что беда, а мило, что жена.* Причина того, что мужчины противоречат себе в оценке женщины, может быть объяснена не только противоборством чувств, которые мужчины испытывают по отношению к женщинам, но и природой самих женщин, их изменчивостью, непостоянством: *Donna, vento e fortuna, mutano come la luna* (Женщина, ветер и фортуна изменчивы, как луна); *Donna e luna, oggi serena e domani bruna* (Женщина, как и луна, сегодня обольстительна, завтра мрачна); *Donna u come l'onda, o ti sostiene o ti affonda* (Женщина как волна: то тебя поддерживает, то бросает вниз); *У бабы семь пятниц на неделе; За три вещи не ручайся: за часы, за лошадь да за жену.* При оценке непостоянства женщины подчёркивается, что даже хорошая жена может временами приносить огорчения — *Il buon marinaio si conosce al cattivo tempo* (И в хорошем браке бывают плохие времена).

Противоречивость оценок, которые дают мужчины женщинам, объясняется также и тем, что любой человек, и женщина в том числе, не является носителем только плохих или только хороших качеств, в человеке непременно сочетается хорошее и плохое, и данное обстоятельство не может быть проигнорировано субъектом оценки — *Non u lin senza resta, nu donna senza pecca* (Нет льна без узлов, нет женщины без недостатков); *La donna u come la castagna: bella di fuori e dentro u la magagna* (Женщина как плод каштана, который красив снаружи и с порчей внутри). Маскулинность амбивалентных оценок женщины особенно явственна в тех паремиях, в которых женщина оказывается включённой в множество объектов реальной действительности, находящихся в зоне сугубо мужских интересов — *Donne e cavalli, nulla di migliore, nulla di peggiore* (Женщины и лошади: нет ничего лучше и ничего хуже)? *Donne e motori gioie e dolori* (Женщины и машины — радости и огорчения).

Даже красота женщины в оценке мужчины не может быть воспринята как однозначно положительное качество. В мужской оценке женской красоты чувствуются собственнические интересы представителей сильного пола: красота вызывает ревность, зависть, излишнее беспокойство — *Chi ha buon cavallo e bella moglie, non ista mai senza doglie* (У кого есть хороший конь и красивая жена, тот не живёт без страданий); *Chi ha bella donna e castello in frontiera, non ha mai pace in lettiera* (У кого красивая жена и змок на границе, нет мира в постели); *Moglie bella, marito cornuto* (Жена красавица — муж рогат); *Chi ha bella moglie la non u tutta sua* (Тот, у кого красивая жена, понимает, что она принадлежит не только ему); *Donna bella, ti fa far la sentinella* (Красавицу любить — часовым при ней быть); *Chi ha bella moglie poco ti da e molto ti toglie* (Красивая жена принесёт тебе больше лишений, чем приобретений); *Moglie bella u fatica doppia* (Красивая жена — напряжение вдвойне); *Bella moglie, dolce veleno* (Красивая жена — сладкий яд).

Русские мужчины солидарны с итальянскими в том, что красивая жена, в отличие от непривлекательной, доставляет больше беспокойства мужу, однако они более сдержанны в выражении сетований, обусловленных ревностью, чаще им, по-видимому, приходится слышать заверения сторонних лиц в том, что непривлекательность жены может быть компенсирована достоинствами иного характера: *Пригожая жена — лишняя сухота; Жена красавица — слепому радость; Красна ягодка, да на вкус горька; Глупому мужу красная жена дороже красного яйца; Красную жену не в стенку врезать; Жену выбирай не глазами, а ушами (по доброй славе); С лица воду не пить, можно и с рябою жить; С лица жены не воду пить, умела бы пироги печь; Красотою сыт не будешь; Красота приглядится, а щи не прихлебаются.*

По мнению и итальянцев, и русских, красота, как правило, сопровождается отсутствием каких-либо других достоинств. Весьма распространённым является мнение, что красота женщины редко сочетается с умом, красивая женщина обычно своенравна и ленива. Сравни: *Donna bella u spesso oca* (Красивая жена часто глупа, как гусыня); *Bella donna cattiva testa* (Красивая жена — дурная голова); *Bella in vista, dentro u trista* (С виду красива, а душою зла); *Личиком белеенька, да ума маленько; С собой пригожа, да обыком негожа; С собой красава, а душой тухлява; Где бабы гладки, там воды нет в кадке.* Столь же распространённым можно признать мнение о быстрой утрате женщиной красоты, поэтому пословицы, от-

ражающие подобные характеристики, следует квалифицировать как суждения, представляющие универсальные оценочные дефиниции: *Donna bella dura poco* (Красива женщина недолго); *Bellezze duran fino alla porta, le bonta fino alla morte* (Женские прелести длятся до ворот, а доброта до самой смерти); *Krasa do венца, a ум до конца*.

Каждая нация, тем не менее, вырабатывает свои представления о женской красоте. На наш взгляд, многие итальянские пословицы о красоте женщины имеют в связи с этим не только гендерную, но и этнокультурную маркировку — *La bella donna u un bel cipreso* (Красивая женщина — стройный кипарис); *Donne e tortelli, se non son buoni non son belli* (Женщины и тортелли (блюдо типа русских пельменей) если не вкусны, то и не хороши); *Donne e sardine son buone piccoline* (Женщины и сардины хороши маленькие); *Non c'è cosa più carina di una donna piccolina* (Нет ничего дороже маленькой женщины); *La donna lunga la mena il vento e quella corta è piena di virtù* (Высокая женщина ветрена, а маленькая — полна добродетели); *Moglie grassa, marito allegro; moglie magra, marito addolorato* (Жена толстая — муж весёлый, жена худая — муж расстроен); *La donna grassa u buona per il sapone* (Женщина-толстушка сладкая на вкус); *A donna bianca bellezza non le manca* (Женщине-блондинке красоты достаточно); *Donna brunetta, di natura netta* (Женщина-брюнетка — чистая натура). Примечательно, что в итальянском паремиологическом фонде отмечается большее количество пословиц о женской красоте, чем в русском своде пословиц. По-видимому, это связано с присущей итальянцам склонностью восхищаться всем тем, что их окружает, способностью видеть в заурядном нечто привлекательное.

Какой же, по мнению итальянских мужчин, должна быть женщина, чтобы мужчина был ею доволен, и вообще какая женщина может быть определена как хорошая? Набор достоинств женщины, отражённых в итальянских пословицах, представлен гораздо меньшим списком, чем перечень недостатков. Итак, женщина должна быть «слепой» и «глухой», умной, способной родить детей, привлекательной, умелой, справедливой, честной — *Le buone donne non hanno ni occhi ni orecchi* (У хороших женщин нет ни глаз, ни ушей), сравни с русской пословицей *У доброй девицы ни ушей, ни глаз*; *La donna bisogna che piaccia, che taccia e che stia in casa* (Женщина нужна такая, которая нравится, молчалива и предпочитает быть дома); *Savia femmina rifa la casa e la matta la disfa* (Мудрая женщина дом украшает, а глупая разрушает); *La donna saggia supera ogni difficoltà* (Мудрая женщина преодолит все трудности); *Di buona terra to' la vigna, di buona madre to' la figlia* (Хорошая земля даст тебе виноградник, а хорошая мать — детей); *Alle donne che non fanno figli non ci andar ni per piaceri ni per consigli* (Женщины, которые не могут дать детей, не годятся ни в любовницы, ни в советчицы); *Chi nasce bella, nasce maritata* (Девушка, которая родится красивой, рождается замужней); *Camera adorna, donna savia* (Комната украшена — женщина мудра); *Piglia casa con focolare e donna che sappia filare* (Приобретай дом с очагом, а женщину рукодельницу); *La donna a casa non perde mai tempo* (Женщина в доме никогда не теряет времени); *Donna prudente, u una gioia eccellente* (Справедливая жена — высшая радость); *La donna onesta tutto l'anno in casa resta* (Честная женщина весь год дома).

Единодушны с итальянцами в оценке достоинств женщины и русские мужчины. Они считают, что хорошая, то есть добрая, жена, должна быть верной,

умной, удалой, весёлой, умеющей находить компромисс, трудолюбивой, бережливой, здоровой, детородной, красивой: *Нет лучшего друга, как верная супруга; Разумная жена прибавит ума; Умная жена, как нищему сума (все сэкономит); Утро вечера мудренее, а жена мужа удалее; От хорошей жены раньше смеха весело; Добрую жену взять — ни скуки, ни горя не знать; С доброй женой и горе вполгоря, а радость вдвойне; Добрая жена веселье, а худая злое зелье; От плохой жены состареешься, от хорошей помолодеешь; У хорошей жены и плохой муж бывает молодцом; Добрую женою и муж честен; Не хвали жену телом, а хвали делом!; Шубу шей теплее, жену выбирай добрее; Добрая жена дом сэкономит, плохая расстроит; Хозяйка в доме — оладышек в меду; Муж жену любит здоровую, а брат сестру богатую; Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу); Всего милее, у кого жена всех белее.*

Нельзя быть уверенным, однако, что все паремии, в которых так или иначе проявляется позитивная оценка женщин и формируется идеальный женский образ, характеризуются гендерлектной природой. Наличие распространителей при наименованиях лиц женского пола, противопоставление хороших жён плохим, эксплицитные формы выражения призыва в мужской адрес свидетельствуют о «затушёванности» гендерных характеристик⁶ паремических текстов с данными признаками. С другой стороны, в паремиях, в которых выражается в целом положительное отношение к женщине, встречаются и такие языковые средства, которые служат конструированию гендерной идентичности. Это лично-притяжательные местоимения при компоненте *жена*, авторское *я* (текст от первого лица о себе как о мужчине), гендерно специфические единицы лексики, свидетельствующие о маскулинном восприятии мира: *Жена ль моя не баба, дети ль мои не ребята?; Жена моя полсела для меня; Что кому за дело, что жена моя не бела: я и сам не хорош. Помилуй, господи, тещу да жену: а сам-то я и как-нибудь проживу; Три друга: отец, да мать, да верная жена-подруга; Без жены как без шапки.* Прямо указывать на маскулинное авторство паремических текстов могут также и словарные примечания: *Прости меня, моя мила, что ты меня била (говорит муж жене).*

Несомненно, женщина и жена для итальянского и для русского мужчины несёт не только боль и разочарование, но и счастье, радость, то, без чего жизнь лишена смысла: *La casa e la moglie si godono più d'ogni altra cosa* (Дом и жена радуют больше, чем какая-либо другая вещь); *Casa mia, donna mia, pane e aglio vita mia* (Дом мой, женщина моя, хлеб и чеснок мой — моя жизнь); *Uomo sposato e uomo sistemato* (Мужчина при жене — обустроен вполне); *Donna buona vale una corona* (Хорошая женщина стоит короны); *He надобен и клад, коли у мужа с женой лад; Жена — вторая душа; Женина ласка супругу силы даёт; Женишка-душка — что пуховая подушка; Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи!* Жена бесценна для мужчины, она действительно его движущая сила, неслучайно мужчина, утративший жену, изображается в паремиях абсолютно беспомощным — *Uomo senza moglie, e mosca senza capo* (Мужчина без жены — муха без головы); *Dove mancano le donne, piange il povero* (Где не хватает женщин, бедняга плачет); *Муж без жены что гусь без воды; Мужчина без жены что конь без узда; Холостому везде плохо, а женатому только дома; Холостой — полчеловека.*

Удивительно, что все положительные качества, которыми наделяется женщина, приписываются ей в основном как супруге, а не как женщине вообще, и тем более девушке. О хороших девушках мало пословиц, отчасти потому, что девичество кратковременно: *Zitella che aspetta non sbaglia mai* (Девушка, которая ждёт, никогда не ошибается); *Zitella che dura, non perde ventura* (Девушку, которая верна себе, не минует счастье); *Девушка в терему, что яблочко в раю; Чего девушка не знает, то ее и красит; Все девушки хороши, а отколь берутся злые жёны*. Большая часть негативных оценок также ассоциируется с женщиной как женой, при этом в русских пословицах по отношению к женщине используется, как правило, негативно маркированное имя баба: *Кто с бабой свяжется — сам баба будет; Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще шипит; Пусти бабу в рай: она и корову за собой ведет; Лучше раздражить собаку, нежели бабу; Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает*.

По отношению к жене мужчина выступает, тем не менее, как собственник, этим объясняется тот факт, что ценность женщины измеряется мужчиной нередко в тех же мерках, что и ценность вещей — *Moglie e pipa non si prestano a nessuno* (Жену и трубку не дают в долг никому); *La moglie, il fucile, il cane non si prestano a nessuno* (Жену, ружьё, собаку не доверяют никому). Сравни с русским пословицами: *Жена не лапоть: с ноги не сбросишь; Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь; Жена не рукавица, с руки не сбросишь (за пояс не заткнешь); Жена не седло: со спины не сымешь*. Показательным в этом плане является и то, что, хотя, по общему мнению мужчин, хорошая жена — большая редкость (*Chi incontra buona moglie ha gran fortuna* (Кто нашёл себе хорошую жену, тому очень повезло); *Не у всякого жена Марья — кому бог даст; Клад да жена — на счастливого*), о своей жене любой мужчина всё же предпочтёт отозваться скорее положительно, чем отрицательно: *Se v'è in paese una buona moglie, ciascuno crede che sia la sua* (Если в селении есть одна хорошая жена, каждый верит, что это его).

Потребительское отношение к женщине проявляется и в том, что ей вообще отказывают в статусе человека. Примечательно, что даже образы, связываемые с такими представлениями о женщине, в итальянской и русской пословичной картинах мира оказываются идентичными: *La donna ha il giudizio d'una gallina; Курица не птица, а баба не человек; Курице не быть петухом, а бабе мужиком; Кобыла не лошадь, а баба не человек; Я думал идут двое: ан мужик с бабой*. Совпадения подобного рода исследователь Э.Я. Кокаре объясняет единством закономерностей развития поэтического и философского мышления людей, общностью основных направлений в становлении их этических и эстетических взглядов⁷. Это объяснение снимает необходимость рассуждения о причинах столь значительного количества сходств, обнаруженных нами в оценочных дефинициях женщин, данных представителями разных народов.

Считаем, однако, необходимым подчеркнуть в заключение, что одной из важных характеристик субъекта оценки, детерминирующих небеспристрастное отношение к оцениваемому объекту, является гендерная характеристика. Потребности и притязания человека, обусловленные его принадлежностью к определённому социальному полу, задают соответствующий ракурс оценочных квалификаций и в конечном счёте определяют характер оценки.

Паремиологические единицы, как и любые другие коммуникативные едини-

цы, могут обнаруживать в своих формальных, семантических и прагматических аспектах манифестацию гендера.

При определении того, представитель какого пола гипотетически может мыслиться как создатель паремического текста, следует учитывать характер и ракурс оценки, наличие/отсутствие квантора всеобщности для объекта оценки, наличие в составе паремии гендерно специфической лексики, использование при гендерно маркированных компонентах лично-притяжательных местоимений, направление ассоциативных связей, в которых осуществляется характеристика объекта, коммуникативную направленность паремии и др.

Влияние прагматики человеческого общения на конструирование аксиологической картины мира может своеобразно проявить себя в преобладании негатива над позитивом. Явный перекося в пользу негатива в оценке женщин, характерный для итальянских и русских паремий и свидетельствующий о преимущественно маскулинном авторстве паремических суждений о женщинах, не является показателем того, что мужчины предпочитают без конца сетовать по поводу женских недостатков. Скорее, это ещё одно подтверждение того, что основное назначение паремий заключается в воспитании нравов, в ценностной ориентации тех, кто избрал или избирает для себя тот или иной стереотип поведения, в отражении стремления человека сделать мир совершеннее.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 182.
2. Там же. С. 545
3. М.А. Алексеенко, со ссылкой на Л.И. Ройзензона, объясняет преобладание негативных характеристик во фразеологическом образе женщины проявлением общей тенденции негативной оценочности фразеологических номинатов. См. Алексеенко М.А. Негативен ли образ женщины в языке? // Слово в слове и дискурсе. М., 2006. С. 28.
4. В качестве источников фактического материала были использованы следующие сборники паремий: Salvatore L. Proverbi sardi. Firenze. 1996; Schwamenthal R., Straniero M. L. Dizionario dei proverbi italiani. Milano, 1999; Boggione V., Massorbio L. Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi. Torino. 2007; Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 2005; Русские пословицы и поговорки / сост. А.И. Соболев. М., 1983; Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М., 1996.; Русские пословицы и поговорки / сост. Е.Ю. Нещименко. М., 2002; О, женщина! Итальянские и русские пословицы / сост. Татьяна Королёва. М., 2002; Константинова И.Г. Итальянские пословицы и их русские аналоги. СПб., 2004.
5. Домострой. М., 1991. С. 65-66.
6. О гендере как о параметре, проявляющем себя с неодинаковой интенсивностью, см. Кирилина А. В. Современное состояние гендерных исследований в российской лингвистике // Beitrage des Gender-Blocks zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana 15.-21. August 2003, 2003, Munchen. S. 113-127. С. 117.
7. Кокаре Э.Я. Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках. Рига, 1978. С. 164.

AXIOLOGICAL PORTRAIT OF A WOMAN THROUGH ITALIAN AND RUSSIAN
PAREMIAS
(IN SEARCH OF AN EVALUATION SUBJECT)

E.V. Nichiporchik

Human factor finds manifold expression in building up axiological world image. Gender factor of the evaluation subject can appear relevant for evaluative definitions and is revealed through semantic, syntactic and pragmatic aspects of paremias. Their register factor, as the key one for their usage, accounts for the accent shift from the positive to the negative.

Axiological portrait of a woman through Italian and Russian paremias despite negative evaluation in the majority of definitions allows to see that, on the one hand, paremias are viable due to universal human values they proclaim, and, on the other hand, male unity in estimating female half of the humankind is not groundless, what with a considerable amount of identical qualifications.

Key words: paremia, paremia producer, evaluation subject, gender characteristics, evaluative qualifications.

© 2009

Н.О. Празян

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В РЕЧИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЛИДЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ МЕТАФОРЫ ДВИЖЕНИЯ
В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА США БАРАКА ОБАМЫ)

В статье рассматриваются особенности функционирования метафоры в речи политических лидеров. Анализ последовательного использования метафоры движения в выступлениях американского президента Барака Обамы наглядно демонстрирует, что метафора не только делает политическую речь более живой и экспрессивной, но и является эффективным средством преобразования политической картины мира, существующей в сознании адресата.

Ключевые слова: концептуальная метафора, политический дискурс, воздействие, манипулирование, общественное сознание, движение.

Исследование метафоры в политическом дискурсе является на сегодняшний день одним из самых динамично развивающихся направлений современной лингвистики.

Неудивительно, что в последние годы различные аспекты функционирования политической коммуникации привлекают столь пристальное внимание исследователей, причем не только лингвистов, но и политологов, социологов, психологов. Ведь именно язык играет ключевую роль в публичных выступлениях

ях политических лидеров, в парламентских дебатах, в дипломатических переговорах. Современные технологии речевого воздействия позволяют оказывать реальное воздействие на сознание и поведение людей, влиять на результаты выборов, создавать определенный имидж тем или иным политическим деятелям или партиям.

Конечная цель любого оратора, его коммуникативное намерение заключается в том, чтобы убедить аудиторию в своей правоте, побудить ее к каким-либо действиям. Очевидно, что достижение этой цели осуществимо во многом за счет использования эмоционально-насыщенной речи, которая, безусловно, обладает наибольшей силой воздействия на адресата. Именно поэтому политики так широко используют в своей речи разнообразные риторические приемы, особое место среди которых занимает метафора.

В работах отечественных и зарубежных лингвистов неоднократно отмечалось, что метафора на современном этапе перестала быть лишь украшением речи и употребляется в качестве эффективного средства аргументации и эмоционального воздействия, что, в свою очередь, и является главной целью политической коммуникации.

Согласно определению А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, политическая метафора есть речевое воздействие с целью формирования у реципиента (чаще всего — у общества) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)¹.

Следует отметить, что число научных работ, посвященных функционированию метафоры в политическом дискурсе, в последние годы заметно возросло. Значительный вклад в изучение политической метафористики внесли как зарубежные, так и российские исследователи: Дж. Лакофф и М. Джонсон, М. Осборн, К. де Ландтсхеер, Р.Д. Андерсон, А. Муссолф, Х. Келли-Холмс и В.О. Реган, А. Ченки, И.Р. Гоцци, Т. ван Дейк, Э. МакКормак П. Чилтон, А. Гоатли, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, А.П. Чудинов, И.М. Кобозева, Э.В. Будаев и др.

При этом интерес у современных лингвистов вызывают такие вопросы, как механизмы метафоризации, классификация основных видов и моделей метафоры, выделение характерных для политической коммуникации функций метафоры, закономерности развертывания метафорических образов в политических текстах, преобладание определенных метафорических моделей в конкретные исторические периоды.

Как уже было отмечено выше, роль метафоры в политическом дискурсе не ограничивается приданием речи выразительности и образности. В качестве основных функций метафоры в политической коммуникации, помимо художественной, или эстетической, выделяют коммуникативную, когнитивную и прагматическую. Помимо того, что метафора делает речь более образной и экспрессивной (эстетическая функция), она позволяет передавать информацию в наиболее доступной для адресата форме, объяснять сложные политические явления посредством более простых и знакомых адресату реалий (коммуникативная функция). Довольно часто встречается также эвфемистическое использование метафор, когда автор по тем или иным причинам не считает возможным обозначить информацию прямо.

Однако в текстах политического дискурса ключевую роль играет взаимодействие двух других функций метафоры — когнитивной и прагматической. Уникальность метафоры заключается, главным образом, в том, что она дает реальную возможность преобразовывать существующую в сознании адресата картину мира. Кроме того, метафора представляет собой эффективнейший инструмент манипулирования общественным сознанием и формирования у адресата определенного эмоционального состояния, на что неоднократно обращали внимание многие отечественные и зарубежные исследователи, такие как Дж. Лакофф и М. Джонсон, Ю.Н. Караулов, А.Н. Баранов, А.П. Чудинов, Е.С. Кубрякова и др. Необходимо отметить, что описанные функции политической метафоры лишь относительно автономны — в конкретных текстах они, как правило, тесно переплетаются.

Интересные наблюдения были сделаны рядом ученых относительно взаимосвязи между изменением политической ситуации и количеством метафор, а также соотношением между частотностью метафор и общественно-политическими изменениями². Исследования показали, что в периоды общественно-политических и экономических преобразований, в предвыборный период, и во время любых других значимых в жизни общественности событий язык, используемый в текстах политического дискурса, становится в целом более ярким и экспрессивным. При этом заметно возрастает и количество метафор, в особенности, индивидуально-авторских, поскольку они обладают наиболее высоким прагматическим потенциалом. Это свидетельствует о том, что метафора выходит на качественно новый уровень — принимает непосредственное участие в решении проблемных ситуаций и оказывает влияние на процесс принятия решений.

Кроме того, в тот или иной исторический период активизируются различные концептуальные метафоры, появляются доминантные метафорические модели, характерные для каждой исторической эпохи. По словам А.П. Чудинова, изучение системы концептуальных метафор в различные исторические периоды позволяет сделать выводы о развитии национального политического сознания и о специфике того или иного этапа развития политической коммуникации³.

Как уже было отмечено, метафора активно используется в речи политических лидеров как средство воздействия на политические взгляды самых разных слоев общества. Именно политики наиболее заинтересованы в манипулировании общественным сознанием, в формировании выгодного им отношения аудитории к тому или иному явлению или событию, а также соответствующего эмоционального фона.

Умение эффективно использовать метафору в публичных выступлениях, рассчитанных, как правило, на массовую аудиторию, свидетельствует о высоком ораторском искусстве политика, которое, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на рейтинг его популярности.

Яркий пример блестящего владения ораторским искусством в современной мировой политике демонстрирует президент Соединенных Штатов Барак Обама. Очевидно, что своим успехом на выборах и невероятной популярностью среди американского населения Обама обязан в значительной степени своему ораторскому таланту.

Наряду с другими риторическими приемами, Обама широко использует в своей речи метафору как один из наиболее действенных инструментов публичной политики.

В настоящей статье мы рассмотрим особенности использования концептуальной метафоры движения в публичных выступлениях американского президента, а именно: в обращении к нации на митинге в Чикаго после победы на выборах (Election Night Victory Speech, November 4, 2008) и в Инаугурационной речи, ставшей одним из центральных событий церемонии вступления Барака Обамы в должность президента Соединенных Штатов (Inaugural Address, January 20, 2009).

Речь нового избранного президента США насыщена разнообразными метафорами, аллюзиями, повторами и другими стилистическими фигурами. Его обращение к народу после победы на выборах отчетливо перекликается со знаменитой Геттисбергской речью Авраама Линкольна (1863) и не менее знаменитым выступлением Мартина Лютера Кинга в Мемфисе (1968), которому суждено было стать последним в его жизни.

Однако в рамках настоящего исследования наибольший интерес представляет последовательное использование метафоры движения на протяжении всей речи Барака Обамы.

Так, говоря о будущем своей нации, Обама в рамках одного абзаца неоднократно использует одну и ту же концептуальную метафору:

The road ahead will be long.

Our climb will be steep.

There will be setbacks and false starts.

Интересно, что в данном случае будущее американской нации образно представляется не просто в терминах дороги, некоего путешествия в пространстве и во времени, а как восхождение на вершину горы, которое, как правило, бывает сопряжено с большими усилиями и требует неординарного мужества и терпения.

Идея движения или пути получает развитие и в последующей части выступления. Она же звучит и в заключительной части речи:

This victory alone is not the change we seek — it is only the chance for us to make that change. And that cannot happen if we go back to the way things were.

America, we have come so far.

Отдельного внимания заслуживает отрывок, в котором новоизбранный президент Америки ссылается на Мартина Лютера Кинга, заимствуя использованные им образы:

We may not get there in one year or even one term, but America — I have never been more hopeful than I am tonight that we will get there. I promise you — we as a people will get there.

Показательно, что на первый план снова выходит идея пути, дороги, путешествия, однако на этот раз метафора движения приобретает более глубокий смысл, поскольку в терминах пути или дороги изображается вся история американского народа, его движение через множество препятствий навстречу благосостоянию и процветанию.

Интересно, что Обама в этом отрывке своей речи почти дословно воспроиз-

водит слова Мартина Лютера Кинга, произнесенные в апреле 1968 года во время его последнего выступления в Мемфисе, вскоре после которого он был убит.

В своем последнем обращении Кинг обращается к библейской тематике, а именно к Исходу евреев из Египта, проводя параллель между темнокожим населением Америки и народом Израиля, который Моисей 40 лет водил по пустыне в поисках Земли обетованной — the Promised Land. При этом, если евреи и в самом деле искали землю в прямом значении этого слова, то для Кинга Земля обетованная — это метафорический образ благополучной и счастливой жизни афроамериканцев, имеющих равные права с белым населением страны.

Сильнейшей по эмоциональному накалу, безусловно, является та часть выступления, в которой он говорит, что побывал на вершине горы и видел Землю обетованную:

«And I've seen the promised land. I may not get there with you. But I want you to know tonight, that we, as a people will get to the promised land».

Неслучайно именно эти слова, звучащие как пророчество, более 40 лет спустя повторяет в своей речи Барак Обама, ведь он стал первым темнокожим президентом в истории Соединенных Штатов, что можно рассматривать отчасти как заслугу Мартина Лютера Кинга, который всю свою жизнь посвятил борьбе за гражданские права афроамериканцев.

Избрание Барака Обамы президентом США, несомненно, стало важнейшей вехой в истории Америки, своего рода исполнением заветной мечты всех темнокожих американцев. Поэтому образ Земли обетованной, занимавший центральное место в выступлении Мартина Лютера Кинга, косвенно присутствует и в речи Барака Обамы. При этом в контексте его выступления этот образ несколько трансформируется и метафорически обозначает благополучие не только темнокожих американцев, но и всего населения Соединенных Штатов. Именно стремление найти эту «землю» дает надежду и силы американскому народу для борьбы с новыми вызовами и является стимулом к его постоянному движению.

Инаугурационная речь Барака Обамы также практически полностью построена на концептуальной метафоре движения. При этом идея движения представлена здесь более широким рядом лексем, как-то: journey, short-cut, path, route, road, travel, turn back, carry (forth).

Как и в случае с Victory Speech, в образах дороги метафорически осмысливается история Америки:

Our journey has never been one of short-cuts or settling for less. It has not been the path for the faint-hearted....

Rather, it has been the risk-takers, the doers, the makers of things...who have carried us up the long, rugged path towards prosperity and freedom.

This is the journey we continue today.

The success of our economy has always depended...on the ability to extend opportunity to every willing heart — not out of charity, but because it is the surest route to our common good.

Обращаясь к народу, избравшему его президентом страны, Обама ссылается на долгий и нелегкий путь, пройденный предками, и призывает американцев к продолжению этого пути, невзирая на возникающие препятствия:

As we consider the road that unfolds before us, we remember with humble gratitude those brave Americans who, at this very hour, patrol far-off deserts and distant mountains.

So let us mark this day with remembrance, of who we are and how far we have traveled.

В заключительной части выступления, которая традиционно является наиболее важной в речи любого оратора с точки зрения оказания эмоционального воздействия и призвана закрепить произведенный выступлением эффект, американский президент вновь развивает метафору движения. Следует особенно подчеркнуть, что в последнем отрывке речь Обамы достигает своей кульминации в плане экспрессивности языка именно за счет использования развернутой метафоры. Интересно, что по мере разворачивания метафоры движения в своей речи Обама совершает переход от прошлого к будущему — стремясь вселить надежду в своих современников и стимулировать их продолжать начатый путь, он сначала обращается к опыту и достижениям предшествующих поколений, а затем напоминает аудитории о будущем поколении и о об ответственности за их благополучие. Свобода метафорически представляется как драгоценный подарок, который необходимо пронести через все препятствия и донести в целостности и сохранности до следующего поколения:

Let it be said by our children's children that when we were tested we refused to let this journey end, that we did not turn back nor did we falter; and with eyes fixed on the horizon and God's grace upon us, we carried forth that great gift of freedom and delivered it safely to future generations.

Анализ выступлений Барака Обамы продемонстрировал, как одна и та же концептуальная метафора последовательно используется при оценке политической действительности, появляясь в самых разнообразных контекстах. Рассмотренная в статье метафора движения, безусловно, является одной из наиболее частотных стертых метафор в английском языке, однако, благодаря ее высокой продуктивности и способности к разворачиванию, создаются чрезвычайно яркие, живые, неповторимые образы. Кроме того, последовательное разворачивание одной и той же концептуальной метафоры на протяжении всего выступления обеспечивает его смысловую и эмоциональную целостность.

Представленный материал позволяет сделать вывод о том, что метафоричность является одним из важнейших признаков современного политического дискурса. Она не только делает речь политических лидеров более живой и выразительной, но также дает им возможность говорить более понятными и близкими народу образами и аналогиями.

В руках одаренного политика и искусного оратора метафора оказывается мощным инструментом воздействия на эмоционально-волевую сферу аудитории, преобразования ее политической картины мира и в некоторых случаях даже манипулирования общественным сознанием.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 189
2. Anderson R.D. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics// <http://www.sscnet.net>.

ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.htm; *Landsheer Ch. de*. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach. // Communication and Cognition, 1991. Vol. 24 ? s; *Mussolf A*. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. Basingstoke, 2004.

3. *Чудинов А.П.* Российская политическая метафора в начале XXI в. // Политическая лингвистика. Вып. 1(24). Екатеринбург, 2008. С. 87

METAPHORS IN POLITICAL LEADERS SPEECH (MOVEMENT METAPHORS USED BY US PRESIDENT BARAK OBAMA)

N.O. Prazyan

The article deals with specific functions of metaphor in political leaders' speech. Analysis of movement metaphors recurrence in the speech of Barak Obama, US President, gives a vivid example of metaphors making political speech not only more lively and expressive, but also presenting an effective tool for modifying political world image in addressees minds.

Key words: conceptual metaphor, political discourse, impact, manipulation, social consciousness, movement.

Приложение

Election Night Victory Speech

November 4, 2008

Grant Park, Chicago, Illinois

If there is anyone out there who still doubts that America is a place where all things are possible; who still wonders if the dream of our founders is alive in our time; who still questions the power of our democracy, tonight is your answer.

It's the answer told by lines that stretched around schools and churches in numbers this nation has never seen; by people who waited three hours and four hours, many for the very first time in their lives, because they believed that this time must be different; that their voice could be that difference.

It's the answer spoken by young and old, rich and poor, Democrat and Republican, black, white, Latino, Asian, Native American, gay, straight, disabled and not disabled — Americans who sent a message to the world that we have never been a collection of Red States and Blue States: we are, and always will be, the United States of America.

It's the answer that led those who have been told for so long by so many to be cynical, and fearful, and doubtful of what we can achieve to put their hands on the arc of history and bend it once more toward the hope of a better day.

It's been a long time coming, but tonight, because of what we did on this day, in this election, at this defining moment, change has come to America.

I just received a very gracious call from Senator McCain. He fought long and hard in this campaign, and he's fought even longer and harder for the country he loves. He has endured sacrifices for America that most of us cannot begin to imagine, and we are better off for the service rendered by this brave and selfless leader. I congratulate him and Governor Palin for all they have achieved, and I look forward to working with them to renew this nation's promise in the months ahead.

I want to thank my partner in this journey, a man who campaigned from his heart and spoke for the men and women he grew up with on the streets of Scranton and rode with on that train home to Delaware, the Vice President-elect of the United States, Joe Biden.

I would not be standing here tonight without the unyielding support of my best friend for the last sixteen years, the rock of our family and the love of my life, our nation's next First Lady, Michelle Obama. Sasha and Malia, I love you both so much, and you have earned the new puppy that's coming with us to the White House. And while she's no longer with us, I know my grandmother is watching, along with the family that made me who I am. I miss them tonight, and know that my debt to them is beyond measure.

To my campaign manager David Plouffe, my chief strategist David Axelrod, and the best campaign team ever assembled in the history of politics — you made this happen, and I am forever grateful for what you've sacrificed to get it done.

But above all, I will never forget who this victory truly belongs to — it belongs to you.

I was never the likeliest candidate for this office. We didn't start with much money or many endorsements. Our campaign was not hatched in the halls of Washington — it began in the backyards of Des Moines and the living rooms of Concord and the front porches of Charleston.

It was built by working men and women who dug into what little savings they had to give five dollars and ten dollars and twenty dollars to this cause. It grew strength from the young people who rejected the myth of their generation's apathy; who left their homes and their families for jobs that offered little pay and less sleep; from the not-so-young people who braved the bitter cold and scorching heat to knock on the doors of perfect strangers; from the millions of Americans who volunteered, and organized, and proved that more than two centuries later, a government of the people, by the people and for the people has not perished from this Earth. This is your victory. I know you didn't do this just to win an election and I know you didn't do it for me. You did it because you understand the enormity of the task that lies ahead. For even as we celebrate tonight, we know the challenges that tomorrow will bring are the greatest of our lifetime — two wars, a planet in peril, the worst financial crisis in a century. Even as we stand here tonight, we know there are brave Americans waking up in the deserts of Iraq and the mountains of Afghanistan to risk their lives for us. There are mothers

and fathers who will lie awake after their children fall asleep and wonder how they'll make the mortgage, or pay their doctor's bills, or save enough for college. There is new energy to harness and new jobs to be created; new schools to build and threats to meet and alliances to repair.

The road ahead will be long. Our climb will be steep. We may not get there in one year or even one term, but America — I have never been more hopeful than I am tonight that we will get there. I promise you — we as a people will get there.

There will be setbacks and false starts. There are many who won't agree with every decision or policy I make as President, and we know that government can't solve every problem. But I will always be honest with you about the challenges we face. I will listen to you, especially when we disagree. And above all, I will ask you join in the work of remaking this nation the only way it's been done in America for two-hundred and twenty-one years — block by block, brick by brick, calloused hand by calloused hand.

What began twenty-one months ago in the depths of winter must not end on this autumn night. This victory alone is not the change we seek — it is only the chance for us to make that change. And that cannot happen if we go back to the way things were. It cannot happen without you.

So let us summon a new spirit of patriotism; of service and responsibility where each of us resolves to pitch in and work harder and look after not only ourselves, but each other. Let us remember that if this financial crisis taught us anything, it's that we cannot have a thriving Wall Street while Main Street suffers — in this country, we rise or fall as one nation; as one people.

Let us resist the temptation to fall back on the same partisanship and pettiness and immaturity that has poisoned our politics for so long. Let us remember that it was a man from this state who first carried the banner of the Republican Party to the White House — a party founded on the values of self-reliance, individual liberty, and national unity. Those are values we all share, and while the Democratic Party has won a great victory tonight, we do so with a measure of humility and determination to heal the divides that have held back our progress. As Lincoln said to a nation far more divided than ours, "We are not enemies, but friends...though passion may have strained it must not break our bonds of affection." And to those Americans whose support I have yet to earn — I may not have won your vote, but I hear your voices, I need your help, and I will be your President too.

And to all those watching tonight from beyond our shores, from parliaments and palaces to those who are huddled around radios in the forgotten corners of our world — our stories are singular, but our destiny is shared, and a new dawn of American leadership is at hand. To those who would tear this world down — we will defeat you. To those who seek peace and security — we support you. And to all those who have wondered if America's beacon still burns as bright — tonight we proved once more that the true strength of our nation comes not from our the might of our arms or

the scale of our wealth, but from the enduring power of our ideals: democracy, liberty, opportunity, and unyielding hope.

For that is the true genius of America — that America can change. Our union can be perfected. And what we have already achieved gives us hope for what we can and must achieve tomorrow.

This election had many firsts and many stories that will be told for generations. But one that's on my mind tonight is about a woman who cast her ballot in Atlanta. She's a lot like the millions of others who stood in line to make their voice heard in this election except for one thing — Ann Nixon Cooper is 106 years old.

She was born just a generation past slavery; a time when there were no cars on the road or planes in the sky; when someone like her couldn't vote for two reasons — because she was a woman and because of the color of her skin.

And tonight, I think about all that she's seen throughout her century in America — the heartache and the hope; the struggle and the progress; the times we were told that we can't, and the people who pressed on with that American creed: Yes we can.

At a time when women's voices were silenced and their hopes dismissed, she lived to see them stand up and speak out and reach for the ballot. Yes we can.

When there was despair in the dust bowl and depression across the land, she saw a nation conquer fear itself with a New Deal, new jobs and a new sense of common purpose. Yes we can.

When the bombs fell on our harbor and tyranny threatened the world, she was there to witness a generation rise to greatness and a democracy was saved. Yes we can.

She was there for the buses in Montgomery, the hoses in Birmingham, a bridge in Selma, and a preacher from Atlanta who told a people that "We Shall Overcome." Yes we can.

A man touched down on the moon, a wall came down in Berlin, a world was connected by our own science and imagination. And this year, in this election, she touched her finger to a screen, and cast her vote, because after 106 years in America, through the best of times and the darkest of hours, she knows how America can change. Yes we can.

America, we have come so far. We have seen so much. But there is so much more to do. So tonight, let us ask ourselves — if our children should live to see the next century; if my daughters should be so lucky to live as long as Ann Nixon Cooper, what change will they see? What progress will we have made?

This is our chance to answer that call. This is our moment. This is our time — to

put our people back to work and open doors of opportunity for our kids; to restore prosperity and promote the cause of peace; to reclaim the American Dream and reaffirm that fundamental truth — that out of many, we are one; that while we breathe, we hope, and where we are met with cynicism, and doubt, and those who tell us that we can't, we will respond with that timeless creed that sums up the spirit of a people:

Yes We Can. Thank you, God bless you, and may God Bless the United States of America.

Obama Inaugural Address

January 20, 2009

Washington, DC

My fellow citizens:

I stand here today humbled by the task before us, grateful for the trust you have bestowed, mindful of the sacrifices borne by our ancestors. I thank President Bush for his service to our nation, as well as the generosity and cooperation he has shown throughout this transition.

Forty-four Americans have now taken the presidential oath. The words have been spoken during rising tides of prosperity and the still waters of peace. Yet, every so often the oath is taken amidst gathering clouds and raging storms. At these moments, America has carried on not simply because of the skill or vision of those in high office, but because We the People have remained faithful to the ideals of our forbearers, and true to our founding documents.

So it has been. So it must be with this generation of Americans.

That we are in the midst of crisis is now well understood. Our nation is at war, against a far-reaching network of violence and hatred. Our economy is badly weakened, a consequence of greed and irresponsibility on the part of some, but also our collective failure to make hard choices and prepare the nation for a new age. Homes have been lost; jobs shed; businesses shuttered. Our health care is too costly; our schools fail too many; and each day brings further evidence that the ways we use energy strengthen our adversaries and threaten our planet.

These are the indicators of crisis, subject to data and statistics. Less measurable but no less profound is a sapping of confidence across our land — a nagging fear that America's decline is inevitable, and that the next generation must lower its sights.

Today I say to you that the challenges we face are real. They are serious and they are many. They will not be met easily or in a short span of time. But know this, America — they will be met.

On this day, we gather because we have chosen hope over fear, unity of purpose over conflict and discord.

On this day, we come to proclaim an end to the petty grievances and false promises, the recriminations and worn out dogmas, that for far too long have strangled our politics.

We remain a young nation, but in the words of Scripture, the time has come to set aside childish things. The time has come to reaffirm our enduring spirit; to choose our better history; to carry forward that precious gift, that noble idea, passed on from generation to generation: the God-given promise that all are equal, all are free, and all deserve a chance to pursue their full measure of happiness.

In reaffirming the greatness of our nation, we understand that greatness is never a given. It must be earned. Our journey has never been one of short-cuts or settling for less. It has not been the path for the faint-hearted — for those who prefer leisure over work, or seek only the pleasures of riches and fame. Rather, it has been the risk-takers, the doers, the makers of things — some celebrated but more often men and women obscure in their labor, who have carried us up the long, rugged path towards prosperity and freedom.

For us, they packed up their few worldly possessions and traveled across oceans in search of a new life.

For us, they toiled in sweatshops and settled the West; endured the lash of the whip and plowed the hard earth.

For us, they fought and died, in places like Concord and Gettysburg; Normandy and Khe Sahn.

Time and again these men and women struggled and sacrificed and worked till their hands were raw so that we might live a better life. They saw America as bigger than the sum of our individual ambitions; greater than all the differences of birth or wealth or faction.

This is the journey we continue today. We remain the most prosperous, powerful nation on Earth. Our workers are no less productive than when this crisis began. Our minds are no less inventive, our goods and services no less needed than they were last week or last month or last year. Our capacity remains undiminished. But our time of standing pat, of protecting narrow interests and putting off unpleasant decisions — that time has surely passed. Starting today, we must pick ourselves up, dust ourselves off, and begin again the work of remaking America.

For everywhere we look, there is work to be done. The state of the economy calls for action, bold and swift, and we will act — not only to create new jobs, but to lay a new foundation for growth. We will build the roads and bridges, the electric grids and

digital lines that feed our commerce and bind us together. We will restore science to its rightful place, and wield technology's wonders to raise health care's quality and lower its cost. We will harness the sun and the winds and the soil to fuel our cars and run our factories. And we will transform our schools and colleges and universities to meet the demands of a new age. All this we can do. And all this we will do.

Now, there are some who question the scale of our ambitions — who suggest that our system cannot tolerate too many big plans. Their memories are short. For they have forgotten what this country has already done; what free men and women can achieve when imagination is joined to common purpose, and necessity to courage.

What the cynics fail to understand is that the ground has shifted beneath them — that the stale political arguments that have consumed us for so long no longer apply. The question we ask today is not whether our government is too big or too small, but whether it works — whether it helps families find jobs at a decent wage, care they can afford, a retirement that is dignified. Where the answer is yes, we intend to move forward. Where the answer is no, programs will end. And those of us who manage the public's dollars will be held to account — to spend wisely, reform bad habits, and do our business in the light of day — because only then can we restore the vital trust between a people and their government.

Nor is the question before us whether the market is a force for good or ill. Its power to generate wealth and expand freedom is unmatched, but this crisis has reminded us that without a watchful eye, the market can spin out of control — and that a nation cannot prosper long when it favors only the prosperous. The success of our economy has always depended not just on the size of our Gross Domestic Product, but on the reach of our prosperity; on the ability to extend opportunity to every willing heart — not out of charity, but because it is the surest route to our common good.

As for our common defense, we reject as false the choice between our safety and our ideals. Our Founding Fathers, faced with perils we can scarcely imagine, drafted a charter to assure the rule of law and the rights of man, a charter expanded by the blood of generations. Those ideals still light the world, and we will not give them up for expedience's sake. And so to all other peoples and governments who are watching today, from the grandest capitals to the small village where my father was born: know that America is a friend of each nation and every man, woman, and child who seeks a future of peace and dignity, and we are ready to lead once more.

Recall that earlier generations faced down fascism and communism not just with missiles and tanks, but with the sturdy alliances and enduring convictions. They understood that our power alone cannot protect us, nor does it entitle us to do as we please. Instead, they knew that our power grows through its prudent use; our security emanates from the justness of our cause, the force of our example, the tempering qualities of humility and restraint.

We are the keepers of this legacy. Guided by these principles once more, we can

meet those new threats that demand even greater effort — even greater cooperation and understanding between nations. We will begin to responsibly leave Iraq to its people, and forge a hard-earned peace in Afghanistan. With old friends and former foes, we'll work tirelessly to lessen the nuclear threat, and roll back the specter of a warming planet. We will not apologize for our way of life, nor will we waver in its defense, and for those who seek to advance their aims by inducing terror and slaughtering innocents, we say to you now that our spirit is stronger and cannot be broken; you cannot outlast us, and we will defeat you.

For we know that our patchwork heritage is a strength, not a weakness. We are a nation of Christians and Muslims, Jews and Hindus — and non-believers. We are shaped by every language and culture, drawn from every end of this Earth; and because we have tasted the bitter swill of civil war and segregation, and emerged from that dark chapter stronger and more united, we cannot help but believe that the old hatreds shall someday pass; that the lines of tribe shall soon dissolve; that as the world grows smaller, our common humanity shall reveal itself; and that America must play its role in ushering in a new era of peace.

To the Muslim world, we seek a new way forward, based on mutual interest and mutual respect. To those leaders around the globe who seek to sow conflict, or blame their society's ills on the West — know that your people will judge you on what you can build, not what you destroy. To those who cling to power through corruption and deceit and the silencing of dissent, know that you are on the wrong side of history; but that we will extend a hand if you are willing to unclench your fist.

To the people of poor nations, we pledge to work alongside you to make your farms flourish and let clean waters flow; to nourish starved bodies and feed hungry minds. And to those nations like ours that enjoy relative plenty, we say we can no longer afford indifference to the suffering outside our borders; nor can we consume the world's resources without regard to effect. For the world has changed, and we must change with it.

As we consider the road that unfolds before us, we remember with humble gratitude those brave Americans who, at this very hour, patrol far-off deserts and distant mountains. They have something to tell us, just as the fallen heroes who lie in Arlington whisper through the ages. We honor them not only because they are guardians of our liberty, but because they embody the spirit of service; a willingness to find meaning in something greater than themselves. And yet, at this moment — a moment that will define a generation — it is precisely this spirit that must inhabit us all.

For as much as government can do and must do, it is ultimately the faith and determination of the American people upon which this nation relies. It is the kindness to take in a stranger when the levees break, the selflessness of workers who would rather cut their hours than see a friend lose their job which sees us through our darkest hours. It is the firefighter's courage to storm a stairway filled with smoke, but also a parent's willingness to nurture a child, that finally decides our fate.

Our challenges may be new. The instruments with which we meet them may be new. But those values upon which our success depends — honesty and hard work, courage and fair play, tolerance and curiosity, loyalty and patriotism — these things are old. These things are true. They have been the quiet force of progress throughout our history. What is demanded then is a return to these truths. What is required of us now is a new era of responsibility — a recognition, on the part of every American, that we have duties to ourselves, our nation, and the world, duties that we do not grudgingly accept but rather seize gladly, firm in the knowledge that there is nothing so satisfying to the spirit, so defining of our character, than giving our all to a difficult task.

This is the price and the promise of citizenship.

This is the source of our confidence — the knowledge that God calls on us to shape an uncertain destiny.

This is the meaning of our liberty and our creed — why men and women and children of every race and every faith can join in celebration across this magnificent mall, and why a man whose father less than sixty years ago might not have been served at a local restaurant can now stand before you to take a most sacred oath.

So let us mark this day with remembrance, of who we are and how far we have traveled. In the year of America's birth, in the coldest of months, a small band of patriots huddled by dying campfires on the shores of an icy river. The capital was abandoned. The enemy was advancing. The snow was stained with blood. At a moment when the outcome of our revolution was most in doubt, the father of our nation ordered these words be read to the people:

“Let it be told to the future world...that in the depth of winter, when nothing but hope and virtue could survive...that the city and the country, alarmed at one common danger, came forth to meet [it].”

America. In the face of our common dangers, in this winter of our hardship, let us remember these timeless words. With hope and virtue, let us brave once more the icy currents, and endure what storms may come. Let it be said by our children's children that when we were tested we refused to let this journey end, that we did not turn back nor did we falter; and with eyes fixed on the horizon and God's grace upon us, we carried forth that great gift of freedom and delivered it safely to future generations.

Thank you. God bless you and God bless the United States of America.

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

Круглый стол*

**«Региональные факторы формирования демографических, этнических и социальных рисков развития человеческого потенциала» в рамках международного семинара
«Север и юг: диалог культур и цивилизаций»
(14–16 мая 2009 г., Новосибирск)**

Часть II

© 2009

В.В. Николаев

ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ (XIX — НАЧАЛО XXI вв.)

Доклад представляет собой попытку оценить естественное и механическое движение коренных этносов Северного Алтая — кумандинцев, челканцев, тубаларов на протяжении XIX — начала XXI вв. Опираясь на широкий круг источников, автор приходит к выводу, что развитие демографической ситуации на Северном Алтае в XIX — начале XX вв. было обусловлено контактами коренного населения с русскими и масштабами христианизации. Естественное движение автохтонного населения в XX в. было сопряжено с изменением традиционных моделей демографического поведения и оттоком населения из районов традиционного проживания. Но в сложных социально-экономических условиях XX в. малочисленным этносам Северного Алтая удалось сохранить значительный демографический потенциал.

Ключевые слова: демографический потенциал, Северный Алтай, коренной этнос, традиционная модель поведения.

Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. в «Официальный единый перечень коренных малочисленных народов России» были включены кумандинцы, тубалары и челканцы (северные алтайцы) — коренное население предгорий Северного Алтая. С этого момента этносоциальные процессы в их среде стали предметом специальных исследований российской этнологии

Настоящая работа представляет собой попытку оценить естественное и механическое движение этих этносов на протяжении XIX — начала XXI вв. Ее ис-

* Часть I см.: ПИФК. 2009. № 3. С. 301–373.

точниковой базой являются материалы Территориальных органов Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай и Алтайскому краю, архивные документы Центра хранения архивных фондов Алтайского края (метрические книги, документы Алтайской духовной миссии и др.), опубликованные данные переписи 1926 и 2002 гг., а также полевые сборы автора.

Согласно имеющимся данным, в течение XIX — первых десятилетий XX в. численность коренного населения предгорий Северного Алтая постоянно возрастала. Положительная динамика прироста аборигенного населения была прервана политическими процессами 1920–1930-х гг. и Великой Отечественной войной. С середины XX в. начались существенные демографические и социокультурные трансформации. Во второй половине XX в. демографические потери уже не перекрывались естественным приростом.

В XIX — начале XX вв. для автохтонного населения предгорий Северного Алтая был характерен традиционный тип воспроизводства, сопряженный с высокими смертностью и рождаемостью. Рождаемость на рубеже XIX–XX вв. колебалась в пределах 20–70 %, наиболее высоким данный показатель был в Тайнинском приходе — в 1905 г. он составлял 90,2 %. Уровень смертности варьировался в пределах 5–60 %. Значительную группу умерших (до 30 %) составляли младенцы до года; до 5-летнего возраста доживало только 4 ребенка от общего числа родившихся. Смертность носила циклический характер: достигая «высшей точки» (возможно, в период эпидемий), она снижалась в последующие годы, а затем вновь повышалась. Соответственно, естественный прирост населения в отдельные годы сменялся регрессом, но в целом имел незначительную положительную динамику.

В первой половине XX в. на Северном Алтае формировалась сельская медицинская сеть, охватившая к концу 1930-х гг. значительное количество сел. Но дисперсный характер расселения аборигенного населения обуславливал ограниченность и периодичность медицинской помощи. Даже в 1950-х гг. сохранялось влияние шаманов на старшее поколение, роды принимали в основном повивальные бабки¹.

Влияние внешних факторов дополнялось недоверием коренного населения к врачам. Так, в 1930-е гг. в Красногорском районе в ходе эпидемии, возникшей в результате употребления в пищу перезимовавших колосков при изъятии зерна в ходе коллективизации, кумандинцы скрывали от врачей больных детей².

Несмотря на социокультурные перемены первой половины XX в. в России, в структуре и уровне смертности коренного населения региона существенных изменений не произошло. Это было обусловлено общим ухудшением социально-экономических условий, коллективизацией и репрессиями. Так, в зоне проживания северных алтайцев в 1930-е гг. только по Турочакскому району (нынешней Республики Алтай) было репрессировано 147 алтайцев, по Чойскому — 97³.

Потери в годы Великой Отечественной войны, в отличие от Первой мировой войны, когда «иногородцев» призывали только на тыловые работы, существенно отразились на демографии коренных этносов. На фронте погибло 199 солтонских и 99 красногорских кумандинцев, 313 алтайцев из Чойского и 417 из Туро-

чакского районов⁴. Половозрастная структура населения деформировалась, обусловив распространение межэтнических браков, внебрачных связей и аборт⁵ (ПМА, 2007, Солтон; 2008, Красногорское, Турочак).

В то же время среди коренного населения Северного Алтая во второй половине XX в. шло снижение уровня смертности, в первую очередь, за счет сокращения уровня младенческой и детской смертности. Данный процесс прослеживается по материалам похозяйственных книг сельских советов в границах Северного Алтая. Если в 1940-е гг. летальные случаи среди детей до 5 лет фиксировались неоднократно, то в начале 1970-х гг. в похозяйственных книгах 9 сельсоветов, не было зарегистрировано ни одного умершего младенца. Таким образом, первый этап демографического перехода у коренного населения предгорий Северного Алтая состоялся в 1950 — 1960-е гг. Его суть заключалась в снижении уровня смертности.

Второй этап демографического перехода — снижение уровня рождаемости — относится к 1970-м гг. На этот период, по данным похозяйственных книг, приходится резкое уменьшение количества деторождений. Статистические сведения подтверждаются полевыми материалами, свидетельствующими о произошедшем во второй половине XX в. изменении демографического поведения автохтонного населения Северного Алтая. Дальнейшее распространение получили аборты. Информаторы отмечали, что основной причиной прерывания беременности являлись бедность и незнание других средств регулирования рождаемости. Если раньше высокая детская смертность выступала регулирующей силой детности семей, то успехи медицины в 1950-е гг. обусловили применение новых средств ограничения рождаемости, среди которых наиболее доступным стал аборт. Один из информаторов отметил: «Раньше дети сами умирали, вот и не делали аборты»⁶.

Вплоть до 1970-х гг. в среде коренного населения Северного Алтая продолжает сохраняться установка на ранние браки, но большинство информаторов, родившихся в 1920—1930-е гг., вступали в брак уже после 20 лет. Причиной откладывания свадьбы становится учеба в высшем учебном заведении, служба в армии.

Снижение численности коренных народов Северного Алтая было сопряжено с возрастанием их миграционной активности. В XIX — первой половине XX вв. население перемещалось в основном в пределах региона исконного обитания. На рубеже XIX—XX вв., в ходе увеличения притока переселенцев, граница расселения коренного населения продолжала сужаться.

Перепись 1897 г. зафиксировала существенные изменения в расселении коренного населения, произошедшие в течение XIX в. Наиболее значительные изменения имели место в черневых волостях (за исключением Кережской волости) и прилегающей Верхне-Кумадинской волости. Более половины населения указанных волостей сменили место проживания. Население Кережской и Кондомо-Шелкальской волостей осталось не вовлеченными в миграционные потоки.

Межэтнические браки, трудовая и учебная миграция и другие факторы способствовали расширению географии миграций. Особенно массовыми были переселения 1960—1970-х гг.; они были вызваны практикой укрупнения совхозов,

ликвидаций «неперспективных сел» и нарастающей миграцией в города. В результате большая часть (57 %) кумандинцев к 2002 г. проживала в городах (в основном в г. Бийске). Темпы урбанизации остальных этносов (особенно челканцев) предгорий Северного Алтая уступали кумандинцам. Основная часть челканцев проживала в г. Горно-Алтайске.

До середины XX в. для коренного населения предгорий Северного Алтая был характерен традиционный тип воспроизводства населения. Хотя уже с конца XIX в. начался процесс модернизации демографического поведения под влиянием деятельности миссионеров и пришлого населения. Нуклеаризация семей, миграционная активность населения свели на нет социальный контроль, осуществлявшийся со стороны родителей. Исчезли (фактически за ненадобностью) традиционные обычаи: левират, ранние браки и т. д. (ПМА, 2008, Красногорское, Турочак). В 1950 — 1970-е гг. процесс демографического перехода завершился утверждением рационального типа воспроизводства.

В целом, особенности естественного движения населения у кумандинцев, тубаларов и челканцев были обусловлены степенью интенсивности их этнокультурных контактов с русскими и масштабами христианизации в XIX — начале XX вв., что накладывало отпечаток на динамику демографических процессов в течение XX — начала XXI вв. Естественное движение автохтонного населения в XX в. во многом было сопряжено с изменением традиционных моделей демографического поведения и оттоком населения из районов традиционного проживания. Но в условиях сложных военно-политических и социально-экономических событий XX в. малочисленным этносам предгорий Северного Алтая удалось выжить и сохранить значительный демографический потенциал.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полевые материалы автора (ПМА) 2007: с. Солтон; с. Красногорское, с. Турочак.
2. ПМА, 2008: с. Красногорское.
3. Книга памяти. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1993. Т. 3. С. 243.
4. Книга памяти. 1993. С. 187–294; Книга памяти. Барнаул, 1994. Т. 5; Книга памяти. Т. IV. Горно-Алтайск, 1996. С. 174.
5. ПМА, 2008: с. Солтон; с. Красногорское, с. Турочак.
6. Там же.

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF NORTH ALTAI FOOTHILL NATIVES (19th — EARLY 21st CC.)

V.V. Nikolayev

The paper is an attempt to appraise North Altai ethnic groups (Kumandin, Chekan, Tubular) migration during the 19th — early 21st cc. period. A wide variety of sources allows the author to conclude that the demographic situation in North Altai of the indicated period was determined by the natives contacts with Russians and by a wide spread of Christianity. Natural migration of autochthonous population in the 20th century was due to a change in traditional demographic behavior patterns and to mass

exodus from the habitat. Notwithstanding complicated social and economic conditions of the 20th c., North Altai ethnic minorities managed to retain considerable demographic potential.

Key words: demographic potential, North Altai, native ethnic groups, traditional behavior pattern.

© 2009

Е.А. Волжанина

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЧИСЛЕННОСТЬ НЕНЦЕВ ЯМАЛА В XX — НАЧАЛЕ XXI вв.

Динамика численности ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа демонстрирует устойчивый характер этнодемографической ситуации на протяжении XX в. Мероприятия, предпринятые государством, прежде всего улучшение медицинского обслуживания, оказали благоприятное действие на улучшение положения народов Севера. Значительное снижение прироста населения приходится на вторую половину 1940-х — начало 1950-х, 1970-е и вторую половину 1990-х гг. К условиям, обеспечивавшим высокий абсолютный прирост, необходимо отнести многочисленность ненцев Ямала, устойчивость их общности и компактность расселения в рамках административной территории при сохранении традиционного кочевого образа жизни.

Ключевые слова: численность населения, ненцы, этнодемографическая ситуация, народы Севера, прирост населения.

По данным переписей населения за 1939–2002 гг. прирост ненцев Ямало-Ненецкого округа составил 1,07 %, Таймыра — 1,09 %, Ханты-Мансийского округа — 0,66 %, Ненецкого округа — 0,52 %. При общей положительной направленности демографических процессов в существовании этого этноса, динамика численности ненцев Ямала, обусловленная характером естественного движения и действиями социально-экономических факторов, имела неустойчивый характер. Снижение показателей численности приходится на межпереписные периоды 1939 — 1959 и 1970 — 1979 гг.¹

Существенное увеличение численности ненцев Ямала фиксируется в 1930-е гг. В 1926 г. ненцы, проживающие на территории Обдорского района, насчитывали 7994, а в 1939 г. — в границах Ямало-Ненецкого национального округа — 13454 чел. Их численность выросла более чем в 1,5 раза после присоединения к Обдорскому району верховьев р. Пур из Сургутского района в ходе организации Ямальского (Ненецкого) национального округа.

С образованием национального округа вместо экзонима «самоед» стал использоваться этноним «ненец», распространенный на группы остяко-самоедов,

самоедо-зырян, лесных ненцев и юраков, учитывавшихся прежде отдельно. Совокупная численность всех вышеперечисленных групп составляла 8784 чел., что не объясняло высокого абсолютного прироста ненцев. Вероятно, цифры 1939 г. стали результатом значительного уточнения численности ненцев в ходе подготовительных мероприятий переписи 1939 г., учитывавших опыт предыдущих лет.

Численность ненцев в Ямало-Ненецком национальном округе выросла с 1939 по 1959 г. только на 523 чел., т. е. с 13454 до 13977 чел. На сокращение численности народов Севера в 1959 г., по сравнению с данными предыдущей переписи, сразу обратили внимание этнографы. Это объясняли реакцией на произошедшие изменения в традиционном хозяйстве в результате непродуманной государственной политики по переводу кочевников Севера на оседлый образ жизни и вовлечением их в новые сферы хозяйства, нехарактерные для Севера (огородничество, полеводство, молочное животноводство), а также завозом в зону расселения коренных народов в больших количествах спиртного.

Негативные последствия имела Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Отмена льгот при уплате налогов, регулярные военные займы, перевод товариществ и сельскохозяйственных артелей на устав рыболовецких артелей, полное обобществление оленей и их убой привели к упадку оленеводства и пушного промысла на Ямале. Недопоставки продовольствия в 1940-х гг. вызвали голод среди населения североямальской и гыданской тундры.

Следующее снижение темпа прироста произошло в 1970-х гг. Невысокий прирост, наблюдаемый практически у всех народов Севера в эти годы, объяснялся их миграциями за пределы территорий обычного расселения, снижением рождаемости в результате изменения традиционных социальных структур и повышения образовательного уровня. Дальнейшее совершенствование медицинского обслуживания привело к распространению сознательного планирования семьи и ограничению числа рождений.

Отчасти уменьшение численности ненцев Ямало-Ненецкого округа между переписями 1970 и 1979 гг. было связано с изменением демографической структуры этноса. К моменту проведения переписи 1979 г. достигло репродуктивного и бракоспособного возраста послевоенное поколение второй половины 1940-х гг., составлявшее значительное меньшинство в структуре ненецкого населения. Другой причиной демографического спада послужило начало промышленного освоения Севера, повлекшее за собой приток большого количества нового населения, завоз алкогольной продукции в крупных масштабах. Эти процессы проходили на фоне ослабления внимания со стороны государства к проблемам коренных народов Севера.

Если в целом анализировать историю Севера XX в., то следует отметить, что периоды высокого абсолютного прироста населения приходятся на 1960-е гг., вторую половину 1980-х — начало 1990-х гг. и свидетельствуют в пользу благоприятной демографической ситуации.

Абсолютный прирост ненцев Ямальского округа в 1959–1970 гг. составил 3561 чел.. Их численность выросла с 13977 до 17538 чел. В 1989 — 2002 гг. прирост составил 5518 чел., т. е. более 40 % прироста ненцев за период 1939–2002 гг. В это время их абсолютная численность выросла с 20917 до 26435

чел. В Ямальском округе среднегодовой темп прироста в последней трети XX — начале XXI в. составлял — 1,8-2 %. При этом значительный рост приходился на конец 1980-х гг. и начало 1990-х гг. В последующий период увеличение происходило уже менее высокими темпами.

С 1980 по 1988 гг. у ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа рождаемость выросла в 1,6 раза — с 424 до 706 чел. Сокращение смертности произошло в 1986 г. в 1,7 раза по сравнению с 1985 г. — с 261 до 155 зарегистрированных случаев. Соответственно, если в 1980 г. естественный прирост ненцев составлял 176, то в 1988 г. — 529 чел.

Данные статистики показывают, что рост рождаемости сопровождался в отдельные годы высокой младенческой смертностью, показатели которой медленно снижались. В 1980 г. она составляла 37,7, а в 1988 — 29,7 %. Уровень младенческой смертности среди ненцев в конце 1980-х гг. был значительно ниже, чем в первой половине и середине XX в.

Если в целом оценивать демографическую динамику ненцев Ямала, то следует подчеркнуть, что причинами повышения естественного прироста ненцев в 1960-х гг. и во второй половине 1980-х гг. является положительное действие двух факторов: демографического и социально-экономического. К первому относится вступление в репродуктивный период женщин многочисленного поколения 1930-х — начала 1940-х и 1960-х гг. рождения соответственно и реальное снижение младенческой смертности. Ко второму — принятие в конце 1950-х — начале 1960-х гг. специальных Постановлений Совета Министров РСФСР и СССР, ЦК КПСС об оказании помощи в развитии хозяйства и культуры народов Севера. Выполнение этих постановлений сопровождалось преобразованием рыболовецких колхозов и сельскохозяйственных артелей Тюменского Севера в совхозы. Улучшение материального положения и медицинского обслуживания населения и принятие антиалкогольных указов весной 1985 г., с их продлением на Севере до начала 1990-х гг., имели положительный эффект практически для всех коренных народов, способствовали росту их численности.

И хотя уже во второй половине 1990-х гг. была отмечена тенденция снижения рождаемости и рост смертности, в том числе младенческой, среди народов Севера, но средний естественный прирост ненцев в четырех автономных округах Сибири в 1995–1999 гг. составил 539 чел., а средний естественный прирост народов Севера (ненцев, хантов, селькупов, манси) за тот же период в Ямало-Ненецком автономном округе — 526 чел.

Анализ этнических процессов свидетельствует, что сибирские тундровые и лесные ненцы, проживающие в Ямало-Ненецком округе, оказались менее всего затронуты процессом «восстановления этничности», отмечаемым для коренных малочисленных народов Севера с конца 1980-х гг. и связанным с патерналистской политикой государства. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что изменение идентичности представителей этнически смешанных семей незначительно повлияло на численность ненцев, за исключением некоторых территорий — Ныдинской с/а Надымского района, Белоярской и Аксарковской с/а Приуральского района, Халесовинской с/а Пуровского района. Значительное увеличение численности ненцев, наблюдаемое в 1980-1990-е гг. в

Ямальском, Тазовском, Приуральском районах по сравнению с предшествующими годами было связано, в первую очередь, с высоким естественным приростом.

В целом, анализ ситуации показывает, что на протяжении всего XX в. социокультурные, политические и экономические процессы в Сибири и в России в целом оказывали значительное влияние на ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа. Меры, предпринятые государством для улучшения положения народов Севера, прежде всего для улучшения их медицинского обслуживания и распространение санитарно-гигиенических знаний, в большинстве случаев оказали стабилизирующее влияние на этнодемографические процессы в их среде. К факторам, определяющим высокий абсолютный прирост ненцев, следует отнести их многочисленность, компактное расселение в рамках административных образований и сохранение традиционного кочевого образа жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ненцы принадлежат к самодийской группе уральской языковой семьи и относятся к коренным малочисленным народам Севера, насчитывая по переписи 2002 г. 41302 чел. Основная их часть расселена на территории четырех автономных округов: Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Таймырского и Ханты-Мансийского. В 2002 г. в ЯНАО проживали 64 % ненцев Российской Федерации (26435 чел.) Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1536. Оп.336. Д.1475. Л.3, 5, 6, 11; Итоги Всероссийской переписи 2002 г. Т.4. Национальный состав и владение языками // http://www.perepis2002.ru/ct/doc/TOM_04_07.xls

FACTORS AFFECTING YAMAL NENETS POPULATION IN THE 20th — EARLY 21st CC.

Ye.A. Volzhanina

The 20th century gives evidence of ethno-demographic stability of Nenets population in Yamal-Nenets autonomy. Government measures, mainly better medical care, had a beneficial effect on the peoples of the North. Population growth considerably dropped during the late 40s — early 50s, in the 70s, and in the late 90s. Higher absolute population growth can be attributed to a large number of Nenets people in Yamal, their close-knit community in the small area with a traditionally nomadic way of life.

Key words: population quantity, Nenets, ethno-demographic situation, North ethnic groups, population growth.

© 2009

М.А. Овчарова

МОРДВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА XX в.

Доклад опирается на анализ материалов переписей в России конца XIX—XX вв. и данные текущей статистики. Автор приходит к выводу, что этнодемографическое развитие мордвы Алтайского края было обусловлено общими политическими, социально-экономическими процессами советской России. Основной тенденцией стало сокращение абсолютной и относительной численности миграционного этноса, ассимиляция, утрата языка и смена идентичностей. Оскудение этнокультурного многообразия Алтайского края рассматривается в работе как негативное явление в развитии человеческого потенциала.

Ключевые слова: мордва, Алтайский край, перепись, этнодемографическое развитие, абсолютная и относительная численность, человеческий потенциал.

По заключению аналитиков уже во второй половине XIX — начале XX в. Сибирь была втянута в модернизационные преобразования, которые коснулись всех сфер жизни края. Социально-экономические и политические процессы, сопровождавшие эту глобальную трансформацию определили контекст переселенческого движения в Сибирь, участникам которого стал мордовский этнос.

По переписи 1897 г. на территории Сибири насчитывалось 21 тыс. чел. мордовского населения, которое расселилось главным образом в Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниях. Наибольший удельный вес мордвы фиксировался в Барнаульском, Мариинском, Змеиногорском, Томском, Бийском и Кузнецком окр. Томской губернии, Минусинском окр. Енисейской, Тюкалинском и Ишимском окр. Тобольской губернии.

К концу XIX в. в Западной Сибири (Томская губерния) проживало уже 16760 чел. мордвы. Наибольшее число мордовского населения значилось в границах Алтайского (горного) округа. Основу этнического сообщества составляли жители сельской местности (94 %), преимущественно — крестьяне (от 75 до 98 % по разным округам); мещане насчитывали от 4 до 25 %. Грамотных (владеющих письменным русским языком) среди мордвы было всего 6–7 %¹.

Демографическое развитие мордовского населения Алтайского края после 1917 г. было обусловлено общими политическими, социально-экономическими процессами советской России. Оно осложнялось насильственной коллективизацией и порожденным ею голодом (1932–1933 гг.), Великой Отечественной войной и т. д.

В 1920–1930-е гг. в Сибирь приходит новая волна переселенцев, в том числе и мордвы. Это было обусловлено засухой и голодом в европейской России 1921 г. Ситуация повторилась в 1931–1932 гг., когда сельское население ряда регионов, в том числе и Поволжья, понесло огромные потери в результате жестокого голода, вызванного принудительной коллективизацией. В Алтайской губернии были определены районы для принятия голодающих.

Общая численность мордовского населения к 1920 г. на Алтае увеличилась более чем в 2 раза. В Сибири Алтайская губерния стояла на первом месте по численности мордвы (18436 чел.), за ней шла Новониколаевская (10481 чел.), Томская (7698 чел.), Енисейская (4967 чел.), Омская (2468 чел.), и Иркутская (284 чел.) губернии. На Алтае мордва по численности стояла на третьем месте после русских и украинцев.

К 1926 г. на территории Сибирского региона проживало 107794 чел. мордвы. В Алтайской губернии численность мордвы возросла до 47062 чел. В 1928 г. на территории Алтайского края насчитывалось порядка 150 мордовских поселений. Доля сельских жителей среди мордвы составляла 97 % (44351 чел.); по данным на 1939 г. — 88 % (27071 чел.). Доля городских жителей у мордвы увеличилась относительно медленно. Начало 1930-х гг. было первым этапом оттока населения из аграрного сектора в город на промышленное производство.

По данным переписи 1926 г. доля лиц, владеющих родным мордовским языком, составила у сельской мордвы 77,1 %, у городской — 40 %. Для мордовского населения был характерен относительно низкий (в сравнении с другими этносами) уровень грамотности — 21 % (9919 чел.). По этому показателю мордовское население на Алтае опережали чуваша, среди которых доля грамотных составляла 24 %, татары — 28 %, белорусы — 34 %, немцы — 51 %, украинцы — 58 %.

Начавшиеся в 1930-е гг., социально-политические преобразования в России негативно повлияли на состояние мордовского этноса в Сибири и на Алтае. Разорение деревни, массовые репрессии, раскулачивание — все это создало большую напряженность в развитии социально-демографической ситуации. Перепись 1939 г. продемонстрировала уменьшение численности мордовского населения в Алтайском крае в 1,5 раза (30779 чел.) от уровня 1926 г. К 1939 г. мордовское население в общей структуре этносов Алтая опускается на четвертое место. Но, несмотря на существенные изменения, демографическая, языковая и социокультурная основа мордвы в 1920–1930-е гг. остается относительно целостной.

В 1940–1950-е гг. происходят дальнейшие социально-демографические изменения, связанные с государственными миграциями и перераспределением рабочей силы между городом и деревней. Еще в 1939 гг. начались плановые переселения мордовских семей из малоземельных районов Мордовии на восток страны. Миграции получили продолжение в годы войны, т.к. Алтайский край имел статус тылового региона, ставшего одной из зон массовых эвакуаций, спецпоселений и реэвакуации.

Однако, несмотря на миграции, начиная с 1939 г. до 1959 г. наблюдалось устойчивое снижение численности мордовского населения в регионе. К 1959 г. численность мордвы в Алтайском крае составила 16583 чел., (0,6 % от общей численности населения). Причиной сокращения были не только общие социально-экономические тенденции военного и послевоенного периода, но и ассимиляционные процессы, которые развернулись в поликультурном сообществе края.

При сокращении численности одновременно происходило расширение ареала расселения мордовского населения, шли процессы дисперсификации.

К концу 1950-х гг. мордовское население расселилось по многим районам Алтайского края, но в общей численности не составляло в них более 0,2–0,1 %. Произошло размывание ранее моноэтнических сел; стало расти число межнациональных браков.

Несмотря на дробление некогда компактных этнических массивов, к концу 1950-х гг. доля лиц, знающих мордовский язык, оставалась еще очень высокой — 63 %; сельское мордовское население по-прежнему владело родным языком лучше городского — 74 и 25 % соответственно.

Динамика и направление этнических процессов XX в. менялись под влиянием глобальных факторов: индустриализации, урбанизации, трансформации общественного сознания и др. Начиная с послевоенного времени усилился отток жителей села в город. Доля мордовского сельского населения Алтайского края в течение 1940–1950-х гг. снизилась, однако оставалась преобладающей — 81 % (13390 чел.), в городе — 9 % (3195 чел.).

Активная модернизация села продолжалась на протяжении 1960–1980-х гг. С 1959 по 1968 гг. были приняты постановления Совета Министров РСФСР и Верховного Совета РСФСР, предусматривающие укрупнение колхозов и совхозов, а также преобразование ряда сельских пунктов в рабочие поселки. Реализация этих постановлений вызывала миграционный отток значительной части сельского населения в города. В селе отрицательное сальдо прироста возникло уже в 1970-е гг.

На рубеже 1960 — 1970-х гг. характер демографических процессов изменился принципиально — резко снизились темпы естественного движения. К 1979 г. численность мордовского населения в Алтайском крае составила 8324 чел. (0,3 %). Основная часть мордвы по-прежнему проживала в сельской местности — 64 % (5285 чел.), в городе — 34 % (3039 чел.). На тот момент в этнической структуре региона наибольший процент составляли русские; в 1979 г. мордва занимала 6-е (0,3 %); в 1989 г. — 7-е место (0,3 %). По данным переписи 1989 г. численность мордвы в Алтайском крае составляла 7313 чел. (0,3 %); 1970 по 1989 гг. она уменьшилась на 32 %.

Хотя мордовское население (прежде всего в сельской местности) сохраняло ряд традиционных этнодемографических, языковых и культурных характеристик, однако активно шли ассимиляционные процессы. На рубеже XX–XXI вв. в Алтайском крае на фоне общей тенденции сокращения численности населения продолжалось размывание мордовского этноса. Это происходило из-за естественной убыли населения, которая была обусловлена режимом воспроизводства, возникшим в 1960-х гг. Снижение рождаемости в среде мордовского этноса привело к усилению демографического старения. К этим процессам добавлялись усиливающиеся миграционные тенденции — мордва выезжала за пределы края.

Результатом прошедшего десятилетия стало резкое сокращение абсолютной численности мордовского населения Алтая в 1,5 раза (в 1989 г. — 7313 чел., 2002 г. — 4769 чел.). Его удельный вес в составе населения края снизился до 0,2 %. Сегодня мордва находится на 7-м месте в структуре этносов региона. Значительные потери понесло как городское, так и сельское мордовское население; доля сельчан сократилась к 2002 г. на 72 % (2963 чел.), а горожан на 57 %

(1806 чел.). Основными районами проживания мордвы остаются традиционные северные и северо-восточные районы Алтайского края. По данным переписи 2002 г., численно мордовское население выделялось только в 12 его районах.

За цифрами стоит проблема исчезновения мордовского села и смены этнического самосознания. Доля мордвы, владеющей своим языком, составляет сегодня 2,2 %. В настоящее время мордовское население продолжает уменьшаться — исчезают традиции, навыки адаптации и технологии освоения разнообразных природных ресурсов и ландшафтных зон Алтайского края. Оскудение языкового и культурного многообразия может рассматриваться как негативное явление в развитии человеческого потенциала Алтайского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее рассчитано автором по материалам официальных переписей конца XIX—XX вв., а также по данным текущего архива Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю (Алтайкрай-стат).

MORDVINIANS OF THE ALTAI TERRITORY: 20th C. ETHNO-DEMOGRAPHIC DYNAMICS

M.A. Ovcharova

The paper is based on the analysis of census results in Russia of the late 19th — 20th cc. and on present day statistical data. The author comes to recognize that ethno-demographic development of the Altai territory Mordovians was determined by social and economic processes common to Soviet Russia. The principal tendency involved reduced total ethnic population, its comparable size, assimilation degree, language loss, and identification change. The author regards decreased ethnic diversity of Altai territory as a negative factor in human potential development.

Key words: Mordvinians, Altai territory, census, ethno-demographic development, total population, comparable size, human potential.

© 2009

Ю.Н. Гужвенко

МИГРАЦИЯ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В АЛТАЙСКИЙ КРАЙ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЛЯ РЕГИОНА

Доклад посвящен общей оценке миграционной ситуации в Алтайском крае. Опираясь на данные официальной статистики и на полевые материалы автор анализирует эмиграционные и иммиграционные потоки в

пограничном регионе. Самый большой миграционный обмен Алтайского края фиксируется с Казахстаном. Русских переселенцев из Казахстана и в целом Центральной Азии автор рассматривает как важный фактор восполнения человеческого потенциала региона. Признавая необходимость иностранной трудовой миграции в крае, автор подчеркивает, что она обостряет социальные противоречия и является проблемной в связи с интеграцией мигрантов в российское общество.

Ключевые слова: миграционная ситуация, Алтайский край, эмиграционные и иммиграционные потоки, социальные противоречия, мигранты.

Алтайский край — регион, имеющий выгодную транспортно-хозяйственную локализацию. Он находится на пересечении транспортных и торговых путей, связывающих Сибирь с Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном. Через Алтайский край движутся основные миграционные потоки из Центральной Азии.

Несмотря на миграцию из Центральной Азии этнический состав Алтайского края существенным образом не изменился. Всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала, что подавляющее большинство населения края — русские. За межпереписной период доля русских в составе населения края несколько увеличилась с 89,5 % в 1989 г. до 92 % в 2002 г. Алтайский край граничит с Восточно-Казахстанской областью Республики Казахстан, в которой, по данным на 2005 г., проживает 43 % русских¹. В дальнейшем они могут стать демографическим потенциалом для Алтайского края.

Динамика основных этнических групп Алтайского края по результатам переписи населения 2002 г. (человек, %)

Основные этнические группы	1989 г.	2002 г.	Удельный вес в общей численности населения 1989 г.	Удельный вес в общей численности населения 2002 г.
<i>Все население</i>	2631261	2607426	100	100
<i>Русские</i>	2354481	2398117	89,5	92
<i>Казахи</i>	11017	9825	0,4	0,4
<i>Немцы</i>	126901	79502	4,8	3,0
<i>Таджики</i>	390	1617	0,0	0,1
<i>Татары</i>	7690	8899	0,3	0,3
<i>Узбеки</i>	1526	1956	0,1	0,1
<i>Украинцы</i>	75024	52700	2,9	2,0
<i>Чуваши</i>	4591	3385	0,2	0,1

Составлено по: Национальный состав населения Алтайского края: статистический сборник. Барнаул, 2005. С. 13-15.

За 1999–2007 гг. в Алтайском крае значительно снизился удельный вес немцев с 4,8 % в 1989 г. до 3,0 % в 2002 г., украинцев с 2,9 % до 2,0 % соответственно. В то же время возросла доля официально зарегистрированных азиатских этносов — таких, как таджики с 390 чел. в 1989 г. до 1617 в 2002 г., узбеков с 1526 в

1989 г. до 1956 чел. по переписи 2002 г. По неофициальным данным г.Барнаул только в 2008 г. принял до 20000 мигрантов из Узбекистана².

По хозяйственной специализации край является аграрно-промышленным, но не имеющим достаточного количества трудовых ресурсов. Если оценивать общее демографическое развитие Алтайского края, то одной из его характеристик является низкая плотность населения. С 1989 г. по 2007 гг. население края неуклонно уменьшается с 2631,2 в 1989 г. до 2523, 3 тыс. человек в 2007 г. Это связано в первую очередь с естественной убылью населения. В начале 2000-х гг. постепенно возрастал разрыв между коэффициентом рождаемости и смертности, и в итоге в 2000-е гг. установилась стойкая тенденция постоянной естественной убыли населения, к 2006 г. она составила 12,9 тысяч человек.

Данный отрицательный показатель является общероссийским. Для компенсации демографического разрыва естественная убыль должна восполняться механическим приростом. В условиях приграничного положения Алтайского края его миграционное наполнение происходит особенно интенсивно.

Миграционный прирост населения Алтайского края за 1995–2007 гг.

Миграционный прирост	1995	1997	1998	1999	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007
<i>Всего</i>	6149	10224	6268	3057	5047	-2224	-2863	-663	1293	1392	3592
<i>Азербайджан</i>	322	293	169	53	83	10	—	3	12	-15	201
<i>Казахстан</i>	12295	14317	11320	8791	8604	2769	914	1905	2546	998	1179
<i>Киргизия</i>	642	135	43	292	803	508	245	457	646	560	796
<i>Таджикистан</i>	792	372	286	116	118	72	56	39	85	91	704
<i>Узбекистан</i>	1692	606	671	722	799	404	309	134	382	366	536
<i>Украина</i>	575	293	272	69	214	-14	-6	-9	37	26	132

Составлено по: Демографический ежегодник Алтайского края: статистический сборник. Барнаул, 2008. С140.

Самый большой миграционный обмен Алтайского края в 1990–2000-е гг. был зафиксирован с Казахстаном. Пик миграционной активности пришелся на 1994–1997 гг. Благодаря этому был достигнут демографический баланс; миграция русских «спасла» край от негативных процессов депопуляции. Русские из Казахстана и в целом Центральной Азии, принадлежа к единому информационно-культурному пространству и, обладая высокой квалификацией, без особого труда социализировались в российском обществе. Однако в начале 2000-х гг. в связи с социально-экономической стабилизацией в Казахстане, миграция пошла на убыль и миграционный прирост между Казахстаном и Алтайским краем составил в 2007 г. 1179 чел.

С начала 2000-х гг. внимание экспертов, работников административных и правоохранительных органов было приковано к социально-экономической, или трудовой миграции. Значительное количество иностранных граждан, в том числе и незаконных мигрантов, на территории Алтайского края были заняты в таких сферах, как строительно-монтажные работы, торговля, общественное питания и др. По данным ФМС в 2008 г. среди иностранных граждан, получивших разрешение на работу, 44,8 % были выходцами из Узбекистана, 22,1 % —

из Таджикистана, 14,4 % — из КНР, 5,1 % из Казахстана, 3,4 % из Кыргызстана³.

При активном заполнении рынка труда мигрантами среди постоянного населения Алтайского края сохраняется довольно высокий уровень безработицы. Самая большая напряженность на рынке труда была зафиксирована в Алтайском крае 10,1 человек на 1 вакантное место в 2004 г., 12 человек на 1 вакантное место в 2006 г.⁴. По СФО самое большое количество безработных было зафиксировано в Алтайском крае (в 2006 г. 76,3 тыс. человек).

Другой отрицательный фактор миграции — перераспределение денежных средств. Полученные денежные средства мигранты чаще всего вывозят из России, не вкладывая их в развитие «приютившего» их региона. По неофициальным данным в среднем ежемесячно каждый мигрант в 2008 г. отправлял через банковскую систему домой \$ 200 США⁵. Незаконная миграция приводит к обострению криминогенной ситуации, а также влияет на распространение коррупции.

В 2008 г. сотрудниками ФМС по Алтайскому краю было оформлено 4326 разрешений на работу иностранным гражданам⁶. В 2009 г. в крае ожидается весьма напряженная ситуация на рынке труда. Межведомственная комиссия края согласовала квоту в размере 4200 разрешений на работу для иностранных граждан⁷. В то время как по неофициальным данным ожидается приток мигрантов в размере 30000 человек⁸. Поэтому сотрудниками ФМС в настоящее время вводятся жесткие меры регистрации, имеющие целью выдворение иностранных граждан из Алтайского края.

Несомненно, что Алтайский край нуждается в миграционных притоках. Поток трудовой миграции, с одной стороны, спасает край и заполняет трудовые ниши, но, с другой стороны, это обостряет социальные противоречия, криминогенную обстановку, усиливает коррупцию в среде правоохранительных органов. Также следует учитывать тот факт, что трудовые мигранты не ориентируются на постоянное «оседание» в Алтайском крае, поэтому их интеграция в российское общество практически не происходит.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мониторинг этнической и религиозной ситуации в Восточно-Казахстанской области // www.analitik.kz/modules.php?name=News&file=print&sid=65 (28.06.2006 г.).
2. Полевые исследования автора в г. Барнауле. Май 2009 г.
3. Комплексный анализ миграционной ситуации в Алтайском крае за 2008 г. Материалы предоставлены Управлением Федеральной миграционной службы по Алтайскому краю.
4. Труд и занятость в Алтайском крае 2002-2006: статистический сборник. Барнаул, 2007. С.48.
5. Полевые исследования автора в г. Барнауле. Май 2009 г.
6. Комплексный анализ миграционной ситуации в Алтайском крае за 2008 г. С.7.
7. Там же. С.9.
8. Полевые исследования автора в г. Барнауле. Май 2009 г.

MIGRATION FROM CENTRAL ASIA TO ALTAI TERRITORY REGION
DEVELOPMENT PROSPECTS

Yu. N. Guzhvenko

This is a general assessment of migration situation in Altai territory of the Russian Federation. In his analysis of emigration and immigration streams in borderland the author relies upon official statistics and fieldwork results. The largest bulk of immigrants to Altai territory is from Kazakhstan. The author regards Russian migrants from Kazakhstan and Central Asia in general as an important potential factor in replenishing population of the area. While recognizing the migrant labor necessity the author points out that it aggravates social contradictions and creates problems for migrant integration in Russian society.

Key words: migration situation in Altai territory, emigration and immigration streams, social contradictions, migrants.

© 2009

И.В. Октябрьская, Н.Е. Смирнова, Е.В. Антропов

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Доклад имеет обзорный характер. Анализ этнодем графических и этносоциальных характеристик народонаселения в ней рассматривается в связи с определением перспектив развития полиэтнического региона. На основе анализа официальной статистики авторы выделяют ряд тенденций в этнодемографической и этносоциальной сфере современного СФО: сокращение численности народонаселения в целом и отдельных этнических сообществ, при невозможности компенсации за счет миграции; нивелирование демографических характеристик диаспор относительно средних показателей; сохранение этнополитической иерархии, при одновременном действии факторов поликультурности и интеграции; ухудшение качественных характеристик населения СФО и в перспективе растущая конкуренция на рынке труда, в том числе и по этническому признаку. Учет этих тенденций, а также выявление способов и практик использования, сохранения и развития человеческого потенциала разных групп населения Сибири с учетом возможных демографических, социальных, этнических рисков определяет перспективы исследований.

Ключевые слова: человеческий потенциал, этнодемографические и социальные характеристики, сокращение численности населения, интеграция, рынок труда.

Анализ этнодемографических и этносоциальных характеристик народонаселения очень важен при определении перспектив развития полиэтнического региона. Этнический фактор чрезвычайно актуален для Сибири, народонаселение которой формировалось на основе миграционных процессов. К концу XIX в. практически во всех областях региона сложилось значительное преобладание русских. В современном национальном составе Сибирского федерального округа (СФО), при наличии этнополитических образований (Республики Алтай, Тыва, Бурятия, Хакасия), в целом русские составляют абсолютное большинство. Однако состав наиболее значительных по численности этносов Сибири существенно меняется.

С 1939 г. до начала 1990-х гг. численность всех этнических сообществ в СФО, кроме украинцев, постоянно росла. Начиная с 1991 г. в Российской Федерации (РФ), в том числе и в Сибири развернулись широкомасштабные миграционные процессы, вызванные политическими и социально-экономическими преобразованиями в постсоветском пространстве СНГ. Ощутимым стал приток русскоязычного населения в Россию из стран ближнего зарубежья. Одновременно в 1990-е гг. стал очевиден «западный дрейф» миграции, наметившийся двумя десятилетиями ранее. Страны СНГ, Россию и Сибирь покидали представители европейских диаспор, прежде всего немцы и евреи.

Обретение статуса независимых государств бывшими республиками СССР, а также суверенности — республиками в составе РФ, активизировало выезд из страны представителей титульных этносов на историческую родину. В результате в СФО значительно сократилась численность украинцев, белорусов, татар и чувашей. Отчасти это было связано со сменой идентичности — указанием при переписи 2002 г. принадлежности к доминирующему русскому этносу.

Компенсация демографических потерь СФО в этот период осуществлялась исключительно за счет населения государств СНГ. За 1989–2002 гг. в округе убыль населения составила около 5 %, при снижении его численности в стране на 1,3 %. При этом численность русских, несмотря на значительный их прирост за счет мигрантов из стран СНГ, уменьшилась на 3,4 %, численность украинцев — на 38 %, немцев — на 32 %, татар — на 12,5 %. Несущественно сократилась лишь численность казахов. Одновременно в 1989–2002 гг. в СФО нарастающими темпами шло увеличение численности народов, проживающих в основном за пределами РФ: например, азербайджанцев — в 50 раз, армян — в 20 раз. Однако и их прирост не смог компенсировать убыль населения округа.

К началу XXI в. в первую пятерку в этнической структуре СФО входят (в порядке убывания) русские, украинцы, немцы, татары, казахи. Этносоциальный облик каждого из этих народов имеет как специфические, так и общие черты.

Русское население Сибири, в том числе территорий, входящих в СФО, формировалось на протяжении XVI–XX вв. В различных природно-ландшафтных зонах огромного края их базовая культурно-хозяйственная модель, в которой сочеталось земледелие, скотоводство и промыслы, существенно трансформировалась. В ходе освоения технологий коренного населения происходила адаптация поселенцев. Процесс порой развивался в условиях активного двуязычия на фоне метизации. Многовековой опыт адаптации и межэтнических взаимодействий определил этнокультурный и этносоциальный потенциал русского

этноса в Сибири. К началу XXI в. русские устойчиво формируют основу населения округа (кроме Республики Тыва). Их численность по переписи 2002 г. составляла 17,5 млн чел. — 87,3 % всего населения СФО; из них в городе проживало 73,1 %.

Украинцы входят в славянскую группу народов СФО и традиционно взаимодействуют с русскими и белорусами в основных этнических и миграционных процессах, связанных с формированием этносоциальной структуры региона. Проникновение украинцев в Сибирь начинается на ранних этапах освоения края и становится особенно интенсивным в конце XIX — начале XX в. в связи с проблемой земельного дефицита в ближних и центральных регионах Российского государства. На протяжении всего XX в. одновременно с трансформацией традиционных хозяйственно-культурных моделей украинцев в Сибири увеличивалась дисперсность их расселения. В настоящее время украинцы проживают практически во всех регионах России. СФО остается одним из самых «украинских»: на него приходилось 373,1 тыс. представителей этого народа — 1,86 % населения округа.

Немцы также представлены во всех регионах России. В 2002 г. в России постоянно проживало 597,2 тыс. немцев — около 0,4 % населения страны. При этом около 50 % немцев обосновались на территории СФО, составляя 1,5 % населения округа. Распределение немецкого населения в СФО вплоть до рубежа XX–XXI вв. отражало реалии размещения ссыльного и трудармейского контингента по территориям Западной Сибири. Так, преобладание городского немецкого населения в Кемеровской обл. стало итогом использования спецконтингента в промышленном освоении Кузбасса в военные годы. Но большая часть немцев в первой половине XX в. была сосредоточена в сельских районах Сибири. В 2002 г. впервые численность «городских» значительно превысила численность «сельских» немцев и составила 339 тыс. чел.

Татары занимали второе место по численности среди народов России; в СФО — четвертое. Татарский этнос традиционно обладает в России высоким социальным и образовательным цензом. Культура татар отличалась вариативностью, объединяя традиционные аграрные модели, ориентированные на земледелие и скотоводство, и стандарты унифицированной индустриальной культуры. Это определило высокие адаптивные возможности сообщества, которое освоило различные территории России — от земледельческих районов Поволжья до нефтяных промыслов севера Сибири и прочно интегрировалось в полиэтническое пространство страны. В настоящий момент татары являются одним из самых урбанизированных народов СНГ. По данным переписи 2002 г. численность проживающих в городе татар в 2,2 раза превышает число татар в сельской местности и составляет 3795,3 тыс. чел. против 1759,3 тыс. на селе. Около 4,5 % российских татар — 252,6 тыс. — проживало в СФО, составляя 1,3 % населения округа.

Казахи — один из тюркоязычных этносов, широко представленных в полиэтническом сообществе России, прежде всего в ее пограничных регионах. По данным переписи населения в 2002 г. в России постоянно проживало 654 тыс. казахов, что составляло около 0,45 % населения. При этом значительная их часть — 61,7 % — находилась в сельской местности. Традиционно казахи ори-

ентировались на аграрные сферы экономики с преобладанием животноводства; хотя с 1960-х гг. неуклонно росла численность тех, кто интегрировался в различные сферы индустриального общества. В 2002 г. в СФО казахи достигли 123,9 тыс. чел. (около 0,6 % населения); по численности они впервые превзошли белорусов и, заняв пятое место, вошли в число лидеров. При этом зоной приоритетного расселения казахского этноса в России, включая СФО, остались территории, граничащие с Казахстаном.

Системный анализ широкого спектра параметров, характеризующих современное полиэтничное сообщество СФО, позволяет сделать ряд выводов. Можно говорить о том, что изменение сложившихся во второй половине XX в. этнодемографических структур в СФО привели к сокращению демографического и трудового потенциала основных этнических сообществ. Важным фактором такого сокращения стал отрицательный естественный прирост населения, величину которого определили снижающийся показатель рождаемости и рост смертности.

Среди лидирующих по численности этносов СФО простой тип воспроизводства реализуется только у казахов, остальные этнические сообщества имеют суженный тип воспроизводства населения, а у русского населения сложившийся к настоящему времени уровень рождаемости только на 70 % обеспечивает уровень простого воспроизводства.

Динамические сдвиги в уровне рождаемости проявляются в выравнивании показателя рождаемости среди диаспор при общей тенденции его сокращения для различных поколений (когорт) женщин. При переходе от старших возрастных групп к младшим уменьшается общее число рождений на 1000 женщин, и все более уменьшаются различия по уровню рождаемости между различными этническими сообществами. Например, если для возрастной группы женщин старше 70 лет максимальный разброс среднего числа рождений составлял 2,4 раза (казахи и русские), то для группы 20–29 лет — 1,06 раза (украинцы и русские).

Важную роль в изменении человеческого потенциала округа сыграли и миграционные процессы. Одна из основных тенденций современности — усиление этнической мозаичности, при большой вариативности социокультурных, языковых и конфессиональных стандартов.

Уменьшение в СФО численности русских, украинцев и татар, адаптированных к урбанизированной культуре и имеющих высокий уровень образования, определило ухудшение средних по округу показателей качества человеческого потенциала. На территории округа сформировался неэквивалентный миграционный обмен, за счет которого происходит уменьшение доли высококвалифицированных специалистов на рынке труда. В округ мигрирует население с низким уровнем образования из других стран, прежде всего Киргизии, Азербайджана, Армении, Узбекистана, Китая, Вьетнама и Северной Кореи. Представители титульных этносов этих стран заполняют пустующие ниши на рынке труда по выполнению малоквалифицированной работы.

При этом представители народов Азии обладают большим демографическим резервом, но, тем не менее, не имеют возможности компенсировать потери человеческого капитала при понижении профессионально-образовательного

уровня в целом по региону из-за несопоставимости своей численности с масштабами миграционных потерь.

В этнодемографической и этносоциальной сферах современного СФО сложились следующие тенденции:

- сокращение численности народонаселения округа в целом и отдельных этнических сообществ, при невозможности компенсации демографических потерь за счет миграции;

- нивелирование демографических характеристик диаспор относительно средних показателей при сохранении определенных различий;

- сохранение статусной (этнополитической) иерархии различных этнических сообществ, при одновременном действии факторов поликультурности и интеграции;

- ухудшение качественных характеристик населения СФО и в перспективе — растущая конкуренция на рынке труда, в том числе и по этническому признаку.

Учет этих тенденций, а также выявление способов и практик использования, сохранения и развития человеческого потенциала разных групп населения Сибири с учетом возможных демографических, социальных, этнических рисков определяют перспективы исследований.

ETHNO-SOCIAL ASPECTS OF HUMAN POTENTIAL EVALUATION IN SIBERIAN FEDERAL AREA

I.V. Oktyabrskaya, N.Ye. Smirnova, Ye.V. Antropov

This is a survey paper dealing with ethnodemes of population graphic and ethno-social characteristics in relation to development prospects of the polyethnic area. Official statistics data analysis reveals ethno-demographic and ethno-social tendencies for a present-day federal area, which lie in reduced population of the nation and ethnic groups that cannot be compensated by migration. Other tendencies comprise diasporas lower demographic characteristics as to average estimate, retaining ethno-political hierarchy together with political, cultural and integration factors, worse qualitative characteristics of the area population, and ensuing tougher competitive labor market also involving ethnicity factors. The study prospects are determined by these tendencies together with ways and means of employing, preserving, and developing human potential of different population groups in Siberia with regard to potential demographic, social, and ethnic hazards.

Key words: human potential, ethno-demographic and social characteristics, population reduction, integration, labor market.

© 2009

З.И. Калугина, С.В. Соболева, В.С. Тапилина

СЕЛЬКУПЫ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ. ОПЫТ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

В данной статье рассматриваются результаты, полученные в ходе пилотного исследования человеческого потенциала селькупов Томской области РФ. На основе анализа комплекса источников авторы делают вывод о том, что многие проблемы низкого качества жизни селькупов присущи всему российскому населению. Поэтому пути решения проблем обеспечения качества жизни селькупов универсальны для всех народов РФ. В то же время наиболее острые задачи организации самоуправления коренных малочисленных народов предполагают поиск нетрадиционных решений. При этом особенно важно, чтобы представители этих народов были непосредственными участниками процесса формирования и осуществления программ развития территорий.

Ключевые слова: человеческий потенциал, селькупы, Томская область, коренной народ, программа развития территории.

В докладе рассматриваются результаты, полученные в ходе выполнения пилотного исследования, являющегося продолжением канадско-российского проекта «Оптимизация социальной политики в Сибирском федеральном округе», осуществляемого Департаментом по делам индейцев и Северных территорий правительства Канады, Карлтонским университетом (рук. проф. Джоан Де Барделебен) и Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН (рук. проф. З.И. Калугина). Фокусным регионом проекта была Томская обл.; а проблемы коренных малочисленных народов рассматривались на примере селькупов. Информационной базой послужили данные переписей, а также ряда выборочных социолого-статистических обследований.

По данным Всероссийской переписи 2002 г. общая численность селькупов Российской Федерации (РФ) составляла 4056 чел., 84,1 % из которых — сельское население. Часть селькупов (45,8 %) расселена на территории Тюменской обл., в том числе в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) — 44,3 % и в Томской обл. — 44,0 %. Вне этих территорий проживают только 10,2 % селькупов. Большая часть селькупов в Томской обл. (82,5 %) расселена в сельской местности. За период между переписью населения 1989 и 2002 гг. численность селькупов увеличилась на 400 чел., но не достигла численности, зафиксированной переписью 1970 г. (4, 3 тыс. чел).

Демографическая структура селькупов имеет определенное своеобразие. По данным переписи 2002 г., доля детей и подростков в общей численности населения в Сибирском федеральном округе (СФО) составляла 19,0 %, а доля населения пенсионного возраста — 18,1 %, в то время, как среди селькупов, доля детей и подростков и доля населения пенсионного возраста составляли, соответственно, 27,3 и 10, 6 %¹.

В сельских поселениях доля детей и подростков в семьях селькупов была еще выше (29,3 %) при более низкой доле населения пенсионного возраста (10,1 %). Селькупы, таким образом, моложе, чем население СФО в среднем в городских поселениях на 2,3 года, а в сельских — на 5,3 года. Более молодой состав населения, свойственный всем коренным народам Сибири, является следствием их высокого уровня рождаемости.

Доля населения трудоспособного возраста в общей численности селькупов соответствует среднесибирскому уровню. При этом она заметно выше у селькупов, проживающих в городских поселениях (70,2 %), чем в сельских (60,6 %). Среди населения трудоспособного возраста довольно высока доля молодого населения 16–24 лет: 30,1 % — в городах и 26,6 % — в сельской местности. На долю же населения 25–44 лет — основной костяк трудовых ресурсов, приходится 49,3 % населения в городских и 52,6 % — в сельских поселениях. Доля старшей группы трудоспособного возраста (45–54-летних женщин и 45–59-летних мужчин) намного ниже и составляет 20,6 % в городских и 20,8 % в сельских поселениях. При сохранении существующих тенденций в демографическом развитии селькупов можно ожидать, что в обозримой перспективе не произойдет интенсивного старения населения трудоспособного возраста, а выбывающее из трудоспособного возраста население не будет превосходить по численности молодое.

Относительно высокий трудовой потенциал селькупов при низкой продолжительности жизни определяет более низкий, чем у всего населения СФО уровень демографической нагрузки на трудоспособное население. В сельских поселениях на 1000 селькупов трудоспособного возраста приходилось 651 чел. нетрудоспособного возраста, в то время как в СФО — 706 чел.

На протяжении длительного времени половая структура селькупов характеризовалась численным преобладанием женщин в трудоспособных и, особенно, в пенсионных возрастах. Данные последней переписи 2002 г. показывают ту же тенденцию. В возрасте старше 40 лет наблюдается значительное преобладание женщин; это определяют чрезвычайно высокие показатели смертности мужчин. В городских поселениях доля женщин в этом возрасте в 2 раза выше, чем мужчин, а в сельской местности — в 1,6 раза. О более высоком уровне смертности у мужчин селькупов по сравнению с женщинами свидетельствует и более низкий средний возраст мужчин по сравнению с женщинами. Различия в нем составляют 4 года в городских поселениях и 3,2 года в сельских поселениях.

Для селькупов характерен высокий уровень брачности — 74,6 % мужчин и 68,6 % женщин состоят в зарегистрированном браке². Это формирует и более высокий уровень рождаемости. Так, если в 2002 г. в СФО на 1 тыс. населения родилось 9 чел., то среди селькупов в том же году на 1 тыс. населения родились 16,3 чел.

Отличительной особенностью семей селькупов является многодетность — среднее число детей в семье к завершению репродуктивного периода равно 3,1. Среди всех селькупов, проживающих на территории РФ, доля таких семей составляет свыше 11 %. В настоящее время отчетливо проявляется сокращение числа рожденных в семье детей. Для селькупов Томской обл. среднее число детей на 1 женщину в поколении родителей составляло 3,3 ребенка, а в современ-

ном поколении — 2,9³. Другой особенностью является продолжительный репродуктивно-активный период, который продолжается у женщин до 40–45 лет.

Однако высокий уровень рождаемости селькупов нивелируется высоким уровнем смертности. Естественный прирост населения у селькупов, начиная со второй половины 1990-х гг., имел минимальную положительную, а в отдельные годы и отрицательную величину. В целом, доля селькупов в общей численности рожденных у коренных народов Севера в 1996–2002 гг. составляла 1,4–2,2 %, а доля умерших в эти же годы — 1,9–3,0 %.

Селькупы Томской обл. не относятся к числу исчезающих малых коренных народов, однако знание родного языка в их среде неуклонно снижается. По данным переписи населения 1979 г., 16,8 % селькупов Томской обл. считали родным языком селькупский, а в 2002 г. — лишь 2,5 %⁴. На протяжении 1996–2003 гг. удельный вес селькупов школьного возраста, изучающих родной язык в общеобразовательной школе, составлял в Томской обл. около 4 % их численности (на всей территории расселения селькупов — примерно 25 %)⁵. В районах их проживания нет малокомплектных школ. В Томской обл. нет ни одной общедоступной библиотеки, имеющей литературу на языках коренных малочисленных народов Севера. Как показывает опыт, свертывание и обучения на родном языке играют ключевую роль не только в сохранении культуры и языка малочисленных народов, но и этносов как таковых.

Более высокий уровень знания родного языка (52,8 %) характерен для селькупов Тюменской обл. и Красноярского кр. (36,0 % у городского и 55,7 % у сельского населения). А в целом в 2002 г. 30,6 % селькупов владели языком своего народа (19,4 % городского и 32,8 % сельского населения), тогда как по переписи 1989 г. 47,6 % селькупов считали родным языком селькупский.

В силу ряда причин селькупы Томской обл. оказались намного более русифицированными, чем северные селькупы, проживающие в Тюменской обл. и Красноярском кр. Северные селькупы, даже в условиях достаточно интенсивных культурных и брачных контактов с кетами и эвенками (в верховьях р. Таз до 3/4 браков заключенных селькупам, межнациональные), в целом сохранили свою этническую самобытность. В ареале их расселения селькупский язык, наряду с русским, является разговорным. Принципиальные различия в знании родного языка и в его повседневном использовании связаны с условиями жизнедеятельности различных территориальных групп селькупов. Как считают многие исследователи, оленеводство остается единственной отраслью традиционного хозяйства, способной обеспечивать воспроизводство традиционной культуры, в том числе и родного языка, в полном объеме.

По уровню образования, почти половина селькупов Томской обл. (48,2 %) имеет профессиональное образование: послевузовское, высшее, неполное высшее, среднее специальное и начальное специальное; среди них преобладают люди, прошедшие начальную профессиональную подготовку (44,4 %). Специалисты с законченным и неполным высшим образованием насчитывают среди селькупов 6,4 % (среди сельского населения 4 %), что существенно ниже показателей по области, СФО и по РФ в целом.

Районы проживания селькупов в Томской обл. имеют аграрно-индустриальный профиль хозяйствования и соответствующий ему профиль занятости насе-

ления. Поэтому занятия селькупов Томской обл. более вариативны, чем занятия северных селькупов: это различные виды обрабатывающей и пищевой промышленности, строительство, транспорт и связь, обслуживание производственной инфраструктуры, а также растениеводство, животноводство (главным образом, в рамках личного подсобного хозяйства). Согласно переписи 2002 г., основными сферами занятости данного народа является сфера образования, сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, транспорт и связь⁶.

Значительная часть селькупов занята в таких нетрадиционных сферах деятельности, как операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (10,5 %), государственное управление, безопасность, социальное обеспечение (9,9 %), что свидетельствует об адаптации части коренного населения к современным условиям. Об этом свидетельствуют также профессионально-должностная структура занятых селькупов. Четверть из них являются руководителями разных рангов, специалистами высшей или средней категории, еще четверть занята квалифицированными видами деятельности в различных отраслях экономики. Неквалифицированным трудом занято 21 % работающего коренного населения, что в 1,5-2 раза выше, согласно данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 2002 г., чем в РФ⁷. В целом, профессионально-должностная структура селькупов смещена в сторону низко квалифицированных и соответственно мало оплачиваемых профессий и должностей.

По статусу занятости 98 % работающих в экономике селькупов работают по найму и лишь 2 % работали самостоятельно, главным образом без привлечения наемного труда. Тем не менее, как показало специальное исследование проблем развития малого бизнеса в регионах Сибири, проведенное ИЭОПП СО РАН в 2004-2005 гг.⁸, коренным народам Сибири не чужд дух предпринимательства. Но для расширения предпринимательства в их среде требуется разработка специальных государственных программ и создание информационно-образовательных центров, ориентированных на обучение азам предпринимательства с учетом национальных традиций.

Сегодня занятость в сфере формальной экономики обеспечивает доходы лишь каждому 4 представителю коренного населения. Более 40 % селькупов указали в числе основных источников существования доходы от личного подсобного хозяйства, 23 % — пенсии и пособия. Пособия по безработице получает более 7 % коренного населения. При этом заметных различий в структуре доходов в городской и сельской местности не наблюдается, что, вероятно, определяется высокой напряженностью рынка труда в Томской обл., а также широкими масштабами безработицы.

По данным переписи 2002 г. уровень экономической активности и занятости селькупов был намного ниже средних показателей по РФ и по СФО в целом, а уровень безработицы среди селькупов заметно превышал эти показатели. Доля экономически активного населения среди селькупов составляла в 2002 г. 55,8 %, по СФО — 64,3, по РФ — 65,0 %. Уровень общей безработицы в этот период среди селькупов составлял 22,8 %, по СФО — 10,1 %, а по РФ в целом — 8,1 %⁹.

Подводя некоторые итоги анализа положения селькупов на рынке труда,

можно отметить, что часть селькупов адаптирована к современным условиям, имеет достаточно высокие статусные позиции на современном рынке труда и занимается не только традиционными, но и современными видами экономической деятельности. Но в целом для этого народа характерна слабая вовлеченность в самостоятельный бизнес. Значительная часть коренного населения на сегодняшний день не располагает достаточным социальным капиталом (уровень общего и профессионального образования, состояние здоровья, развитые социальные сети и др.) для того, чтобы занять более высокие позиции на современном рынке труда.

Диапазон источников средств существования селькупов, проживающих в сельской местности, достаточно узок; при этом спектр источников доходов селькупов Томской обл. шире, чем у северных селькупов. Но главное, что обращает на себя внимание, относительно невысокая роль доходов от занятости и значительная роль личного подворья по сравнению с селькупам ЯНАО. С этой точки зрения обские селькупы практически не отличаются от обычного российского сельского жителя.

По данным переписи 2002 г., почти 40 % жилья сельской местности Томской обл., являющейся основным ареалом проживания селькупов, имеет очень большой срок службы (35 и более лет) и большую степень износа; от 89 до 99 % жилых строений построены из дерева. Сельский жилищный фонд имеет также низкий уровень благоустройства. Только 11,5 % сельских домохозяйств живет в домах и квартирах с относительно полным набором элементов благоустройства. В целом, степень «урбанизации» жилой среды на территории проживания коренных народов Томской обл., по меньшей мере, в два раза ниже, чем в среднем на территории проживания коренных народов Севера РФ в целом¹⁰. Анализ демонстрирует структурный дефицит жилья — примерно половина сельских домохозяйств, состоящих из 3-х и более человек, проживала в одной комнате.

Данные о величине среднедушевых денежных доходов различных коренных малочисленных народов Севера, полученные на материалах выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств, показывают, что душевые денежные доходы их домохозяйств составляют от 12 до 33 % уровня доходов жителей соответствующих субъектов федерации¹¹. В то же время нельзя не отметить, что за этими цифрами стоят различия в душевых доходах коренных и некоренных народов, а также существенная дифференциация в оплате труда сельского и городского населения. Так, в 2002 г. среднемесячная номинальная заработная плата в сельском хозяйстве составляла 34,2 % от уровня заработной платы в промышленности.

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении селькупских домохозяйств сельской местности Томской обл. Согласно расчетам по результатам выборочных обследований Государственного комитета по статистике РФ 2002 г., денежные душевые доходы сельского населения Томской обл. составляли 1690 руб. и находились в середине интервала доходов домохозяйств малых коренных народов.

Распределение доходов отличалось высокой степенью неравенства. У 66,8 % сельских жителей они были ниже размера прожиточного минимума — т. е. уровень бедности сельского населения составлял фактически 67 % (среди город-

ского населения к числу бедных относились 42 %). Следует отметить, что подобный уровень бедности сельского населения на тот период был характерен для РФ в целом (доля бедных — 72.3 %, дефицит бедности — 37 %). Это еще раз подтверждает, что основным источником бедности коренных народов — в частности селькупов Томской обл., являются не столько этнические особенности, сколько более низкий уровень оплаты труда и денежных душевых доходов сельских жителей. Высокая концентрация бедности среди селькупов связана также с их более низкими позициями в профессионально-должностной структуре, обусловленными низкой конкурентоспособностью по сравнению с другими группами населения.

Низкий уровень доходов коренного населения вносит существенные коррективы в уровень затрат на питание, в состав потребляемых продуктов и их количество. В структуре расходов на продукты питания ведущее место занимают самые дешевые: хлеб (от 20 до 35 % всех расходов), сахар, масло растительное и другие жиры. Для рациона питания коренных народов характерны: низкий уровень потребления и даже недоедание. На это указывает как также и более низкая, чем в среднем по РФ, их энергетическая ценность¹². Пищевая ценность продуктов питания в регионах проживания коренных народов Севера на 70 % обеспечивается за счет углеводов, в то время как согласно медико-экологическим исследованиям, адаптация к условиям Севера требует содержания в пище 15–16 % белка, 40–41 % жира и 40–42 % углеводов. Таким образом, потребление продуктов питания коренным малочисленным населением Севера не обеспечивает ни его калорийности, ни сбалансированности по пищевой ценности.

Здоровье является одной из важных характеристик рабочей силы, свидетельством его готовности выполнять физические и интеллектуальные нагрузки и быть конкурентной на рынке труда. Здоровье, в свою очередь, зависит от условий жизни населения — уровня доходов, качества питания, жилищных условий, личной безопасности, социальной стабильности общества. Низкая среди селькупов доля лиц, доживающих до пенсии, говорит о высоком уровне ранней смертности среди взрослого населения.

В настоящее время базовые потребности коренных малочисленных народов в медицинских услугах не удовлетворяются почти повсеместно. Причина этого — слабая социально-медицинская инфраструктура. Это обуславливает высокий (растущий) уровень заболеваемости. Заболеваемость коренных народов Томской обл. по всем классам болезней в 1.5 и более выше, чем среди других коренных малочисленных народов¹³. Селькупы значительно чаще, чем другие жители Томской обл., а также чаще, чем жители СФО и РФ в целом, подвержены болезням «социального» происхождения (в том числе активный туберкулез, алкоголизм и тд.)¹⁴. Среди коренных малочисленных народов, в том числе и селькупов, доля лиц, страдающих алкогольной зависимостью от него, составляет, по нашим расчетам, примерно 19–20 % всего взрослого населения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что селькупы как представители одного из малочисленных коренных народов Сибири, не являются изгоями современного российского общества. Многие проблемы низкого качества жизни селькупов присущи всему российскому населению. Ряд проблем обусловлены не их принадлежностью к данной этнической группе, а специфи-

ческими условиями жизни крупных социально-территориальных сообществ. Поэтому пути решения проблем обеспечения качества жизни универсальны для всех народов РФ.

В отношении коренного населения речь должна идти о повышении уровня образования и квалификации, об увеличении конкурентоспособности на рынке труда и о повышении уровня занятости, а также о сглаживании диспаритета в оплате труда сельского и городского населения и уменьшении необоснованных социальных региональных неравенств¹⁵. От того, насколько величина оплаты труда может реально обеспечивать затраты на процесс восстановления и развития физических и интеллектуальных способностей к труду, будет зависеть в дальнейшем сохранение всего российского населения, в том числе и коренных малочисленных народов.

Вместе с тем селькупы, как и другие коренные малочисленные народы, помимо проблем бедности, безработицы, неудовлетворительных жилищных условий, плохого здоровья сталкиваются с широким кругом проблем, связанных с их статусом и взаимодействием с другими культурными группами и изменениями в окружающей их природной среде. Эти проблемы включают сохранение языка и культуры, право на землю и использование природных ресурсов, политическое самоопределение, развитие самоуправления и др.

Своеобразие ситуации, в которой находятся селькупы Томской обл., состоит в том, что, будучи фактически русифицированными, они сохранили этническое самосознание. Неслучайно поэтому селькупы одними из первых коренных малочисленных народов Томской обл. приняли участие в формировании и развитии общественного движения за национальное возрождение. В сентябре 1989 г. был проведен учредительный съезд, собравший 87 представителей административных районов компактного проживания селькупов. На этом съезде было создано национальное общество Томских селькупов — «Колта куп», принят его устав и программа. Одна из основных задач общества, сформулированных на съезде, — создание национально-политических и хозяйственных структур в местах компактного расселения этого народа, образование национальных сельских (поселковых) общин. Решение этой задачи рассматривается национальным обществом, как одно из основных средств возрождения селькупского народа, восстановления этнокультурной и этноязыковой среды. Авторы подготовленной впоследствии «Концепции национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области»¹⁶ считают, что именно восстановление национальных общин, имеющих в своем распоряжении закрепленные охотничьи и рыболовные угодья, позволит возродить у коренных народов интерес к промысловой деятельности. В сочетании с ориентацией школьных программ на преподавание трудового обучения и историческое краеведение это даст возможность, по мнению авторов концепции, закрепить традиции в последующих поколениях.

Время, прошедшее с момента выдвижения национальным обществом «Колта куп» этих целей, показало, что самоуправление относится к числу наиболее острых и нерешенных проблем коренных народов Севера и всего населения РФ. Становление и организация самоуправления у коренного населения сталкивается с практическими трудностями согласования интересов правительства

и администраций разных уровней и некоренных групп населения. Основная трудность использования зарубежного опыта в этом отношении заключается в том, что, например, в отличие от коренного населения Аляски, Канады, Гренландии, многие коренные народы Сибири, в том числе и селькупы, составляют лишь малую часть населения соответствующих административных единиц. Выход, по-видимому, состоит в поиске нетрадиционных и нестандартных решений. При этом особенно важно, чтобы представители коренных народов территорий были непосредственными участниками этого процесса на всех его уровнях — от формирования программ до их внедрения в жизнь. А это предполагает проведение специальных обследований на территориях компактного проживания коренных народов по широкому кругу вопросов; что даст надежные и достоверные представления о том, как сами коренные жители оценивают создавшееся положение и какими они видят пути решения проблем, а также возможности для создания национальных сельских (поселковых) общин и национальных хозяйственных структур в местах компактного расселения этого народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Том 13. М.: Федеральная служба государственной статистики. 2005. С. 36
2. Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Том 13. М.: Федеральная служба государственной статистики. 2005. С. 144 — 146
3. Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Том 13. М.: ФСГС. 2005. С. 520 — 523.
4. Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Том 1. М.: ФСГС. 2004. С. 19
5. Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 46-47
6. Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Том 13. М.: ФСГС. 2005. С.418-419
7. Коренные малочисленные народы Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Том 13. М.: ФСГС. 2005. С.467-468
8. *Калугина З.И.* Большие проблемы малого бизнеса Сибири // ЭКО, 2006, №2
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. Официальное издание. 2004. М.:ФСГС, с.102, 103, 84-87; 119-120; Обследование населения по проблемам занятости. Август 2004 года. — М.: ФСГС, с. 77; Обследование населения по проблемам занятости. Февраль 2003 года. — М.: Госкомстат, 318
10. Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год». М.: Госкомстат РФ, 2003. Стр. 127-130, 216-217
11. Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 23-30; Социальное положение и уровень жизни населения России.2003. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2003. С. 121-123

12. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003. Статистический сборник. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 254- 256
13. Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год». М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 109-117
14. Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера. 2002 год. М.: Госкомстат РФ, 2003. С. 118-124; Социально-значимые заболевания населения России в 2002 году (Статистические материалы). М.: ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения, 2003. С. 12-13, 21-22, 47-48
15. Подробнее см.: *Калугина З.И., Соболева С.В., Тапилина В.С., Бессонова О.Э. Гвоздева Г.П.* Сибирский вектор социальной политики // Регион: экономика и социология. 2005. № 2. С. 43-60; *Калугина З.И.* Сельский рынок труда в современной России // Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 145-168
16. *Васильев В.И., Малиновская С.М.* Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 54.

TOMSK OBLAST SELKUPS NATIVE SIBERIAN ETHNIC MINORITIES POTENTIAL

Z.I. Kalugina, S.V. Soboleva, V.S. Tapilina

The paper presents results of a pilot project on human potential of Selkups in Tomsk oblast of Russia. The analysis of a number of sources allows the authors to come to the conclusion that many low living-standards of Selkups are characteristic of all Russian people. Thus, means and ways of improving living standards of Selkups and of all peoples of Russia are alike. Yet, the pressing need for native minorities' self-government entails novel decisions. Of prime importance is direct participation of ethnic groups' representatives in designing and implementing programs of territories development.

Key words: human potential, Selkups, Tomsk oblast, native ethnic group, program of territory development.

© 2009

А.Н. Садовой

ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ. ТРАДИЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

В докладе рассматриваются задачи научного сопровождения политического курса, обозначенного "Концепцией устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации". В фокусе данного исследования находится Саяно-Алтайский экорегион, где сложились специфические механизмы адаптации

традиционных этносов. Целью исследований является разработка рекомендаций, направленных на развитие и модернизацию традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов. Она тесно связана с решением проблемы повышения качества жизни коренных малочисленных народов до среднероссийского уровня. Качество человеческого потенциала становится одним из главных критериев в разработке адресованных коренным народам целевых программ, которые формируются на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Ключевые слова: коренные народы, устойчивое развитие, традиционные системы жизнеобеспечения, качество жизни, человеческий потенциал.

Принятие «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (Распоряжение Правительства РФ № 132-Р от 4.02.2009 г.) ставит перед научным сообществом сложную методологическую задачу научного сопровождения предлагаемого политического курса. Полевые материалы могут оказать существенное воздействие на уровень исследования фундаментального характера. В рамках среднесрочных интеграционных проектов, объединяющих коллективы высшей школы Сибири и СО РАН, прослеживается возможность подготовки не только специалистов в области межнациональных отношений, но и управленческих кадров, привлекаемых к реализации заданного государством курса.

Согласно отечественному и международному опыту решение поставленных в концепции задач возможно при организации взаимодействия институтов власти, науки и национальных объединений Саяно-Алтайского экорегиона, горные ландшафты которого с характерной для них вертикальной зональностью и климатическими характеристиками задавали механизмы адаптации социумов к природной среде.

По своему характеру задача научного сопровождения предлагаемого политического курса в XXI в. для специалистов в области прикладной антропологии значительно сложнее стоявшей перед их коллегами в начале XX в. В то время политика также имела четко выраженную социальную направленность: проводился курс выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития населения; внедрялись унифицированные системы территориального управления и кооперативные формы организации сельскохозяйственного производства; создавалась социальная инфраструктура.

Не затрагивая проблемы определения эффективности региональной национальной политики в сибирском регионе в этот период, следует отметить, что уровень ее научного сопровождения соответствовал международным стандартам. Уже на стадии ее формирования в конце XIX в. степень изученности традиционных систем социальной организации и жизнеобеспечения автохтонного населения была исключительно высока. Более того, значительно выше, чем в настоящее время.

Введение в жизнь таких нормативных актов Российской империи, как «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на ка-

занных землях» (от 23.05.1896 г. — ПСЗ-3 Т.XVI), «Закон о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся на землях Кабинета» (от 31.05.1899 г. — ПСЗ-3, ТХІХ №16991 г.) было основано на результатах комплексного обследования сибирского региона.

Полученные в процессе многолетних полевых исследований материалы по системам землепользования и жизнеобеспечения коренного населения отражали не только реально существовавшую на срезе веков систему социальной организации, но и имущественную стратификацию населения с учетом этнической структуры. Полученные в результате обследования выводы опирались на результаты статистической обработки массовых источников. В качестве примера можно привести многотомное издание по результатам обследования кабинетских земель С.П. Швецова, отчет начальника алтайского Горного округа В.П. Михайлова, материалы землеустроительных партий.

Практика комплексного обследования традиционных социальных институтов, имущественной стратификации, систем землепользования автохтонного населения Сибири на основе первичных статистических данных сохранялась вплоть до 1920–1930-х гг.. Материалы исследований ресурсной базы и «производительных сил» были вполне сопоставимы с публикациями дореволюционного периода. Не был нарушен и основной принцип мониторинговых исследований: рассчитываемые по этническим группам индикаторы были сопоставимыми; системы землепользования картографированы; репрезентативность выводов, сделанных по выборочным совокупностям, обоснована; динамика социальной стратификации, как последствия Гражданской войны и проводимой социальной политики, отражена через «временные ряды». В это время национальные меньшинства в СССР, как и в зарубежной политологии, рассматривались как своеобразные «индикаторные» группы, позволяющие провести оценку эффективности проводимого государственного курса внутренней политики по отношению к населению страны в целом.

Исследования политических, социально-экономических и этнических процессов в среде национальных меньшинств Юга Сибири, проводимые в течение второй половины XX столетия, трудно назвать комплексными как по тематике, так и по спектру применяемых методик. Их трудно рассматривать и в спектре преемственности с уже имеющимися отечественными и зарубежными разработками. Только отчасти это обуславливалось ограниченным количеством специалистов в области этнической социологии и социальной антропологии, отсутствием системы их подготовки, ограниченностью (хронологической, территориальной) тематик исследования и применяемого пакета методов. В целом причины были другие. В политических кругах сформировалась установка на игнорирование этнических процессов и жесткую нейтрализацию любых проявлений национализма. Изменение этнической структуры населения Юга Сибири и системы муниципальной статистики привели к тому, что собственно системы жизнеобеспечения коренного населения вплоть до распада СССР не представляли для органов региональной власти особого интереса. В соответствии с доминирующим принципом «интернационализма» в национальной политике, в 50–80-е гг. они фактически не «вычленились» из текущих социальных процессов. Политика по отношению к малочисленным коренным народам перестала

быть индикатором эффективности социальной политики в целом. Негативные тенденции игнорировались в силу незначительного удельного веса этой группы населения. Все это отразилось на источниковой базе и тематике исследований.

Распад созданной в советский период инфраструктуры и проведенные в сельской местности реформы привели к полной трансформации системы социальных связей и кардинальному изменению межэтнических отношений, определяемых практикуемыми системами жизнеобеспечения. Эти процессы для ряда регионов Сибири остались фактически не исследованными. Круг имеющихся разработок вплоть до настоящего времени имеют выборочный характер. В то же время пилотажные исследования однозначно свидетельствуют о наличии этнической составляющей социальной стратификации сельского населения, формирования на этой основе системы социальных связей, не характерных для конца XX в., изменения систем землепользования, проходящего не по сценарию проведенной в начале земельной и административно-территориальной реформы.

Сегодня мы имеем комплекс не до конца понятных даже представителям местной администрации социальных процессов, способных в случае углубления кризиса спровоцировать осложнение межэтнических отношений. Именно в связи с этим в рамках предлагаемой правительством РФ концепции предусмотрено «проведения научных исследований социально-экономического развития малочисленных народов Севера» и «организация системы государственного статистического мониторинга».

С учетом накопленного исследовательскими группами Кемеровского государственного университета опыта прослеживается назревшая необходимость не только приведения тематики исследовательских работ в соответствие с поставленными в концепции задачами, но и проведения фронтальных комплексных исследований, охватывающих регион в целом. Так, в соответствии с задачей «сохранения исконной среды обитания и традиционного природопользования для установления правового режима охраны территорий традиционного природопользования (далее ТПП) и обеспечения доступа к территориальному управлению народов Севера» прослеживается необходимость картографирования практикующихся систем жизнеобеспечения и ТТП на основе ГИС-технологий. Опыт зонирования НП «Шорский», составляющего 30 % площади Таштагольского р-на Кемеровской обл., показал исключительно высокую финансовую и временную затратность процесса даже при наличии накопленного в течение 20 лет банка данных и пакета методик этнологической экспертизы, разработанного в рамках государственного контракта с Администрацией Кемеровской обл. Остается открытой проблема разработки алгоритма методик расчета ущерба среды обитания коренных народов в результате деятельности хозяйственных субъектов.

В качестве самостоятельной задачи выступает «развитие и модернизация традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера». Ее решение в соответствии с международной практикой находится на стыке аграрной экономики и прикладной антропологии в части формирования технико-экономического обоснования, определения перечня уже апробированных и доказавших свою долгосрочную эффективность моделей развития частного (ва-

риант кооперативного) предпринимательства в сфере традиционной хозяйственной специализации. Задача тесно взаимосвязана с решением проблемы «повышения качества жизни коренных малочисленных народов до среднероссийского уровня», решение которой предусматривает стимулирование создания новых рабочих мест в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности.

Если обратиться к опыту США на территории Аляски, то в реализации очередной задачи Концепции «содействие развитию общин и других форм самоуправления», одну из ведущих ролей оказывают специалисты в области прикладной антропологии. Формы участия различны: оказание консалтинговых услуг на уровне национальных региональных корпораций; организация и проведения мониторинга этносоциальных процессов; координация усилий по созданию информационной базы объектов культурного наследия малочисленных народов Севера (раздел — «сохранение культурного наследия малочисленных народов»).

Стоит отметить, что в настоящее время только ограниченное количество научных и образовательных центров Сибири в состоянии решать эти задачи, аналогичные обозначенным в концепции Правительства РФ в комплексе. В связи с этим, в соответствии с установками Концепции, достижение поставленных перед научным сообществом задач во многом определяется его способностью скоординировать среднесрочные и долгосрочные планы исследовательских работ и ввести их в структуру целевых программ, формируемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

ISSUES CONCERNING SIBERIAN NATIVE ETHNIC GROUPS STEADY DEVELOPMENT. TRADITIONAL LIFE-SUPPORT SYSTEMS

A.N. Sadovoy

The paper deals with academic material for a political course "Concepts of Steady Development of Russian Federation North, Siberia, and Far East Native Ethnic Minorities". This study focuses on Sayan-Altai ecoregion with its specific native ethnic adaptation mechanism. The study aims at working out recommendations for improving and modernizing traditional economic activities of ethnic minorities, which goes hand in hand with improving ethnic minorities' standard of living and bringing it up to the average level in Russia. Human potential quality becomes one of the principal criteria for target programs aimed at native ethnics. Such programs are developed on federal, regional, and municipal levels.

Key words: native ethnic groups, steady development, traditional life-support systems, quality of life, human potential.

© 2009

А.Ю. Охотников (Новосибирск)

СИБИРСКИЕ НЕМЦЫ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

На примере северокулундинской деревни Орловка автор прослеживает судьбу сибирских немцев в контексте миграционных процессов. При всех превратностях истории XX в. немцы Сибири сформировали эффективные модели культурно-хозяйственной адаптации и вплоть до конца 1980-х гг. демонстрировали демографическое и культурное благополучие. В ходе социально-политических преобразований постсоветского периода на протяжении 1990-х гг. Орловку покинули почти все коренные жители (около 400 чел.). Замещение произошло за счет немцев трансмигрантов, выходцев из Казахстана. Качественное изменение человеческого потенциала немцев региона стало следствием неадекватной отечественной политики межэтнической интеграции и неэффективности программ реабилитации. Выход из ситуации возможен в использовании должной экспертной поддержки, гласного обсуждения и в обретении конкретных адресатов российско-германских гуманитарных инициатив.

Ключевые слова: сибирские немцы, социальная адаптация, миграционные процессы, человеческий потенциал, межэтническая интеграция.

В формировании современного немецкого населения Западной Сибири значительную роль сыграли миграционные процессы — добровольное переселение по аграрной реформе 1906—1911 гг., депортация и репатриация 1941—1946 гг., эмиграция и трансмиграция 1990-х гг.

Советские пропагандистские мероприятия времен «холодной войны» затруднили реабилитацию, обусловили существенные ограничения внутри- и межэтнических коммуникаций групп немецкого населения СССР. В результате вплоть до 1990-х гг. процессы внутрирегиональной консолидации немцев Западной Сибири активно протекали лишь в условиях городской среды, в сельской местности сохранялись различия между сибирскими (потомками добровольных переселенцев, проживавших преимущественно компактно) и поволжскими немцами (бывшими принудительными мигрантами и их потомками, проживающими в полиэтнических селах).

Немецкое присутствие в Западной Сибири становится значимым в начале XX в. с момента столыпинской аграрной реформы, когда в степных и полупустынных ландшафтах междуречья Оби и Иртыша появляются сотни немецких поселений. Миграционная активность российских немцев была вызвана не только аграрным перенаселением мест выхода — колоний Поволжья и Новороссии, но и религиозным диссидентством (исход на Восток — «к свету»); что в свою очередь являлось результатом процесса пауперизации части колонистов.

Специфика внутреннего устройства материнских колоний, в особенности новороссийских (не знавших общинного устройства), сделала возможным не только относительно свободный выход колонистов на новые арендуемые зем-

ли, но и поддержку в первоначальном обустройстве. По данным П.П. Вибе, до 40 % немецких колонистов в начале XX в. обосновались на сибирской целине, не имея начального капитала и обладая только правительственной помощью при обустройстве¹.

Осуществивший в 1960-е гг. первое масштабное историко-антропологическое исследование сибирских немцев Л.В. Малиновский, дал весьма осторожную оценку качеству немецкого обоснования в регионе: «немецкие крестьяне принесли с собой при переселении в Сибирь традиции капиталистического земледелия, но они не получили здесь полного развития из-за краткости существования»².

Суровые условия обоснования и ведения хозяйства в засушливых степях также повлияли на противоречивость социального развития сибирских немецких колоний. С одной стороны, растущий спрос на зерно, невозможность промысловых и неразвитость ремесленных практик в большинстве мест вселения задавали хуторско-фермерский путь развития (при наличии кредитной помощи материнских колоний такой вариант развития оказывался возможен). С другой стороны, необходимость высоких затрат на механизацию привела к высокой степени кооперации хозяйств сибирских колонистов.

Кроме того, из материнских колоний немцы вынесли не только «капиталистические традиции»; они считали обязательными для себя высокие мирские сборы (на содержание школ, молитвенных домов, опеку сирот и т. д), весьма актуальные в суровых условиях сибирского обоснования. В среде колонистов, почитавших Библию, подобная стратегия отвечала идеалам построения подлинного евангелического общества и также позволяла решать проблемы социально-экономической адаптации. «Протестантская этика» не противоречила нормам социализма — даже в конце 1920-х гг. советские уполномоченные так и не смогли обнаружить необходимого объема социальных рисков для проведения раскулачивания.

Как показывает опыт северокулундинской колонии Орловка, к началу форсированной коллективизации колонисты уже освоили все пригодные для производства зерновых участки; а эффективность использования угодий была превышена лишь в начале 1960-х гг. Сталинская аграрная и национальная политика не предоставили сибирским немцам эффективной замены утраченным конфессиональным институтам. Практики модернизации, предложенные властью, на деле вели к архаизации всех сфер культурной жизни; более того, немцы были вынуждены самостоятельно «советизироваться», переводя пропагандистскую риторику на родной язык силами местного актива.

«Большой террор» 1930-х гг., уничтоживший почти все взрослое мужское население сибирско-немецких колоний, тотальное изъятие продукции в условиях военной экономики привели к хозяйственному упадку, голодомору, ликвидации немецких колхозов и значительной части поселений северной части Кулундинской степи.

На фоне этих процессов «единоличное время» воспринималось сибирскими немцами как период социального процветания. В сознании орловцев закрепился приоритет опыта собственного поселения, установка на социальную самодостаточность, поскольку позитивного опыта внешних контактов с советской

культурой сибирские немцы вплоть до середины 1950-х гг. и не имели.

После снятия репрессивных ограничений военного времени наступил период возрождения. Выход жителей небольшого поселения Орловка из состава объединенного агрогиганта в 1958 г. и создание немецкого колхоза было незаурядным событием на фоне укрупнения совхозов целинной зоны и свидетельствовало о сохранении интереса к традиционному наследию.

В те годы в Орловке были возрождены лютеранская и баптистская общины. Авторитет религиозных активистов в жизни поселения был гораздо более значительным, чем влияние местной партийной ячейки вплоть до ликвидации инфраструктуры КПСС в 1991 г. Районная власть с таким положением вещей фактически мирилась: немецкий национальный колхоз им. Тельмана был передовым хозяйством, а трудовая этика баптистов не противоречила «Моральному кодексу строителя коммунизма».

Демографические показатели в Орловке были наилучшими в Кулундинской хозяйственной зоне — например, показатель средней детности на 1964 г. составлял 3,8 на женщину от 19 до 39 лет³. В начале 1970-х гг. в селе удалось открыть среднюю школу с преподаванием немецкого языка со 2 класса. В 1970-е гг. орловцы сокращали приусадебные участки и количество личного скота: все необходимое можно было «выписать» с колхозного склада. Бывший председатель колхоза им. Тельмана В.В. Эдель так прокомментировал орловское благополучие эпохи «застоя»: «Как Хрущев сказал — ну, так мы и сделали: за 20 лет построили у себя коммунизм...».

При всем благополучии орловского «коммунизма», в нем было четкое «ощущение потолка». Маленький национальный колхоз давал немного возможностей для карьерного роста, относительная замкнутость благоприятствовала реализации прежде всего клановых, а не индивидуальных интересов. Районная власть регулировала «стратегические приоритеты» подведомственного колхоза, диктуя соотношение сеельхозкультур и сроки полевых кампаний.

Конфессиональная жизнь сибирско-немецкого села также являлась предметом пристального внимания райкома: орловские баптисты избежали судебных разбирательств, но упреки за «скверно организованную работу по атеистическому воспитанию» местные коммунисты выслушивали регулярно. На областном уровне интересы местных немцев фактически не принимались во внимание: в 1956 г. лишь обсуждался вопрос об организации радиовещания для второй по численности этнической группы региона.

Развитие маленькой общины сибирских немцев-протестантов без адекватного форсирующего воздействия внешних этнокультурных институций проходило в условиях всё возрастающих противоречий между интересами группы и индивида. В условиях растущей интеграции и метисации не только хозяйственная, но и этноязыковая автономия Орловки становится относительной. Родной диалект обслуживал лишь бытовые нужды орловцев; в рамках колхозной административной иерархии использовался только русский.

Реальность и весомость колхозных (целинных) доходов, возможность участия в хозяйственной и культурной жизни региона, рост участия сибирских немцев в образовательных и экономических мероприятиях вне родного села привели к переходу на так называемый «субординативный билингвизм» трудо-

способной части населения. Ограниченная культурная автономия в жизни орловцев состоялась уже в 1960-е гг. Но без коммуникаций с общесоветским культурным пространством Орловка оставалась немецкой протестантской резервацией, неспособной сколько-нибудь полно поддержать этнокультурное достояние. При этом вплоть до 1990-х гг. не существовало единого культурного пространства сибирских немцев; был конгломерат культур рассеянных немецких сельских анклавов.

В условиях отсутствия публичных возможностей для актуализации родной культуры (образовательных, профессиональных и рекреационных) у сибирских немцев был выбор: либо оставаться в скудеющем информационном поле своей «деревенской» культуры, либо интегрироваться в советскую (русскую) культуру.

В 1991 г. Орловка еще демонстрирует демографическое благополучие: численность населения достигла максимума — 539 человек, из которых немцы составили более 90 %; в структуре населения свыше 50 % — трудоспособные категории; показатель средней детности — 3,5; местную среднюю школу посещает 114 учащихся⁴. Начало 1990-х гг. — время процветания конфессиональных общин Орловки.

Дальнейшая история — возрождение (в Алтайском крае) и создание (в Омской области) немецких территориальных автономий — проходила на фоне экономического и политического кризиса в России. На начало 1990-х гг. пришелся упадок и последующая длительная стагнация агропромышленного комплекса. Кроме того, учреждение территориальных автономий не решало проблем изолированных сибирско-немецких поселений. Справедливости ради стоит отметить значительную работу по организации культурно-национальных автономий в районах миноритарного присутствия немецкого населения, проводимую с начала 1990-х гг. при поддержке германской стороны. Однако эти усилия мало способствовали развитию варианта немецкой культуры, созданного в сибирских условиях. Кроме того, эти культурные инициативы развивались на фоне нарастающих темпов эмиграции в Германию.

Темпы миграционных процессов и масштаб последствий миграции можно проиллюстрировать следующими данными. На протяжении 1992-1998 гг. Орловку покинуло около 400 коренных жителей; 90 % из них сегодня проживают в ФРГ. Но при этом в 2001 г. в селе проживало 420 человек (менее половины из них — немцы) — замещение произошло в основном за счет трансмигрантов — казахстанских немцев, потомков депортированных кавказских и украинских колонистов.

Из немцев-сибиряков а 2001 г. в селе оставались носители лишь восьми местных фамилий из двух десятков, существовавших на конец 1930-х гг.. В 2009 г. сохранилась лишь одна орловская фамилия; значительная часть жителей села — русские и украинцы. В настоящее время население Орловки составляет чуть более 300 человек, неполную среднюю школу посещают 25 учащихся.

«Есть ошибки истории, которые невозможно исправить», — заметил в 1965 г. Анастас Микоян во время переговоров с инициативной группой совет-

ских немцев. Конечно же, трудно переоценить вес социально-экономических проблем, общих для аграрной России, в нынешнем положении сибирских немцев. Безусловно, выбор немца-сибиряка в пользу Германии — следствие неадекватной отечественной политики межэтнической интеграции. Программы реабилитации российских немцев, осуществляемые в последние 15 лет имеют масштабные «издержки». Выход из ситуации возможен в использовании должной экспертной поддержки, открытости для критики и гласного обсуждения, вобретении конкретных адресатов российско-германских гуманитарных инициатив.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Вибе П.П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект, Омск, 2007. С. 76.
2. Малиновский Л.В. Немецкая деревня в Сибири в период социалистического строительства (1925–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук, Томск, 1967. С.20
3. Подсчитано по материалам похозяйственных книг Стеклянского с/с Купинского р-на НСО: ОАС т.а. Купинского района НСО, ф. 78, оп. 1, д. 89, 90.
4. Подсчитано по материалам похозяйственных книг Стеклянского с/с Купинского р-на НСО

SIBERIAN GERMANS: SOCIAL ADAPTATION IN THE CONTEXT OF MIGRATION PROCESSES

A.Yu. Okhotnikov

The author traces the fate of Siberian Germans in the context of migration processes by the example of Orlovka, a North Kulunda village. Siberian Germans established patterns of effective economic and cultural adaptation despite all historic ups and downs of the 20th century, and they could boast their demographic and cultural well-being up to the late 1980-s inclusive. Post Soviet social and political changes of the 90-s saw nearly all native inhabitants (about 400 people) leave Orlovka. They were replaced by German transmigrators from Kazakhstan. Qualitative change of the human potential of the region Germans was caused by inadequate home interethnic integration policy and ineffective rehabilitation programs. The way to cope with the situation lies in due expert support, open discussion, and clear-cut aims of Russian-German humanitarian initiatives.

Key words: Siberian Germans, social adaptation, migration processes, human potential, interethnic integration.

© 2009

С.В. Соболева

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИММИГРАЦИИ ИЗ АЗИИ В СИБИРЬ

Доклад опирается на анализ официальной статистики и полевых опросных материалов. Она посвящена характеристике совокупности трудовых мигрантов, прибывающих в Сибирь из стран Средней и Юго-Восточной Азии. Автор выделяет ряд групп мигрантов, существенно различающихся по характеристикам человеческого капитала, миграционным и трудовым намерениям. В целом, по совокупности опрошенных иммигрантов было установлено, что 59,6 % из них намерены продолжать работать в Россию. Анализируя миграционную перспективу в связи с перспективами устойчивого развития региона, авторы подчеркивают неоднозначность оценки человеческого капитала иностранных рабочих на сибирском рынке труда.

Ключевые слова: человеческий потенциал, иммиграция, статистика, мигранты, миграционная перспектива.

Сибирь, занимая пограничное положение по отношению к внешним рубежам России, по степени активности международной миграции занимает одно из ведущих мест в стране. К настоящему времени уже сформировались определенная практика расселения иммигрантов из стран Средней и Юго-Восточной Азии, а также практика экономической интеграции различных субъектов. Это привело, с одной стороны, к формированию новых элементов этносоциальной структуры, к созданию определенных ниш занятости на российском рынке труда, а с другой, — стало причиной трансформации качественных характеристик рабочей силы.

Совокупность трудовых мигрантов, прибывающих в Сибирь из ближнего и дальнего зарубежья, отнюдь не гомогенна. Выделенные группы мигрантов существенно различаются по отдельным характеристикам человеческого капитала, по своим миграционным и трудовым намерениям.

Среди трудовых мигрантов, прибывших в Сибирь из стран, доминируют лица, находящиеся в «активном» возрасте, то есть преимущественно до 30 лет. Заметны весьма существенные различия и в половой структуре трудовых мигрантов, подавляющее большинство мигрантов — это мужчины, доля женщин ничтожно мала.

В сибирские города мигранты в основном приехали из крупных городов, имеющих, как правило, высокий уровень безработицы. В особенности это касается иммигрантов из ближнего зарубежья. Доля сельского титульного населения в общей численности иммигрантов из государств Средней Азии (кроме Кыргызстана, где доля мигрантов из села составляет 48,3 %) низка.

Причинами приезда в Россию большинство мигрантов называют отсутствие работы и невозможность заработать (36,8 %), а также низкие заработки у себя

на родине (43,6 %), не позволяющие содержать свою многочисленную семью. Ответы на вопрос «*Сколько человек проживает в Вашем домохозяйстве (объединенным единым бюджетом)?*» показали, что наибольший средний размер домохозяйства у таджиков (7,3 чел) и узбеков (6,2 чел.), казахские домохозяйства в среднем состоят из 5,5 чел., киргизские — 4,8 чел. Средний размер домохозяйства по совокупности опрошенных составил 5,5 чел. При этом около 2/3 (68,5 %) люди семейные (замужем/женаты), остальные — холосты, вдовы или разведены.

Степень владения русским языком является важной социальной характеристикой мигрантов. Основной трудностью, с которой сталкиваются мигранты из дальнего зарубежья, является незнание русского языка. У мигрантов из Средней Азии таких проблем нет: 90,6 % опрошенных владеют русским языком свободно (пишут и говорят 55,7 %) или могут вполне сносно объясняться на русском языке. Особенно хорошо владеют русским языком мужчины среднего возраста, так как они, включая выходцев из сельской местности, проходили службу в Советской Армии на территории России. Обращает на себя внимание тот факт, что в семьях даже из сельской местности вторым языком общения часто является русский.

Образовательный уровень опрошенных мигрантов из Средней Азии достаточно высок: 21,7 % — имеют высшее и незаконченное высшее, 51,5 % — среднеспециальное образование, остальные 26,8 % со средним образованием, преимущественно не ниже 10 (11) классов. Уровень же образования мигрантов из дальнего зарубежья значительно ниже. Большинство приезжающих из стран Юго-Восточной Азии имеют средне специальное образование, также высока доля мигрантов, которые имеют лишь школьное образование.

Профессионально-квалификационный состав мигрантов в значительной мере отображает их образовательную структуру. Доля служащих среди них очень мала. На территории Сибири работают единицы высококвалифицированных специалистов и управленческих работников, занимавшие до переселения рабочие места, требующие высшего образования. Среди трудовых мигрантов более распространены неквалифицированные рабочие (разнорабочие) и специалисты средней квалификации. Но, несмотря на это, на сегодняшний день существует проблема несоответствия труда основной профессии и уровню квалификации трудового мигранта. Большая часть трудоустроенных мигрантов работают не по специальности, их знания и опыт редко принимаются во внимание работодателями. Чаще всех находят работу, близкую к своей основной специальности, представители аграрных, строительных профессий, а также работники сферы общественного питания.

Подавляющему большинству мигрантов удалось существенно улучшить свое положение, и они не жалеют о том, что стали работать на выезде, хотя очень часто и не по специальности, и намерены продолжать делать это в дальнейшем.

Среди нематериальных достижений опрошенные называют, прежде всего: приобретенный опыт, новую специальность, а также установление деловых связей. В качестве негативных последствий работы на выезде респонденты называют: подорванное здоровье (19,6 %), недостаток времени, уделяемого семье (34,5 %) и тоску по Родине (43,8 %). Это характерно, прежде всего, для респон-

дентов среднего и старшего возрастов, молодежь же не видит никаких потерь, ставших следствием работы на выезде.

Характеристики занятости иммигрантов. Среди всех возможных каналов трудоустройства, наиболее популярным (74,7 % опрошенных воспользовались именно им) является поиск работы через родных и знакомых. Родственники и семья часто являются и помощниками в работе, ведь 63,4 % опрошенных приехали в Россию с семьей, ее частью или с другими родственниками. Особенно такой семейный бизнес характерен для «челноков» и торговцев из Средней Азии.

Как показывают данные опроса самих мигрантов, они заняты преимущественно в торговле, строительстве, в промышленности, гораздо менее распространена трудовая деятельность в сельскохозяйственных отраслях и в сфере обслуживания (табл.1).

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОПРОШЕННЫХ ИММИГРАНТОВ ПО ОТРАСЛЯМ

Отрасль занятости:	% опрошенных
1. промышленность	12,6
2. сельское хозяйство	10,0
3. торговля	32,1
4. общепит	5,2
5. сфера услуг	4,3
6. строительство	35,9
Всего:	100,0

Такое распределение приблизительно совпадает с отраслевым делением использования иностранной рабочей силы по ряду областей Сибирского федерального округа.

За время работы иммигрантов в городах Сибири в последние годы вырисовываются определенные «трудовые ниши», которые занимают мигранты разных национальностей на сибирском рынке труда. И если строительно-ремонтные работы и торговля, те виды трудовой деятельности, которые пользуются спросом среди мигрантов всех национальностей, то общественное питание интересует китайцев, корейцев и узбеков, а сельскохозяйственная деятельность (овощеводство) — китайцев и узбеков (табл. 2).

Таблица 2

ВИДЫ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОЛЬЗУЮЩИЕСЯ НАИБОЛЬШЕЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ СРЕДИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

Национальности	Виды трудовой деятельности
1. Китайцы	Общественное питание, строительно-ремонтные работы, предпринимательская деятельность, торговля, сельское хозяйство (овощеводство), разнорабочие
2. Вьетнамцы, казахи	Строительно-ремонтные работы, торговля
3. Корейцы	Строительно-ремонтные работы, торговля, общественное питание

Окончание табл. 2

Национальности	Виды трудовой деятельности
4. Узбеки	Строительно-ремонтные работы, сельское хозяйство, торговля, общественное питание, разнорабочие
5. Кыргызы, таджики	Строительно-ремонтные работы, торговля, разнорабочие

Трудовая деятельность мигрантов имеет определенные показатели эффективности. Рассматривая субъективные «результативные» оценки, даваемые самими мигрантами, мы можем в некоторой степени оценивать и ранжировать их позиции на рынке труда по критерии выгодности или результативности использования их человеческого капитала.

Наиболее выгодную позицию (насколько можно судить на основании рассмотрения лишь субъективных оценок) занимают *самостоятельные коммерсанты*, которые уже достаточно хорошо закрепились и адаптировались на территории России (ранее было выяснено, что именно эта группа имеет самую большую продолжительность работы на выезде). Представители этой группы наиболее удовлетворены своими заработками; среди них наиболее велика оценка изменения своего материального положения в сторону улучшения.

На втором месте находятся нанятые хозяином *работники промышленности, сельского хозяйства и общепита*. Среди них выше всего доля тех, кто не жалеет о том, что стал работать на выезде; и нет ни одного человека, который бы заявил, что недоволен своей работой. Если учесть, что именно в этой группе наиболее высока доля женщин, то в качестве объяснения такого ответа можно привести слова одной из респонденток — гражданки Таджикистана: «*Я привыкла работать везде*». Можно предположить, что эту группу составляют наименее требовательные респонденты, как правило, женщины Средней Азии, которые на своей родине практически не могут надеяться на какие-либо заработки.

Что касается работников *семейного торгового бизнеса* (проще говоря, мигрантов-торговцев, которые действуют под руководством какого-либо своего родственника), то сравнительно высокую долю давших пессимистические оценки можно, вероятно, связать с тем, что эту группу составляют наименее опытные мигранты (наименьшая продолжительность работы на выезде была характерна именно для них), которым еще предстоит адаптироваться на новой территории.

Запросы *руководителей торговых фирм*, напротив, весьма высоки: хотя они вполне удовлетворены работой (87,7 % — что выше, чем во всех других группах) и отмечают изменение своего положения в лучшую сторону, больше половины из них не удовлетворены заработком. При этом большинство (53,4 %) из них заявляют, что их устроил бы заработок в размере около 15 тыс. руб. и еще 14 % говорят о зарплате, превышающей эту сумму.

Сезонные строители, шабашники, нелегально находящиеся на территории въезда в бесправном положении, полностью зависят от хозяина. Чаще всего они имеют ненормированный рабочий день, равный световому дню, живут непосредственно на месте работы и вообще вынуждены скрываться.

Оценка трудовых и миграционных перспектив является важным критерием типологизации иммигрантов. То, как видят свое будущее сегодняшние трудовые мигранты, в какой мере они связывают это будущее с Россией, является ха-

рактистикой занимаемых ими позиций (в том числе — на рынке труда) в настоящем. В исследованиях, посвященных рассмотрению подобных вопросов, высказываются предположения относительно «временной психологии проживания», «отложенной жизни» на территории въезда, т.е. о том, что трудовые мигранты рассматривают российские территории исключительно как место добывания денег. В целом по совокупности опрошенных иммигрантов из стран Азии в СФО были получены следующие результаты: 59,6 % опрошенных заявляют, что намерены и дальше продолжать работать в России (при 14 % намеренных в ближайшее время прекратить такую работу и 23,8 % «еще не знающих» или сомневающихся).

Ответы «буду здесь работать всегда» — единичны. Однако ряд иммигрантов, в том числе, приехавшие из дальнего зарубежья (китайцы, вьетнамцы), рассматривают свою работу и уровень оплаты труда, как вполне их устраивающие, поэтому они намерены продолжать заниматься работой в России; некоторые хотели бы в России остаться навсегда и получить российское гражданство. Получение гражданства открывает, как им представляется, большие возможности для приобретения работы по специальности, открытие собственного дела, обеспечивает более высокий уровень заработков и повышения благосостояния. Большинство же опрошенных иммигрантов из ближнего зарубежья на вопрос: «Готовы ли Вы остаться здесь навсегда?» отвечают отрицательно. Многих не устраивает климат: слишком холодно. Они приехали сюда только заработать, и как только для них появится работа на родине с удовлетворяющей их зарплатой, они вернутся туда, т.к. «тоскуют по ней» (43,8 %), недостаточно времени уделяется семье (34,5 %), подорвано здоровье (19,6 %).

В целом, анализируя миграционную перспективу в связи с перспективами устойчивого развития региона, следует подчеркнуть неоднозначность оценки человеческого капитала иностранных рабочих на сибирском рынке труда.

HUMAN POTENTIAL CHARACTERISTICS OF IMMIGRATION TO SIBERIA FROM ASIA

S.V. Sobolyeva

The paper is based on the analysis of official statistics data and on fieldwork polling. It deals with total characteristics of labor migrants from Central and South-East Asia to Siberia. The author groups migrants according to their human characteristics, migration and labor intentions. Total poll results revealed that 59.6% of immigrants intend to keep on working in Russia. Analyzing migration prospects in the context of promising steady development of the region the authors highlight ambiguous human stock evaluation of foreign workers on Siberian labor market.

Key words: human potential, immigration, statistics, migrants, migration prospects.

© 2009

Я.В. Жандарова, Н.Г. Попова

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ГОРОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖИ СУРГУТСКОГО РАЙОНА ХМАО-ЮГРЫ)

Автор вводит в научный оборот материалы опроса среди молодежи Сургутского р-на ХМАО-ЮГРА по проблемам жизненных ценностей. Анализ данных по отношению к наиболее значимым социальным ценностям — семья, брак, работа, патриотизм — коррелирует с этнической дифференциацией молодежи. Результаты анализа позволяют дать оценку перспектив актуализации человеческого потенциала региона и спрогнозировать его развитие на ближайший период.

Ключевые слова: этническая идентичность, ценностные ориентации, молодёжь, социальные ценности.

Цель современной социальной политики Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-ЮГРА) состоит в поддержании демографической динамики, соответствующей по своим параметрам потребностям устойчивого социально-экономического развития региона при сохранении преимуществ в жизнеобеспечении населения, интенсификации собственных источников роста и повышении уровня стабильности его состава.

Сущность проблемы заключается в недостатке постоянного населения в регионе. Устойчивость демографического развития ХМАО-ЮГРЫ достигается за счет молодой возрастной структуры населения. Средний возраст жителей округа составляет 32,4 года; у мужчин этот показатель составляет 31,6, у женщин — 33,2.

Особенно остро для ХМАО-ЮГРЫ стоит проблема укоренения социально-активного молодого населения. Это диктует необходимость формирования определенных качеств человеческого капитала будущих поколений. Согласно самому прагматичному определению, человеческий капитал — это оценка воплощенной в индивидууме потенциальной способности приносить доход. В общих чертах он представляет суммарную результирующую капитала образования, капитала здоровья, капитала культуры.

Актуализация человеческого капитала предполагает формирование ценностных ориентаций и установок у населения, направленных на: — сохранение и укрепление здоровья; — активное желание обустроить и развивать регион — работать, создавать семьи, воспитывать детей; — накопление образовательного и культурного капитала; — реализацию творческой сущности личности в сфере труда и досуга.

Молодежь — это социальная группа, которой совсем скоро предстоит занять свое место в современном мире и реализовывать те задачи, которые стоят перед регионом и страной. Ценностные установки современной молодежи определя-

ют, какие цели она будет ставить и какими способами она их будет достигать.

Проблема формирования ценностных ориентаций молодежи осложняется тем, что в силу высокой доли мигрантов ХМАО-ЮГРА является полиэтническим и поликультурным регионом. Это является дополнительным источником неоднородности молодежной группы, т.к. ее представители выступают носителями различных этноконфессиональных ценностей и традиций. Важно понять специфику ценностных ориентаций разных этнических групп в структуре молодежи и меру их согласованности и рассогласованности. В данной статье рассматриваются ценностные приоритеты молодежи Сургутского р-на ХМАО-ЮГРА сквозь призму этнических различий.

Эта проблема определяет содержание проекта ИАЭТ СО РАН и СурГПУ «Созидательный потенциал и творческий капитал молодежи Сургутского района», проведенного при поддержке администрации Сургутского р-на ХМАО в 2008 г. Исследование проводилось методом раздаточного анкетирования, была опрошена молодежь в возрасте от 14 до 35 лет (учащиеся старших классов школ, колледжей, профессиональных училищ, техникумов, студенты вузов и работающая молодежь). Опрос проводился на двух выборочных совокупностях: 949 чел. и 444 чел.; применялась многоступенчатая выборка.

Состав выборочной совокупности включает около 50 этнических сообществ. Из них 54 % составляют русские, остальные этносы представлены немногочисленными группами (до 9 %, многие 1–2 % и менее), которые были объединены для получения статистически наполненных групп. В 1–3 группы попали наиболее многочисленно представленные: русские, украинцы и белорусы и татары. Представленность остальных этнических сообществ составила менее 5 %, поэтому условно они были разделены на две группы. В первую вошли представители тех народов, которые, приезжая на территорию России, склонны образовывать замкнутые диаспоры, сохраняя свои традиции, язык и веру и поддерживая тесные внутриэтнические связи: азербайджанцы, армяне, киргизы, ногайцы, осетины, таджики, узбеки, цыгане, чеченцы, дагестанцы.

Во вторую группу были включены представителей всех других народов (авары, башкиры, даргинцы, кумыки, лезгины, марийцы, молдаване, мордва, немцы, казахи, гагаузы, индусы, ханты, курды, удмурты, уйгуры и др.); сюда же была отнесена молодежь с двойственной этнической идентичностью (указавшие двойные идентичности, например, русский-киргиз, татарка-марийка, дагестанец-кумык).

Общая этническая структура по обеим выборочным совокупностям следующая: русские — 54 %, украинцы и белорусы — 6 %, татары — 9 %; закрытые диаспоры — 11 %, другие этносы — 15 %, не дали ответа — 5 %.

Анализ результатов анкетирования показал, что наиболее значимыми ценностями для молодежи Сургутского Севера являются: получение хорошего образования (60 %), создание семьи и обеспечение достойной жизни детям (46 %), хорошие верные друзья — 42 %.

Следующими по приоритетности и практически равнозначными являются ценности материального обеспечения себя и близких (41 %), хорошей работы (36 %), карьеры (37 %), профессионализма (38 %).

Почти треть молодежи отмечают ценность любви и близких отношений —

30 % и саморазвития (как личности) — 29 %. Ценность здоровья актуальна для 25 % опрошенной молодежи. Ценность богатства значима для 18 и 26 % молодежи соответственно.

Ценности гедонистического характера (развлекаться, испытывать острые ощущения) значимы для 22 %. И еще 20 % хотят путешествовать, что, однако, нельзя рассматривать как проявление только гедонизма, поскольку мотивацию к путешествиям может определять стремление к познанию мира и развития личности.

Наименее актуальными ценностями для молодежи являются следующие: приносить пользу обществу, людям — 12 %; добиться славы, признания — 11 %; быть самостоятельными, независимыми от родителей — 10 %; добиваться власти — 5 %, жить религиозной жизнью — 4 %.

В свете федеральных и региональных программ по стимулированию рождаемости, укреплению семьи и укоренению населения особо актуальной является проблема отношения молодёжи ХМАО-ЮГРЫ к вопросам семьи и брака. Как отмечают многие источники, осознание этой ценности приходит к 18 годам.

Семейные ценности молодежи Сургута достаточно устойчивые. Результаты исследования показывают, что абсолютное большинство молодежи отдаёт предпочтение семейной жизни — 85 %, к одинокой жизни склонны менее 5 % молодежи.

Отметим, что, несмотря на общемировые тенденции изменения форм семьи (распространение гражданских браков, неполных семей и пр.) большинство представителей сургутской молодежи остаются приверженцами традиционной (зарегистрированной) формы брака (ее выбрали 71 % опрошенных).

Если же взглянуть на эти данные сквозь призму этничности, то перед нами предстает следующая картина: среди русских данной форме брака отдают предпочтение 70 %, среди украинцев и белорусов — 76 %, среди татар — 88 %, среди закрытых диаспор — 67 %. При этом для 9 % молодых людей подходит гражданская форма отношений. Заметим, что для части молодежи эти два варианта не исключают друг друга.

Необходимо также отметить, что наиболее консервативными в этом вопросе являются татары. Большинство респондентов-татар продемонстрировали более устойчивые ориентации на зарегистрированный брак — 88 %, в то время как в целом по выборке этот показатель составляет 71 %.

Анализ опроса показывает, что среди представителей закрытых диаспор несколько больше молодых людей, склонных к одинокой жизни (10 %, по сравнению с 4 % в целом по выборке) и меньше предпочитающих зарегистрированный брак (67 %, по сравнению с 71 % в целом по выборке). Отклонение статистически не значимо, однако, можно предположить, что это не просто совпадение, а свидетельство того, что в условиях инокультурного окружения закрытые группы чувствуют себя в некоторой изоляции, испытывая определенные сложности с адаптацией и, как следствие, неготовность их к взаимодействию.

Наиболее важным при вступлении в брак абсолютное большинство молодых людей считают любовь (84 %), что подтверждает значимость этой ценности и ее определяющую роль в создании семьи для молодежи. На втором месте (по ко-

личеству ответивших) — общие жизненные цели, интересы (56 %). Это говорит о том, что молодые люди ориентируются не только на чувства, они склонны видеть рядом человека, близкого по убеждениям и представлениям о жизни, что делает семейный союз более прочным и долговечным.

Значимость материальной независимости от родителей и наличие отдельной жилплощади, т. е. наличие материальной базы для самостоятельной семейной жизни отмечает 30 и 19 % соответственно. Таким образом, можно говорить, что для большинства сургутской молодежи семейная жизнь ассоциируется скорее с романтическими переживаниями, и лишь некоторые молодые люди задумываются о материально-бытовой стороне (т.к. большинство опрошенных составляют старшеклассники это вполне объяснимо). Заметим, что наибольшую склонность к прагматичности и понимание необходимости обретения материально-бытовой самостоятельности для вступления в брак демонстрируют украинцы и белорусы (48 % и 31, 28 и 19 %).

На значимость одинаковой этничности при вступлении в брак указывают 18 % молодых людей, одинакового вероисповедания — 19 %. Наиболее важным соблюдение этих условий является для азербайджанцев, армян, ногайцев, чеченцев, киргизов, таджиков, узбеков, цыган. Для представителей этих сообществ одинаковое вероисповедание находится на втором месте (его указали 38 %, в то время как в целом по выборке — 19 %); оно равнозначно значимости общих жизненных целей и интересов (38 %) и согласию родителей (36 %).

Таким образом, для представителей закрытых диаспор вероисповедание оказывается важным фактором, который оказывает влияние на установление близких отношений с другими людьми и, возможно, на выбор ближайшего окружения.

Одним из показателей традиционности сознания в сфере брачно-семейных отношений выступает получение согласия родителей на брак. Его считают важным 26 % молодежи, причем наибольшая приверженность этой традиции наблюдается у украинцев и белорусов (38 %), у представителей закрытых диаспор (36 %) и других групп (38 %), а наименьшая — у русских (19 %). Этот факт может служить косвенным подтверждением того, что наиболее сильное размывание традиционных ценностей в сфере семейно-брачных отношений произошло среди представителей русского этноса.

В целом, как следует из опроса, несмотря на все происходящие перемены, семья все же остается высшей ценностью практически для всех этнических групп населения. Молодые люди стараются сохранить и упрочить семью, особенно в нынешнее нестабильное время. Однако необходимо отметить, что при вступлении в брак молодые люди руководствуются разными мотивами. Кроме того, необходимо сказать, что в настоящее время понятие «семья» подменяется такими понятиями, как «гражданский брак» или «любовь», но это не означает, что институт семьи и брака изжил себя; просто в данный момент он переживает трансформацию и, возможно, в ближайшем будущем на смену традиционной придёт новая модель с демократичными отношениями, когда нормативная регуляция семейных отношений отойдёт на второй план.

Чтобы замерить ценность и субъективный смысл карьеры (работы) для молодежи ХМАО-ЮГРЫ в анкету были включены следующие вопросы: «Если бы

была возможность не работать, но жить в достатке, согласились бы Вы не работать?». Также молодым людям предлагалось высказать свое отношение к труду.

Ответы показывают, что лишь для половины молодежи Сургутского р-на работа является ценностью сама по себе, а не необходимостью: 56 % опрошенных сказали, что, даже, имея возможность жить обеспечено, они продолжали бы работать; 15 % молодых людей в случае возможности предпочли бы не работать, в том числе — 13 % среди русских, 15 % среди украинцев и белорусов, 10 % татар и 22 % среди представителей закрытых диаспор. Статистический анализ указывает на то, что представители последней группы (азербайджане, армяне, ногайцы, киргизы, узбеки, цыгане, чеченцы и пр.) в большей степени склонны к этой позиции.

В целом, удалось установить, что 29 % молодежи не могут четко выразить свое отношение к работе и обозначить ее ценность в своей жизни (ответ — «пока не знаю»). Чаще всего, этот ответ встречается среди русской молодежи и на основании анализа можно говорить, что русские среди других вариантов склонны выбирать именно эту позицию.

Среди сургутской молодежи: 71 % видит в труде возможность самореализации, 19 % считают, что труд — это предназначение человека и 10 % считают, что труд — это тяжелое бремя, необходимость. Наиболее трудолюбивыми являются белорусы и украинцы (в этой группе никто не указал, что труд — это тяжелое бремя) — именно они склонны воспринимать труд как возможность реализовать себя (так считают 89 % опрошенных этих этносов, по сравнению с 71 % в целом по выборке).

А вот работать много ради заработка склонны, прежде всего, русские (43 % из них относятся с одобрением к тому, чтобы много работать, чтобы зарабатывать, в целом по выборке 40%).

Однако даже при наличии желания работать для его реализации необходимы определенные условия. Прежде всего, возможность трудоустроиться и найти себе достойную работу. Особенно важно это для молодых людей, стоящих в начале жизненного и профессионального пути. Довольны возможностями трудоустройства в районе 32 % опрошенной молодежи, не доволен этими возможностями каждый пятый опрошенный. Больше всех склонны проявлять недовольство русские (24 %), а наиболее удовлетворены представители всех остальных этносов (45 %, по сравнению с 32 % в целом по выборке).

Аналогичная ситуация в отношении возможностей заработать. Вполне довольны возможностями заработка 47 % представителей закрытых диаспор, 44 % татар, 41 % остальных групп, 36 % украинцев и белорусов и 30 % русских. Причем, если татары и представители этносов, образующих закрытые диаспоры склонны скорее к удовлетворенности, то русские проявляют явную склонность к недовольству существующей ситуацией.

Установки на социальную и профессиональную, трудовую самореализацию на Севере во многом определяют перспективы коренизации молодежи. Большую роль в отношении к месту жительства играет патриотизм. Склонны считать себя патриотом России 70 % опрошенных молодых людей Сургутского р-на ХМАО, не склонны — 12 % и еще 10 % затруднились это определить. Здесь также явно прослеживается разница у представителей разных национальных

групп. Склонны считать себя патриотами России: 75 % русских, 64 % украинцев и белорусов, 68 % татар, 50 % среди представителей национальностей, образующих закрытые диаспоры.

Если русские в отношении России демонстрируют высокую склонность к патриотизму, то представители закрытых диаспор предпочитают уходить от ответа и в меньшей степени склонны считать себя патриотами.

Отношении к Сургутскому краю у молодежи более ровное и не зависит от этничности. Патриотические чувства к своему краю испытывают 60 % русских, 64 % украинцев и белорусов, 64 % татар и 64 % среди представителей закрытых диаспор. Эта ситуация определяет перспективы развития человеческого потенциала региона в совокупности позитивных тенденций и рисков.

ETHNIC IDENTITY AND VALUE SYSTEM OF URBAN YOUTH IN SIBERIA (BASED ON THE YOUTH OF KHAMAO-YUGRA DISTRICT OF SURGUT)

Ya.V. Zhandarova, N.G. Popova

The author introduces materials of the poll among the youth of Khmao-Yugra district of Surgut. Data analysis concerning most important social values (family, marriage, work, patriotism) correlates with ethnic diversity of the youth. The results of the analysis make it possible to appraise the prospects of human potential realization and to predict its development in the near future.

Key words: ethnic identity, values, the youth, social values.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

© 2009

И.Г. Арцыбашев

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕФИНИЦИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ТЕРПИМОСТИ: АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ ЦЕННОСТНОГО СОДЕРЖАНИЯ

В статье рассматривается вопрос о степени альтернативности ценностного содержания понятий толерантность и терпимость. Сравнительный анализ ценностного содержания обоих понятий свидетельствует о необходимости более взвешенного подхода к их изучению, формулированию и использованию. Из-за наличия принципиальных различий в этимологических определениях толерантности и терпимости, представляется невозможным рассматривать толерантность в качестве оптимального средства регулирования государственно-религиозных, межконфессиональных и межэтнических отношений в российском обществе. Вместо неё следует, по нашему мнению, использовать терпимость как более близкое в социокультурном значении понятие.

Ключевые слова: толерантность, терпимость, ценностное содержание, этимология.

В последние годы в России получило широкое распространение понятие «толерантность», которая рассматривается рядом исследователей (философами, социологами, политологами) в качестве оптимального и универсального средства регулирования социально-политических (прежде всего этноконфессиональных и государственно-религиозных) отношений. При этом сторонники ее аккультурации в качестве западной либеральной и общечеловеческой ценности в нашей стране зачастую либо деликатно обходят вопрос об использовании другого, не менее эффективного и исторически апробированного, средства — терпимости, являющегося неотъемлемым элементом российской культуры; либо вообще исключают такую возможность; либо полностью отождествляют оба понятия.

В данной связи возникает вопрос о степени альтернативности ценностного содержания обоих понятий. Получить на него необходимый ответ позволит лишь комплексное изучение их дефиниций в этимологическом, социально-философском, религиозно-философском, этическом и психологическом аспектах. Такой подход обусловлен тем, что понимание толерантности и терпимости в той или иной степени может зависеть: от характера воспитания и уровня интеллектуального развития каждого индивида; от культурных традиций и опыта исторического развития его народа; от национального менталитета человека, как

способа его отношения к миру, способа реагирования на него, характеризуемого определенным исторически сложившимся отношением к быту, семье, проблеме жизни и смерти, религии и морали¹.

Однако качественное изучение и сравнение ценностного содержания дефиниций указанных понятий в названных аспектах весьма сложно осуществить в рамках только одной статьи. Поэтому остановимся пока на этимологическом аспекте, который представляется достаточно важным, поскольку позволяет, на наш взгляд, объективнее проанализировать существующие сегодня социально-философские, религиозно-философские, этические и психологические определения толерантности и терпимости.

В различных языковых группах существуют свои дефиниции рассматриваемых понятий. Независимо от культурных различий их носителей, территории происхождения и традиционного распространения, они могут быть семантически тождественными либо существенно отличаться друг от друга. В качестве примеров рассмотрим дефиниции толерантности и терпимости в латинском, русском, европейских и восточных языках.

Так, в различных энциклопедических словарях² указывается, что толерантность происходит от латинских слов «tolerantia» либо «toleratio». В первом случае это переводится на русский язык как «терпение, терпеливость»; во втором — «умение переносить, терпеливость». Как видим, оба значения практически идентичны. Однако, если взять во внимание другие вариации корневой основы («tolero») слова «толерантность», то увидим, что семантические значения данного понятия могут различаться. В частности, непосредственно перевод «tolero (-viri, -viri, -viri)» имеет два варианта — «нести, держать» и «переносить, выдерживать, терпеть». Другие производные от этого корня означают следующее: «tolerabilis» — «терпимый, терпеливый», «tolerans (-antis)» — «терпеливо переносящий, терпящий»³.

Таким образом, спектр определений толерантности может быть достаточно широк — от терпимости к чужим взглядам, убеждениям и поведению; способности нести какую-то нагрузку (например, морально-психологическую, когда человек придерживается идей непротivления злу насилем), быть при этом морально или психологически устойчивым (выдерживать, держать «себя в руках»), до умения терпеливо переносить (терпеть) чье-то воздействие (моральное, идеологическое или психологическое).

Не являются однозначными и этимологические дефиниции терпимости. В различных толковых словарях русского языка данное понятие трактуется как:

- свойство, качество, терпимость веры, разных вероисповеданий, убеждений⁴;
- терпеливать что, выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать, крепиться, мужаться, держаться, стоять не изнемогая, не унывая, ожидать, выждать чего-то лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться, снисходить, допускать, послаблять, потакать, поноравливать, давать покладку; не спешить, не торопить, не гнать, сноравливать⁵;
- умение без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению⁶;

- способность мириться с кем-, чем-либо, относиться снисходительно к кому-, чему-либо, терпимое отношение⁷;
- свойство, умение терпимо относиться к чему-нибудь, терпеть что-нибудь⁸.

Необходимо обратить внимание и на значения слова «терпимый», являющегося производным от «терпимости». В одном случае под этим понимается объект терпимого отношения, «кого терпят только по милосердию, снисхождению»⁹; в другом — субъект терпимого отношения, «способный, умеющий мириться с чужим мнением, характером и т. п.»¹⁰, либо тот, кто, как уже сказано выше, умеет «без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению»¹¹.

Следовательно, терпимость можно рассматривать и как проявление милосердия, означающего в русском языке «сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро каждому, жалостливость, мягкосердость, желание помочь»¹²; и как способность непредвзято, изначально без негативных эмоций и применения насилия воспринимать высказывания, убеждения, действия другого.

В других языках терпимость имеет как схожие, так и различающиеся дефиниции.

В частности, у татар, являющихся вторым по численности народом в России¹³, это понятие означает «быть терпеливым, выдержанным»¹⁴.

В европейских языках (параллельно с указанной выше семантической идентичностью толерантности) существуют и такие самостоятельные определения терпимости, как «снисходительность» (немецкий¹⁵, испанский¹⁶, итальянский¹⁷), «допустимость, допускать» (французский¹⁸, английский¹⁹), «безропотно переносить» (английский²⁰), «терпеть» (немецкий²¹), «мириться с кем-, чем-либо» (итальянский²²), «готовность без протеста воспринимать личность или вещь» (английский), «уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов» (французский²³).

В восточных языках слово «толерантность» по причинам этимологического характера отсутствует. Вместе с тем существует слово «терпимость», которое в ряде случаев понимается так же, как и в русском, итальянском, испанском, немецком, английском и французском языках, либо имеет иные семантические значения. Так, в персидском оно означает «снисходительность, приемлемость»²⁴; в арабском — «снисходительность, допустимость»²⁵, «прощение, мягкость, сострадание, расположенность к другим»²⁶; в хинди — «умение терпеть»²⁷; в китайском — «снисходительность, допустимость»²⁸; в японском²⁹ и турецком³⁰ — «снисходительность».

Таким образом, сравнительный анализ приведенных выше этимологических дефиниций рассматриваемых понятий наглядно показывает, что по своим семантическим значениям они в одних случаях являются тождественными, в других — различаются. В отличие от толерантности, терпимость имеет не только больше смысловых оттенков, но и более широкую географию распространения. Кроме того, в русском языке дефиниция данного понятия дается не только шире, но и глубже в нравственном отношении; речь идет об имманентности ему таких качеств, как «проявление милосердия», «умение без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению».

В латинском и в современных европейских языках подобная трактовка толерантности и терпимости отсутствует. Самое близкое по смыслу свойство в их определениях — «снисходительность». Однако известно, что человек может ее проявлять либо из сочувствия, сострадания, любви, жалости, либо по каким-то иным причинам (например, меркантильного характера), продолжая при этом испытывать неприязнь и даже враждебное отношение к объекту толерантности (или терпимости). Следовательно, несмотря на некоторые общие признаки тождественности своих семантических значений, «милосердие» и «снисходительность» в зависимости от ситуации могут существенно различаться по смыслу.

Необходимо отметить и то, что некоторые российские ученые полагают, что толерантность является «семантической ловушкой», попав в которую, носитель российской культуры может потерять чувство реальности. По их мнению, она привносит в живой русский язык «некий формальный, отчужденный смысл неведомой и чуждой нам реальности», и, тем самым, лишает нас связей со своими культурными традициями, в частности с более понятной и, соответственно, близкой нам по смыслу терпимостью³¹.

Итак, результаты проведенного сравнительного анализа ценностного содержания указанных понятий свидетельствуют о необходимости более взвешенного подхода к изучению, формулированию и использованию их дефиниций. В частности, из-за наличия принципиальных различий в этимологических определениях толерантности и терпимости представляется невозможным полагать их полностью тождественными, а также рассматривать толерантность в качестве оптимального средства регулирования государственно-религиозных, межконфессиональных и межэтнических отношений в российском обществе. Вместо нее следует, по нашему мнению, использовать терпимость как более близкое в социокультурном значении понятие, имеющее весьма важный отличительный признак, связанный с проявлением милосердия и изначально невраждебного отношения к чужим убеждениям, мировоззрению, поведению; как исторически сложившийся элемент не менее уникальных, чем другие (в том числе западные), отечественных культурных традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Истамгалин Р.С.* Принцип толерантности и идея ненасилия в религиях мира // *Идея ненасилия в XXI веке: сборник научных докладов к международному симпозиуму-диалогу светских и религиозных ученых «Идея ненасилия и ее пределы»* (Пермь, 24-25 мая 2006 года). Пермь, 2006. С. 139.
2. См. *Российская социологическая энциклопедия* / под ред. Г.В. Осипова. М., 1998; *Современный философский словарь* / под ред. В.Е. Кемерова. М., 2004; *Современный словарь иностранных слов*. М., 2001.
3. *Латинско-русский словарь*. М., 2000. С. 775.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1991. Т. 4. С. 402.
5. *Даль*. Ук. соч. С. 401-402.
6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е. М.: Российская Академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2003. С. 795.
7. *Словарь русского языка*. Изд. 4-е. М., 1999. Т. 4. С. 359.

8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000. Т. 4. С. 692.
9. *Даль*. Ук. соч. С. 402.
10. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова... Т. 4. С. 692.
11. *Ожегов, Шведова*. Толковый словарь русского языка... С. 795.
12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Избранное... С. 418.
13. *Исхаков Д.М.* Современный национализм татар // Панорама-Форум. Казань, 1998. № 13. <http://www.studlib.ru>.
14. *Махмутов М.И.* Русско-татарский словарь. Казань, 1975. С. 494.
15. Новый немецко-русский словарь / под ред. М.Я. Цвиллинга; Новый русско-немецкий словарь / под ред. А.Н. Зуева. М., 2005. С. 943.
16. *Туровер Г.Я., Ногеира Х.* Большой русско-испанский словарь. М., 2001. С. 695.
17. *Канестри А.* Новый большой русско-итальянский словарь. М., 2006. С. 704.
18. *Потоцкая В.В., Потоцкая Н.П.* Русско-французский словарь. М., 1979. С. 582.
19. Русско-английский словарь / под ред. О.С. Ахмановой. М., 1958. С. 408.
20. Русско-английский словарь... С. 408.
21. Новый немецко-русский словарь / под ред. М.Я. Цвиллинга; Новый русско-немецкий словарь / под ред. А.Н. Зуева.... С. 943.
22. Итальянско-русский и русско-итальянский словарь... С. 721.
23. *Радчук Е.Е.* Толерантность и базовые ценности Конституции России // Экстремизм как социальный феномен: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Курган, 1-2 дек. 2005 г.). Курган, 2005. С. 181.
24. *Восканян Г.А.* Русско-персидский словарь. М., 2005. С. 703.
25. *Борисов В.М.* Русско-арабский словарь. СПб., 2004. С. 994.
26. *Радчук Е.Е.* Толерантность и базовые ценности Конституции России... С. 181.
27. *Ульциферов О.Г.* Современный русско-хинди словарь. М., 2004. С. 1026.
28. *Баранова З.И., Котов А.В.* Большой русско-китайский словарь. М., 2006. С. 488.
29. *Зарубин С.Ф., Рожецкий А.М.* Большой русско-японский словарь. М., 2001. С. 770.
30. *Щербинин В.Г.* Большой русско-турецкий словарь. М., 2006. С. 591.
31. *Князев В.М.* Толерантность – согласие не согласных // Деятельность органов государственной власти и религиозных организаций по формированию толерантного сознания в межконфессиональных отношениях: материалы окружной науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 31 марта – 1 апр. 2004 г.). Екатеринбург: Аппарат полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе, 2004. С. 36-37, 45.

ETYMOLOGY OF THE TERMS TOLERANCE AND INDULGENCE (ALTERNATIVE VALUE CONTENT)

I.G. Artsybashev

The article deals with alternative value content of such notions as tolerance and indulgence. Comparative analysis of content value of both notions points to the necessity of a well weighted approach to their study, treatment, and usage. Due to the principal difference in the etymology of these two terms it is impossible to regard tolerance as an optimal means for regulation concerning relations between the state and the church, between different religions, and between different ethnic groups in Russia. The author suggests the term indulgence as the one more acceptable in its social and cultural meaning.

Key words: tolerance, indulgence, value content, etymology.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

R. MORSTEIN-MARX. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge, 2004. XIV, 313 p.

Дискуссия о характере политической системы Римской Республики ведется уже несколько десятилетий. При этом повышенное внимание стало уделяться тем институтам политической системы и явлениям политической культуры античного Рима, которые до того оказывались на периферии внимания исследователей. В том числе активно стали изучаться народные сходки (*contiones*), собрания, на которых не принималось официальных решений. С 1989 г., когда появилась первая монография, специально посвященная конциям*, по настоящее время исследование института прошло путь от первичного обобщения сохранившихся в наших источниках сведений о конституционных основах функционирования сходок до изучения их практической значимости. Оказалось, что *contiones* в заметной степени влияли на политическую жизнь Республики (в таких аспектах, как, например, агитация «за» и «против» законопроекта до созыва комиций на народных сходках). Более того, некоторые романисты пришли к выводу, что именно исследование конций могло бы помочь точнее определить характер политической системы Республики.

В 2004 г. вышла в свет монография профессора Университета Санта-Барбары (США, штат Калифорния) Роберта Морстейн-Маркса под названием «Публичное красноречие и политическая власть в поздней Римской Республике». Работа, как признает сам автор (р. IX), готовилась длительное время, начиная уже с 1992 г. За прошедший период многие положения, которые Р. Морстейн-Маркс предполагал обнародовать, уже были, в том или ином виде, обозначены другими исследователями. С другой стороны, время позволило автору уточнить и углубить многие собственные идеи о сущности и значении римских народных сходок. Перед нами одна из попыток переосмыслить представления исследователей о сущности римской (позднереспубликанской) политической системы в целом при учете результатов изучения народных сходок.

Монография включает в себя введение, шесть глав основной части и заключение. Приведен список иллюстраций и карт, перечень использованной литературы (порядка 400 названий), указатель терминов и имен. Главы основной части названы так: «Определение места действия», «Гражданская осведомленность», «Глас народа», «Дебаты», «Конциональная идеология: невидимый «оптимат»», «Конциональная идеология: политический театр». В конце каждого раздела внутри глав, а также в конце каждой главы выделены полученные в них выводы, а в «Заключении» эти выводы суммируются.

* *Pina Polo F. Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989.*

Монографию можно условно разделить на две части. В первой (гл. 2-3) автор рассматривает больше «техническую» сторону функционирования *contiones*: отличительные черты данного вида народных собраний, состав и уровень подготовленности аудитории, способы созыва, продолжительность, места проведения, условия, в которых звучала публичная речь и т. д. Во второй части книги (гл. 4-7) Р. Морстейн-Маркс переходит к анализу собственно практики функционирования института и исследует *contiones* как инструмент политической борьбы, характер и идеологический фон происходивших на сходах дебатов.

Во «Введении» автор сразу же подчеркивает, что *contio* являлась важным центром политической активности и серьезно влияла на процесс принятия решений (р. 3-5). Важность сходки он видит в том, что ораторы стремились убедить ее аудиторию: *contio* предшествовала любому голосованию в комициях, и представление законопроектов на ней было одним из способов добиться поддержки граждан. Но этим значение собрания не ограничивалось: все важные новости сообщались гражданам на сходах, здесь же озвучивались многие публичные акты, в том числе, клятвы. Даже проходившие у Ростр похороны знати принимали форму конций. Уже регулярность и обычность сходов показывает их важность для политического опыта граждан (р. 6-11). Конции были законным местом коммуникации сената и народа, хотя каждое конкретное собрание, подчеркивает Р. Морсейн-Маркс, не соответствовало современным критериям демократической легитимности (р. 12). Автор, к сожалению, не поясняет сразу же, что он имеет в виду под «современными критериями демократической легитимности» и почему исследователи должны прибегать именно к этим критериям в данном конкретном случае.

Р. Морстейн-Маркс согласен с тезисом Ф. Миллара о том, что выступление оратора перед толпой на форуме было важнейшей составляющей политической жизни Республики. Но, в отличие от Ф. Миллара, автор рассматриваемой монографии не считает сам этот факт свидетельством в пользу демократического прочтения римской конституции (р. 12-13). Р. Морстейн-Маркс считает неверным утверждение Ф. Миллара о том, что оратор должен был представить для убеждения аудитории такие аргументы, которые были близки ее собственным ценностям и представлениям. Такая концепция не соответствует, по мнению автора монографии, трем моментам.

1. «Идеологические последствия» публичной речи: представления слушателей, исходя из которых они оценивали слова оратора в *contiones*, сами определялись оратором на тех же сходах. Не существовало альтернативы конциональной речи. А гегемонией в конциях обладала именно элита (р. 14-16). На наш взгляд, не совсем ясно, почему ценности и представления аудитории должны были всецело определяться влиянием народных сходов. Насколько тотальным, последовательным и «уникальным» должно быть воздействие оратора на аудиторию, чтобы в течение многих поколений создавать у римского народа некую «единую идеологию», избавленную от всякого внешнего влияния (например, от того, что видел гражданин вокруг себя) и возможных «ошибок» самой элиты в деле контроля информации для сограждан?

2. «Проблема общественного мнения». Автор, судя по всему, солидаризируется с мнением тех исследователей феномена общественного мнения, которые

считают, что оно не может быть измерено даже и голосованием, ибо последнее является только эхом общественного мнения, причем истоком этого эха служат каналы политической информации, которые предоставлялись элитой и которые народ мог сравнить между собой (р. 19). В случае Римской Республики, этот канал, по Р. Морстейн-Марксу, был только один — народные сходки. Поэтому римский народ даже не имел возможности сравнивать информацию разных источников. Что касается борьбы мнений за пределами (across) сходов, то ее наличие признается автором, но она, по непонятным причинам, оставляется для дальнейшего исследования (р. 20).

3. «Далеко не идеальные» условия произнесения публичной речи. Идеальными условиями, с точки зрения цитируемого Р. Морстейн-Марксом Юргена Хабермаса, являются следующие: равенство участников (достижение ими минимального уровня материального благосостояния, необходимого для полноценного участия в политической жизни) и наличие диалога (возможность аргументированного убеждения, а не принуждения). Ю. Хабермас полагает такие условия недостижимым идеалом. Но Р. Морстейн-Маркс считает, что без этого идеала общество не может существовать.

Автор монографии заключает, что можно с уверенностью, даже без дальнейшего исследования, констатировать то, что Рим вовсе не соответствовал критериям совещательной демократии (р. 23). Конциональные речи усиливали гегемонию элиты и поддерживали традиционный порядок (р. 31-32). Однако положение оратора в каждом конкретном случае не было определено *a priori* и зависело от обстоятельств. Поэтому необходимо «эмпирическое изучение» конций, всех обстоятельств, влиявших на них и определявших степень «интеллектуальной независимости» аудитории (р. 21-23).

Во второй главе (р. 34-67) автор ведет речь, по его выражению, об «институционально-прагматическом» и «физическо-символическом» контекстах, в которых звучали речи на сходках. Р. Морстейн-Маркс резонно обращает внимание на то, что именно ввиду отсутствия на сходках официального выражения воли народа (голосования) современные исследователи называли их «неформальными», а потому сравнительно мало их изучали. Хотя даже в законодательном процессе, а не только в информации граждан, сходки играли важную роль. Конции регулировались ясно определенными конституционными правилами и обычаями. Поэтому их никак нельзя назвать «неформальными» собраниями. Важнейшим таким правилом Р. Морстейн-Маркс считает то, что *contiones* могли быть созданы только магистратами квесторского ранга или выше*. Автор уделяет много внимания описанию процедур созыва и роспуска собрания разными должностными лицами.

Р. Морстейн-Маркс подробно рассматривает состав аудитории сходов. Он аргументировано опровергает утверждение Г. Моритсена о том, что форум был миром элиты. Удачной кажется и мысль автора о постоянном изменении фак-

* Утверждение о возможности созыва *contiones* только должностными лицами можно подвергнуть сомнению, см.: Деметьева В.В., Фролов Р.М. Несанкционированные гражданские *contiones* как общественно-политический институт Римской Республики // ВДИ. 2009. №4 (в печати).

тического состава аудитории *contiones* в зависимости от обстоятельств и «повестки дня». В частности нередко была практика пополнения аудитории подкупленными людьми. Но сложно согласиться с предположением Р. Морстейн-Маркса о том, что, в независимости от своего действительного состава, аудитория конций всегда «символически» понималась как «римский народ» (см.: *Gell.* N.A. XIII. 16. 1).

Много внимания уделяет исследователь анализу основных мест проведения народных сходов. Удачным можно считать сделанный Р. Морстейн-Марксом краткий обзор основных вариантов реконструкции устройства главной конциональной трибуны — Ростр. Однако, на наш взгляд, автор несколько преувеличивает важность политической символики Ростр и окружающего пространства, поскольку если бы она действительно была столь важна, вряд ли бы сходы могли проводиться в любом другом месте. А между тем сам Р. Р. Морстейн-Маркс приводит примеры проведения сходов вне форума. От «физического контекста», в котором проходили *contiones*, автор переходит к исследованию «коммуникативного контекста». Много внимания уделяется здесь представлениям Цицерона о специфике речей на сходах.

В следующей, третьей, главе книги (р. 68-118) Р. Морстейн-Маркс пишет об уровне знакомства конциональных аудиторий с историей, традициями, законами и политическими процедурами Республики, т. е. об уровне их политической «образованности» (или политической культуры, «гражданской осведомленности», «гражданской компетенции», *civic knowledge*).

Интересно наблюдение автора о том, что даже получившие от Цицерона нелестную характеристику *imperitissimi*, составлявшие аудиторию сходов, были способны отличить «истинного» друга народа от «лживого». Р. Морстейн-Маркс убедительно опровергает тезис Дитриха Мака о том, что аудитория сходов практически ничего не знала об истории Республики и имела представление только о нескольких несвязанных между собой типичных *exempla*. Действительно, немаловажный «обучающий эффект» оказывали театр, странствующие поэты, военная служба, общественные памятники, выборы, ценз, триумфы, жертвоприношения, процессии, игры, наконец, сами сходы. Но далее автор утверждает, что граждане, имевшие право голоса, предназначены были стать игрушкой в руках элиты, поскольку именно она выступала посредником в коммуникации и контролировала ее (т.е. игры, суды, сходы и т. п.). Возникает вопрос: все ли из перечисленного контролировала элита и насколько тотальным и эффективным был этот контроль?

Р. Морстейн-Маркс предостерегает от использования в отношении античного Рима современных критериев гражданской осведомленности и компетенции. Что понимается автором под этими критериями не совсем ясно. Сам автор утверждает, например, что уровень массового образования был в Риме невысок. Невысок по сравнению с чем? Как кажется, имплицитно здесь может подразумеваться только одно: как раз те самые современные критерии, от которых предлагается отстраниться, но которые, фактически, используются в книге. Так, исследователь обращает внимание на то, что современные американцы крайне плохо осведомлены о важнейших политических событиях. Примечательно, что Р. Морстейн-Маркс подчеркивает, фактически, несоответствие од-

ной из современных демократий современным же критериям этой самой демократии (в данном случае — по признаку гражданской компетенции, уровня политической культуры и т. д.). Как тогда этим критериям в принципе могла бы соответствовать Римская Республика? Возникает также вопрос, кто оказывается «в лучшем положении»: плебеи, которых Р. Морстейн-Маркс считает полностью зависимыми от элиты как источника информации, или же рядовые граждане США, которые, согласно автору, имеют слабое представление о важнейших для своей страны и всего мира фактах даже недавнего прошлого? Не говоря уже о том, что неясно, насколько и рядовой гражданин США (и любой страны) независим сегодня в получении информации политического характера от элиты.

Автор не только обращает много внимания на высокий уровень исторических познаний конциональных аудиторий, но и пишет о знании ими законов и политических процедур Республики, в том числе, довольно тонких иногда технических моментов. Аллюзии же на историческое прошлое присутствовали не только в публичных речах, но и в монументальных памятниках и на монетах. Особенно полное представление граждане имели о недавнем прошлом Республики (50–60 лет).

Сложно согласиться с тезисом автора о том, что нельзя даже сравнивать уровень подготовленности самого активного завсегдатая сходки и рядового сенатора. Да, вероятно, любой сенатор знал тонкости юридического языка лучше любого завсегдатая сходки, но нельзя недооценивать влияние, по выражению Квинта Цицерона, «тех, кто главенствует на народных сходках» (Comm. pet. 51), — они наверняка хорошо представляли себе если не самые эффективные способы обструкции в сенате, то, по крайней мере, текущие политические настроения плебейских масс и то, как это можно наилучшим образом использовать. Нельзя, на наш взгляд, подобно тому, как это допускает Р. Морстейн-Маркс, делать «осведомленность» в подобных делах чем-то однотипным и универсальным: агенты разных сфер политической жизни играли свою собственную, но уникальную и важную, роль.

Фундаментальная противоречивость центральной концепции книги Р. Морстейн-Маркса начинает проявляться особенно ясно, когда читатель обращается к выводам данной главы. С одной стороны, утверждается, что уровень «гражданской осведомленности» конциональных аудиторий (и плебса в целом) как минимум соответствовал таковому граждан большинства современных демократических государств. С другой стороны, в последующих главах Р. Морстейн-Маркс ставит своей целью доказать, что резкое неравенство в осведомленности между сенатом и народом, выгодное положение сенаторов в доступе к информации, открывало широкое поле для манипулятивных стратегий. Таким образом, автор стремится обосновывать применительно к Риму очевидный — в условиях любой политической системы — факт того, что члены элиты лучше информированы по сравнению с рядовыми гражданами.

Глава четвертая посвящена исследованию вопросов о том, какую реакцию аудитории ожидал получить и получал в реальности оратор, как он влиял на аудиторию, стремясь вызвать нужный ответ, как видимая на сходке «воля народа» использовалась в политической борьбе (р. 119–159). Р. Морстейн-Маркс исхо-

дит из того, что коммуникация на сходке была «двунаправленной»: не только оратор влиял на аудиторию, но и аудитория, до определенной степени, влияла на оратора. Автор полагает, что ораторы активно стремились представить выражение воли конциональной аудитории как выражение воли всего народа и использовать это в своих интересах. На наш взгляд, нужно учитывать, что официально воля народа на сходке не выражалась: это происходило только на комициях. Цицерон подчеркивает невозможность принятия на сходке официального решения (то есть волеизъявления народа) как преимущество римской политической системы (Flac. 15-16). Сам Р. Морстейн-Маркс признает: несмотря на то, что Цицерон весьма часто все же пишет о проявлении воли «настоящего» римского народа на сходках, во всех этих случаях речь шла о тех конциях, которые имели тенденцию поддержать его самого. Неудивительно поэтому, что Цицерон пишет об отсутствии «настоящего» римского народа (а следовательно, и изъявления его воли) на тех сходках, которые были настроены в целом против него. Другими словами, согласно Цицерону, на одних сходках народ выражал свою действительную волю, а на других — нет. У нас возникает вопрос: можно ли говорить о «выражении воли народа», если оно не является объективным и «очевидным» (хотя бы в той степени, как при голосовании) для современников в независимости от их политических предпочтений? Тем не менее, нужно, конечно, вести речь об определенном и весьма серьезном влиянии настроений аудиторий *contiones* на остальную часть гражданства.

Чрезвычайно важны и интересны следующие замечания автора. Очень редко отвергались законопроекты на самом голосовании (хотя, несомненно, в источниках существует тенденция сообщать больше об успешных законодательных инициативах). Отсюда можно предположить, что голосование было просто ритуалом согласия. Но что если отношение к предмету голосования было уже заранее определено на предшествовавших массовых народных сходках? Нет примеров того, чтобы законопроект был провален (голосованием или наложением вето), если получил очевидную поддержку на сходках. Автор настаивает на том, что плебейские трибуны, фактически, не могли использовать вето, если народ очевидным образом был настроен в пользу законопроекта, поскольку задача трибунов — защита интересов народа. Но где можно было бы увидеть волю народа еще до голосования? Р. Морстейн-Маркс справедливо полагает, что именно на сходках. Реальная же сила права вето состояла в угрозе его применения только для поддержки той реакции, что наблюдалась на сходке. Именно поэтому сходка занимала главное место в законодательном процессе.

Чтобы не нарушать логику изложения, в этой главе автор вновь вынужден возвратиться к проблеме состава конциональных аудиторий. По мысли Р. Морстейн-Маркса, совершенно очевидно, что те, кто посещал сходки того или иного магистрата, были скорее его последователями, чем противниками. Вывод этот делается на основании многочисленных сообщений источников о том, как аудитория чинила препятствия тем приглашенным ораторам, которые были противниками председателя собрания. (Подчеркивается также, что для Цицерона курьезом было то, что над Клодием смеялась его собственная сходка.) Данный тезис, как нам кажется, требует дополнительной аргументации, поскольку нельзя исключать и того, что какая-то часть аудитории могла быть за-

ведомо враждебной председателю и люди явились с целью затруднить инициатору ведение собрания.

Автор пишет о широкой распространенности практики подкупа аудитории. Однако не всей, а определенного «ядра», которое и заглушало оппонентов председателя, и влияло на «нейтральную» часть собравшихся. Р. Морстейн-Маркс подробно описывает ту тактику, которую использовали для влияния на нейтральную часть аудитории и приглашенных ораторов при помощи небольшой группы изначальных сторонников. Автор опирается на теорию «вызова одобрения» Макса Эткинсона, чтобы показать, какими путями удавалось римским ораторам не только вызвать нужную им реакцию собравшихся на сходке, но и вызвать ее в определенный момент. Затем эта реакция объявлялась «волей народа» и использовалась, например, как оружие во внутрисенатской борьбе. Однако у нас возникает вопрос: если часть нейтральной аудитории, временно оказавшаяся под мощным влиянием оратора и его явных (подкупленных или по другим причинам) сторонников, еще могла воспринять полученный таким образом ответ сходки как «волю народа», то почему этому должны были верить сенаторы?

Сам автор отмечает: реакция аудитории разных сходов на одну и ту же проблему могла быть абсолютно разной. Иногда нельзя было определить настрой аудитории даже и одного собрания. Но, в таком случае, какая из реакций должна была быть воспринята как «воля народа»? Р. Морстейн-Маркс не дает ответа на этот вопрос. Автор пытается использовать здесь «теорию общественного мнения» Джона Зеллера, согласно которому последнее — вовсе не конкретный независимый объект, который можно обнаружить и оценить. Общественное мнение возникает только в процессе его ясного выражения (часто кем-то, у кого есть политическая цель обозначить это мнение ясно), его выделения из хаотической массы часто противоречивых интересов. Р. Морстейн-Маркс приходит к выводу о том, что сходку лучше рассматривать как «политический театр», призванный «отфильтровывать» хаотичное разнообразие мнений, создавая нужное впечатление почти полного консенсуса. Нам не совсем ясно, кого мог убедить подобный «консенсус». И, самое главное, что именно потенциальные объекты такого «убеждения» должны были посчитать истинной «волей народа», если она нередко оказывалась, как отмечает сам автор, абсолютно разной в разных *contiones*? Насколько некомпетентными и незаинтересованными в происходящем вокруг должны были быть римские граждане, чтобы не видеть того, как возникал подобный «консенсус»? Но зачем, в таком случае, создавалась видимость этого «консенсуса»? Р. Морстейн-Маркс также задается этим вопросом и дает для ответа на него несколько иную, чем уже отмеченная выше, интерпретацию основной задачи конций. Видимость консенсуса на них создавалась с целью разрушить всякую видимую (и слышимую) оппозицию. Каким образом? С помощью, с одной стороны, запугивания, с другой — использования эффекта толпы (*bandwagon effect*). Обратим внимание, автор пишет уже не о реальном убеждении этим «консенсусом» кого-либо, а именно о запугивании индивида и его подражании поведению окружающего большинства. Но неясно, как эти две задачи конций могли с успехом выполняться одновременно.

Следующую, пятую, главу, посвященную рассмотрению дебатов в *contiones*,

можно посчитать, пожалуй, центральной главой книги (р. 160-203). Именно здесь наиболее явным образом автор отходит от интерпретации народных сходок как «демократического элемента» римской политической системы.

Р. Морстейн-Маркс выдвигает концепцию сходки как инструмента, посредством которого «воля народа» искусственно организовывалась политиками и затем давала «символический вес» им и «видимую легитимность» их инициативам, что было необходимо для успеха в политической борьбе. Автор признает важность дебатов на сходках, предшествовавших голосованию, а также подчеркивает участие (хотя и не прямое) аудитории в этих дебатах, однако сомневается в «качестве» этих дебатов.

«Качество» дебатов предполагается оценить с учетом «некоторых идеальных моделей демократической дискуссии». Согласно таким моделям, все граждане должны быть реальными участниками этой дискуссии, а для этого необходимо, якобы, равенство в уровне образования, доступе к информации, включение в «повестку дня» тех вопросов, в обсуждении которых реально заинтересованы рядовые граждане. На наш взгляд, уже исходный тезис автора некорректен или, по крайней мере, сам нуждается в аргументации перед тем, как использовать его для дальнейшего анализа. Дело в том, что даже современные демократические государства не могут похвастаться в частности равным уровнем образования и информированности элиты и рядовых граждан. Следовательно, никакие (в том числе современные) политические системы не могут соответствовать этой идеальной модели «демократической дискуссии». Р. Морстейн-Маркс, фактически, признает это, но, тем не менее, пишет о полезности теории, поскольку, исходя из предполагаемых ею критериев, можно оценить степень отклонений (от идеальной ситуации). Но какой смысл искать несоответствие реальной ситуации идеальной модели, если модель идеальная, и не ясно, каким образом «степень» несоответствия будет оцениваться? Так, например, автора интересует в первую очередь, были ли равно представлены на сходках альтернативные точки зрения. Исследователь доказывает, что стороны вовсе не находились в равном положении на сходке. Ораторов — противников законопроекта — действительно приглашали на сходку, возможно, традиция даже предписывала делать это. Но, в конечном счете, все зависело от председателя *contio* (он мог ограничивать время выступления других ораторов и т. п.). Но разве это и есть «степень» отклонения от идеальной модели «демократической дискуссии»? Это, фактически, констатация полного несоответствия этой модели, что и так ясно с самого начала, поскольку модель — идеальная.

По мысли автора, явных противников законопроекта приглашали на сходки не для того, чтобы дать им возможность представить свою точку зрения, а чтобы поставить их в невыгодное положение: заставить выступать перед (чаще всего) враждебно к ним настроенной (и поддерживающей председателя) аудиторией. В результате оппоненты председателя вынуждены были публично отказываться от своей позиции, либо сталкиваться с гневом «народа» и приобретать репутацию презирающих его «волю». Но насколько, в таком случае, должна быть непреодолимой искусственно сконструированная (надо думать, это понимали все граждане) «воля народа», чтобы иметь такой эффект? И почему оппоненты, если они были, к примеру, плебейскими трибунами, не могли поставить

собственный спектакль, чтобы несомненно получить «моральное право» на применение вето?

Р. Морстейн-Маркса ни мало не смущает то, что он тут же дает совершенно другую интерпретацию утилитарной функции *contiones*. Автор снова пишет не о «воле», а о «гневе народа» как результате конций. Действительно, если оратору угрожали физической расправой (см., в частности: Dio Cass. XXXVIII. 6), то, пожалуй, это могло возыметь нужный эффект, в отличие от неясной «воли народа». Но разве это конституционный механизм? Почему же тогда в концепции автора монографии столь «антиконституционная функция» оказалась основной для вполне легитимного политического института? Дело в том, что Р. Морстейн-Маркс изучает сходки в эпоху кризиса. Однако отмеченные им особенности функционирования *contiones* он рассматривает, по-видимому, как присущие институту в целом, а не только в период упадка Республики. По крайней мере, автор ни разу не упоминает о том, что выявленные им черты конций являлись характерными для них именно в эпоху разрушения или трансформации всех традиционных республиканских государственных учреждений. На наш взгляд, о том, что политический институт имел те или иные сущностные черты, можно говорить только тогда, когда изучается весь период его существования. Если утверждается, что сходки функционировали в период общего кризиса Республики как инструмент запугивания (демонстрации возможности и готовности применить силу), то это не значит, что подобное положение было всегда, тем более это не значит, что оно было наиболее характерным для конций, отражало суть изучаемого явления политической жизни. Следовательно, нельзя «функцию запугивания» называть функцией *contiones* как длительно существовавшего политического института только потому, что такая своеобразная «функция» была характерна для народных сходок в эпоху поздней Республики.

Р. Морстейн-Маркс отмечает, что возможность для «оппозиции» высказывать свою точку зрения в относительно нормальной обстановке была, но только перед самым голосованием. При этом констатируется заведомая неэффективность критики законодательных предложений в этот момент, поскольку аудитория непосредственно предшествовавшей комициям сходки (предполагается, что в основном те же люди затем и голосовали) уже была вполне убеждена в пользе законопроекта. Каковы основания подобного заключения автор, к сожалению, не поясняет. В частности, неясно, почему некую часть аудитории нельзя было переубедить в последний момент (если только она не была подкуплена). На наш взгляд, автор, приводя примеры, «подтверждающие» эффективность контроля инициатора законопроекта за «своей» *contio*, забывает, помимо прочего, отметить, была ли в том или ином конкретном случае жизненная заинтересованность присутствовавших на сходке в этом законопроекте. Представляется важным сначала выяснить, возможно ли вообще было убеждать ту или иную аудиторию (или влиять на нее подкупом и др. подобными средствами), если ее позиция была определена исходя из ее явного собственного интереса. Автор же полагает, что, наоборот, если вопрос был важен для народа, то тогда особенно старались народ переубедить. Но, в таком случае, народ вовсе не имел представления о собственных интересах? Если голосовался вопрос внешней политики, который не был критически важен для выживания плебеев,

и достигался успех путем тех манипулятивных тактик, которые описывает автор, — это одно. Если же граждане страдали от земельного голода или были убеждены в необходимости для себя получить землю, то вряд ли их можно так легко и грубо «переубедить». В противном случае неясно, почему многие инициативы в области перераспределения земли заканчивались убийством тех, кто их предложил, а вовсе не попытками на сходках «уладить» все «конституционно».

Автор рассматривает только лишь два случая, где, по его мнению, можно обнаружить «реальные дебаты». Малое количество подобных эпизодов заставляет Р. Морстейн-Маркса считать их важными исключениями, подтверждающими правило. Первый случай относится к 130 г. до н.э.: выступление П. Сципиона Африканского против законопроекта трибуна Г. Папирия Карбона, приведшее к отклонению рогации. Автор полагает, что данный эпизод может служить для исследователей источником лишь «неконтролируемых догадок» (*speculation... uncontrolled*), поскольку сведений явно недостаточно. На основании этого Р. Морстейн-Маркс не рассматривает эпизод подробнее, ограничиваясь замечанием о том, что инициатор законопроекта упустил удачный момент, сделав свое предложение «чувствительным» к критике авторитетного оппонента. Исследователь не обращает внимание на то, что ни в *Периохах* книг Ливия, ни тем более у Цицерона нет никаких намеков на уникальность и необычность подобных случаев (*Perioch.* 59; *Cic. De amic.* 96). Но особенно примечателен анализ второго из отмеченных автором случаев: отклонение аграрного законопроекта трибуна П. Сервилия Рулла в 63 г. до н.э. якобы в результате выступления Цицерона на сходке. Р. Морстейн-Маркс объявляет этот случай (предыдущий отвергается на основании «недостатка» сведений о нем) решающим для вывода о том, были ли реальные дебаты на сходках. Между тем, в этом случае Цицерон организовывал собственную «оппозиционную» сходку и приглашал на нее Рулла. На собрании Цицерон, как предполагалось, должен был благодарить за избрание себя консулом (вместо этого оратор акцентировал внимание аудитории на инициативе Рулла). Следовательно, это была *contio* явных сторонников Цицерона, что признает и Р. Морстейн-Маркс. Заметим, во-первых, что в другом месте автор утверждает, что не известно случаев инициирования оппонентами законопроектов своих собственных сходов. Во-вторых, непонятно, для чего Р. Морстейн-Маркс ставит читателя в заблуждение, когда объявляет «решающим» для решения вопроса о «реальных дебатах» эпизод, где в невыгодном положении находится одна из сторон (только теперь инициатор законопроекта, а не его противники) и, следовательно, ясно, что никаких равных дебатов и быть не могло. В связи с этим совершенно непонятны заявления исследователя о том, что Рулл потерпел поражение, поскольку ему не повезло столкнуться с Цицероном — талантливейшим оратором. В этом, якобы, и проявляется уникальность эпизода. Но возникает вопрос: неужели совсем не было ораторов, которые были бы способны направить против оппонента толпы своих же изначальных сторонников, как это сделал Цицерон? На наш взгляд, нет никакого смысла оценивать эффективность ораторского дара Цицерона в тех условиях, когда его окружали его преданные (убежденные или подкупленные) сторонники. Другой вопрос: неужели только участники этой сходки голосовали затем

против законопроекта (потому он и провалился)? Иными словами, неужели сходка сторонников Цицерона могла оказать настолько непреодолимое влияние на всех голосовавших граждан (комиции)? Ведь нет оснований полагать, что сходки Рулла состояли из менее преданных сторонников председателя, чем *contiones* Цицерона. Нам представляется, что автор, когда рассматривает этот пример, забывает о самой возможности провала законопроекта вовсе не из-за сопротивления Цицерона в *contiones*, но ввиду, например, использования плебейскими трибунами вето.

Таким образом, Р. Морстейн-Маркс никак не может определиться с тем, что же происходило на народных сходках и зачем их созывали: сначала он пишет о важности для «элитарного оратора» инициировать «волю народа» на сходках для реального убеждения остальных граждан в своей правоте, затем о том, что институт использовался как средство «мобилизации» оратором своих (уже) сторонников с целью запугивания и вытеснения «оппозиции» и для воздействия на отдельных нейтрально настроенных граждан при помощи психологического давления убежденной толпы.

Две финальных главы монографии посвящены исследованию «конциональной идеологии» (р. 204–278). Автор аргументирует тезис о том, что на сходках различие между популярными и оптиматами минимизировалось. Аудитория фокусировала свое внимание не на сути законопроектов, а на соответствии того или иного лица определению «истинный друг народа». Граждане не имели выбора между альтернативными идеологиями, поскольку была представлена только «популярная» идеология. На конциях возникало, по выражению Р. Морстейн-Маркса, «идеологическое однообразие» (*ideological monotony*). Оптиматы могли выступать на сходках в роли «настоящих друзей народа» вполне успешно, поскольку у рядовых граждан не было возможности увидеть их выступления, например, в сенате (где они и оказывались оптиматами). А популярны, по его мнению, на конциях не критиковали сенат в целом, выступая только против клики, контролировавшей сенат и «объявившей народу войну» (никаких радикальных предложений по пересмотру конституции не выдвигалось).

И Рулл, и Цицерон, хотя предлагали прямо противоположное, оба говорили о своем стремлении защитить интересы народа. Автор задается вопросом: как гражданин должен был решить кто «на самом деле» — лицемер, а кто — «искренний друг народа», если сходка сама по себе была единственным авторитетным источником политической информации? Как нам представляется, в этом месте автор снова преувеличивает значение конций как источника «авторитетной» информации. Действительно, нужно утверждать, что сходка была центральным и важнейшим источником такой информации. Но единственным ли? И полученная из какого источника информация считалась более достоверной? Этот момент крайне важен, поскольку именно на этой основе (а вовсе не опираясь на анализ источников) Р. Морстейн-Маркс делает дальнейшие заключения в этих главах. Ведь из одного отмеченного допущения вполне можно заключить безо всякой дальнейшей аргументации, что аудитория всегда была вынуждена решать, кто достоин поддержки, только исходя из уровня мастерства оратора и его оппонента.

Исследователь обращается к «символистической (*symbolist*) модели демо-

кратического государственного устройства» Мюррея Эдельмана. Согласно последнему, современные демократические режимы лучше рассматривать как тип «символистической манипуляции», посредством которой правящие элиты конструируют согласие с массами и таким образом сохраняют свою власть. Делается это, по М. Эдельману, не «решением проблем», а постановкой «спектаклей о решении проблем». Среди создаваемых на этих «спектаклях» мифов — мысль о том, что народу всегда грозит опасность от его врагов. Только труд и подчинение своим лидерам могут позволить народу защититься от этой опасности. Р. Морстейн-Маркс применяет эту теорию к истории античного Рима и отмечает, что к «героям» из рядов элиты всегда взывали с просьбой защитить народ от «заговорщиков». Потеря народного доверия одним из членов элиты могла лишь вызвать рост доверия к другому члену этой же элиты. Оратор, поднимавшийся на Ростры, приобретал авторитет тем, что открывал перед аудиторией «скрытую правду». Все это якобы было следствием отсутствия в античном Риме независимых авторитетных средств массовой информации. Здесь мы вновь сталкиваемся с использованием автором сравнений с современными политическими системами, что само по себе необходимо делать осторожно. В данном же случае вызывает сомнение и сам исходный тезис о том, что в современных обществах могут существовать «независимые» авторитетные СМИ.

В «Заключении» (р. 279-287) Р. Морстейн-Маркс выходит на более высокий уровень обобщений: отталкиваясь от полученных при исследовании института *contio* результатов, он ищет новые пути определения типа политической системы поздней Римской Республики. Исследователя удивляет то, что Республика так долго просуществовала в условиях кризиса. Автор полагает, что именно публичное красноречие, постоянно апеллировавшее к республиканским ценностям и создававшее консенсус вокруг них, позволяло удерживать ситуацию: рядовые граждане приобщались к *res publica*. Однако «элитарный оратор» (*elite orator*) обладал явным превосходством над аудиторией. Пусть даже она и не состояла из «невежд» (*ignoramus*), а предмет обсуждения на сходке не был полностью лишен связи с реально волновавшими рядовых граждан проблемами, именно элита «составляла» повестку дня, предоставляла слово и даже, до некоторой степени, определяла саму аудиторию. Следовательно, конции отвечали скорее интересам элиты, а не интересам рядовых граждан. Идеологическая функция народных сходок — поддержка политической гегемонии элиты, однако граждане не были молчаливыми свидетелями этой гегемонии, а сами активно участвовали в ее сохранении. Таким образом, *contiones*, по мнению Р. Морстейн-Маркса, были подобны комициям в том, что служили ареной утверждения социальных иерархий и господства элиты. Сходки вовсе не были демократическим форумом, призванным обнаруживать, обсуждать и преследовать реальные интересы граждан. Это подтверждается, помимо прочего, тем, считает исследователь, что плебс в этот период получил крайне мало реальных материальных выгод. Публичное красноречие не открывало дополнительных возможностей для радикально новых решений проблем Республики. На сходках рядовые граждане крепко «привязывались» к сенатским лидерам, и эффективность публичной речи долго обеспечивала сохранение Республики.

По прочтении книги складывается двойственное впечатление. С одной сто-

роны, перед нами образец тщательного анализа отдельных свидетельств нарративных источников, удачный синтез данных археологии и нумизматики. Автор активно использует целый комплекс современных политологических и социологических теорий. Отличаются новизной и добротной аргументацией отдельные заключения автора, полученные в результате применения некоторых из этих теорий, в частности концепции «вызова одобрения» М. Эткинсона. Учитывается обширная литература на всех основных европейских языках, в т.ч. не слишком активно используемые в англоязычной науке труды, например, немецких антиковедов, таких как Кристиан Майер.

С другой стороны, многие тезисы автора, которые он использует как исходные аксиомы, как минимум, сами нуждаются в проверке и аргументации. Например, Р. Морстейн-Маркс утверждает, что происходившие на разных сходках события оказывали одинаково заметный (с поправкой, правда, на массовость собрания) эффект на политическую жизнь (была ли это сходка подкупленных сторонников или толпа городских плебеев, требовавших для себя материальных выгод, неважно). В монографии можно обнаружить значительное число важных логических неувязок, взаимоисключающих замечаний и просто ошибок. Многие важные вопросы, например, о причинах расцвета в позднюю Республику практики подкупа на сходках, практически не анализируются. В некоторых случаях, в частности при рассмотрении вопроса о характере дебатов на конциях, подробно изучаются только те эпизоды, которые явным образом изначально исключают интерпретацию, противоположную предварительно продекларированной автором. Особенно бросаются в глаза ссылки на принципы современных либеральных демократий как источник исходных критериев для оценки политической системы поздней Республики в Риме. При том, что сами существующие сегодня демократические режимы порой еще более не соответствуют отмечаемым критериям, чем Римская Республика. Во всяком случае, именно такое впечатление складывается, когда автор фактически сравнивает уровень исторических познаний римского плебса и граждан США: первые вполне были осведомлены в истории Республики, последние нередко забывают события даже недавнего прошлого. Примеры подобного рода можно приводить и далее.

На наш взгляд, Р. Морстейн-Маркс пытается показать важность института *contio* и, одновременно, подчеркнуть то, насколько ничтожно было его действительное влияние на «реальную политику». Ведь институт был, на его взгляд, важен, но не фактически, а лишь как средство контроля и обмана плебейских масс. В первой половине монографии сходка — фокус политического процесса. Во второй половине книги эта роль конций определяется уже как иллюзия: «реальная политика» вершилась вовсе не в *contiones*. Высокий уровень «гражданской осведомленности» плебеев оборачивается в концепции Р. Морстейн-Маркса их полной фактической неосведомленностью, поскольку даже те знания, которыми они обладали, были получены от элиты и только в ее интерпретации.

Автор изучает наиболее подробно освещаемый источниками период, не учитывая важнейший момент: Республика к концу этого периода пала, а в течение его — испытывала кризис, когда ее институты действовали как раз не совсем свойственным им способом. Народные сходки существовали и до этого и, надо

думать, тогда и определились и проявлялись их сущностные черты. На наш взгляд, сложно изучать период кризиса *contiones* без исследования его предпосылок, без исследования процесса формирования института конций, их функционирования в предшествовавшие периоды.

Тенденция любого исследователя — несколько преувеличивать, даже не желая того, важность объекта своего исследования. В работе Р. Морстейн-Маркса она парадоксальным образом приводит к следующему. Автор, гиперболизируя, например, значение сходов как источника авторитетной информации для рядовых граждан, низводит весь механизм этого института до уровня довольно грубого политического «театра», где рядовых граждан безнаказанно и с большой легкостью обманывали все, кто только мог, с целью представить «реальную политику», творимую за пределами *contiones*, в выгодном для себя свете.

В книге Р. Морстейн-Маркса нельзя признать удачной аргументацию центральной концепции. Автору не удалось представить общую непротиворечивую картину функционирования института народной сходы в позднюю Республику. Однако это никоим образом не отменяет важности отдельных, вполне основательно доказанных, отличающихся новизной и весьма интересных, наблюдений. Несмотря на ряд существенных недостатков работы, несомненной заслугой ее автора является актуализация многих проблем изучения позднереспубликанской *contio*. Книга представляет значительный интерес для исследователей политической культуры и политической системы античного Рима.

Р.М. Фролов

* * *

Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка: свыше 350 единиц. Научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ / Отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколлегии: А.А. Осипова, Л.Н. Мишина. Магнитогорск: МаГУ, 2009. 290 с.

Известно, что старославянский язык оказал огромное влияние на развитие духовной и книжной культуры славянства. Особенно глубокий след он оставил в Киевской Руси, создав мощный фонд старославянизмов белорусского, украинского и русского языков. Многие доминантные концепты до сих пор выражаются в этих языках по-старославянски. Уже этот факт делает проект составления фразеологического словаря старославянского языка, реализуемый научно-исследовательской группой Магнитогорского университета под руководством профессора С.Г. Шулежковой, значимым и актуальным. Тем более, что это самый первый опыт создания такого специализированного спра-

вочного пособия старославянского языка в мире и, вероятно, импульс для интенсивной исследовательской работы в этой специфической области славянской фразеологии, которая до рецензируемой работы являлась белым пятном на лингвистической карте мира.

Авторским коллективом создана уникальная картотека с выборками практически из всех старославянских памятников X–XI веков. Корпус, выявленный методом сплошной выборки устойчивых словесных комплексов (УСК), составляет более 4,5 тысяч единиц. В рецензируемом «Фразеологическом словаре старославянского языка» избрана лишь часть названного фонда — несколько более 350 УСК. Отбор единиц для словарного описания можно признать весьма удачным, ибо здесь представлены в основном те обороты, которые вошли в активный словарный запас современного русского языка: **Бл҃гдыни сынѣ** (с. 28); **Богъ вѣстѣ** (с. 29); **Винѣ не имѣти** (с. 61); **Вода жива (ѣ)** (с. 65); **Възати власть** (с. 123); **Гласъ въпиѣщааго въ поустыни** (с. 129); **Камень подати комоу** (с. 166); **Миръ домоу (семоу)** (с. 182); **Не оставити камень на камене** (с. 202); **Сынѣ вожи** (с. 238); **Чада свѣта** (с. 254) и др.

Разумеется, достаточно многие из них имеют архаичную форму и не совсем актуальный для нашего времени смысл. Но именно это и становится объектом словарного описания и комментирования в словаре. Структура словарной статьи в хорошем смысле слова традиционна, что облегчает пользование им и включает его в известную серию фразеологических словарей русского языка. Авторы выделяют вокабулу, располагая фразеологизмы в строго алфавитном порядке. Затем следует развёрнутая дефиниция с точным толкованием смысла описанного фразеологизма. Затем после отбивки (знак ►) даётся детализированное теологическое комментирование оборота. Во многом такое комментирование становится и комментарием культурологическим, поскольку даёт представление о реалиях того времени, которые отражаются соответствующими оборотами. Так, оборот **манж ѣсти** (с. 179) отражает такую реалию Ветхого завета, как *манну* — чудесную пищу, которую Бог в течение сорока лет посылал иудеям в Аравийской пустыне по их пути в Землю обетованную (см. там же).

Очень важно, что каждый из комментариев такого рода строго паспортизирован, что даёт возможность читателю более точно связать получаемые им сведения с конкретным источником. Важной, добытой кропотливым трудом составителей частью словарной статьи, является выборка контекстов из старославянских памятников. Контексты подтверждают верность предлагаемой авторами дефиниции, а точное указание их источников квалифицирует те фрагменты сакральных текстов, из которых такие фрагменты почерпнуты. Хорошей иллюстрацией к структуре словарной статьи может быть, напр., статья

Бездѣна бездѣноу призыва тѣ (с. 19):

Тяжкие и многие беды призывают к себе другие беды. ► «Выражение восходит к одному из псалмов, в котором в форме поэтической метафоры представлены воспоминания о днях бедствий и страданий, а сетования унывающей души сочетаются с упованием на Господа Бога и мольбами, обращёнными к нему: «Слёзы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: “Где Бог твой?” <...> Унывает во мне душа моя; посему я воспоминаю о Тебе с земли Иорданской, с Ермона, с горы Цоар. *Бездна бездну призыва-*

ет голосом водопадов Твоих; все воды Твои и волны Твои прошли надо мною» (Пс. 41: 4; 7–8)» [Дубровина 2010: 36–37]. «Главные вершины горы Ермон, которая упоминается в псалме, возвышались над уровнем моря на 12 тысяч футов и были покрыты снегом. Таяние последних образовывало потоки воды, с шумом ниспадавшие по утёсам. Эти потоки принимали грозные размеры, когда усиливались от проливных дождей. Тогда они со страшным шумом низвергались вниз, срывали деревья и несли с собой громадные камни. Шум этих вод особенно был велик и грозен оттого, что вода падала с крутых скал. *Бездна бездну призывает* — за одной массой воды, за одним грозным потоком устремляется другой. Этим сравнением наблюдаемой писателем картины он хотел обозначить силу и стремительность переживаемых им настоящих бедствий изгнания; *воды Твои и волны* — посланные Тобой бедствия многочисленны и грозны, как потоки Ермона» [Лопухин ВЗ, т. 3, 2008: 305].

Бездѣна бездѣнѣ призываеѣтъ въ гласѣ хлѣбѣи твоѣхъ вѣсьма вѣсоты твоѣи и вѣлѣны твоѣи по мнѣ прѣидѣж (Пс 41:8) Син пс 55.

О Бездна бездну призывает [Михельсон, т. 1, 1994: 45]; **Бездна бездну призывает** (Пс 41: 8) [Библейская цитата 1999: 38]; **Бездна бездну призывает** (устар.) — о губительной власти дурных привычек, бессилии противостоять соблазнам [Тихонов, т. 1, 2004: 40], **Бездна бездну призывает**. Бездною Давид называет великость несчастий, приключившихся с ним: одна, говорит, глубокая скорбь призывает к себе другую глубокую скорбь [Клименко 2008: 21–22]; **Бездна бездну призывает**. Книж. Одно зло притягивает другое [Дубровина 2010: 36].

К некоторым словарным единицам указываются синонимы и антонимы, что расширяет понимание семантики данных единиц и иллюстрирует их функцию в УСК (напр., на стр. 202 в статье о *мамоне*).

Весьма полезным кажется и предлагаемый составителями «Указатель имён» (с. 265–276), в котором в 17-ти словарных статьях для каждого имени даётся сначала буквальный перевод из древнегреческого или латинского языков, а затем описывается культурологический фон его возникновения и функционирования. Эту работу стоит продолжать и, возможно, довести до словарика-справочника библейских имён (поскольку в существующих словарях такого типа подобная тщательная историко-этимологическая интерпретация отсутствует).

Предложенные материалы, как мы видим, ценны и корректны, поэтому серьёзных критических замечаний не вызывают. Пожалуй, можно высказать лишь одно пожелание, касающееся структуры словаря: строгий алфавитный порядок построения словарной статьи иногда отрывает описываемый оборот от того стержневого компонента, который является основой образности и семантики УСК. Так, словосочетание **Подѣ смокѣвиѣ** (с. 217) даётся под предлогом *подѣ*, в то время как смысловым ядром оборота несомненно является существительное **смоковница**. Таковы же смысловые центры и в оборотах типа **Ѣи боже** (с. 151); **Нѣ оудовѣ** (с. 206); **Чѣто естъ истина** (с. 253) и проч. Конечно, можно признать право составителей на такое расположение фразеологизмов, тем более, что в одноязычной русской фразеогрфии (в отличие от двуязычной, напр., русско-немецкой) оно является достаточно распространённым. Однако для лучшей информативности работы со словарём было бы полезно сделать в словаре и полный указатель всех компонентов оборотов, описанных в нём. Та-

кого рода индекс можно либо расположить в соответствующей части алфавита, в самом корпусе словаря, либо разместить его в конце книги в качестве специального приложения. Мне кажется, что такой указатель был бы полезен и русскому читателю, но больше в нём нуждаются читатели-иностранцы, для которых определение ведущего компонента оборота может вызывать затруднения.

В заключение хочу ещё раз подчеркнуть филологическую и лексико-графическую ценность новаторского словаря под редакцией С.Г. Шулежковой. Он может быть полезным для студентов-славистов всех европейских и американских университетов, в учебную программу которых входит и изучение старославянского языка. Следует заметить, что до сих пор в учебных материалах информация о фразеологизмах фактически отсутствует (напр., в «стандартном» немецком учебнике «Trunte: учебник по старославянскому языку» (München 2005) «Словарь-приложение» на с. 295–318 представляет собой насквозь лексический список слов, где полностью отсутствует фразеология).

Словарь будет необходим и переводчикам, и лингвистам, занимающимся вопросами истории славянских языков, а особенно, исторической фразеологией, а также полезен широкому кругу читателей, интересующихся тематикой православного богослужения как в России, так и за рубежом.

Х. Вальтер

* * *

Л.К. БАЙРАМОВА, Н.Ф. ХАЛИУЛЛОВА. Словарь русского и английского жаргона наркоманов. Словарь антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. 196 с.

Данный словарь нацелен на освещение актуального социального явления — наркомании как антиценности. Не случайно авторы обозначили свой словарь как *Словарь антиценностей*. Словарь включает более 4500 русских и английских языковых единиц, обозначающих понятия, связанные с наркоманией. При этом важно, что отрицательная оценка наркомании дается самими наркоманами через свой «язык». И задача данного словаря — раскрыть эту оценку в комплексе, показать все отрицательные и опасные стороны образа жизни наркоманов, разрушающих свой организм, мозг, психику. Именно по пути разрушения себя и своих близких бессознательно и безвольно идет наркоман. Разрушение — вот главная семантическая константа «языка» наркоманов, на что указывают и наименования наркотиков. Например, смесь марихуаны и крека в английском языке называют *atom bomb* (атомная бомба). Не случайно и самые новые наименования наркотика героина в английском языке связаны с разрушением и терроризмом: *bin laden* (Бен Ладен), *twin towers* (башни-близнецы), которые вошли в жаргон наркоманов после теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года.

В данном словаре жаргона наркоманов языковые единицы поясняются дефинициями. А для каждой английской языковой единицы предлагается еще и буквальный перевод, раскрывающий ее внутреннюю форму.

Комплексное описание жаргона наркоманов показывает и «счастливое», «радостное» чувство эйфории наркомана, после которого наступает «ломка», депрессия, неврозы, апатия, потеря аппетита, галлюцинации (зрительные, слуховые, тактильные), склонность к насилию и самоубийству.

Так, наркоману кажется, что он ощущает, как под кожей что-то ползает, поэтому одно из названий фенилциклидина *червяк* / англ. *worm*. Иногда он ощущает себя совсем крошечным или очень громадным (*слон, elephant*), или что руки его стали в два раза длиннее, как у шимпанзе или гориллы (*обезьяна, monkey, gorilla tab*). Фенилциклидин называют также *pig killer, killer joint, lethal weapon*, ибо малейшая передозировка может вызвать смерть от удушья, эпилептический припадок, длительную кому.

Все жаргонные единицы представлены в словаре в тринадцати группах:

1. Наименования наркоманов / Names of drug addicts (аристократ, обколотый отморозок, сенокос; *babysit, bagging, tweaker*).
2. Названия наркотических средств и психотропных веществ / Names of drugs and psychotropic substances (апер, белая фея, киф; *angel dust, bad bundle, coconut*).
3. Сырье / Raw material (башка, дурца, пластилин; *ruderalis, shaman*).
4. Описание состояния наркоманов после приема наркотиков / Description of the drug addict's state after taking narcotics (аут, быть в бедности, Иван в валенках; *dusted, ringer, Weltschmerz*).
5. Анатомические термины и болезни, связанные с употреблением наркотиков / Anatomical terms and diseases carried by drug using (арык, гепок, пробитая труба; *channel, loused, register*).
6. Действия по употреблению наркотиков / Actions when using drugs (воткнуть, вскрыть пах, мастырить; *blow, eat, mow the grass*).
7. Вещи и приспособления для употребления наркотиков / Things and accessories for using drugs (борода, письмо разведчика, сажало; *flamethrower, glass gun, space ship*).
8. Дозы, единицы и приборы для измерения наркотиков / Drug doses, measurement and instruments (бокс, кружка, шайба; *bing, deuce, ten sacks*).
9. Приготовление наркотиков / Drug cooking (жарить, кулинар, экстрагнуть; *cook, easy score, factory*).
10. Преступный бизнес по распространению наркотиков / Drug-smuggling racket (дырявая нитка, шифер пухлый, фактория; *baller, steerer, thoroughbred*).
11. Преступления, связанные с наркоманией / Crime connected with narcomania (крест взять, хлопущка; *boost and shoot, fresh kill*).
12. Места хранения и употребления наркотиков / Drug storage and using areas (блат-хата, лежбище, могила дурная; *coke bar, shooting gallery, stash*).
13. Лечение и прекращение приема наркотиков / Treatment and stop using drugs (бутадиионка, красный крест, ремонт по пятому номеру; *burn-exaddict, graduate, kick*).

В заключение отметим, что наркомания — социальное явление и в Уголовном кодексе Российской Федерации в ст. 228, 229, 230, 231, 232, 233 предусмотрено уголовное наказание за:

— *незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ* и т. д. (Статья 228);

— *склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ* (Статья 230); а также, если эти деяния повлекли по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия — *наказание лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет*;

— *организацию либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ* (Статья 232) — *наказание лишением свободы на срок до четырех лет*; те же деяния, совершенные организованной группой, — *наказываются лишением свободы*

Великое предназначение Человека на этой Земле — созидать, а не разрушать. Будем созидать, будем жить! — идея, которую, на наш взгляд, внушают читателю авторы Словаря.

М.А. Алексеенко

Л.П. ДЯДЕЧКО. Крылатые слова нашего времени: Толковый словарь: Более 1000 единиц. М.: НТ Пресс, 2008. 797 с.

Составительница рецензируемого словаря, крупный специалист в области русистики, создательница оригинальной эптологической концепции Л.П. Дядечко, известна своими исследованиями о крылатых словах и выражениях А.М. Горького (1998), А.С. Пушкина (1999), Ф.М. Достоевского (2000), Б.Л. Пастернака (2000), Б.Ш. Окуджавы (2004), Л.Н. Толстого, (2004), Н.В. Гоголя (2009) и др. Её перу принадлежит монография «Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность» (Киев, 2002) и учебное пособие «“Крылатый слова звук”, или Русская эптология» (Киев, 2007). Публикация в России словаря «Крылатые слова нашего времени» — заслуженное признание вклада украинского учёного в русскую крылатографию. На пути к этому успеху были изданные в 4-х частях материалы к словарю «Новое в русской и украинской речи: крылатые слова — крилаті слова» (Киев, 2001-2003) и необыкновенно интересный, увлекательно написанный фразообразовательный словарь «Вокруг да около рекламы» (Киев, 2007).

Популярный ныне жанр словарей крылатых слов и выражений представлен, к сожалению, по большей части компилятивными, основанными на плагиате и наспех скомпонованными изданиями, главная цель которых сродни лозунгу

олимпийцев — быстрее и больше. Понятно, что при этом в первую очередь страдает качество.

На этом фоне толковый словарь Л.П. Дядечко «Крылатые слова нашего времени», который создавался, судя по иллюстрациям из периодики и предшествующим публикациям автора, кропотливым трудом в течение полутора десятков лет, выгодно отличается и явной авторской позицией, и неповторимостью стиля, и характером описываемого материала.

Замысел книги вполне согласуется с её названием: в ней представлены крылатые единицы с точки зрения «презумпции новизны». Последняя учитывает разные параметры: в словник включались те слова и выражения, которые, во-первых, не были представлены в других словарях, и прежде всего в фундаментальном, служившем для широкого читателя главным и практически единственным в течение второй половины XX века справочным пособием — сборником Н.С. и М.Г. Ашукиных (I изд. — 1955, IV изд., вышедшее после смерти авторов — 1987 г.); во-вторых, не описаны предшественниками с учетом структурно-семантической вариантности, сложившейся к настоящему времени; в-третьих, не имели толкования на русском языке (ср. русско-иноязычные словари крылатых слов); в-четвертых, не подтверждались иллюстрациями из литературы, живой речи.

Четкие концептуальные подходы и тщательная филологическая проработка единиц описания в рецензируемом издании дали свои плоды. В книге Л.П. Дядечко отражены действительно крылатые слова и выражения нашего времени, если под ними понимать обороты, сохраняющие в сознании современников ассоциативную связь со своим первоисточником и сегодня более или менее активно функционирующие в речи как готовые, сформировавшиеся единицы. Такое — узко лингвистическое — толкование термина «крылатые слова и выражения» весьма импонирует автору этих строк, давно в теории и на практике отстаивающего данную трактовку, к сожалению, не нашедшую ещё всеобщего признания, что приводит к диффузности, неразличению языковых единиц разной природы и как следствие — к неадекватности их лексикографического описания. Широкий читатель, для которого, может быть, лингвистические тонкости не всегда очевидны, тем не менее, не будет обманут в своих ожиданиях получить ту или иную справку именно относительно слов и выражений с «печатью авторства» (ср. издания, в которых даны под названием крылатых обычные пословицы, фразеологизмы, популярные цитаты).

Представленный словник действительно расширяет и уточняет корпус современных крылатых единиц русского языка, несмотря на созданный нами словарь слов и выражений, пришедших в речевой обиход из области искусства. Прежде всего, это касается оборотов из художественной литературы, не нашедших по понятным причинам отражения в ашукинском сборнике, например, булгаковские: *Воланд* (с. 108–109), *Мастер и Маргарита* (с. 373–374), *Аннушка уже разлила подсолнечное масло* (с. 34–35), *Квартирный вопрос их испортил* (с. 311), *Никогда и ничего не просите (в особенности у тех, кто сильнее вас)* (с. 463); — солженицынские: *Архипелаг ГУЛАГ* (с. 38), *Как нам обустроить Россию?* (с. 299), — а также высказываний общественно-политических лидеров последних лет, рекламных слоганов. Восполнен также пробел, касающийся крылатых

единиц из детской литературы, которым уделялось крайне мало внимания в лексикографии, несмотря на их широчайшее распространение в устной речи, ср.: *Маугли* (с. 374–375), *мальчиш-плохиш* (с. 529), *Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!* (с. 265), «*Да*» и «*нет*» *не говорите* (с. 164–165). Кроме того, значительную часть словника составили случайно пропущенные составителями словарей или активизировавшиеся в современной речи обороты из текстов, давно известных в качестве мощных поставщиков крылатых единиц русского языка; таковы библейские (*белые одежды* — с. 53–54, *един в трех лицах* — с. 201–202), пушкинские (*во глубине сибирских руд* — с. 102–103, *Как царь Кащей, над золотом чахнут* — с. 305), лермонтовские, гоголевские, толстовские, чеховские, блоковские, есенинские, ильфо-петровские выражения, цитаты из Достоевского и Маяковского.

Безусловно ценной для науки представляется разыскная работа Л. П. Дядечко по установлению или уточнению источников устойчивых оборотов. Так, словосочетание *враг народа* обычно фиксируется в справочных изданиях как сталинское, хотя имеет историю, уходящую корнями в античность (с. 120–121), фраза *Сын за отца не отвечает* также приписывается Сталину, но восходит к библии (с. 663–664) (ср. также *Всё вокруг колхозное, всё вокруг моё* — с. 130, *Вопрос, конечно, интересный* — с. 113–114 и др.).

Структура словарной статьи строго обязательна, она последовательно выдерживается во всём словаре и включает следующие части: заголовок — описываемое слово или выражение (с указанием варьирующихся и дополнительных компонентов); их источник; толкование со стилистическими пометами; подтверждающие примеры (опускаются только в случае, если оборот, активный в обиходе, встречается исключительно в устной речи); фиксация в словарях; дополнительные сведения, обычно касающиеся популяризации текста-источника или истории его создания. При этом традиционное построение сочетается с новаторскими элементами в описании включенных в словарь единиц, которое впервые так рельефно помогает представить определенные нюансы значения и функционирования этих единиц.

Так, специально обращается внимание на выражения, которые в современном употреблении встречаются только в измененном виде, имея при этом сложившееся и закреплённое в языковом сознании носителей русского языка значение. Напр., знаменитые строки В. Маяковского *Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия, мы говорим партия, подразумеваем — Ленин* раньше использовались в исходной форме для обозначения единства вождя пролетариата и партии большевиков, сейчас они обычно имеют иной компонентный состав, в котором заменяются существительные в соответствии с реальной ситуацией, и указывают на неразрывную связь между чем- или кем-либо, см. приведенные контексты: *Мы говорим Таганка — подразумеваем Любимов; Для нас КВН и Саша Масляков неразделимы. Мы говорим КВН, подразумеваем — Саша. Мы говорим Саша, подразумеваем — КВН.* Для таких фраз введён специальный параметр «типичная трансформация» (ТТ), в данном случае воплощенный в формуле *Мы говорим N, подразумеваем — P, мы говорим P, подразумеваем — N.*

К удачным лексикографическим новшествам следует отнести и введение специального обозначения для переходных явлений при стилистической ква-

лификации оборотов, которые в советское время имели одну стилистическую окраску, сохраняемую в литературе коммунистической ориентации, а сейчас — в других контекстах — иную. Так, лозунг *Верной дорогой идете, товарищи!* снабжён пометой «высокое → ироническое», причем в рецензируемом словаре вместо обычных словесных сокращений используются так называемые смайлики.

И здесь встречаемся с еще одним оригинальным для лексикографии, но закономерным для пользователей компьютеров решением, когда условные обозначения представлены легко расшифровываемыми пиктограммами, разнообразными описанием и помогающими ориентироваться в структуре статьи.

Из сказанного очевидно, что содержание книги Л.П. Дядечко и форма его подачи вызовут интерес как у специалистов, так и у широкого круга читателей.

С.Г. Шулешкова.

* * *

В.П.БЕРКОВ, В.М.МОКИЕНКО, С.Г.ШУЛЕЖКОВА. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка/ под ред. С.Г.Шулешковой: ок. 5000 ед.: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск: МаГУ, 2008.

Обозначенный в заголовке рецензии труд так велик, так сложен, так богат, так актуален, так нов, что его оценка, как бы она ни была высока, не может считаться чрезмерной. Выскажу свое мнение по разделам, которые, на мой взгляд, отличают это издание от известных других подобных трудов.

I. Основой этого труда является «почти трехсоттысячная картотека» (т. 1, с.12). Переоценить ее роль невозможно. Особенность картотеки в том, что она непрерывно «пополнялась все последние годы» (т.1, с.12) вплоть до 2007, даже по 2007 год, а словарь вышел в 2008! году. Обновилась картотека не только за счет высказываний политических и государственных деятелей последнего времени, но, главное, за счет единиц, рожденных нашими современниками в связи с различными событиями и в России, и в мире.

Уникальность этой картотеки в том, что единица, прежде чем попасть в картотеку, должна получить полное, насколько это возможно, «приданое»: кто когда сочинил, придумал, употребил впервые эту конструкцию, в какой форме, по какому случаю, где эта конструкция была впервые опубликована, если автор этой конструкции жив и живет в России, то к нему надо съездить, слетать, чтобы побеседовать с ним, узнать год рождения его и сочинения его, а если не жив, то установить годы жизни и год, месяц, дату публикации в газете (какой) или журнале (каком) и т.п. Эта часть статьи может быть меньше, если единица пришла в русский язык из классических языков.

Второй частью «приданого» приводимой конструкции я считаю, строжайше полно датированные тексты из современной литературы или современных газетных, журнальных статей. Например, в т.1, с.129 в статье «Бумага все терпит «стерпит». Бумага не краснеет», говорится, что «афоризм приписывается Цицерону, а цитаты приводятся из произведений Ф.М.Достоевского, В.И.Даля, П.И. Мельникова-Печерского, А.Галича, из газе: Лит.газета 7.03.84.Известия 25.02.86, Известия 3.11.89.

Такая обильная информация об одной единице делает рецензируемый труд почти бесподобным, потому что в других работах такого типа имеются, как правило, лишь некоторые элементы аналогичных сведений.

II. Вызывает глубокое уважение, восхищение строгость в описании источника возникновения каждой крылатой единицы. См. **Дамоклов меч** (т.1, с.292-293), **Двуликий Янус** (т.1, с. 296-297), **За себя и за того парня** (т.1, с. 393-394), **Нет (несть) пророка в своем отечестве** (т.2, с.31), **Один за всех и все за одного** (т.2, с.18).

III. Не меньшее уважение, трепет вызывает список трудов, отметивших толкуемую единицу. См., напр., **Откуда ты, прекрасное дитя?** (т.2, с. 153), **Жив курилка!** (т.1, с. 373), **И в один в поле воин** (т.1, с. 451), **Панургово стадо** (т.2, с. 169-170).

IV. В этом труде представлено безграничной буйство живой русской речи, звучавшей в сказках, песнях, в больших и малых литературных произведениях, в выступлениях и т. д. и т. п.; здесь найдете мудрые и глупые, добрые и злые, словом, самые разнообразные высказывания, реплики, вопросы и т. д. В этом отношении обсуждаемому труду нет аналога.

V. Центральной частью рецензируемого труда являются фразеологические статьи. Фразеологическая культура подачи материала в статье очень высокая. Выше (п. II, III) уже были названы два проявления высокой фразеографической культуры, которые можно взять на вооружение формирующейся дисциплине. Назовем следующие.

а) Заголовком является синтаксическая конструкция. Это единственно верное решение для фразеологического труда и фразеографической практики. Первым компонентом в заголовочной конструкции стоит тот, с которого начинается конструкция в речи, будь он знаменательным, что является обычным, или служебным, что еще не принято всеми (о чем мы говорим в статье «Творческие проблемы фразеографии»), опубликованной в №2 за 2009 г. настоящего журнала). Так, с частицы (союза) **а** начинаются 47 единиц 1-го тома (с. 38-79), с союза **если** — 24 (с.345-352), с частицы **да** — 5 (с.282-287), с предлога **из** — 6 (с.439-440), с союза (частицы) **и** — 60 (с. 419-466); с предлога **на** во 2-м томе начинаются 42 единицы (с. 10-37).

б) Самой богатой частью большинства фразеологических статей является обилие употреблений одной единицы с вариантами разных типов, напр., **Витязь (богатырь) на распутье** (т.1, с.172-173). Многочисленные, строго датированные употребления указывают не только на варьирование, что должно быть про-

анализировано во фразеологии, но и на «величину» крыльев данной единицы. Напр., у единиц **Блудный сын** (т.1, с. 108-109), **Бьется в тесной печурке огонь** (т.1, с. 137), **Великолепная пятерка и вратарь** (т.1, с. 155), **Возьмемся за руки, друзья, (Чтоб не пропасть по одиночке)** (т.1, с. 193-194), **Время разбрасывать камни, время собирать камни** (т.1, с. 213-214) «крылья» мощные, а у единиц **Где деньги, Зин?** (т.1, с. 253), **Где мои (твои) 17 лет** (т.1, с. 254) — «крылья» короткие.

в) Толкование значения единицы в труде такого типа не может быть единообразным, оно (толкование) определяется типом синтаксической модели и целым рядом других ее свойств.

г) Грамматическая характеристика единиц представлена незначительно: морфологические формы изменяемых единиц встречаются лишь как компоненты единицы, использованной в приводимой цитате, напр., в подборке сообщений о положении в Ираке: *Кому оливковую ветвь* (В.п. без предлога), *кому — вендетту*. КП, 21.01.93 (т.2, с. 126). Синтаксическая характеристика не приводится, что представляется закономерным.

VI. Модальность как обязательное свойство речи, отражающее субъективность человеческого мышления, отчетливо выражена в данном труде. Субъективность приводимых цитат определенным образом сохранена, хотя ей придана «смягченная» форма, особенно в формуле «о том, кто, что делал, делает...». Это одна сторона. Но каждую статью писал определенный автор и не всегда смог тому или иному, особенно социальному, историческому, событию дать наиболее объективную оценку. В результате в таком огромном труде какое-то событие получило узкое, сугубо личное толкование, личную оценку, хотя в обществе, в науке сложилось другое мнение, дана другая оценка этому событию. См., напр., **А на левой груди профиль Сталина** (т.1, с.57), **Империя зла** (т.1, с. 445), **Как повяжешь галстук, береги его** (т.1, с. 483), **Архипелаг ГУЛАГ** (т.1, с. 68-69).

Рецензируемый труд чрезвычайно важен как образовательное произведение. Его статьи содержат строгие полные ответы на «сто вопросов» из истории страны, революционных событий, о нравственном поступке кого-л., социальном или психологическом, профессиональном свойстве группы людей, о героическом, прекрасном, отвратительном поведении кого-л. и т. д. и т. п. Полные, иногда обширные тексты из произведения, в котором использована та или иная конструкция, служит убедительным фоном для понимания значения или смысла приводимого сочинения. По информативности статьи рецензируемой работы — замечательный учебник по многим важным и сложным «предметам» современной жизни для всех русских людей.

Не менее, а возможно, так же важен рецензируемый труд как культурологическое произведение. Его статьи при специальном отборе и рассмотрении могут составить обширные разделы по многим проявлениям духовной культуры русских людей.

И, наконец, рецензируемый труд можно квалифицировать как собрание материалов, которые, при их систематическом изучении станут источником исследований по проблемам фразеологии, лексикологии, синтаксиса современного русского языка.

Необходимо специально отметить, что рецензируемый труд — это прежде

всего яркое доказательно выросшей интеллектуальной, социальной, нравственной, эмоциональной мощи русского народа, его мудрости, веселости, озорства, отразившегося в устной звучащей, а в связи с высоким уровнем образованности русских людей — и в письменной речи. В этой связи замечу, что крылатые выражения, приведенные в труде, в очень большой степени являются не книжными, а живыми, разговорными, общеупотребительными.

В заключение считаю своим долгом обратить внимание на отдельные факты, которые в этом замечательном труде не должны иметь места, так как не соответствуют типу, характеру рецензируемого труда.

1) Рецензируемый труд определен как «большой», это определение перешло в двухтомник из первого издания 2000 года. Но примечательное «большой» не имеет терминологического содержания. Ведь Словарь современного русского литературного языка в 17 томах не назван «большим», Словарь русского языка АН СССР в 4-х томах тоже не назван «большим». То же можно сказать об очень многих словарях русского языка.

2) Рецензируемый труд назван словарем. О нашем отношении к этому термину см. нашу статью «Теоретические составляющие фразеогрaфии» в журнале «Проблемы истории, филологии, культуры» № 2, 2009, с. 640-644.

3) О термине КС (крылатые слова). «Крылатые слова, ничтожно малые по количеству, занимают в рецензируемом труде определенное место, но из-за них двухтомник назван словарем, а все крылатые сочетания (около 5 тысяч!) остаются в книге без названия.

Выскажу пожелания: необходим в каждом томе Индекс описанных в нем единиц.

А.М. Чепасова

И.А. ШУШАРИНА. Введение в славянскую филологию: учеб. пособие. Курган: Курганский гос. ун-т, 2009. 302 с.

Рецензируемая книга, на мой взгляд, — чрезвычайно своевременная и, безусловно, нужная работа, написанная талантливым автором с учётом достижений славистики XVII-XIX вв., а также открытий XX — начала XXI в. Её содержание не ограничивается филологическими сведениями. У студентов гуманитарных специальностей России появится учебное пособие энциклопедического характера, в котором они смогут найти ответы на многочисленные вопросы. Кто такие славяне? Когда они заявили о себе как этническая общность? Как складывались судьбы славян с древнейших времён до нынешних? Сколько людей причисляет себя к славянам в современном мире? Где они проживают? Как складывались исторически отношения славян с другими

этнотами? Чем прославились предки славян? Когда и какие государства они создавали? Какою была их культура и чем обусловлено положение славян и славянских стран сегодня? Во что верили славяне в глубокой древности? К каким конфессиям относят себя современные славяне? Каковы истоки трагических конфликтов между славянами и их ближайшими соседями? Фактически половина учебного пособия отвечает на эти и связанные с ними вопросы (см. с. 3-119), что готовит читателя к осознанному восприятию второй части пособия, собственно филологической (с. 121-269).

Первая часть пособия состоит из двух разделов: «Славяне» (с. 3-7) и «Славянские государства» (с. 58-119). Раздел «Славяне» предваряется краткой справкой о четырёх этапах развития славистики (с. 4-10): 1) XVII — конец XVIII в., когда славистика, по словам автора, была «описательной», носила «донаучный характер» (с. 4) и была отмечена трудами Ю. Крижанича, М.В. Ломоносова, А.Л. Шлёцера, В.М. Дуриха; 2) конец XVIII — первая половина XIX в., которую И.А. Шушарина вполне обоснованно связывает с зарождением сравнительно-исторического языкознания и сжато даёт представление о трудах Й. Добровского, А.Х. Востокова, В. Копитара, И.И. Срезневского, В. Караджича и др. славистов; 3) вторая половина XIX — начало XX в., совпавшие с периодом расцвета компаративистики, составной частью которой стала славистика, представленная трудами Ф. Миклошича, А. Лескина, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и др. учёных; 4) 30-е годы XX в. — наши дни, когда параллельно со сравнительно-историческими исследованиями (И.В. Ягич, А.И. Соболевский, Л.А. Булаховский, В.Н. Топоров, В. Георгиев, Т. Лер-Сплавинский и др.) ведётся синхронно-описательное изучение живых славянских языков (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, В. Матезиус и др.).

Думается, что автор довольно смело расширяет рамки 4-го этапа развития славистики, что, вероятно, связано с общей «эскизностью» описания достижений славистики на каждом из обозначенных этапов её развития. Само название «Введение в славянскую филологию» «обещает» более основательный подход именно к филологической составляющей содержания учебного пособия.

Прочие параграфы 1-го раздела «Славяне» написаны гораздо глубже и пространнее. Здесь поднимаются терминологические проблемы славистики, «расшифровываются» понятия *этнос*, *славяне*, *макроэтнос*, *микроэтнос*, *этногенез*, *прародина славян* и пр. Раздел снабжён многочисленными таблицами, картами, иллюстрациями, которые сопровождают рассказ о раскопках, подтверждающих через обнаруженные археологические культуры реальность проживания славян на определённых территориях древней Европы. Наибольший интерес здесь представляют параграфы, посвящённые глоттогенезу славян (с. 38-44) и их верованиям (с. 44-57).

Во втором разделе первой части «Славянские государства» (с. 58-119) скрупулёзно описываются обстоятельства возникновения, укрепления или исчезновения в исторической перспективе многочисленных славянских государств, что даёт возможность читателю почерпнуть сведения об истоках формирования современных славянских этносов и их языков. Эта часть, выполненная в энциклопедическом ключе, насыщена интересными фактами, грамотно откомменти-

рованными, снабжена таблицами, картами, цитатами из исторических хроник и авторитетных научных исследований.

Естественно, наибольший интерес для будущих филологов представляет вторая часть пособия. Она содержит два раздела: «Письменность славян» (с. 121-148) и «Языки славян» (с. 149-267).

Первый раздел второй части состоит из четырёх параграфов. В первом параграфе «Начало славянской письменности» (с. 121-128) очерчивается проблематика, связанная с возникновением письменности у славян, приводятся сведения, подтверждающие наличие письменности у славян до принятия христианства, даётся краткий анализ споров вокруг древнейших славянских азбук — глаголицы и кириллицы. В параграфе втором рассказывается о просветительской деятельности Константина (Кирилла) и Мефодия» (с. 128-139), в третьем (с. 139-144) проводится сопоставительный анализ древних славянских азбук, в четвёртом (с. 144-146) описывается процесс распространения латинского алфавита среди западных и южных славян.

Раздел «Языки славян» (с. 149-269) начинается с параграфа «Праславянский язык», в котором автор даёт понятие о языке-предке славянских языков и кратко характеризует его предполагаемую фонетическую, морфологическую структуру, систему ударения, ограничившись общими фразами о праславянской лексике, хотя сейчас можно было бы воспользоваться и данными «Этимологического словаря славянских языков» (издаётся с 1974 г.), и новейшими исследованиями компаративистов XX — начала XXI столетия).

Второй параграф посвящён мёртвым славянским языкам (с. 160-179), среди которых, что вполне естественно, наибольшее внимание уделяется старославянскому языку. Перечисляя старославянские памятники (с. 170-171), И.А. Шушарина, правда, несколько уменьшает их число, а по поводу церковнославянского языка русского извода говорит о том, что он «выполнял функции литературного языка вплоть до XVIII в.» (с. 171), не уточняя того обстоятельства, что церковнославянский язык выполнял культовые функции, в то время как светское вербальное искусство, помимо народно-литературной, использовало книжно-славянскую разновидность русского литературного языка, а вовсе не церковнославянский язык.

Интересные сведения содержатся в параграфе «Искусственные языки на славянской основе» (с. 170-174). И всё же наибольшую ценность в пособии представляет собой раздел «Живые славянские языки» (с. 174-269), где с похвальной тщательностью, не забывая ни об одном известном учёному миру давно или только что признанном славянском микроязыке (периферийном, а также островном), не говоря уже о славянских макроязыках, о суржике и трясянке, И.А. Шушарина описывает по определённом алгоритму современные языки славян. Студенты найдут в каждом очередном параграфе сжатую характеристику славянского языка с точки зрения его происхождения, места в славянской языковой семье, наличия или отсутствия литературной разновидности, характера письменности, диалектного и социального членения, степени изученности и т. д. Особо следует подчеркнуть поуровневую методику описания системы каждого языка с позиции истории её формирования и черт, отличающих данный язык от других славянских языков. Отличным дополнением к

такого рода миниатюрам являются образцы текстов соответствующего славянского языка.

Пособие завершают приложения: алфавиты славянских языков (с. 288-297), сопоставительные таблицы (298-303) и терминологический минимум (с. 304-316).

Учебное пособие И.А. Шушариной «Введение в славянскую филологию» написано хорошим научным и одновременно доступным, ясным слогом. Сделанное на высоком научно-методическом уровне, с учётом достижений отечественной и зарубежной лингвистики, оно пополнило ряды добротных учебных книг, полезных не только для студентов-филологов, но и для аспирантов, педагогов, учёных, занимающихся проблемами славистики.

С.Г. Шулежкова.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ФРАЗЕОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ СЛАВИСТИКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»

(Магнитогорский государственный университет,
18–20 ноября 2009 г.)

18–20 ноября 2009 года в Магнитогорском государственном университете при поддержке Международного Комитета Славистов, Института лингвистических исследований РАН, Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Санкт-Петербургского государственного университета и Ernst-Moritz-Arndt-Universität (Greifswald, Institut für Slavistik) прошёл Международный симпозиум «Русская лексикография и фразеология в контексте славистики: теория и практика». Оргкомитет, помимо традиционных пленарных и секционных заседаний, включил в программу работы симпозиума презентацию новых словарей. На этом «празднике лексикографии и фразеологии» авторами-составителями были представлены новые словари разного типа, вышедшие в последнее время.

Открыл презентацию *В.М. Мокиенко* (Санкт-Петербург), который рассказал о трёх словарях. Самое полное собрание русских народных устойчивых сравнений представлено в «Большом словаре русских народных сравнений» (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2008. 800 с.). В словарь включено около 45 000 русских сравнительных оборотов разного типа из самых разных источников: русская классическая и современная литература, публицистика, данные толковых и диалектных словарей, сборники пословиц и поговорок XVIII–XXI вв. «Большой словарь русских пословиц»? один из проектов, ставший заключительным томом паремиологической трилогии, задуманной и реализуемой членами Петербургского фразеологического семинара. Этот труд написан в жанре паремиологического тезауруса, отражающего «бытование русских пословиц в возможно полной амплитуде времени и пространства существования живого русского языка». Первым и наиболее полным собранием крылатых выражений, образов, цитат, восходящих к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», является «Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова» (Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П. Большой словарь

крылатых выражений А.С. Грибоедова. — М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2009. 800 с.). Он включает около 2000 словарных статей, созданных на основе карточки, насчитывающей более 10 000 примеров из художественной, публицистической, научно-популярной литературы за период с 20-х годов XIX века до наших дней.

Х. Вальтер (Германия, Грайфсвальд) рассказал об особенностях описания единиц в немецко-русском словаре библеизмов (Harry Walter, Valerij Mokienko. Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. Greifswald, 2009. 199 S.). Уникальность этого словаря заключается в том, что авторы максимально полно раскрывают историю библейских слов и выражений в немецком языке в широком сопоставлении с русским на фоне других европейских языков.

К.Н. Дубровина (Москва) представила одно из наиболее полных собраний фразеологических оборотов, восходящих к Библии (Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010. 808 с.). В словарь включены как собственно фразеологизмы, так и пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые изречения, перифразы и другие фразеологизированные образования. Этот труд является лингвистическим справочником энциклопедического типа, в котором даны толкования значений библейских фразеологизмов, примеры их употребления в художественных, научных, публицистических, мемуарных, эпистолярных произведениях XVIII — XXI вв. и современных СМИ. Несомненным достоинством словаря является историко-этимологический и лингвокультурологический комментарий с соответствующими цитатами из Библии и ссылками на библейские тексты. Словарь прекрасно иллюстрирован репродукциями литографий и полотен известных художников (Г. Доре, Н. Пуссен, Тициан, Питер Брейгель Старший, Рембрандт, К. Брюллов, В. Поленов, М. Нестеров, Н. Рерих и др.).

А.В. Жуков (Великий Новгород) предложил вниманию участников Международного симпозиума словарь, который в значительной мере отображает «фразеологический вкус» нашего времени (Жуков А.В., Жукова М.Е. Современный фразеологический словарь русского языка: ок. 1600 фразеологических единиц. М.: АСТ: Астрель, 2009. 443 с.). Как отмечают авторы, с одной стороны, словарь традиционен, так как он продолжает линию словарей, начатую А.И. Молотковым и В.П. Жуковым, а с другой, предлагаемое вниманию читателя издание является словарём нового типа, так как представляет собой фразеологический срез современного русского языка (в качестве иллюстративного материала представлены тексты из наиболее популярных газетных изданий 2006—2007 годов). В словаре описываются не только семантические, стилистические, грамматические особенности фразеологизмов, но и в ряде случаев приводятся историко-лингвистические, исторические, культурологические и этимологические комментарии.

Однако в поле научных интересов фразеологов находятся не только факты современных языков. Ещё в 2006 году коллектив Научно-исследовательской словарной лаборатории Магнитогорского государственного университета представил проспект фразеологического словаря старославянского языка (Фразеологический словарь старославянского языка: более 4000 единиц. Проспект

/ под ред. С.Г. Шулежковой. М., Магнитогорск: ООО «Издательство ЭЛПИС»; Магнитогорск. гос. ун-т, 2006. 340 с.). И вот к началу проведения Международного симпозиума коллектив лаборатории совместно с преподавателями кафедры общего языкознания и истории языка подготовил книгу — «первый шаг на пути создания полного фразеологического словаря старославянского языка» (Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка: свыше 350 единиц / научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколлегии: А.А. Осипова, Л.Н. Мишина. Магнитогорск: МаГУ, 2009. 290 с.). Основное внимание уделено толкованию старославянских сверхсловных языковых единиц, которое расширено там, где это необходимо, за счёт кратких сведений этимологического и культурологического характера. Как отмечают авторы-составители словаря, задуманный ими словарь можно отнести к категории антропоцентрических. Главное его назначение — помочь читателю адекватно понимать древнейшие старославянские памятники.

С.Г. Шулежкова (Магнитогорск) представила новое издание «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» (Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т.— 2-е изд., испр. и доп. — Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009). Этот словарь энциклопедического типа — одно из самых полных собраний русских крылатых единиц. Его основой стала картотека, насчитывающая 300 000 единиц (!). В данном обновлённом издании уточнены источниковедческие данные и обновлена иллюстративная часть, особая роль в которой отводится примерам, демонстрирующим трансформационные возможности крылатых единиц. Составители сопровождали каждую словарную статью справкой, отражающей историю фиксации крылатой единицы.

Бурным обсуждением участников Международного симпозиума сопровождалось представление *Л.К. Байрамовой*, *Н.Ф. Халиуловой* «Словаря русского и английского жаргона наркоманов» (Байрамова Л.К. Халиуллова Н.Ф. Словарь русского и английского жаргона наркоманов; словарь антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. 196 с.). Словарь содержит более 4500 русских и английских языковых единиц, обозначающих понятия, связанные с наркоманией (наименование наркоманов, наркотиков и пр.). Неоднозначную реакцию присутствующих на презентации вызвало заявление авторов-составителей о том, что созданный ими труд может быть адресован не только филологам, журналистам, сотрудникам правоохранительных органов, но и широкому кругу читателей.

Ряд новых активных словарей идеографического типа был представлен авторским коллективом межвузовской проблемной группы под руководством *Л.Г. Бабенко* (Екатеринбург): «Толковый словарь русских глаголов», «Большой толковый словарь русских существительных», «Словарь-тезаурус русских прилагательных», «Словарь-тезаурус синонимов русской речи», «Большой словарь синонимов». Концепция этих словарей основана на результатах изучения системной организации лексики и структурной организации лексического значения слова.

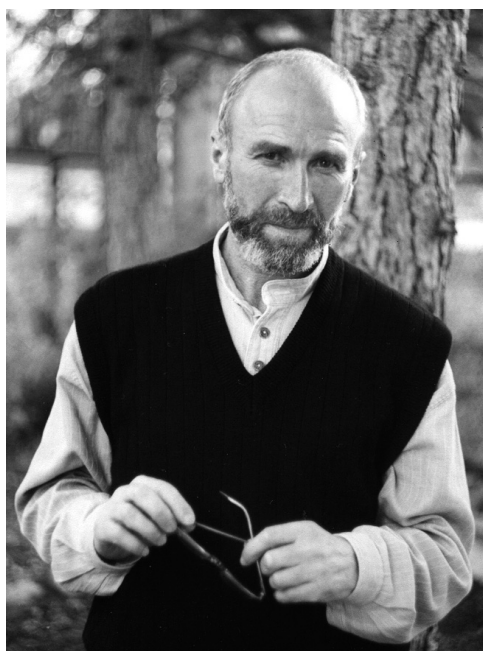
Кроме перечисленных выше, уже опубликованных лексикографических и фразеографических трудов, на пленарных и секционных заседаниях обсуждались проекты самых разных словарей. Это и словари языка писателей, словари фразеологизмов с разными компонентами, диалектные словари, словари когнитивного типа, двуязычные словари. Учитывая образовательную роль словарей и справочников, можно надеяться, что активно создаваемые в настоящее время лексикографические и фразеографические труды, безусловно, укрепят позиции русского и других славянских и европейских языков как языков великой культуры.

О.В. Куныгина

© 2009

**ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА КОСТЮКОВА
(12.12.1949 – 15.12.2009)**

15 декабря 2009 г. после тяжелой болезни ушел из жизни замечательный человек, талантливый педагог, известный археолог Владимир Петрович Костюков. Владимир Петрович родился 12 декабря 1949 г. в станице Спокойная Краснодарского края. Окончил УрГУ в 1983 г. В 1997 г. Владимир Петрович защитил кандидатскую диссертацию по теме «Памятники кочевников XIII—XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана)» в Диссертационном совете Отдела народов Урала с музеем археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН.

С 1985 г. В.П. Костюков вел активную работу по выявлению новых памятников археологии (открыв их более 100) в Южном Зауралье, исследовал серию погребальных и ритуальных объектов средневековых кочевников в южных районах Челябинской области. С 1992 г. Владимир Петрович руководил творческим коллективом «Археология» при Челябинском государственном педагогическом университете, занимаясь паспортизацией, инвентаризацией и

охранными раскопками археологических памятников в степных районах области. Основная область научных интересов В.П. Костюкова — история Южного Зауралья в золотоордынскую эпоху.

В.П. Костюков — блестящий переводчик ряда работ англоязычных авторов (Бойл Дж.Э., Голден П.Б., Олсен Т.Т., Синор Д., Гальперин Ч.Дж.), посвященных истории тюрков, монголов, кыпчаков и т. д. Эти переводы были опубликованы в донецком издании «Степи Восточной Европы в эпоху средневековья».

Огромное внимание Владимир Петрович уделял работе с молодежью. Он являлся одним из организаторов системы школ археологического краеведения в Челябинской области, руководил школьными археологическими лагерями, экспедициями. Слетами, был научным руководителем школьных и студенческих исследований в области южноуральской археологии. Его глубокие знания, профессионализм, замечательный характер позволили ему привить любовь к истории и археологии родного края сотням юных учеников, многие из которых впоследствии выбрали своей профессией историю и археологию.

Владимир Петрович — автор свыше 40 научных публикаций, имеющих первостепенное значение для изучения истории средневековья Южного Зауралья. Этот крупный научный вклад по достоинству оценивается специалистами. В последние годы Владимир Петрович плодотворно работал над своей докторской диссертацией, но, к глубокому сожалению, не успел закончить свой труд. Друзья, коллеги и ученики Владимира Петровича искренне скорбят по поводу преждевременной смерти этого прекрасного человека и ученого. Готовится к публикации специальный сборник научных трудов В.П. Костюкова.

Н.Б. Виноградов

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В.П. КОСТЮКОВА

1. Каменный Амбар II — средневековый поминальный комплекс в степях Южного Зауралья // Восьмые Бирюковские чтения. Тезисы докладов. Челябинск, 1988. С. 16-17.
2. Погребения поздних кочевников в могильнике Система-1 // Первые Валидовские чтения. Востоковедение в Башкортостане. Международная научная конференция по проблеме: «История и культура народов Евразии: древность. Средневековье и современность». Часть II. Уфа, 1992. С. 72-75.
3. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. С. 138-156.
4. К этнической ситуации в Южном Зауралье в монгольское время (XIII-XIV вв.) // II Берсовские чтения. Материалы научной конференции. Екатеринбург, 19-21 декабря 1994 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. С. 54-57.
5. Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5 // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа: «Гилем», 1995. С. 151-160.

6. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 156-207 (в соавторстве с А.В. Епимаховым и Д.В. Нелиным).
7. Этническая ситуация в Южном Зауралье в монгольское время (XIII-XIV вв.) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Материалы 3-й Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Часть V, книга 2, Челябинск, 1995. С. 40-43.
8. Исследования в Челябинской области // Археологические открытия 1995 года. М.: Наука, 1996. С. 265-267.
9. К вопросу об улусе Шибана (XIII-XIV вв.) // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть II. Уфа, 1996. С. 86-87.
10. Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: «Рифей», 1996. С. 131-150 (в соавторстве с Н.Б. Виноградовым и С.В. Марковым).
11. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: «Рифей», 1996. С. 151-163 (в соавторстве с А.В. Епимаховым и Д.В. Нелиным).
12. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана). Автореф. канд. дисс. Уфа, 1997, 20 с.
13. О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). Тезисы докладов II Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. Самара, 1997. С. 35-37.
14. Улус Шибана в XIII-XIV вв. (по письменным источникам) // ПИФК. Вып. VI. 1998. С. 210-224.
15. О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 311-320.
16. Кыпчаки и Золотая Орда // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск: «Рифей», 1999. С. 165-166.
17. Новые материалы к проблеме мировоззрения населения финальной бронзы Южного Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 258-262.
18. Предварительные итоги исследования могильника бронзового века Троицк-7 // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти Владимира Федоровича Генинга. Материалы научной конференции. Часть 2: Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург, 1999. С. 66-70 (в соавторстве с А.В. Епимаховым).
19. «...Там пребывает Шибан, брат Бату» // Челябинск. 1999. №12.
20. Новые памятники с аскизскими чертами из Южного Зауралья // Музей в системе ценностей евразийской культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань: РИЦ «Школа», 2000.

- С. 211-213. (в соавторстве с И.Э. Любчанским).
21. О центральноазиатских элементах в культуре населения Улуса Шибана в XIII-XIV вв. // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Материалы международной конференции. Т.1. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2000. С. 181-185.
 22. Средневековые культовые сооружения у с. Анненское // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000. С. 329-337.
 23. Когда и кем на Южном Урале оставлены «древнетюркские поминальные оградки» // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2002. С. 51-53.
 24. Памятники древней и средневековой истории в черте г.Челябинска и его ближайших окрестностях // Челябинск неизвестный. Вып. 3. Челябинск, 2002. С. 7-47 (в соавторстве с Н.Б. Виноградовым и А.В. Епимаховым).
 25. «...Там пребывает Шибан, брат Бату» // Челябинск неизвестный. Вып. 3. Челябинск, 2002. С. 696-707.
 26. Комплекс поздне-тюркских оградок Каменный Амбар-20 // Человек в пространстве древних культур. Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим», 2003. С. 155-157.
 27. Песчанка-5 — средневековый памятник с угорскими чертами в Южном Зауралье // Человек в пространстве древних культур. Челябинск: Музей-заповедник «Аркаим», 2003. С. 82-84 (в соавторстве с Е.В. Никулиной).
 28. Проблема культурной интерпретации памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Книга 1. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. С. 278-283 (в соавторстве с А.В. Епимаховым).
 29. Замечания о роли «пастбищно-кочевых систем» в истории кочевников степей Казахстана // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы международной научной конференции 6-10 окт. 2003 г. Пермь, 2003. С. 162-163 (в соавторстве с С.Ю. Гуцаловым).
 30. Новые данные о религии и верованиях населения Южного Зауралья в первой половине II тыс. н.э. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Уральск, 2003. С. 121-129.
 31. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1. Исторические науки. 2004. №2. С. 5-56 (в соавторстве с И.П. Алаевой).
 32. Погребения из курганный группы Верблюжь Горки и некоторые вопросы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1. Исторические науки. 2004. №2. С. 129-149 (в соавторстве с Д.И. Ражевым).
 33. По страницам «Путешествия в восточные страны» (юбилейные заметки) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004. С. 245-262.
 34. Культурные трансформации в Урало-Казахстанской степи в 1-й половине II тыс.н.э. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 114-118.

35. О кыпчаках в Джучидском государстве // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск, 2004. С. 226-249.
36. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005. С. 70-77 (в соавторстве с А.В. Епимаховым).
37. Одиночный курган у «Третьего Плеса»: средневековое погребение шамана? // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005. С. 136-148.
38. О кыпчаках в Джучидском государстве // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир, 2005. С. 169-198.
39. Комплекс позднепалеолитских оградок Солончанка VIII // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII. Оренбург, 2005. С. 113-125.
40. О Сартаке или Где решалась судьба Ирана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4. Уральск, 2005. С. 282-289.
41. Из новых исследований средневековых оградок на Южном Урале // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1. Исторические науки. 2005. №3. С. 99-140.
42. On the Administrative and Political Structure of the Juchi Ulus // Иерархия и власть. Четвертая международная конференция. (Москва, 13-16 июня 2006 г.). Тезисы докладов. М., 2006. С. 127.
43. Была ли Золотая Орда “Кипчакским ханством”? // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 199-237.
44. Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Сер. “Этногенез уральских народов”. Челябинск: ООО ЦИКР “Рифей”, 2006. С. 444-457.
45. Следы буддизма в погребениях золотоордынского времени // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 5. Уральск, 2006. С. 177-207.
46. Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2007. №1. С. 169-207.
47. Улус Джучи и синдром федерализма // ПИФК. Вып. XVII. 2007. С. 454-489.
48. Одиночный курган у “Третьего Плеса” (к проблеме конфессиональной идентификации погребальных памятников кочевников Золотой Орды) // История и культура Улуса Джучи, 2006. Бертольд Шпулер “Золотая Орда”: традиции изучения и современность. Казань: “Фэн”, 2007. С. 144-168.
49. Материалы к этнической ситуации в Южном Зауралье в золотоордынское время // УАВ. Вып. 6-7. Уфа, 2007.
50. “Железные псы” Батуидов (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 8. Уральск, 2008. С. 42-96.
51. Средневековый курган с остатками столбовой конструкции из могильника Солнце-Талика в Южном Зауралье // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 9. Армавир, 2008. С. 172-185.

52. Средневековое погребение шамана из Южного Зауралья // ПИФК. Вып. XVII. 2008. С. 550-571.
53. Улус Шибана // Большой атлас истории и культуры Казахстана / Гл. рук. проекта А.Ш. Бимендиев; Гл. ред. колл.: К.М. Байпаков (пред.) и др.; Научный редактор К.З. Ускенбай. — Алматы: АО “АБДИ Компани”. 2008. С. 266.
54. Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник. 2007-2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран / ред. кол. С. Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. 2009. С. 189-236.
55. Иранский поход Хулагу: предыстория // ПИФК. 2009. №1. С. 210-240.
56. Иранский поход Хулагу: предыстория // Золотоордынская цивилизация. Вып.2. Казань: Изд. “Фэн” АН РТ. 2009. С. 69-89.
57. В защиту доброкачественности (О монографии Д.Н. Маслюженко «Этно-политическая история лесостепного Притоболья в средние века». Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2008, 168 с.) // Золотоордынская цивилизация. Вып.2. Казань: Изд. “Фэн” АН РТ. 2009. С. 251-257.
58. Историзм в легенде об обращении Узбека в ислам // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции “Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII-XIV вв.)”. 17 марта 2009 г. Вып.1. Казань: Изд. “Фэн” АН РТ. 2009. С. 67-80.
59. Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV в. // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып.34. №28 (166). 2009. С. 39-44.
60. Курганы федоровской культуры на озере Касарги (публикация материалов раскопок могильника Касарги-1) // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск: АБРИС, 2009. С. 83-100.

СТАТЬИ В ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ

І. Челябинск. Энциклопедия. Челябинск: «Каменный пояс», 2001.

61. Кимаки. С. 374.
62. Кыпчаки. С. 455-456 .
63. Погребение в с. Федоровка. С. 655.
64. Курган у с. Смолино. С. 451-452.
65. Средневековье. С. 812.
66. «Челябинская» ткань. С. 989.
67. Шибан. С. 1027.
68. Шибана Улус. С. 1027.

ІІ. Челябинская областная энциклопедия. Челябинск. Т.1-5. 2004-2007.

69. Абулгази. Т.1. С. 18.
70. Ак-Орда. Т.1. С. 81.

71. Анненск – поминальный комплекс. Т.1. С. 137.
72. Анненское-12 – поминальный комплекс. Т.1. С. 139.
73. Анненское-6 – поминальный комплекс. Т.1. С. 139.
74. Анненское-7 – могильник. Т.1. С. 139.
75. Баранта (в соавторстве с Валеевым). Т.1. С. 282.
76. Безводный II – могильник. Т.1. С. 326.
77. Белоключевка-7 – одиночный курган. Т.1. С. 344.
78. Верблюжьи Горки – могильник. Т.1. С. 598.
79. Горный-1 – могильник. Т.1. С. 896.
80. Дашт-и Кыпчак. Т.2. С. 20.
81. Джучи. Т.2. С. 104.
82. Джучи улус. Т.2. С. 105.
83. Джучиды. Т.2. С. 105.
84. Древняя и средневековая история Южного Зауралья (в соавторстве с А.Таировым). Т.2. С. 179.
85. Жузы. Т.2. С. 332.
86. Золотая Орда. Т.2. С. 503.
87. Ислам (в соавторстве с Валеевым и др.). Т.2. С. 628.
88. Каменный Амбар-1 – могильник. Т.3. С. 57.
89. Каменный Амбар-11 – могильник. Т.3. С. 58.
90. Каменный Амбар-14 – одиночный курган. Т.3. С. 58.
91. Каменный Амбар-2 – поминальный комплекс. Т.3. С. 57.
92. Каменный Амбар-20 – поминальный комплекс. Т.3. С. 58.
93. Каменный Амбар-3 – могильник. Т.3. С. 57.
94. Каменный Амбар-5 (в соавторстве с А.Епимаховым) – могильник. Т.3. С. 57.
95. Канглы. Т.3. С. 70.
96. Касарги 1 – могильник. Т.3. С. 130.
97. Касарги 2 – могильник. Т.3. С. 130.
98. Кимаки. Т.3. С. 197.
99. Кочевничество. Т.3. С. 449.
100. Кочевых узбеков государство. Т.3. С. 449.
101. Кыпчаки. Т.3. С. 637.
102. Левшин А.И. Т.3. С. 701.
103. Монголы. Т.4. С. 368.
104. Мухаммед Ала ад-Дин. Т.4. С. 432.
105. Ногайская Орда. Т.4. С. 633.
106. Огузы. Т.4. С. 695.
107. Оленина Отнога – курган с «усами». Т.4. С. 730.
108. Песчанка-4 – могильник. Т.5. С. 147.
109. Песчанка-5 – поминальный комплекс. Т.5. С. 147.
110. Поминальные оградки. Т.5. С. 299.
111. Рубрук Г. Т.5. С. 629.
112. Сарбулат – позднесредневековый археол. Комплекс. Т.5. С. 755.
113. Сарбулат-1 – курган с «усами». Т.5. С. 755.
114. Сарбулат-2 – могильник. Т.5. С. 755.

115. Святилища (в соавторстве с Ф.Петровым). Т.5. С. 806.
116. Система-1 – могильник. Т.6. С. 52.
117. Система-2 – могильник. Т.6. С. 53.
118. Система-4 – могильник. Т.6. С. 53.
119. Система-5 – могильник. Т.6. С. 53.
120. Система-6 – могильник. Т.6. С. 53.
121. Смолино, курган 12. Т.6. С. 112.
122. Солнце-Талика (в соавторстве с Н.Виноградовым) – могильник. Т.6. С. 168.
123. Суходол-1 – могильник. Т.6. С. 360.
124. Тимур. Т.6. С. 501.
125. Тохтамыш. Т.6. С. 549.
126. Третий Плес – одиночный курган. Т.6.С.562.
127. Троицк-7 – могильник. Т.6 С. 591.
128. Троицкий мавзолей. Т.6. С. 598.
129. Федоровка – одиночный курган. Т.6. С. 852.
130. “Челябинская” ткань. Т.7. С. 217.
131. Чернореченское – одиночный курган. Т.7. С. 309.
132. Шибан. Т.7. С. 415.
133. Шибана улус. Т.7. С. 416.
134. Шибаниды. Т.7. С. 416.
135. Шилътбергер. Т.7. С. 422.

ШКОЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

136. Клуб юных археологов «Муравей» // Народное образование. 1993. №3. С. 28-31 (в соавторстве с Н.Б. Виноградовым и Л. Туфленковым).
137. Опыт игровой программы для краеведческой экспедиции // Педагогическая археология. Из опыта работы школьных археологических объединений Челябинской области. Челябинск, 2001. С. 30-40

Переводы

138. Бойл Дж.Э. Формы жертвоприношений лошади у монголов в XIII-XIV вв. // Степи Восточной Европы в эпоху средневековья. Т.6. Донецк, 2008. С. 305-308.
139. Голден П.Б. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Восточной Европы в эпоху средневековья. Т.6. Донецк, 2008. С. 309-340.
140. Бойл Дж.Э. Тюркский и монгольский шаманизм в средневековье // Степи Восточной Европы в эпоху средневековья. Т.6. Донецк, 2008. С. 341-350.
141. Оллсен Т.Т. Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217-1237 годах // Степи Восточной Европы в эпоху средневековья. Т.6. Донецк, 2008. С. 351-362.
142. Синор Д. Монголы на Западе // Степи Восточной Европы в эпоху средневековья. Т.6. Донецк, 2008. С. 363-384.
143. Гальперин Ч.Дж. Кыпчакский фактор: ильханы, мамлюки и Айн-Джалут // Степи Восточной Европы в эпоху средневековья. Т.6. Донецк, 2008. С. 385-400.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авраменко Юлия Игоревна — соискатель кафедры перевода и переводоведения Магнитогорского государственного университета, тел. 8 (3519) 35-16-69, e-mail: ius3@yandex.ru

Аглеева Зухра Равильевна — к.п.н., доц. кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета, e-mail: z.agleeva@yandex.ru

Алексеев Михаил Андреевич — д.ф.н., проф., зав. кафедрой транслятологии и конфротативной лингвистики Института славянской филологии Щецинского университета, тел. (8-10-48) 14-44-26-66.

Алмазов Александр Сергеевич — асп. кафедры истории России Московского педагогического государственного университета, тел. 8(919)9927168, e-mail: almazov_bld@mail.ru

Антропов Евгений Владимирович — асп. отдела этнографии ИАЭТ СО РАН, e-mail: evantropov@yandex.ru

Арцыбашев Игорь Григорьевич — к.ф.н., доц. кафедры религиоведения философского факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького, тел. 8-912-667-45-28

Алёшин Алексей Сергеевич — ст. преп. кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций, e-mail: alexis001@mail.ru

Байрамова Луиза Каримовна — д.ф.н., проф. кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета, тел. 554 — 56- 48.

Болгова Анна Михайловна — к.п.н., доц. кафедры педагогики Белгородского государственного университета, mail: Bolgov@bsu.edu.ru

Боярская Ольга Владиславовна — к.ф.н., сотрудник Челябинского государственного университета, e-mail: boyarskayaov@yandex.ru

Вальтер. Х. — д.ф.н., проф. Грайфсвальдского Эрист-Морицкого-Арндтатского университета, e-mail: walter@uni-greifswald.de

Ваулина Татьяна Лаврентьевна — начальник отдела формирования контингента студентов Магнитогорского государственного университета, тел. (8-35-19) 35-96-55, e-mail: vaulina@masu.ru

Волжанина Елена Александровна — к.и.н., н.с. ИПОС СО РАН, e-mail: nyabako@mail.ru

Гужвенко Юлия Николаевна — к.и.н., доц. кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, e-mail: Guzvenko@yandex.ru

Дубровина Кира Николаевна — к.ф.н., доц., проф. кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, e-mail: kira35@inbox.ru

Дуношкин Игорь Евгеньевич — к.и.н., ст. преп. в/ч 69617

Жуков Анатолий Власович — д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, e-mail: Anatolij.Zhukov@novsu.ru

Жукова Марина Евгеньевна — к.п.н., доц. кафедры русского языка Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, mail: Marina.Zhukova@novsu.ru

Жандарова Яна Валерьевна — ассист. кафедры социологии Новгородского технического университета, e-mail: ya_zh@ngs.ru

Калугина Земфира Ивановна — д.с.н., гл.н.с. отдела социальных проблем ИЭОПП СО РАН, проф. Новосибирского государственного университета, e-mail: zima@ieie.nsc.ru

Киселёв Александр Георгиевич — к.и.н., доц., зав. кафедры истории и политологии Югорского государственного университета, e-mail: kiselev1954@mail.ru

Коршкова Елена Анатольевна — к.ф.н., доц. кафедры английской филологии филологического факультета Курганского государственного университета, e-mail: ea7878@mail.ru

Кулакова Елена Евгеньевна — к.ф.н., член Союза писателей России, доц. кафедры русского языка, литературы и методик их преподавания Магнитогорского государственного университета, тел. 8(3519) 23-63-24, e-mail: elenaevgeneva@mail.ru

Куныгина Ольга Владимировна — к.ф.н., доц. кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета, e-mail: dagmara74@list.ru

Николаев Василий Владимирович — асп. отдела этнографии ИАЭТ СО РАН, e-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Ничипорчик Елена Владимировна — к.ф.н., доц. кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, e-mail: evnich@gmail.com

Овчарова Мария Александровна — ст.н.с. Новосибирского краеведческого музея, e-mail: masha_pa@mail.ru

Октябрьская Ирина Вячеславовна — д.и.н., доц., зав. отделом этнографии ИАЭТ СО РАН, e-mail: siem405@yandex.ru

Охотников Андриан Юрьевич — н.с. отдела этнографии ИАЭТ СО РАН, e-mail: tindrum@mail.ru

Поппашвили Нино Автандиловна — доктор, гл. спец. по учебной части Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили, e-mail: ninuza@yahoo.com

Пелихов Денис Александрович — ст. преп. кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета.

Попова Наталья Григорьевна — ст. преп. кафедры педагогики и психологии художественного творчества Новосибирского педагогического государственного университета, e-mail: ng-porova@yandex.ru

Празян Нарине Овиковна — соискатель кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, тел. +7 (495) 710-94-19, e-mail: prazyan@mail.ru

Пьянков Степан Александрович — асп. кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета, тел. +79086323318, e-mail: kliostefan@mail.ru.

Романенко Светлана Николаевна — асп. кафедры русского языка Псковского государственного педагогического университета им. С.М. Кирова, тел. 8-911-380-38-20, e-mail: pskovsveta69@rambler.ru

Садовой Александр Николаевич — д.и.н., проф. кафедры социальных наук Кемеровского государственного университета, email: sdv@kemsu.ru

Смирнова Наталья Евстафьевна — н.с. отдела социальных проблем ИЭОПП СО РАН, e-mail: soboleva@ieie.nsc.ru

Соболева Светлана Владимировна — д.э.н., гл.н.с. отдела социальных проблем ИЭОПП СО РАН, проф. НГУ, e-mail: soboleva@ieie.nsc.ru

Сорокина Ирина Анатольевна — к.и.н., с.н.с., зав. музейной группой ИА РАН, e-mail: IASorokina@yandex.ru

Тапилина Вера Сергеевна — ст.н.с. отдела социальных проблем ИЭОПП СО РАН, e-mail: tapilina@ieie.nsc.ru

Тазьмина Ирина Борисовна — к.ф.н., доц., зав. кафедрой русского языка и методики преподавания Хакасского государственного университета, e-mail: irinabotaz@mail.ru

Тихомиров Сергей Александрович — к.ф.н., ст. преп. кафедры русского языка Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева, тел. 8-927-195-31-31, e-mail: quantor@inbox.ru

Феклин Михаил Борисович — к.ф.н., доц. кафедры теории истории английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета, тел. 8-910-888-48-48, e-mail: feklin@sandy.ru

Хатиашвили Хатия Александровна — академический доктор, гл. спец. по учебной части Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили, e-mail: khatiakhatiashvili@rambler.ru

Хохлов Александр Александрович — к.и.н., доц. кафедры анатомии, физиологии и гигиены человека Самарского государственного педагогического университета, тел. 8 (8462) 224-07-06, e-mail: khokhlov_aa@mail.ru

Чепасова Антонина Михайловна — д.ф.н., проф. кафедры русского языка и МПРЯ Челябинского государственного университета, тел. (8-351) 232-55-63.

Чепель Александр Иванович — асп. кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета А.И. Герцена, e-mail: Achepel@mail.ru

Швыдкая Любовь Ивановна — к.ф.н., проф. кафедры английского языка Магнитогорского государственного университета, тел. 8 (3519) 35-16-69, e-mail: english@masu.ru

Шулежкова Светлана Григорьевна — д.ф.н., проф. кафедры общего языкознания и истории языка Магнитогорского государственного университета, тел. (8-35-19) 35-14-80, e-mail: ozo@masu.ru

Юнусова Резеда Джаудатовна — асп. кафедры сопоставительной лингвистики и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета, e-mail: Rezedayunusova@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЮЗР	—	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
ВЛ	—	Вопросы литературы. Москва
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры
ИАК	—	Императорская Археологическая комиссия
ИИМК	—	Институт истории материальной культуры Институт археологии Академии наук СССР (Российской академии наук)
МАО	—	Московское археологическое общество
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск
РА	—	Российская археология
РАИМК	—	Российская академия истории материальной культуры
РАК	—	Российская археологическая комиссия
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов
РИБ	—	Российская историческая библиотека
СА	—	Советская археология. Москва
СПб ИИ РАН	—	Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Хохлов А.А.</i> (Самара) — Палеоантропологические материалы финала поздней бронзы лесостепного Поволжья	3
<i>Сорокина И.А.</i> (Москва) — Императорская Археологическая комиссия и становление полевых исследований в отечественной археологии	13

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Болгова А.М.</i> (Белгород) — Софисты и епископы в риторической школе ранневизантийской Газы	22
---	----

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Чепель А.И.</i> (Санкт-Петербург) — Проблема перебежчиков в русско-шведских отношениях: от Столбовского до Кардисского мира (по материалам архива Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук)	29
<i>Алмазов А.С.</i> (Москва) — Судебные функции гетмана Левобережной Украины Ивана Самойловича (1672–1687)	41
<i>Пьянков С.А.</i> (Екатеринбург) — Структура населения крестьянского двора Пермской губернии по данным земских переписей конца XIX — начала XX вв.	47
<i>Киселев А.Г.</i> (Ханты-Мансийск) — Время сибирского предпринимательства. Конец XIX — начало XX вв.	54
<i>Дунюшкин И.Е.</i> (Екатеринбург) — Феномен абречества и уроки борьбы с ним на северо-восточном Кавказе в начале XX века	61

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Кулакова Е.Е.</i> (Магнитогорск) — Детское начало и образ князя Мышкина в художественном мире романа Ф.М. Достоевского «Идиот»	71
<i>Авраменко Ю.И.</i> (Магнитогорск) — Двоемирие в романе Генриха Бёлля «Дом без хозяина»	82
<i>Феклин М.Б.</i> (Нижний Новгород) — Итальянские мотивы в творчестве Генри Джеймса и И.С. Тургенева	89

ЛИНГВИСТИКА

<i>Дубровина К.Н.</i> (Москва) — Основные принципы создания «энциклопедического словаря библейских фразеологизмов»	94
<i>Тазьмина И.Б.</i> (Абакан) — О категории образности в древнерусском языке	98
<i>Романенко С.Н.</i> (Псков) — О формах дательного, творительного и местного падежей множественного числа имен существительных в хозяйственных книгах Псково-Печерского монастыря XVII века	102
<i>Боярская О.В.</i> (Челябинск) — Устойчивые словосочетания в южноуральских полевых журналах землемеров конца XVIII — первой половины XIX века	114
<i>Коришкова Е.А.</i> (Курган) — Фразеологизмы с компонентом «роза» в русской лирике (на материале поэзии В. Ходасевича)	119

<i>Тихомиров С.А.</i> (Москва) — Моделирование «реальности текста» на примере гиперболической семантики имен прилагательных: лексико-грамматический и фразеологический аспекты	123
<i>Жуков А.В.</i> (Великий Новгород) — Фразеологические фантомы	128
<i>Юнусова Р.Д.</i> (Казань) — Семантика фразеологизмов о гостеприимстве: аксиологический аспект	133
<i>Байрамова Л.К.</i> (Казань) — Отражение во фразеологическом словаре ценностей и антиценностей	136
<i>Ваулина Т.Л.</i> (Магнитогорск) — Экспрессивная функция знаков препинания в организации присоединительных конструкций	141
<i>Швыдкая Л.И.</i> (Магнитогорск) — От образного сравнения к идиоме	147
<i>Жукова М.Е.</i> (Великий Новгород) — День России в калейдоскопе фразеологических образов на газетной полосе	154
<i>Пелихов Д.А.</i> (Челябинск) — Лексико-семантическая категория отвлечённого действия в корневых словообразовательных гнездах семантического поля «восстановление здоровья» в восточнославянских языках	158
<i>Попиашвили Н., Хатиашвили Х.</i> (Тбилиси, Грузия) — Двухязычный дискурс и две коммуникативные системы	165
<i>Аглеева З.Р.</i> (Астрахань) — Особенности колором в составе фразем разноструктурных языков как предмет фразеографического описания	169
<i>Алёшин А.С.</i> (Санкт-Петербург) — Система образов-эталонов устойчивых сравнений шведского языка, характеризующих человека	175
<i>Ничипорчик Е.В.</i> (Гомель, Беларусь) — Аксиологический портрет женщины в итальянских и русских поговорках (в поисках субъекта оценки)	181
<i>Празян Н.О.</i> (Москва) — Использование метафоры в речи политических лидеров (на примере метафоры движения в выступлениях президента США Барака Обамы)	195

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

Международный круглый стол

*«Региональные факторы формирования демографических, этнических и социальных рисков развития человеческого потенциала» в рамках международного семинара «Север и Юг: диалог культур и цивилизаций»
(14–16 мая 2009 г., Новосибирск)*

Часть II

<i>Николаев В.В.</i> (Новосибирск) — Оценка демографического потенциала коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX — начало XXI вв.)	210
<i>Волжанина Е.А.</i> (Тюмень) — Факторы, влияющие на численность ненцев ямала в XX — начале XXI вв.	214
<i>Овчарова М.А.</i> (Барнаул) — Мордва Алтайского края: этнодемографическая динамика XX в.	217
<i>Гужвенко Ю.Н.</i> (Барнаул) — Миграция из Центральной Азии в Алтайский край: Направления и перспективы развития для региона	221
<i>Октябрьская И.В., Смирнова Н.Е., Антропов Е.В.</i> (Новосибирск) — Этносоциальные аспекты оценки человеческого потенциала Сибирского Федерального Округа	225
<i>Калугина З.И., Соболева С.В., Тапилина В.С.</i> (Новосибирск) — Селькупы Томской области. Опыт оценки человеческого потенциала коренных малочисленных народов Сибири	230
<i>Садовой А.Н.</i> (Кемерово) — Проблемы устойчивого развития коренных народов Сибири. Традиционные системы жизнеобеспечения	238
<i>Охотников А.Ю.</i> (Новосибирск) — Сибирские немцы: опыт социальной адаптации в контексте миграционных процессов	243

<i>Соболева С.В.</i> (Новосибирск) — Человеческий потенциал иммиграции из Азии в Сибирь . .	248
<i>Жандарова Я.В., Попова Н.Г.</i> (Новосибирск) — Этническая идентичность и ценностные ориентации городской молодежи Сибири (на примере молодежи Сургутского района ХМАО-ЮГРЫ)	253

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Арцыбашев И.Г.</i> (Екатеринбург) — Этимологические дефиниции толерантности и терпимости: альтернативность ценностного содержания	259
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Фролов Р.М.</i> (Москва) — R. Morstein-Marx. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge, 2004.	264
<i>Вальтер Х.</i> (Германия) — Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка: свыше 350 единиц. Научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ / Отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколлегии: А.А. Осипова, Л.Н. Мишина. Магнитогорск: МаГУ, 2009	277
<i>Алексеев М.А.</i> (Шецин) — Л.К. Байрамова, Н.Ф. Халиуллова. Словарь русского и английского жаргона наркоманов. Словарь антиценностей. Казань: Центр инновационных технологий, 2009	280
<i>Шулежкова С.Г.</i> (Магнитогорск) — Л.П. Дядечко. Крылатые слова нашего времени: Толковый словарь: Более 1000 единиц. М.: НТ Пресс, 2008. 797 с.	282
<i>Чепасова А.М.</i> (Челябинск) — В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка/ под ред. С.Г. Шулежковой: ок. 5000 ед.: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск: МаГУ, 2008	285
<i>Шулежкова С.Г.</i> (Магнитогорск) — И.А. Шушарина. Введение в славянскую филологию: учеб. пособие. Курган: Курганский гос. ун-т, 2009	289

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Куныгина О.В.</i> (Челябинск) — Международный симпозиум «Русская лексикография и фразеология в контексте славистики: теория и практика»	292
Памяти Владимира Петровича Костюкова (12.12.1949 — 15.12.2009)	296
Сведения об авторах	304

 CONTENTS

HISTORY

ANCIENT HISTORY AND ARCHAEOLOGY

<i>A.A. Khokhlov</i> (Samara) — Paleoanthropological Data of Late Bronze Age Final Period from Forest-steppe Povolzhye	3
<i>I.A. Sorokina</i> (Moscow) — Imperial Archeological Commission and Home Archeological Fieldwork	13

EARLY MIDDLE AGES

<i>A.M. Bolgova</i> (Belgorod) — Sophists and Bishops in Rhetorical School of Early Byzantine Gaza ..	22
---	----

HISTORY OF RUSSIA

<i>A.I. Chepel</i> (Saint Petersburg) — Defectors Issue in Russian-Swedish Relations: from Stolbovo Peace Treaty to Kardis (based on the archives of Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Science)	29
<i>A.S. Almazov</i> (Moscow) — Legal Functions of Ivan Samoylovich (1672–1687), Left-Bank Ukraine Hetman	41
<i>S.A. P'yankov</i> (Yekaterinburg) — Perm Gubernia Peasant Homestead Population Structure (based on zemstvo census data from the late 19 th to the early 20 th century)	47
<i>A.G. Kiselyov</i> (Khanty-Mansijsk) — The Epoch of Siberian Enterprise (late 19 th — early 20 th cc.) .	54
<i>I.Ye. Dunyushlin</i> (Yekaterinburg) — Abreks and Experience of Fighting against them in the North-East Caucasus at the Beginning of the 20 th Century.....	61

PHILOLOGY

HISTORY OF LITERATURE

<i>Ye.Ye. Kulakova</i> (Magnitogorsk) — The Child Basis and Prince Myshkin in the Literary World of Dostoyevsky's "Idiot"	71
<i>Yu.I. Avramenko</i> (Magnitogorsk) — Two Worlds in Heinrich Böll's Novel "House without Guardians"	82
<i>M.B. Feklin</i> (Nizhnij Novgorod) — Italian Motifs in the Works of Henry James and I.S. Turgenev	89

LINGUISTICS

<i>M.B. Dubrobina</i> (Moscow) — General Principles of Compiling Encyclopedic Dictionary of Biblical Set Phrases	94
<i>I.B. Tazmina</i> (Abakan) — Imagery Category in Old Russian	98
<i>S.N. Romanenko</i> (Pskov) — Dative, Instrumental and Prepositional (locative) Noun Plural in the 17 th c. Inventory Books of Pskov-Pechory Monastery	102
<i>S.N. Boyarskaya</i> (Chelyabinsk) — Set Phrases in South-Ural Land Surveyors Logbooks of the Late 18 th — Early 19 th cc	114
<i>E.A. Korshkova</i> (Kurgan) — Set Expression with the Component "Rose" in Russian Lyrics (based on V. Khodasevich)	119
<i>S.A. Tikhomirov</i> (Moscow) — "Real World" Text Modeling (Based on Hyperbolic Meaning of Adjectives)	123
<i>A.V. Zhukov</i> (Veliky Novgorod) — Phraseological Phantoms.....	128

<i>R.D. Yunusova</i> (Kazan) — Set Expressions Denoting Hospitality (Semantics and Axiology)	133
<i>L.K. Bayramova</i> (Kazan) — Values and Anti-values in a Phraseological Dictionary	136
<i>T.L. Vaulina</i> (Magnitogorsk) — Punctuation Expressive Function in Conjoint Constructions	141
<i>L.I. Shvydkaya</i> (Magnitogorsk) — From Comparison to Idiom	147
<i>M.E. Zhukova</i> (Veliky Novgorod) — Day of Russia in the Newspaper Kaleidoscope of Phraseological Images	154
<i>D.A. Pelikhov</i> (Chelyabinsk) — Lexico-Semantic Category of Abstract Action in Word Families within a Semantic Field "Health Recovery" of Eastern Slavic Languages	158
<i>N. Popiashvili, K. Khatiashvili</i> (Tbilisi, Georgia) — Bilingual Discourse and Two Communication Systems	165
<i>Z.R. Agleyeva</i> (Astrakhan) — Frazeme Colouremes Of Dissimilar Structure Languages as an Object of Phraseographic Description	169
<i>A.S. Alyoshin</i> (St.-Peterburg) — Image-Prototype System of Swedish Fixed Comparisons Characterizing Human Beings	175
<i>E.V. Nichiporchik</i> (Gomel, Belarus) — Axiological Portrait of a Woman through Italian and Russian Paremiias (in search of an evaluation subject)	181
<i>N.O. Prazyan</i> (Moscow) — Metaphors in Political Leaders Speech (movement metaphors used by US President Barak Obama)	195

CULTURE

ETHNOLOGY

International Round Table

"Region Factors of Forming of Demographic, Ethnic and Social Risks of Human Potential Development". Papers of International Seminar "North and South: the Dialog of Cultures and Civilizations" (May, 14–16, 2009, Novosibirsk)

Part II

<i>V.V. Nikolayev</i> (Novosibirsk) — Demographic Potential of North Altai Foothill Natives (19 th — early 21 st cc.)	210
<i>Ye.A. Volzhanina</i> (Tjumen) — Factors Affecting Yamal Nenets Population in the 20 th — Early 21 st cc.	214
<i>M.A. Ovcharova</i> (Barnaul) — Mordvinians of the Altai Territory: 20 th c. Ethno-demographic Dynamics	217
<i>Yu.N. Guzhvenko</i> (Barnaul) — Migration from Central Asia to Altai Territory Region Development Prospects	221
<i>I.V. Oktyabrskaya, N.Ye. Smirnova, Ye.V. Antropov</i> (Novosibirsk) — Ethno-social Aspects of Human Potential Evaluation in Siberian Federal Area	225
<i>Z.I. Kalugina, S.V. Soboleva, V.S. Tapilina</i> (Novosibirsk) — Tomsk Oblast Selkups Native Siberian Ethnic Minorities Potential	230
<i>A.N. Sadovoy</i> (Kemerovo) — Issues Concerning Siberian Native Ethnic Groups Steady Development. Traditional Life-Support Systems	238
<i>A.Yu. Okhotnikov</i> (Novosibirsk) — Siberian Germans: Social Adaptation in the Context of Migration Processes	243
<i>S.V. Sobolyeva</i> (Novosibirsk) — Human Potential Characteristics of Immigration to Siberia from Asia	248
<i>Ya.V. Zhandarova, N.G. Popova</i> (Novosibirsk) — Ethnic Identity and Value System of Urban Youth in Siberia (based on the youth of Khmao-Yugra district of Surgut)	253

PHILOSOPHY OF CULTURE

<i>I.G. Artsybashev</i> (Yekaterinburg) — Etymology of the Terms Tolerance and Indulgence (alternative value content).....	259
--	-----

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>R.M. Frolov</i> (Moscow) — R. Morstein-Marx. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambridge, 2004.....	264
<i>H. Walter</i> (Greifswald) — Frazelogicheskii Slovar Staroslavynskogo Yazyka: Svyshe 350 edinitz. Nauchno-issledovatel'skaya Slovarnaya Laboratoriya MaGU / otv. red. S.G. Shulezhkova: chleny redkollegii: A.A. Osipova, L.N. Mishina. Magnitogorsk: MaGU, 2009	277
<i>M.A. Alekseenko</i> (Szczecin) — L.K. Bairamova, N.F. Khaliullova. Slovar Russkogo i Angliiskogo Narkomannov. Slovar Antitzennostei. Kazan: Tzentr Innovatziionnykh Tekhnologii, 2009.....	280
<i>S.G. Shulezhkova</i> (Magnitogorsk) — L.P. Dyadechko. Krylatye Slova Nashego Vremeni: Tolkovi Slovar: Bolee 1000 edinitz, Moscow: NT Press, 2008.....	282
<i>A.M. Chepasova</i> (Chelyabinsk) — V.P. Berkov, V.M. Mokienko, S.G. Shulezhkova. Bolshoi Slovar Krylatykh Slova i Vyrazhenii Russkogo Yazyka / pod red. S.G. Shulezhkovo: okolo 5000 ed.: v 2-kh — 2-e izd., ispr. i dop. Magnitogorsk: MaGU, 2008–2009	285
<i>S.G. Shulezhkova</i> (Magnitogorsk) — I.A. Shusharina. Vvedenie v Slavyanskuyu Filologiyu: Ucheb. Posobie. Kurgan: KGU, 2009.....	289

SCIENTIFIC EVENTS

<i>O.V. Kunygina</i> (Chelyabinsk) — International Symposium “Russian Lexicography and Phraseography in the Context of Slavic Studies: Theory and Practice” (Magnitogorsk State University, 18–20 of November, 2009).....	292
In the Memory of Vladimir Petrovich Kostyukov (12.12.1949 – 15.12.2009).....	296
Authors	304

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала "Проблемы истории, филологии, культуры" обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Рукописи представляются в 1 экземпляре, а также в электронной форме на CD или другом носителе; текст должен быть напечатан в формате WORD (doc), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode. Когда статья присылается по почте, необходимо отправлять ее простой (не заказной) бандеролью.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии - 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, в том виде, в каком он должен быть указан в публикации.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.

Библиография.

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L. - N.Y.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97-145.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. "Родственники" и "друзья" // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

1. Рукопись (общим объемом до I а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Cyr., 14-йкегль) и распечатанном на принтере (класса 1-9-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается диск. Текст должен занимать 29-30 строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.
2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, примечаний, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.
3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи строчными буквами. Например:

А. А. Хохлов (Самара)

Палеоантропологические материалы финала поздней бронзы лесостепного Поволжья

4. Ссылки на оригинальные работы древних авторов, рукописи, памятники письменности, Библейские тексты приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.
5. В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН. Список сокращений обязателен.
6. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия и имена давать или в переводе, или с пояснением. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.
7. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.
8. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции: 455038. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 114, ауд. 510
<http://science.masu.ru/pifk/>, pifk.science74.ru
e-mail: history@masu.ru; c_hist@masu.ru
Тел. (3519) 34-38-49

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2009

Сдано в набор 20.10.2009. Подписано в печать 26.11.2009.
Формат 70х100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,7. Уч.-изд. л. 24,8.
Бумага тип. №2. Тираж 940 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО "Аналитик". 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.

На 1-ой с. обложки: На 1-ой с. обложки: Корея. XII в. Селадоновая курильница. Высота 15,3 см. Музей Токсугун, Сеул.

На 4-ой с. обложки: Япония. VII — начало VIII в. н.э. Роспись гробницы Такамацутзука (работа корейских мастеров?), открытая в 1972 г. около г. Нара.